

ТАШКЕНТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан
Узбекский государственный университет мировых языков
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Денауский институт предпринимательства и педагогики
Уральский государственный экономический университет

XVII ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции

(Ташкент, 21 мая 2021 г.)

Ташкент — Екатеринбург
2021

Виктор Владимирович Виноградов

*русский литературовед и языковед-русист,
академик АН СССР, доктор филологических наук,
основоположник научной школы в русском языкознании*

Рост духовной культуры, выражаясь в изменениях языка, порождает вместе с тем обостренную требовательность и интерес к слову, к произведениям словесно-художественного творчества. В эпоху глубокого преобразования жизни общественная роль филологии как науки о языке и литературе, о словесной культуре народов, а также о методах истолкования литературных произведений становится особенно важной и влиятельной.

В. В. Виноградов

Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы
Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан
Узбекский государственный университет мировых языков
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Денауский институт предпринимательства и педагогики
Уральский государственный экономический университет

XVII ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции

(Ташкент, 21 мая 2021 г.)

Ташкент – Екатеринбург
2021

УДК 8:37.091.3
ББК 80/84:74.026
В49

Ответственный редактор

член-корр. РАПСН, профессор *Н. М. Миркурбанов*

Редакционная коллегия:

председатель ТОПРЯЛ, доктор филологических наук, доцент

Н. М. Петрухина,

доктор филологических наук, доцент *Е. Н. Макарова,*

старший преподаватель *И. В. Родина*

Рецензент

доктор филологических наук, профессор *С. Э. Камилова*

В49 XVII Виноградовские чтения : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 21 мая 2021 г.) / отв. ред. Н. М. Миркурбанов ; редкол. : Н. М. Петрухина, Е. Н. Макарова, И. В. Родина ; Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы, Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан, Узбекский гос. ун-т мировых языков, Нац. ун-т Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Денауский ин-т предпринимательства и педагогики, Урал. гос. экон. ун-т. – Ташкент – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – 352 с.

Данный сборник включает в себя научные доклады и статьи, представленные на XVII Международных Виноградовских чтениях, прошедших 21 мая 2021 г. в Республике Узбекистан (г. Ташкент). Материалы освещают научно-теоретические и методические разработки преподавателей-практиков, ведущих и начинающих ученых в области литературоведения, лингвистики, методики и смежных наук.

Для филологов, методистов, преподавателей всех образовательных ступеней, а также всех интересующихся вопросами современной филологической и методической науки.

**УДК 8:37.091.3
ББК 80/84:74.026**

© Авторы, указанные в содержании,
2021

© Уральский государственный
экономический университет, 2021

СЕМНАДЦАТЫЕ ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы выражает признательность и благодарность всем специалистам, принимающим участие в работе XVII Виноградовских чтений, проблемное поле которых представлено актуальными вопросами филологической науки XXI века, методики преподавания языка и литературы, а также ориентировано на новационную интерпретацию концептуальных филологических проблем в реалиях гуманитарной научной мысли эпохи интеграции и глобализации.

Чтения в первую очередь посвящены памяти крупнейшего филолога XX века В. В. Виноградова, без знания теоретических научных трудов которого немисливо развитие современной филологической науки. Имя В. В. Виноградова принадлежит не только русской, но и всей мировой филологической науке.

Председатель ТОПРЯЛ Н. М. Петрухина

Н. М. Миркурбанов

Модератор XVII Виноградовских чтений, профессор

Уважаемые гости, дорогие коллеги!

Хочу поздравить вас со знаменательным событием – началом работы XVII Международных Виноградовских чтений и от имени организационного комитета конференции поблагодарить всех присутствующих за то, что нашли время и возможность стать участниками ежегодного форума русистов Узбекистана!

Известно, что Президент Республики Узбекистан Шавкат Миромонович Мирзиёев своим указом утвердил концепцию развития системы народного образования Узбекистана до 2030 года, которая предусматривает вхождение Узбекистана к 2030 году в ряд первых 30 ведущих стран мира по рейтингу Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA (The Programme for International Student Assessment).

«Дорожная карта» по реализации концепции, наряду с многими образовательными задачами, предусматривает также кардинальное, качественное обновление содержания системы непрерывного образования путем научного изучения и практического внедрения в учебный процесс передового зарубежного опыта в этой области.

Для должного и своевременного выполнения намеченных задач необходимы тесные интеграционные связи с зарубежными учебными заведениями и, в первую очередь, с российскими вузами и научно-методическими центрами.

Программы пленарного и секционных заседаний нынешних Чтений в полной мере отвечают требованиям «дорожной карты», утвержденной Президентом Республики. Вы услышите и увидите выступления российских и узбекских ученых, учителей практиков и представителей творческой интеллигенции Республики.

О. С. Мальгинов
Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации
в Республике Узбекистан

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую участников XVII Виноградовских чтений, которые проводятся в память о великом русском ученом, академике Викторе Владимировиче Виноградове.

Хорошо известно, что В. В. Виноградов – одна из наиболее значимых фигур в филологической науке XX века, на трудах которого выросло не одно поколение русистов. Его идеи дали творческий импульс для разработки и развития большинства направлений русского языкознания во второй половине прошлого века, как в самой России, так и за ее пределами. На сегодняшний день на пространстве СНГ нет ни одного филологического вуза, где не трудились бы его ученики. Среди его воспитанников и большая плеяда узбекских ученых-лингвистов и литературоведов.

Проведение в Ташкенте Виноградовских чтений, уже ставшее доброй традицией, – уникальное явление для всего центральноазиатского региона. За это время форум, объединяющий ведущих филологов-русистов из России и Узбекистана, по праву заслужил статус авторитетной дискуссионной площадки, где не только подводятся итоги научных изысканий за год, но и обсуждаются новые методики преподавания, закаляется молодая научная смена.

Всё это свидетельствует о том, что русский язык в Узбекистане не на бумаге, а на деле – остается универсальным инструментом межнационального общения. А у наших стран, лидерам которых не нужен переводчик во время их встреч, отличные перспективы развития связей во всех сферах двустороннего сотрудничества.

Желаю участникам сегодняшнего научного форума плодотворной работы, взаимопользованных дискуссий и новых творческих удач в освоении высот русского языка и литературы.

Также хочу пожелать успехов в работе филиалу Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина, в стенах которого в этом году проводятся «Виноградовские чтения».

Убежден, что сотрудничество в области образования, ярким примером которого является плодотворная деятельность Ташкентского филиала НИУ им. И. М. Губкина, на долгие годы станет тем крепким связующим звеном, что позволяет России и Узбекистану по праву считаться близкими по духу странами.

Удачи вам, дорогие друзья, и творческого вдохновения!

Е. Б. Дридзе

Исполняющий обязанности руководителя
Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Уважаемые дамы и господа! Дорогие соотечественники!

От имени Правительства Москвы приветствую участников, организаторов и гостей научно-практической конференции «XVII Виноградовские чтения».

Виноградовские чтения, посвященные памяти выдающегося русского ученого-филолога, академика В. В. Виноградова проходят в Ташкенте уже в 17-й раз, поэтому с полной уверенностью можно сказать, что этот долгосрочный проект стал прекрасной традицией. Имя академика В. В. Виноградова объединяет признанных специалистов-филологов, преподавателей, ученых в их стремлении повысить научно-практическую значимость преподавания русского языка в Узбекистане.

Важно и то, что конференция поддерживается Посольством Российской Федерации в Республике Узбекистан, представительством Россотрудничества.

Одним из многолетних проектов в области продвижения русского языка в мире является Международный Пушкинский конкурс среди учителей русского языка и литературы школ с русским языком обучения за рубежом, в котором представители Узбекистана были одними из первых участников и ежегодно становились лауреатами.

В последние несколько лет Москва активизировала свое участие в поддержке русского языка в Узбекистане. Так, в 2019 году в рамках конференции по русскому языку, прошли лекции по повышению квалификации учителей русского языка, выступление преподавателей московских вузов было встречено с огромным профессиональным интересом.

Хочу заверить вас, уважаемые друзья, что Москва и в дальнейшем будет развивать лучшие традиции, накопленные за годы нашего сотрудничества, и вместе с вами находить новые формы и возможности для их расширения и укрепления.

Разрешите пожелать дальнейших успехов в вашей благородной деятельности, благополучия, крепкого здоровья вам и вашим семьям!

Ю. И. Каплун

Первый заместитель директора Московского дома соотечественников,
государственный советник Российской Федерации II класса

Уважаемые дамы и господа! Дорогие соотечественники!

От имени Московского дома соотечественников приветствую участников, организаторов и гостей научно-практической конференции «XVII Виноградовские чтения».

Имя академика В. В. Виноградова объединяет признанных специалистов-филологов, преподавателей, ученых в их стремлении повысить научно-практическую значимость преподавания русского языка в Узбекистане, и поэтому Виноградовские чтения стали долгосрочным проектом, прекрасной традицией. Чтения, посвященные памяти выдающегося русского ученого-филолога, академика В. В. Виноградова проходят в Ташкенте уже в 17-й раз при поддержке Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан, Представительства Россотрудничества.

Хочется отметить многолетний опыт участия учителей Узбекистана в Международном Пушкинском конкурсе по продвижению русского языка в мире и занятию ими призовых мест. Важно подчеркнуть, что русский язык в Узбекистане является универсальным инструментом межнационального общения, который используется в СМИ, системе образования. Во всех вузах Республики Узбекистан русский является обязательным предметом, а школ с русским языком обучения насчитывается 900. На русском языке выпускаются газеты, журналы и книги, работает большинство интернет-сайтов, в их числе сайты Русских культурных центров и Координационного совета организаций российских соотечественников в Узбекистане. В Республике функционируют объединения преподавателей русского языка и литературы в Ташкенте, Самарканде.

Мы очень высоко ценим вклад организаций соотечественников в сохранение русского языка, в частности, позвольте отметить работу Центра русского языка при Русском культурном центре Узбекистана. Практически ни одна конференция проживающих в Узбекистане российских соотечественников не обходится без обсуждения вопросов продвижения русского языка и наших духовных ценностей.

Москва и дальше намерена поддерживать и расширять сотрудничество с нашими соотечественниками за рубежом по всем направлениям, в том числе по поддержке русского языка, культуры и образования.

Хочу пожелать участникам Виноградовских чтений новых открытий и, успехов в изучении и использовании великого русского языка, и, конечно, здоровья!

Уважаемые участники XVII Виноградовских чтений!

Приветствую вас на ежегодной научно-практической конференции, объединяющей русистов Узбекистана.

Узбекский государственный университет мировых языков поддерживает проведение Виноградовских чтений, поскольку в условиях современной глобализации необходимость знания иностранных языков, их значимости в гуманитарной составляющей международных отношений, в частности, русского языка в мировом сообществе вполне очевидна. Неоспоримой является и важная роль русского языка как языка межнационального общения для народов Узбекистана.

Уверен, что XVII Виноградовские чтения будут способствовать объединению российских и узбекистанских преподавателей вокруг темы сохранения и развития русского языка, как языка межнационального и международного общения.

Сегодня хотелось бы особо подчеркнуть, что в Университете мировых языков, на факультете русской филологии проводится разноплановая и всесторонняя работа в продвижении и популяризации русского языка в тесном взаимодействии с государственными образовательными учреждениями и общественными организациями, такими, как Ташкентское объединение преподавателей русского языка и литературы, Русский культурный Центр Узбекистана. Многие мероприятия проводятся на площадке Центра русского языка в нашем университете, открытом в 2017 году при поддержке Россотрудничества в Республике Узбекистан.

В Республиканском научно-практическом центре развития инновационных методик обучения иностранным языкам при УзГУМЯ функционируют на постоянной основе курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка и литературы нашей республики с участием представителей российских вузов.

В программе конференции заявлены доклады ученых ведущих российских вузов и вузов Узбекистана, и я уверен, что наш сегодняшний форум станет научным и культурно значимым событием в рамках сотрудничества наших государств.

Желаю успехов в работе конференции!

Г. Х. Рахимов

Ректор Денауского института предпринимательства и педагогики

Уважаемые участники XVII Виноградовских чтений!

Денауский институт предпринимательства и педагогики, как организатор конференции, приветствует русистов Узбекистана на ежегодной научно-практической конференции «Виноградовские чтения».

Форум русистов Узбекистана является площадкой, на которой реализуется активное взаимодействие в образовательном пространстве вузов Узбекистана с ведущими научными и образовательными вузами России по актуальным проблемам лингвистики, литературоведения и методики преподавания русского языка и литературы.

В современном образовательном пространстве «Виноградовские чтения» привлекают к русскому языку всё большее внимание, обуславливают дальнейший рост интереса к его изучению. Требование времени актуализирует проведение разноплановой работы в продвижении и популяризации русского языка не только на уровне государственных образовательных учреждений, но и в тесном взаимодействии с общественными структурами в нашей Республике и за ее пределами в аспекте организации образовательных проектов для изучения русского языка, создания доступных платформ для разных возрастных групп населения, желающих изучать русский язык, причем не только в столице, но и на региональном уровне.

Сегодня, мы много делаем в этом направлении: организовываем курсы повышения квалификации с приглашением представителей российских вузов, расширяем инновационно-корпоративное сотрудничество в совместной научно-исследовательской и образовательной деятельности.

Я абсолютно убежден, что будущее образования за интеграцией в мировое научно-образовательное сообщество, за инновациями в сотрудничестве. Думаю, что в ходе пленарного и секционных заседаний научно-практической конференции «XVII Виноградовские чтения» будут не только обозначены проблемные аспекты в области преподавания русского языка и русской литературы, но и предложены пути их решения!

Желаю участникам конференции плодотворной работы и ярких открытий!

Я. П. Силин

Ректор Уральского государственного экономического университета

Приветственное слово участникам XVII Виноградовских чтений

Уважаемые организаторы и участники Международной научно-практической конференции филологов-русистов «XVII Виноградовские чтения – 2021»!

От коллектива Уральского государственного экономического университета и от себя лично приветствую вас и поздравляю с открытием этой важной площадки для обсуждения актуальных проблем современной русистики.

В 2020 году Виноградовские чтения, являющиеся одной из крупнейших площадок по продвижению русского языка в странах Центральной Азии, впервые проходили дистанционно. Несмотря на новый формат общения, участники форума, среди которых были представители УрГЭУ, смогли и в дистанционном формате плодотворно поработать и обсудить важнейшие аспекты и тенденции функционирования русского языка в эпоху глобализации. В этом году представители Уральского государственного экономического университета также имеют возможность встретиться с участниками конференции и поделиться педагогическими находками, выработать план мероприятий, реализация которого будет способствовать тому, чтобы статус русского языка в республике Узбекистан повышался, чтобы представители молодого поколения вашей республики говорили и читали по-русски, познавали русскую культуру, а через язык и культуру – российское общество.

Конференция посвящена памяти академика В. В. Виноградова. В его трудах подчеркнута объединяющая сила русского языка, его огромный потенциал в укреплении межнациональных связей. Этот потенциал необходимо эффективно использовать, в том числе, в процессе ведения конструктивного межгосударственного диалога. Роль и значение русского языка неоспоримы в укреплении сотрудничества между нашими странами – Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Уверен, что усилия организаторов конференции направлены не только на открытый диалог между представителями российского и узбекского научно-педагогических сообществ, но нацелены на дальнейшее развитие многосторонних отношений между нашими странами, которые имеют общую историю. В новых условиях вопросы о ро-

ли русского языка в мировом пространстве, его статусе в качестве языка межнационального общения приобретают особую актуальность.

Виноградовские чтения являются площадкой для диалога между вузами Российской Федерации и Республики Узбекистан. Участники конференции имеют уникальный шанс обмениваться опытом учебно-методической деятельности, обсуждать способы повышения эффективности методики преподавания русского языка и литературы в условиях цифровизации современного образования, говорить об особенностях обучения в дистанционном формате. Эти вопросы чрезвычайно актуальны и для нас, поскольку мы придаем важнейшее значение особенностям организации обучения студентов из Республики Узбекистан в нашем вузе, уделяем большое внимание проблемам их языковой и культурной адаптации в Российской Федерации. Вопрос о качественном обучении русскому языку и внедрении в образовательный процесс новых технологий актуален как для российских педагогов, так и методистов и практиков Узбекистана.

Заклучая свое приветствие, хочу выразить благодарность представительству Россотрудничества в Республике Узбекистан и Ташкентскому объединению преподавателей русского языка и литературы за организацию конференции и предпринимаемые ими усилия по поддержке и продвижению русского языка.

От всей души желаю всем участникам Международной научно-практической конференции филологов-русистов «XVII Виноградовские чтения – 2021» продуктивных научных дискуссий, которые принесут конкретные результаты и будут способствовать укреплению нашего сотрудничества!

С. А. Миронов

Председатель Русского культурного центра Узбекистана

Уважаемые участники научно-практической конференции!

Позвольте мне поприветствовать вас от имени Русского культурного центра Узбекистана и выразить искреннюю благодарность ее организаторам за приглашение.

Хочу отметить, что ежегодно проводимые, а в этом году семнадцатые по счету Международные Виноградовские чтения, организованные Представительством Россотрудничества в Узбекистане и Ташкентским объединением преподавателей русского языка и литературы, стали доброй традицией русских филологов в Узбекистане, и, безусловно, служат продолжением той большой и целенаправленной работы по сохранению и продвижению русского языка в нашей стране.

Проводимая сегодня конференция в этом замечательном конференц-зале филиала российского вуза им. И. М. Губкина, еще раз подчеркивает научную значимость и выдающиеся заслуги Виктора Владимировича Виноградова. И как уже здесь было отмечено, она направлена на развитие и продвижение русского языка, литературы и культуры.

Согласитесь, данное мероприятие объединяет русистов Узбекистана и является той площадкой, где можно поделиться накопленным опытом, выступить и поделиться новыми мыслями и идеями.

Сегодня русский язык в Узбекистане свободно используется не только в сфере образования и культуры, в средствах массовой информации, но и в различных коммуникативных ситуациях, выполняя наряду с государственным языком функцию языка межнационального и даже межгосударственного общения. И в этой связи, для сохранения русского языка и русской культуры в Республике создаются все необходимые условия.

Отрадно, свой посильный вклад в это дело вносит и Русский культурный центр Узбекистана. В настоящее время в областях и городах страны действуют 23 подразделения РКЦ Уз, в их составе более тысячи членов правлений и активистов, большая часть из которых – это преподаватели русского языка и литературы.

Мы гордимся, что в нашем составе и именитые русисты: Шереметьева Анна Геннадьевна – профессор кафедры русской филологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека; Петрухина Наталья Михайловна – профессор, завкафедрой русской литературы и методики обучения УзГУМЯ и много других замеча-

тельных преподавателей высших учебных заведений и учителей образовательных школ.

Сегодня, действующим Центром русского языка при Русском культурном центре Узбекистана разработана специальная программа «Русский язык», предусматривающая в том числе и повышение уровня языковой культуры, улучшения грамотности, оказание помощи при изучении русского языка всем желающим. И одним из таких инструментов стал ежегодный семинар для преподавателей-русистов. В этом году данный семинар проходил на площадке Русского культурного центра Узбекистана в марте месяце, в котором приняли участие более 60 преподавателей русского языка и литературы. Всем участникам были выданы сертификаты участников. Работа в этом направлении нами продолжается. Пользуясь случаем, приглашаем участников настоящей конференции к участию в наших семинарах.

Уважаемые коллеги, особо хочется также отметить и то, что в работе нашей конференции принимают участие не только ученые и преподаватели различных учебных заведений, но и представители национальных культурных центров, других общественных организаций, средств массовой информации.

Уверен, сегодня состоится заинтересованный обмен опытом в учебно-образовательной деятельности, в вопросах обучения русскому языку. А доклады и выступления по теме нынешней конференции позволят еще раз обозначить роль и значение русского языка в укреплении многостороннего сотрудничества Российской Федерации и Республики Узбекистан, дружбы двух братских народов.

Пользуясь случаем, позвольте поблагодарить еще раз организаторов настоящей конференции и пожелать нашей конференции успешной работы.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е. А. Хамраева

Доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой довузовского обучения русскому языку как иностранному
Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия),
директор центра Межвузовского центра билингвального и поликультурного
образования РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Система новых учебных материалов для Республики Узбекистан: поиск и решения

Аннотация. Раскрываются пути формирования условий для подготовки учащихся общеобразовательных школ Узбекистана к реализации формата международных испытаний (PISA, PIRLS). Особый акцент сделан на необходимости создания новой учебной линии для школ Республики, рассматриваемой в двух плоскостях – в обучении на русском языке и в обучении на родном (узбекском) языке. Утверждается, что обе линии отличает необходимость существенного обновления учебного контента и его рассмотрение в функциональном ключе.

Ключевые слова: новая учебная линия; функциональная грамотность; диагностика речевых умений; когнитивная (метапредметная) направленность; коммуникативная направленность; контрольно-измерительные учебные материалы; PISA; PIRLS; TIMSS.

Современная система преподавания русского языка испытывает потребность в формировании условий для подготовки учащегося к реализации формата международных испытаний. Потребность в создании новой учебной линии для школ Узбекистана рассматривается в двух плоскостях – в обучении на русском языке и в обучении на родном (узбекском) языке. Обе линии отличает необходимость существенного обновления учебного контента и его рассмотрение в функциональном ключе.

Первичное знакомство с понятием функциональной грамотности в учебниках для школ с русским языком обучения, предполагающих задания международных сравнительных исследований (PISA, PIRLS, TIMSS) происходит именно на уроках языкового цикла. Понимание специфики вербальных тестов и обязательности языковой составляющей в любом виде диагностики, как и создание современных КИМов

(контрольно-измерительных учебных материалов) очень важно именно для обеспечения диагностики речевых умений детей, системно изучающих русский язык. Именно поэтому в учебниках по русскому языку для современных детей создаются такие учебные задания, которые готовят учащихся реализовывать функциональный формат обучения.

Новизна создаваемых учебных материалов состоит в том, что задания к тесту имеют когнитивную (метапредметную) и коммуникативную направленность. Проверяться должны не столько формально-теоретическое знания, сколько готовность осуществлять разные виды речевой деятельности в соответствии с определенной коммуникативной задачей. Ввиду особенностей детского возраста предполагается наличие в большом объеме визуального сопровождения при формулировке заданий.

Функциональная грамотность понимается нами широко и предполагает проверку коммуникативных навыков, например, включение этикетных формул для поддержания диалога, владение разными функциональными стилями, особенно учебно-научным и публицистическим. В целом, функциональная грамотность обеспечивает достижение того уровня коммуникативной компетентности, которая даст возможность успешно функционировать личности в социуме.

Усвоение русского языка как средства речевой и мыслительной деятельности – это и одновременное усвоение всех его компонентов: семантического, синтаксического, лексического, морфологического, морфо-синтаксического, фонематического и фонетического. Между ними сразу устанавливаются тесные взаимосвязи. Становление речи обеспечивает восприятие, память, мышление, воображение, произвольное внимание, которые формируются только при участии речи и опосредованы ею. Речь, как важнейшая высшая психическая функция, организует и связывает другие психические процессы [1, с. 371]. Процесс порождения речи представляет собой переход от смысла, который существует в «образной форме» к тексту, который существует в языковой, знаковой форме, а процесс восприятия речи представляет собой переход от текста к смыслу. Именно поэтому исследование **PIRLS**, проводимое с детьми, достигшими возраста 10, 5 лет, основано на художественном тексте. Исследование проводится каждые пять лет, а в тестировании принимают участие четвероклассники из разных стран. Основное внимание уделяется тестовым заданиям на чтение и проводится одновременное анкетирование: в анкетах учителя описывают свои методики обучения чтению. В анкетах для школьников дети рассказывают о своем отношении к чтению, о том, как часто они читают, какие тексты им нравятся больше всего.

PIRLS: чтение – это способность понимать письменный язык, правила которого приняты в обществе, а также пользоваться им. Юные читатели понимают значение самых разнообразных текстов. Они общаются с другими такими же читателями – как в школе, так и в обычной жизни – и читают для удовольствия.

В рамках классической психолингвистики установлены взаимосвязь языка и когнитивной сферы ребенка. Основными показателями, определяющими степень развития когнитивных функций, являются: внимание, восприятие, память, ассоциативное мышление, пространственное мышление, логическое мышление, творческое мышление, аналитические операции, синтетические операции, комбинаторные способности. Также установлена взаимосвязь языка и интеллектуального развития, характеризуемого не только объемом памяти, развитием внимания и т. п., но и формирования широкого спектра стратегий работы с информацией.

Таким образом, исследование **PIRLS** направлено на формирование когнитивных компетенций, предполагает развитие знаниевого пространства языковой личности за счет использования текстовых материалов и моделирования учебных проблемных и естественных ситуаций, обеспечивающих как речевое, так и когнитивное развитие обучаемых средствами художественного текста.

Совершенно иначе построено исследование **PISA**, которое проводится каждые три года. Это международное тестирование пятнадцатилетних школьников, учащихся последних классов общеобразовательной школы, которое проходит на учебно-научных текстах и предполагает становление естественно-научной, математической и информационной грамотности. В тестах есть даже задание на чтение текста с экрана. Итак, **PISA** – это способность понимать и размышлять над письменным текстом, пользоваться им, чтобы достичь определенной цели, узнавать что-то новое из учебного или научного текста, а также участвовать в жизни общества.

Лингвистическое развитие ребенка на уроках русского языка проявляется в следующем: развитие чувства языка и интуиции; формирования ценностного отношения к языкам, чувства сопричастности к их бытию; развитие структуры мотивов и средств речевой деятельности. Результатом изменения современной программы по русскому языку, построенной с учетом психолого-педагогических особенностей обучаемых, становится такой учебник, который позволяет в своем пространстве предусмотреть возможные диагностики международного уровня. Так, **PIRLS** дает возможность рассмотрения художественных текстов (рассказов, повествования) и информационных текстов (разъясняющие материалы, где информация представлена в виде таблиц,

графиков вместе с текстовой информацией). А PISA организует тестирование как законченных текстов, так и отрывков из текстов разной функциональной отнесенности, включая научные, научно-популярные и публицистические.

Если же говорить о необходимости существенных изменений в учебниках для школ с узбекским и другими языками обучения, то и она носит многоуровневый характер и обусловлена несколькими причинами объективного характера:

1. Методика обучения русскому языку, применяемая в образовательных организациях, ориентирована на другую **социолингвистическую ситуацию**. За последние 25 лет сильно изменилась языковая среда и практически перестал действовать средовой подход, когда наличие количества русского языка в окружении детей (язык соседей, вывески на улице, передачи по радио и телевидению) обеспечивала его качество при изучении.

2. Изучение русского языка 2 раза в неделю 34 учебные недели в году в ограниченной языковой среде и выраженная необходимость его функционального использования влечет за собой разработку новой концепции учебного пособия.

3. Предлагается **уровневый подход** к содержанию каждого класса и достижение результатов обучения, сопоставимых с международной сертификацией в сфере РКИ (A1.1, A1.2, A.2.1, A.2.2, A.2.3, B.1.1, B.1.2, B.1.3, B.1+). Это позволит выровнять уровень достигнутых языковых результатов и сделать выпускников школ Узбекистана конкурентоспособными в сфере владения иностранным русским языком.

4. Последние годы сильно изменили мотивацию детей и их умения в учебной деятельности. Необходим учет потребностей детства в изучении языка: игровая деятельность, предметная интеграция, включенная проектная деятельность в содержание учебников и т. д.

Для решения этой ситуации требуется качественно иной подход к созданию учебника русского языка. Функциональный подход может быть реализован через **методику иностранного русского языка в детском возрасте** и в старших классах. Данные задачи решаются совместно с авторским составом республики Узбекистан коллективом авторов из РГПУ им. А. И. Герцена, и предполагают, в том числе диагностические замеры иного плана.

Учебный материал по РКИ состоит из заданий по пяти основным аспектам: восприятие речи на слух (аудирование), восприятие письменной речи (чтение), продуцирование письменной речи (письмо), устная речь (говорение), а также будут присутствовать лексико-грамматического задания. Задания в каждом разделе имеют разную степень сложности: они постепенно усложняются от первого к после-

дующим. От уровня к уровню увеличивается объем и усложняются грамматические и лексические задания. Возможны изменения и типов заданий. В тестах уровней А1 и А2 должны проверяться навыки во всех видах речевой деятельности (говорение, чтение, письмо, аудирование), а также знания учащихся по грамматике. Предполагается также создание учебных материалов промежуточного уровня – А1.1 для детей 7–8 лет, еще не полностью овладевших знаниями и навыками, соответствующими уровню А1. В тестах уровня А1.1 для детей РКИ грамматика не будет выделяться как отдельный аспект.

Особыми задачами, в частности, является создание учебных материалов на метапредметной основе (русский язык как основа развития ребенка и становления его когнитивной сферы). Необходимость в создании диагностирующих материалов для детей обусловлена невозможностью использования тестов для взрослых для проверки умений в иностранном языке у детей младшего школьного возраста. Обучение школьников ведется по учебникам, ориентированным на возраст учащегося, на темы, интересные и доступные этому возрасту. Проблема возникает и при выборе способа проверки изученного. В этом возрасте только формируются общеучебные навыки на родном языке: умение читать, писать, решать логические задачи. Но когда эти навыки не до конца сформированы на родном языке, возникают трудности и в их проверке на иностранном языке. Причем, большая часть материала по диагностике речевого развития предоставлялась детям в визуальном формате, наполненная картинками и схемами. Именно по этой причине необходима большая визуальная поддержка заданий теста для детей данного возраста.

На сегодняшний день проведена разработка материалов для 3–11-х классов школ с узбекским языком обучения.

Подводя итоги, необходимо отметить важность современного языкового образования, обязательность его международного формата и ориентацию на постоянное развитие функциональных когнитивных компетенций в любом учебном возрасте. Именно это позволяет уверенно говорить о том, что преимущество новых учебных линий будет доказано статистически.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
2. *Лингводидактическая диагностика.* Русский язык и универсальные учебные действия, 6–14 лет / под ред. Е. А. Хамраевой. М.: Русский язык. Курсы, 2020.
3. *Хамраева Е. А.* Лингводидактическая диагностика для школ русского зарубежья: учеб.-метод. пособие для учителей русских школ, родителей и де-

тей, изучающих русский язык в образовательных организациях вне Российской Федерации / Межвуз. центр билингвального и поликультурного образования РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2018.

4. Brice A. E., Roseberry-McKibbin C. A case example of a bilingual evaluation: a tutorial // Florida journal of communication disorders. 1999. Vol. 19.

Е. Н. Макарова

Доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой делового иностранного языка Уральского государственного
экономического университета (г. Екатеринбург, Россия)

Возможности международного научно-образовательного сотрудничества в продвижении русского языка и культуры

А н н о т а ц и я . Представлен конкретный опыт работы по реализации международного проекта в рамках сотрудничества образовательных учреждений Российской Федерации и Республики Узбекистан. Обсуждаются возможные формы и направления совместной работы по продвижению русского языка в странах ближнего зарубежья на основе научно-образовательного сотрудничества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык; поликультурное общение; языковая политика; научно-образовательное сотрудничество.

Статус русского языка в последние десятилетия претерпел множество изменений. В эпоху глобализации, несмотря на популярность английского языка, утвердившего свои позиции в качестве лингва франка, роль русского языка как языка-посредника для международного общения, усиливается. В этой связи вопросы улучшения качества преподавания и изучения русского языка иностранными учащимися в Российской Федерации, а также проблемы его продвижения в странах дальнего и ближнего зарубежья остаются чрезвычайно актуальными. Их решение требует поиска новых путей и возможностей в организации новых и поддержки уже зарекомендовавших себя мероприятий и проектов, направленных на повышение статуса русского языка и его функциональной нагрузки в рамках поликультурного общения.

Языковая ситуация и статус русского языка в бывших союзных республиках за последние десятилетия формировались и изменялись под влиянием множества факторов. На постсоветском пространстве востребованность и тенденции в использовании русского языка молодым поколением в каждой из бывших республик СССР различны. В странах Центральной Азии русский язык остается средством общения для части городского населения в сферах бизнеса, образования

и культуры. Поскольку знание русского языка сегодня расширяет возможности делового, научного, культурного и образовательного сотрудничества с Российской Федерацией, потребность в его изучении постепенно растет. В этих условиях поиск новых форм международного научного и образовательного сотрудничества между Российской Федерацией и центральноазиатскими республиками относится к числу первостепенных задач. К таким формам относятся реализация совместных образовательных программ, создание коллективных учебных и учебно-методических пособий, а также организация научно-практических и культурно-образовательных мероприятий, приуроченных к различным памятным датам.

Примером успешного сотрудничества в сфере образования и науки может служить участие Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург) в Международной научно-практической конференции филологов-русистов «Виноградовские чтения», проходящей в Ташкенте с 2005 года. В организации конференции ведущая роль принадлежит представительству Россотрудничества в Республике Узбекистан, Узбекскому государственному университету мировых языков и Ташкентскому объединению преподавателей русского языка и литературы (ТОПРЯЛ). Конференция носит имя русского ученого, литературоведа и лингвиста академика Виктора Владимировича Виноградова, научные идеи которого остаются востребованными и значимыми для современных направлений русистики. Тематика конференции широка и разнообразна. Она охватывает вопросы межкультурной коммуникации, статуса русского языка в условиях глобализации, проблемы поиска новейших технологий в методике преподавания русского языка и русской литературы и многие другие.

Уральский государственный экономический университет принимает ежегодное участие в Виноградовских чтениях начиная с 2017 года.

За этот период в конференции приняли участие ректор УрГЭУ, доктор экономических наук Я. П. Силин; проректор по учебно-методической работе и качеству образования УрГЭУ, доктор экономических наук Д. А. Карх; проректор по социальной работе УрГЭУ, кандидат филологических наук Р. В. Краснов; начальник Управления по приему и довузовской подготовке УрГЭУ И. Е. Мартыанова; заведующий кафедрой делового иностранного языка УрГЭУ, доктор филологических наук Е. Н. Макарова. Представители Уральского государственного экономического университета выступали на «Виноградовских чтениях» с научными докладами, раскрывающими роль русского языка в процессе межнационального общения и его объединяющий потенциал в развитии международных отношений. В докладе «Роль русского языка в поликультурном общении» были представлены результаты ис-

следования, посвященного анализу функциональной нагрузки русского языка у студентов из республики Узбекистан в поликультурном общении в среде российского высшего учебного заведения. Доклад «Взаимовлияние языков в современном мире: основы изучения и направления научных исследований» содержал обзор научных работ по взаимодействию русского и узбекского языков, выполненных учеными-лингвистами Республики Узбекистан. В докладе были представлены основные тенденции в изучении результатов языковых контактов между двумя неблизкородственными языками, обозначены детально исследованные проблемы, а также выявлены малоизученные области. Доклад «Особенности языковой ситуации в современной сфере обслуживания» позволил раскрыть возросшую роль русского языка в современном мире в качестве языка-посредника для межкультурной коммуникации представителями разных национальностей. В докладе были рассмотрены особенности подготовки кадров для работы в сфере обслуживания. Было отмечено, что знание русского языка открывает большие возможности как для выпускников зарубежных высших учебных заведений, специализирующихся в подготовке персонала для сферы обслуживания, так и российских вузов, имеющих отделения туристического, гостиничного и ресторанного профиля. Владение русским языком на высоком уровне открывает перспективы трудоустройства для молодых специалистов по всему миру и является неоспоримым конкурентным преимуществом.

Ежегодное участие представителей УрГЭУ в научно-практической конференции «Виноградовские чтения», ставшей авторитетной дискуссионной площадкой для филологов-русистов и преподавателей из Узбекистана и России, является важным событием, которое приносит конкретные результаты, способствуя укреплению межнациональных связей. В рамках данного научно-образовательного проекта по итогам конференции ежегодно публикуется международный сборник научных трудов, содержащий теоретические, практические и методические разработки в различных областях русистики и преподавания русского языка и литературы. Тесное взаимодействие УрГЭУ с вузами Узбекистана, зародившееся на площадке «Виноградовских чтений», находит продолжение в других формах, например, выступлениях представителей УрГЭУ с докладами и лекциями в Узбекском государственном университете мировых языков и Национальном университете Узбекистана, рецензировании авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, встречах российских лингвистов с учителями русского языка и литературы узбекских школ.

Вопросы продвижения русского языка на территории постсоветского пространства остаются важными и требуют дальнейшей разра-

ботки. Международное сотрудничество образовательных структур в рамках научно-образовательных и культурно-образовательных проектов, совместная деятельность ученых и практиков двух стран служит укреплению статуса русского языка, повышению интереса к его изучению в качестве иностранного и его популяризации, способствует решению важнейших проблем языковой политики.

Н. В. Макшанцева

Доктор педагогических наук, профессор,
директор Института русского языка Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова
(г. Нижний Новгород, Россия)

Преподавание русского языка в контексте ценностно-смысловой парадигмы

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются вопросы русского языка в контексте ценностно-смысловой парадигмы, в частности, освещены вопросы понимания термина «парадигма»; а также ставится акцент на усилении ценностно-смысловой, содержательной, личностной составляющей учебной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социокультурная ситуация; парадигма; гуманитаристика; творческое исследование.

Современная социокультурная ситуация определила приоритеты образования. Для оценки образовательного результата широко применяется такая категория, как образованность – особое качество личности, несущей образ культуры своего времени и своего народа, образ, в котором приоритетны общечеловеческие гуманистические ценности. Процесс обучения должен строиться в соответствии с новыми парадигмами, в числе которых ведущее значение отводится ценностно-смысловой.

Во избежание терминологической неясности заметим, что одно из значений слова «парадигма» (греч. *paradigma* – пример, образец) – характеристика общепризнанных научных достижений, дающих сообществу специалистов модель постановки проблем и совокупности приемов их решений в определенное время. В таком аспекте интерпретация парадигмы стала особенно актуальна после появления книги Т. Куна «Структура научных революций». Именно Томас Кун предложил рассматривать парадигму как научное сообщество, которое руководствуется в своей деятельности определенной совокупностью знаний и определенным подходом к объекту исследования [2].

Сегодня термин «парадигма» стал востребованным и актуальным в сфере теоретических исследований: «общенаучная методологическая парадигма», «философская парадигма», «антропоцентрическая парадигма», «педагогическая парадигма» и др.

Мы понимаем парадигму как совокупность методологических установок, принятых научным педагогическим сообществом, где главной ценностью выступает личность, ее нравственная позиция, интеллектуальность, проявляемые в многомерности ценностного измерения мира.

Перед образованием XXI века стоит глобальная задача – формирование «человека культуры» как целостно-духовной личности, сопрягающей познавательный потенциал разума с отвечающей уровню общественного бытия системой ценностей. Именно в процессе образования происходит естественное сближение гуманитаристики (ориентация на формирование гуманитарной картины мира личности и развития ее ценностного сознания как ведущей формы мировоззрения в XXI веке) и четкого технологического инструментария решения этой задачи.

Ценность – методический базис в многомерном процессе обучения, развития и воспитания личности. В современном образовании усиливается ценностно-смысловая, содержательная, личностная составляющая учебной деятельности. С точки зрения внедрения этой гуманистической идеи необычайно важен потенциал русского языка, обеспечивающий высокий уровень лингвокультурной компетентности.

Задача современной методики – не только характеризовать ценностный объект, каковым является русский язык со стороны привлекательности, но и сделать эту характеристику цельной, полной, системной. Теоретическая сторона проблемы заключается в упорядочении свойств русского языка как культурно-национального феномена. Практическая сторона проблемы состоит в особенностях реализации идеи восприятия и отражения культурных смыслов, связанных с русским языком. В связи с этим представляется конструктивной идея сопряжения русского языка и русской культуры. И это не случайно. Оба понятия содержат аксиологические измерения (духовные ценности, особенности менталитета и т. д.).

Отметим, что в рамках антропоцентрического подхода язык рассматривается как «окно в духовный мир человека» в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов, как «дом духа» в понимании Ю. Степанова, развившего известную метафору философа М. Хайдеггера «язык – дом бытия человека».

Многочисленные определения культуры вне зависимости от своего многообразия основываются, прежде всего, на базовых антропологических понятиях. Культура – исключительно человеческий феномен.

Все увиденное и воспринятое человек включает в мыслительную деятельность. Ядром культуры являются смыслы. Культура представляет «навигационную карту смыслов» (Ю. Рот, Г. Контельцева), которая дает нам возможность понять все, происходящее вокруг нас.

В семантическом поле категории «культура» выделяются следующие аспекты, наиболее актуальные для дидактики:

- герменевтический;
- информационный;
- деятельностный;
- ценностный.

Язык и культура имеют много общего, что обусловлено их природой (человеческие феномены), функциями и условиями возникновения и т. д. Важно подчеркнуть, что они представляют собой формы сознания, отображающие мировоззрение человека, и существуют в диалоге между собой.

В науке присутствует ряд терминосочетаний, которые отражают существо такой неразрывной взаимной зависимости:

- «соизучение языка и культуры» (К. Крамш);
- «языкультура» (Е. И. Пассов);
- «La didactique des langues-cultures» (Ch. Puren).

В исследовании взаимодействия языка и культуры наиболее значимыми становятся единицы языка, выражающие, помимо языкового содержания, культурную информацию. Это, прежде всего, ключевые концепты культуры, т. е. культурно обусловленные базовые единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной личности, так и для народа в целом.

Мы используем в обучении концептуальный подход, который манифестирует концепт как дидактическую единицу обучения. Почему? Концепты обладают необходимыми признаками, определяющими ценностно-смысловой потенциал процесса обучения русскому языку:

- ментальная природа;
- воплощение культурного смысла;
- этноспецифичность;
- духовность;
- полиапеллируемость, семантическая плотность;
- культурологическая ассоциативная аура.

Важно создать такую образовательную среду, которая способствует восприятию лингвокультурных концептов, составляющих ядро концептосферы русского мира.

Представляется, что приобщение студентов к духовным ценностям, формирование их ценностного сознания происходит через систему лингвокультурных концептов. Концептуальный анализ актуализи-

рует смыслопоисковую образовательную среду. В процессе обучения (особенно в ходе межкультурного взаимодействия) студенты постоянно сталкиваются с явлением разгадки смысла и в текстовой деятельности, и в коммуникации. Это герменевтическая составляющая концептуального подхода, с опорой на которую учащиеся решают задачу чужда понимания, а «чуждо заключается не в том, что души таинственно общаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу» [1, с. 44]. Интерпретатором смысла и является концепт.

Внедрение концептов в преподавание русского языка как иностранного предполагает усиление лингвокультурологической направленности, которая изучает «определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой «картины мира» и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [3, с. 72].

Лингвокультурологическая направленность в использовании концептов на занятиях по РКИ предполагает обращенность к культурному и духовному опыту этноса, отраженному в самых разнообразных фактах языка и речи, в текстах разных жанров на русском языке, направленность на духовно-нравственное и ментальное пространство культуры.

У Бориса Пастернака есть замечательная фраза о том, что культура в объятия «первого желающего не падает». Культурой нельзя овладеть, ее можно только присвоить. Постепенное «вхождение» в концепт – это и есть присвоение «культурной темы» в языке, причем присвоение рефлексивное, событийное, определяющее процесс формирования ценностных ориентаций языковой личности.

Литература

1. Гадамер Х. Г. О круге понимания. Неспособность к разговору. Искусство. М., 2015.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 2002.
3. Лысакова И. П. Методика обучению русскому языку как неродному. М.: Русайнс, 2015.

Н. С. Степанова

Доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка
и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан
Юго-Западного государственного университета (г. Курск, Россия)

Русская литература в социокультурной ситуации новейшего времени: реалии и тенденции

А н н о т а ц и я . В статье представлен обзор современного состояния русской литературы XX–XXI веков в контексте традиций и новаторства. Автор утверждает, что будущее русской литературы – в философском осмыслении действительности, в многовекторном и мультикультурном развитии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : возвращенная литература; современный литературный процесс; литературная ситуация.

Литература как сложный социокультурный комплекс всегда была индикатором состояния общества, «его ожиданий, потребностей, общественного мнения, типичных форм поведения и реакций, культурных стереотипов и реальной системы ценностей» [8, с. 71]. Современная литература нравится не всем, но так всегда было, есть и будет. И то, что сейчас кого-то раздражает, вполне возможно, через определенное время станет классикой, поэтому для того, чтобы быть конструктивным, разговор о новейшей русской литературе должен быть переведен из оценочной в исследовательскую парадигму. Наши наблюдения основаны на материале современной прозы, опубликованной в конце XX – начале XXI века.

Конец XX века был ознаменован в русской литературе явлением, которого никогда до этого не было. Наряду с современными произведениями стала интенсивно публиковаться «возвращенная» («задержанная») литература и литература русского зарубежья. Литературная политика времен перестройки имела ярко выраженный компенсаторный характер: надо было наверстывать упущенное – возвращать, ликвидировать лакуны, встраиваться в мировой контекст.

Издательства, книжная серия «Роман-газета», толстые журналы вели активную публикацию произведений советских писателей, в свое время не напечатанных по идеологическим соображениям. Так, были опубликованы романы «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Новое назначение» А. Бека, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Доктор Живаго» Б. Пастернака и др. «Лагерная тема», тема сталинских репрессий в это время находились на пике популярности. В периодике были опубликованы рассказы В. Шаламова, проза Ю. Домбровского; «Новый мир» напечатал «Архипелаг ГУЛАг» А. Солженицына. Впервые в России в это время были напечатаны такие

произведения А. Платонова, как роман «Чевенгур», повести «Котлован», «Ювенильное море», другие произведения писателя. Тогда же были изданы такие произведения 1960–1970-х годов, как «Пушкинский дом» А. Битова, «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева, «Ожог» В. Аксёнова и др.

Столь же полно в современном литературном процессе оказалась представлена и литература русского зарубежья: произведения В. В. Набокова, И. С. Шмелёва, Б. К. Зайцева, А. Ремизова, М. Алданова, А. Аверченко, Вл. Ходасевича и многих других русских писателей возвратились на родину. Произведения писателей-эмигрантов первой волны, «отражающие события большой или малой (частной) истории, для массовой (читательской) аудитории стали источником исторических, социокультурных, нравственных представлений, обогащающих культурный тезаурус» [5, с. 40].

И читатель, и критика, и литературоведение оказались в сложнейшем положении, потому что новая, полная, без белых пятен, карта русской литературы диктовала новую иерархию ценностей, делала необходимой выработку новых критериев оценки, требовала создания новой истории великой и неделимой русской литературы XX века. Лучшие образцы литературы «возвращенной», «задержанной» и литературы русского зарубежья были опубликованы и прочитаны, однако и сейчас они находятся в сфере читательских и исследовательских интересов, современный читатель продолжает в них вчитываться, потому что их темы, проблемы, идеи востребованы духовной ситуацией настоящего времени.

Литература первой четверти XXI века живет по закону «рубежа веков», а это всегда связано с переосмыслением прежних методов, зарождением новых течений и направлений, изменением форм литературной жизни, поиском новых жанров, новых героев, экспериментами в языке.

Литературоведы сравнивают современный литературный процесс с литературной ситуацией начала XX века, считая, что мы сейчас ближе всего к этому периоду, когда существовало множество течений и направлений, создавались многочисленные объединения, шли бесконечные споры о литературе. «Смена исторических и культурных эпох приводит к изменению художественного видения и пересмотру системы ценностей» [6, с. 191], и в конце XX века (так же, как и в конце XIX века), в известном смысле, началась новая литературная эпоха, изменился тип писателя и читателя. Мы привыкли, что русская литература – это «энциклопедия русской жизни», это «учебник жизни», это «психологический портрет» русского человека, однако сегодня литература отказывается от воспитательной, дидактической миссии и берет на себя другие функции.

В XXI веке продолжают творить писатели четырех поколений.

В начале века продолжали ставить в своих произведениях острые проблемы нашего времени и предлагать пути их решения писатели-шестидесятники: В. Распутин (1937–2008), В. Астафьев (1924–2001), А. Солженицын (1918–2008), Ф. Искандер (1929–2016), Ч. Айтматов (1928–2008), Ю. Бондарев (1924–2020), Б. Васильев (1924–2013), Д. Гранин (1919–2017), Е. Носов (1925–2002) и др.

А. Битов, В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Токарева, С. Соколов и др. пришли в литературу в 1970-х годах. И. Бродский говорил о них: «В нравственном отношении это поколение было среди самых книжных в русской истории»; они стали сомневаться не только «в новом человеке, но и в человеке вообще». Именно это поколение начало осваивать постмодернизм и закрепило на русской почве такие его постулаты, как «абсолютной истины нет, и правда каждого имеет право на существование», «тайна жизни непознаваема», «вера в высший смысл и познавательные возможности человека утрачена». В произведениях писателей этого поколения воплотились основные признаки постмодернизма: неопределенность и фрагментарность повествования (коллаж, монтаж, разорванный текст), ироническая переоценка многих ценностей, черный юмор, гибридизация (мутантное изменение жанров), переосмысление истории человеческой культуры, интертекстуальность и др.

В перестроечные 1980-е годы в литературу «ворвались» В. Пелевин, Т. Толстая, Л. Улицкая, В. Сорокин, А. Слаповский, О. Славникова, М. Палей и др. В ситуации, когда не было цензуры, писатели максимально использовали предоставленные свободой творчества возможности. В своих произведениях они обратились к запретным прежде темам, таким как ужасы тюрьмы, армейской «дедовщины», быт бомжей, проституция, алкоголизм, борьба за физическое выживание. Писатели этого поколения продолжили традиции гоголевской натуральной школы с интересом к «маленькому человеку», к «униженным и оскорбленным», к миру «дна», показывая жизнь как концентрацию социального ужаса, принятого в качестве бытовой нормы. Их проза передает ощущение неблагополучия современной жизни.

В конце XX века в литературном процессе активно заявило о себе четвертое поколение писателей: А. Уткин, А. Геласимов, Е. Садур, М. Шишкин и др. Их называют «поколение пехт». О. Славникова пишет о них: «Правота молодости основана не на экспертизе, не на знании того, чего, к примеру, не знает тридцатипятилетний человек, а на свободе. Писатель из пехт'ов отвергает эстетику изысканного индивидуализма, нытья и распада. Роль социального аутсайдера ему не по вкусу, он примеряет на себя роль молодежного лидера».

Писатели XXI века активно экспериментируют в области жанровых форм. Вместе с развитием и трансформацией устоявшихся жанров

(рассказ, повесть, роман, антиутопия), появились такие жанры, как ремейк и фанфик, травести, киберпанк.

Классические произведения продолжают жить в нашем времени, являясь матрицей для других литературных текстов, влияя на литературный процесс, вкусы и художественные пристрастия читателей разных эпох. Ремейк (или: римейк) (от англ. remake) – художественно-дизайнерский и коммерческий термин, означающий выпуск новых версий уже существующих произведений искусства с видоизменением или добавлением в них собственных характеристик. Ремейк «не цитирует и не пародирует источник, а наполняет его новым, актуальным содержанием, однако „с оглядкой“ на образец», он «может повторять сюжетные ходы оригинала, типы характеров, но изображает их в новых исторических, социально-политических условиях» [1]. Фанфик (от англ. fan + fiction) – литературное сочинение автора по мотивам уже известного произведения; «новая версия» литературного произведения, широко известного читателям. В жанре ремейка и фанфика написаны «Накануне накануне» Е. Попова, «Кавказский пленный» и «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина, «Чайка» и «Ф. М.» Б. Акунина и др.

Травести (от итал. travestire) в литературе – один из производных жанров, представляющий собой парафраз целого текста. При травестировании сохраняется ритмико-интонационный каркас исходного текста (размер, рифмовка, строфика), синтаксис и как можно большее количество слов исходного текста – таким образом достигается эффект явного опознавания исходного текста в производном; вместе с изменением лексики меняется стиль и смысл (как правило, на комический). Так же, как и в ремейке, современные авторы опираются на классические сюжеты, но используют их для показа абсурда реальности. В результате трагедия превращается в фарс, глубокие философские проблемы XIX века мельчают под натиском современного оскудения мысли. В жанре травести наиболее ярко проявил себя В. Пьецух, автор рассказов и повестей «Наш человек в футляре», «Палата № 7», «История города Глупова в новые и новейшие времена», «Дядя Сеня» и др.

Один из самых «модных» и популярных жанров прозы XXI века – киберпанк [2; 7]. Киберпанк (англ. cyberpunk) – жанр научной фантастики, отражающий упадок человеческой культуры на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху. Киберпанк описывает антиутопический мир будущего, в котором высокое технологическое развитие сочетается с всеобъемлющим, неограниченным и нерегулируемым государственным контролем за обществом. В России в этом жанре пишут А. Тюрин и А. Щеголев («Сеть»), И. Шапошников («Кремниевое небо»), В. Панов («Анклавы»), А. и Л. Белаш (трилогия «Война кукол») и др.

Литературные критики, профессиональные литературоведы, эксперты делают оптимистические и пессимистические прогнозы и утверждают, что на развитие русской литературы в XXI веке оказывают и будут оказывать влияние такие факторы, как экономический, технологический, идеологический [4].

Экономический фактор связан с тем, что бумажные книги не выдерживают конкуренции с доступными каждому бесплатными электронными копиями в интернете. Ежегодное пополнение библиотек даже минимальным количеством печатных изданий обходится несравнимо дороже, чем обновление электронными версиями. Прогнозируется такой сценарий развития событий: электронные книги скоро окончательно вытеснят массовые бумажные издания, книжный бизнес постепенно уйдет в сферу торговли авторскими правами, интернет сведет на нет тиражи печатных изданий и доходы писателей, профессия «писатель» постепенно исчезнет.

Технологический фактор связан с дальнейшим развитием интернета, прямо-передающих, копирующих и считывающих устройств, что позволяет иметь доступ к практически неограниченным источникам информации. На смену печатным текстам приходят аудиокниги. Уже сейчас литература существует на электронных носителях, и с текстами читатель может ознакомиться всегда и везде, в любой обстановке. Прогноз: книга будущего будет представлять собой сложное творение, содержащее текст, фотографии, видео, аудиозапись и компьютерные спецэффекты.

Глобализация общественно-исторических и культурных процессов, с одной стороны, и потребительская идеология, с другой стороны, оказывают существенное влияние на облик современного читателя и современной книги, которая всё более становится товаром и всё менее – источником катарсиса как процесса разрешения внутренних конфликтов и нравственного возвышения, возникающего в ходе сопереживания при восприятии произведений искусства. Задача русской литературы, с которой ассоциируется великая русская культура, противостоять этим тенденциям, продолжать оставаться такой, чтобы человек ощущал потребность в чтении художественных текстов, затрагивающих вечные вопросы бытия.

Внимательное, вдумчивое чтение современной русской литературы позволяет сделать выводы о том, что, как и прежде, так и теперь, человека пишущего, человека читающего, человека мыслящего волнуют проблемы жизни и смерти, добра и зла, духовности и отсутствия нравственных идеалов, счастья и горя, любви и понимания: *«Вся жизнь – это бой без правил и ограничений во времени. Жестокый, грязный, часто кровавый – словом, уличный – бой без намека на со-*

весть и снисхождение. И реальный. Как реальны Жизнь и Смерть» (Д. Силлов, «Боевые ножи»), «*Душа-то, небось, не тело, мылом не отмыть...*» (Е. Чижова, «Время женщин»), «*Ты всего лишь хочешь стабильности. Но стабильность в этой стране самая дорогая вещь, куда дороже виллы и личного самолета. Если она вообще возможна*» (О. Славникова, «2017»), «*Извините, кто-нибудь знает, на какой улице живут любовь, доверие, взаимопонимание? Давно не виделись просто...*» (Д. Рубина, «На солнечной стороне улицы»), «*Любовь – единственный обман, который несмотря ни на что хотелось бы пережить. Потому что огонь жизни, и крылья юности, которые она дарует, ценнее всего, что может быть. Ценнее разбитого сердца, неоправданных надежд... А, может, она вовсе и не обманом окажется – бывают же в жизни чудеса...*» (О. Рой, «Человек за шкафом»), «*Утром, когда не хочется вставать и жить, – улыбнуться. И еще раз улыбнуться. И еще*» (М. Шишкин, «Письмовник»), «*Была там душевная награда – надежда и вера в то неизведанное, что подарят в будущем найденные, еще не прочитанные Книги*» (М. Елизаров, «Библиотекарь»).

Рассмотренные тенденции указывают на синкретичность современного литературного процесса. Современный читатель, как, впрочем, и писатель, ищет максимально приемлемый вариант получения нового литературного опыта, а это означает, что отечественная культура встречает вызовы XXI века живой и развивающейся литературой [3]. Обзор современного состояния внушает надежды на то, что русская литература XXI века будет литературой смысла, поиском ответов на вечные вопросы бытия. Будущее русской литературы – в философском осмыслении действительности, в многовекторном и мультикультурном развитии.

Литература

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006.
2. Вакуленко С. Предсказание темного будущего. Футурология киберпанка // Мир фантастики: журнал. М.: ТехноМир, 2004. Вып. 2.
3. Российская литература XXI века – основные тенденции. URL: <http://velikayakultura.ru>.
4. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) / под ред. С. И. Тиминой. М.: Академия; СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013.
5. Степанова Н. С. Литературно-художественное наследие как источник нравственной и культурологической информации // XV Виноградовские чтения: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 22 мая 2019 г.). Ташкент – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. Т. 1.

6. Степанова Н. С., Петрухина Н. М. Биографический контекст творчества писателей-эмигрантов начала XX века // Узбекистондахорижийтиллар. 2019. № 3 (26).

7. Тарабанов Д. Кибберпанк: Рождение / Развитие / Смерть // Мир фантастики: журнал. М.: ТехноМир, 2004. Вып. 2.

8. Черняк М. А. Русская литература в XXI веке. Первое десятилетие: диагнозы и прогнозы (Международная научная конференция) // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. Вып. 10.

Н. Д. Ильин

Кандидат педагогических наук, доцент,
старший сотрудник отдела по работе с творческими союзами
Союза писателей Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

Русскоязычная литература Узбекистана на современном этапе

А н н о т а ц и я . В статье предпринимается попытка рассмотрения специфики функционирования русскоязычной литературы Узбекистана, как части общего литературного процесса, делается вывод о ее художественном своеобразии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русскоязычная литература; поэзия; доминанта; эгегическое мироощущение; лирический герой.

Русскоязычная литература Узбекистана существует и развивается, несмотря на существенное уменьшение среды ее бытования в силу оттока русскоговорящего населения (в настоящее время русскоязычная община составляет по разным подсчетам одну 45/47 часть всего населения страны), несмотря на те трудности, с которыми сталкиваются литераторы не только нашей, но и многих стран в связи с переходным периодом от печатной к электронной литературной продукции и финансовыми проблемами обеспечением этого вида деятельности. Русская литература Узбекистана существует, имея определенную историческую преемственность, традиции и международные контакты. Произведения наших авторов публикуются не только в нашем регионе, но также за его пределами – в России, Странах СНГ и далее.

Своеобразие литературно-художественного творчества на русском языке в Узбекистане определяется прежде всего тем, что оно создается в специфических условиях нашего многонационального сообщества как природно – русскоязычными авторами, так и представителями доминирующей национальности, пишущими на русском языке. Соответственно художественное осмысление жизненных явлений здесь отражает сопряжение русской и восточной культуры как в объекте изображения, так и в субъектах творчества – в душах самих авторов.

Суфа, зеленый сад, вошел и сел,
Твори намаз любому богу;
И кто-то здесь немного обрусел,
А русские «обрисились» немного.

Никто ничью здесь не коробил суть
И не менял менталитет, понятно.
Но кто-то переплавился чуть-чуть,
А кто-то «перепловился» изрядно.

Сорокаградусный жары вечерний спад
И сад прохладный и тенистый;
Сорокаградусный наш терпкий суррогат
И плов с бараниной и рисом,
Европа с Азией устроили здесь гап –
И получилось евразийство.

Н. Ильин. Наша среда

Своеобразное переплетение культур имеет в Узбекистане уже достаточно долгую литературную традицию и историческую преемственность, восходя к творчеству таких именитых предшественников, как Сергей Бородин и Явдат Ильясов в прозе, Александр Файнберг, Раим Фархади и др. в поэзии.

В жанровом отношении эта литература имеет примерно те же тенденции, что и литература страны-носительницы языка: художественные произведения располагается в «жанровом диапазоне» между двумя полюсами: литературой нон-фикшн, базирующейся на мемуаристке, биографизме, документальности (от очерковых повествований до собственно повестей на документально-событийной основе: очерки и повести Джасура Исакова, Алексея Устименко и Муниры Бабаяровой.) а с другой стороны, жанром фэнтези, активно проникающим сейчас в творчество представителей среднего и младшего поколения (Александра Спиридонова, Вика Осадченко и Архелия Мегерко).

Разумеется, значимость любой литературы заключается не столько в жанровой полноте или культурологических тенденциях творческого процесса, но прежде всего в наличии одаренных авторов, талантливости и популярности их произведений.

В прозе несомненный интерес представляет творчество Евгения Абдуллаева (Сухбат Афлатуни), пожалуй, наиболее именитого ташкентского автора, лауреата премий журнала «Октябрь» (2004, 2006), «Русской премии» (2005), молодежной премии «Триумф» (2006). Продолжает творческую работу Алексей Устименко, автор своеобразных рома-

нов, повестей и рассказов, в большинстве своем сопряженных с исторической и сегодняшней действительностью нашего региона. Оба автора имеют солидный багаж изданных произведений как здесь, так и в России. Обоих привлекают проблемы сопряжения европейского и восточного взгляда на действительность, что имеет значение не только для нашего региона, но становится весьма значимой международной темой в связи появлением новых мировых центров, противостояния и взаимодействия Востока и Запада в новое историческое время.

Из более молодого поколения авторов-прозаиков надо отметить Марата Байзакова с недавно вышедшей книгой «От я до мы», в коротких рассказах которой выразительно запечатлены неоднозначные моменты нашего бытия, и Артема Горохова (романы «Вирус» и «Герой поневоле»).

В области поэзии интересно творчество таких уже известных авторов, как Вика Осадченко, в центре поэтического осмысления которой находится взаимоотношения человека природной естественности и современной городской цивилизации. Последняя, с одной стороны, является кровно своей, но, с другой, – воспринимается как некое механическое начало, отвергающее индивидуальные особенности людей, их нестандартность. Весьма привлекательна для современного читателя поэзия Баха Ахмедова (лауреат премии конкурса «Пушкин в Британии») с доминантой элегического мироощущения, ибо в восприятии лирического героя действительность «зависает» в междувремье или безвременье (духовный поиск от веры и абстрактных истин к необходимости конкретной идеологии). Обоим поэтам близка экологическая тема, которая решается не в публицистическом, но утонченно-образном плане. Среди молодых авторов можно отметить Веронику Шуппе, студентку Национального университета Узбекистана с ее первой книгой «Закат или рассвет на горизонте?», готовящейся к выпуску в проекте «Моя первая книга» по рекомендации СП Узбекистана и при содействии общественного Фонда развития духовности и творчества.

В СП Узбекистана функционирует секция русских писателей (около 30 членов, председатель секции – поэт Р. Фархади). Эта писательская ячейка, помимо сотрудничества с журналом «Звезда Востока», участвует в общественных программах, осуществляемых Союзом, в переводческой работе и коллективных публикациях (следует отметить обмен произведениями для печати с Беларусью, Казахстаном, Азербайджаном и др. во исполнение заключенных меморандумов о сотрудничестве, ряд международных публикаций был посвящен юбилею Победы). Осуществляется рецензирование рукописей, обсуждение книжных и журнальных изданий, проведение памятных мероприятий.

Союзом писателей Узбекистана осуществляется совместная литературно-просветительская работа с Центром русского языка при Уз-

ГУМЯ (руководитель Центра – проф. Н. М. Петрухина). В Центре собрана уникальная библиотека печатных и электронных изданий российских издательств, проводятся литературные гостиные, поэтические вечера, отмечаются знаменательные литературные даты. В работе литературной гостиной Центра принимали участие члены СП Узбекистана Н. Ильин и В. Осадченко, поэты Ф. Юнусов, Н. Белоедова и др.

Периодически русская секция СП Узбекистана взаимодействует с Российским центром науки и культуры: проведены мероприятия в связи с памяtnыми литературными датами. Только за последние годы осуществлены мероприятия, посвященные творчеству Ломоносова, Лермонтова, Мандельштама, Гамзатова, Ахматовой, Р. Рождественского и др.

Характеристика литературного процесса в Узбекистане не может обойтись без информации о деятельности ведущих литературных изданий. Прежде всего это именитый журнал «Звезда Востока», который в следующем году будет отмечать свое 80-летие (главный редактор русской версии журнала – К. И. Панченко). Журнал активно представляет русскоязычных поэтов и писателей Узбекистана и частично всего центральноазиатского региона. Значительное внимание, естественно, уделяется публикации переводов с узбекского языка, ибо работа переводческой бригады – тоже проявление деятельности русскоязычных авторов. Здесь следует назвать имена таких переводчиков, как Шахло Касимова, Динора Азим, Саодат Камилова и др.

Журнал «Звезда Востока» имеет те же трудности, что и толстые литературные журналы на всем русскоязычном пространстве, в том числе в самой России. На одном из селекторных совещаний недавнего времени Президентом страны была высказана мысль о необходимости наличия в школьных и вузовских библиотеках ведущих литературно-художественных журналов страны. Это дает надежду на определенную поддержку журнальных изданий.

Также следует упомянуть журнал «Восток свыше» Ташкентской и Узбекистанской епархии Русской Православной Церкви (главный редактор – писатель Евгений Абдуллаев), который наряду со специфическим церковным материалом уделяет серьезное внимание литературно-художественным публикациям.

Литературоведческую и методическую информацию осуществляет научно-методический журнал «Преподавание языка и литературы» (главный редактор – Б. Жовлиев).

Все более актуальным становится вопрос о развитии электронных средств публикации и распространения литературных произведений. Русской секцией СП Узбекистана инициировано издание альманаха «Слово» (главный редактор – Раим Фархади), первый номер ко-

торого как раз выставлен в интернет-пространстве¹). В этом номере представлены работы ведущих литераторов нашей страны, пишущих по-русски, а также переводные произведения.

Характеризуя литературную жизнь Узбекистана, следует отметить деятельность общественных площадок, организующих литературные встречи и вечера: это проекты «Вечера в пятницу» (организаторы Бах Ахмедов и Н. Ильин) и «Город» (организатор – А. Кирдянов) на базе Государственного музея Сергея Есенина, «Мангалочий дворик» (организатор – А. Маркевич) в общественном музее Анны Ахматовой, мероприятия музея Сергея Бородина, деятельность поэтических клубов «Истоки» (руководитель – А. Е. Слоним), Клуб поэзии и бардовской песни «Арча» (руководитель – Т. Валитов). Последний осуществляет проведение международных фестивалей «Чимганское эхо» и «Осенний аккорд» (с включением в конкурсную программу поэтических номинаций), его творческий коллектив выступает на фестивалях Казахстана и Кыргызстана. Ежегодно проводятся вечера в честь российских поэтов В. Высоцкого и Б. Окуджавы.

Под патронажем СП действует Литературный семинар для молодых русскоязычных авторов (модератор – А. Горохов). Работа включает коллективное обсуждение поэтических и прозаических произведений (предварительно рассылаемых через интернет) под руководством более опытных авторов и специалистов-литературоведов. Помимо работ семинаристов анализируются в учебных целях произведения известных русских писателей.

Популярные русскоязычные авторы и талантливые переводчики имеют возможность регулярного выхода в эфир в программе «Литературная страница» (ведущий – Н. Юдина) на ведущем государственном информационном канале «Узбекистан-24».

В популяризации современной русскоязычной литературы Узбекистана и актуальной переводческой деятельности активно участвует общественный поэтический театр «Литера» (руководитель – член СП Узбекистана, поэт В. Осадченко): подготовка и реализация поэтических программ сценического характера с выступлениями русскоязычных авторов за рубежом (Алматы) и в городах Узбекистана (Самарканд, Фергана, Джизак, Гулистан, Андижан, Маргилан и др.).

Следует заключить, что русскоязычная литература Узбекистана живет, развивается и при внимании и поддержке общественных структур может предложить читателям еще немало интересных художественных страниц.

¹ URL: https://ruslovo.uz/files/almanah/slovo_pilot.zip.

СЕКЦИЯ I

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Р. Р. Баркибаева, Д. Кайраткызы

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби
(г. Алматы, Казахстан)

Интеграция языковых дисциплин через культурный компонент

А н н о т а ц и я . В статье говорится о процессах интеграции, которые затрагивают все аспекты жизни казахстанского общества в современном мире, актуализируют проблемы межкультурной и межъязыковой коммуникации. По мнению авторов, наиболее важными из них является осознание своей национально-культурной идентичности казахстанским обществом, понимание ими специфики иных культур и готовность к инокультурной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : образование; культурный компонент; интеграция; диалог культур; культуроведческий аспект; полиязычие.

Активизация реформы образования объективно является приоритетным направлением демократических и экономических преобразований, проводимых в последнее время. В ходе этой реформы определились несколько основополагающих принципов стратегии развития школы. Рассматривая их, исследователи исходят из того, что современная система образования в своих основных чертах сложилась под влиянием определенных философских и педагогических идей. Они были сформулированы Коменским, Песталоцци, Д. Дьюи [4] и другими основателями научной педагогики и в сумме образуют так называемую «классическую» систему или модель образования (школы).

Сегодня становится все более очевидным, что классическая модель образования фактически исчерпала себя: она уже не отвечает требованиям, предъявляемым к школе и образованию современным обществом и производством.

В целом, как полагают ученые-философы А. Ф. Зотов [3], В. И. Купцов и др., в настоящее время можно выделить, по меньшей мере, две тенденции изменений в сфере образования.

Во-первых, мировую тенденцию смены основной парадигмы образования (кризис классической модели и системы образования, разработка новых фундаментальных идей в философии и социологии образования, в гуманитарной науке, создание экспериментальных и альтернативных школ).

Во-вторых, движение нашей школы в направлении интеграции в мировую культуру (демократизация школы), создание системы обновленного образования, его гуманитаризация и компьютеризация, свободный выбор программ обучения, возникновение на основе самостоятельности школ и вузов.

Еще одно настоятельное требование – формировать нравственно-го, ответственного человека. Сегодня оно ставится в плане осмысления человеком нравственных реалий, т. е. прежде всего в гуманитарном плане.

Как справедливо отмечают исследователи, естественнонаучное мировоззрение вменяется современной культурой и образованием едва ли не каждому второму, но сегодня все более ощущается недостаток гуманитарного мироощущения, оно все чаще осознается как необходимость.

Возникшая на рубеже 60–70-х годов XX века теория глобального образования выдвинула в качестве приоритетной задачи формирование на уровне общепланетарного сознания совершенно нового взгляда на мир, основанного на восприятии его как единого, несмотря на все многообразие, целого, в котором благополучие каждого зависит от благополучия остальных.

Подобный подход к задачам и целям образования получает сегодня все большее признание во многих странах. Не является исключением и Казахстан. Гуманистическая основа, пронизывающая эту теорию, ее чрезвычайная актуальность в условиях современного мира, непротиворечивость традиционным национальным ценностям и общей направленности отечественного образования – все это создает немало-важные предпосылки для адаптации и широкой реализации данной концепции в казахстанской высшей школе. В отношении обучения языком (далее ИЯ) такой подход нашел свою реализацию в отечественной и зарубежной методике в обосновании содержания социокультурной компетенции и развитии концепции социокультурного образования [5], культуроведческого подхода [1], стратегической линией которого является положение о соизучении языка и культур.

В условиях реалий полиязычного Казахстана мы придерживаемся последней точки зрения, так как считаем, что такое овладение предполагает не только усвоение культурологических знаний (фактов культуры), но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также свои национальные особенности. На сегодняшний день такой подход к обучению представляет особую актуальность.

Так, в современном обществе во всех областях общественно-политической жизни развивается международное сотрудничество, идет процесс глобализации мира, который, с одной стороны, объединяет народы, разрушая исторические барьеры, а с другой – несет угрозу стирания этнического и культурного своеобразия народов, унификации жизни по чуждым им стандартам, с тревогой провозглашают отдельные исследователи.

В связи с тем, что эти противоречивые явления имеют тенденцию к усилению, перед образованием выдвигается сложная задача подготовки молодежи к жизни в условиях многонациональной и поликультурной среды, в духе мира и взаимного уважения. Задача подготовки молодежи к жизни в поликультурном мире названа в числе приоритетных в документах ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы последних лет. Образование должно не только способствовать тому, чтобы человек мог хорошо знать свои корни и на этой основе определить место, которое он занимает в мире, но и привить ему уважение к другим культурам.

Таким образом, процессы интеграции, затрагивающие все аспекты жизни казахстанского общества в современном мире, безусловно, актуализируют проблемы межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Литература

1. Быстрова Е. А. Культуроведческий аспект в преподавании русского языка в школе // Русская словесность. 2001. № 6.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Зотов А. Ф. Наука, технология, культура // Разум и культура. М., 1983.
4. Коменски Я. А, Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1989.
5. Сафонова В. В. Социокультурная компетенция как объект диагностики и контроля: методические поиски и некоторые проблемы // Непрерывное обучение иностранным языкам: методология, теория, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. Минск, 2002. Ч. 1.
6. Телия В. Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак. М., 1996.

Полифоничный мир диалога культур

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости лингвистических и лингводидактических исследований проблем взаимопонимания народов в диалоге культур. Рассматриваются различные диалогические версии культур, в частности, взгляды, так называемой, школы диалога культур, концептуально основанных на идеях В. С. Библера. Также в статье идет речь о характеристиках диалога культур, предлагаемых М. М. Бахтиным. По мнению автора, моделируя диалог культур в обучении русскому языку, используя сравнение на материале изучаемых в образовательных учреждениях страны языков: русского, казахского и английского, можно способствовать приобщению обучаемых к национальной культуре, к культуросной (кумулятивной) функции языка, что особо актуально в современном полиязычном Казахстане.

Ключевые слова: диалог культур; межкультурная коммуникация; культурология; лингвострановедение; образовательный процесс; культуроведческий аспект.

В социальной действительности любой контакт между коммуникантами одной и той же культурной общности или контакт представителей разных культур существует как диалог культур, требующий взаимопонимания. Необходимость лингвистических и лингводидактических исследований проблем взаимопонимания народов в диалоге культур стала уже общепризнанным фактом. На сегодня существуют различные диалогические версии культур.

Широко известна концепция диалога культур известного философа и культуролога В. С. Библера [2], которая явилась методологической основой одной из современных образовательных систем – школы диалога культур. Диалогическая версия культуры нашла свое практическое воплощение в образовательной практике. Прежде всего, это школа диалога культур, концептуально основанная на идеях В. С. Библера [2], в связи с возникновением которой происходит изменение содержания и смысла самой идеи образования в контексте идеи культуры. Осуществляется переход от идеи «образованного человека» к идее «человека культуры». Диалог в этой школе служит не просто педагогическим приемом, но определением самой сути диалога культур в окружающем мире, следовательно, и в образовательном процессе.

В рамках настоящего исследования такой подход предполагает равноправность всех участников учебного диалога – и ученика, и учителя, и тех личностей культуры, с которыми вступают в диалог. Язык при этом рассматривается как средство общения и взаимопонимания.

Ученик – личность, готовая к диалогу культур, т. е. к свободному и корректному использованию языков в межкультурном общении, личность, открытая как для своей родной, так и для других культур. При этом понимание значимости диалога культур, развития диалогичности мышления человека XXI века можно встретить в различных проявлениях школьной практики и педагогической теории. К примеру, диалог читателя и автора проецирует ситуация диалога между носителями различных культур. При этом диалог происходит не только «по горизонтали», т. е. в одно время между разными культурами, но и «по вертикали» – внутри одной культуры, а также между разными эпохами (так, чтобы понять А. С. Пушкина, надо воспринимать его человеком культуры своего времени).

Важные характеристики диалога культур предлагает М. М. Бахтин, подчеркивая диалогическую природу самой человеческой жизни: «Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, соглашаться, и т. д.». [1, с. 198]. Он также отмечает необходимость диалогического подхода в современном образовании.

Таким образом, диалогические версии культуры обуславливают диалогическое построение образовательного процесса как по содержанию, так и по форме, что может выступить в качестве основы при обучении языкам; – диалог культур как способ построения содержания образования можно рассматривать как условие развития и саморазвития личности; – реализация диалога культур в образовательном процессе способствует формированию толерантного отношения обучающегося к иным культурам, так как каждая культура открывает свои новые стороны и в то же время демонстрирует то общее, что объединяет культуры разных народов и людей, говорящих на разных языках; развивает способность понимать и воспринимать культурные образцы и ценности, осмысливать и реализовывать свое «я» в полифоничном мире диалога различных культур.

Потребность изучения процесса коммуникации людей, принадлежащих разным культурам, имеет важное значение в казахстанской поликультурной образовательной среде, так как появляется возможность прибегнуть не только к казахской, но и к культуре других народов.

При этом в процессе ценностного соизучения социально-культурного опыта, отраженного в родном, русском, изучаемом иностранном языках, происходит формирование личности на рубеже культур. Формирование культуроведческой компетенции в преподавании родного языка – это, во-первых, постижение национальной культуры своего народа, познание ее самобытности, во-вторых, формирование отношения к родному языку и осознание его значимости в жизни народа, в-третьих, развитие духовно-нравственного мира школьника, его наци-

онального самосознания, в-четвертых, формирование одной из важнейших ценностных ориентаций – отношение к родному языку, осознание его значимости в жизни народа. В преподавании иностранных языков познание стереотипов поведения и реалий, характерных для жизни одного народа и чуждых для других, осуществляется в целях преодоления возможного культуроведческого шока и ознакомления со своеобразием чужой культуры [5, с. 78]. При обучении русскому языку учащихся-казахов – это познание культуры русского народа в ее встрече с культурой других народов, осознание многообразия духовного и материального мира, признание и понимание ценностей другой культуры, умение жить и общаться в многонациональной стране, формирование толерантности, культуры межнационального общения.

Разные языки – это различные видения одной и той же вещи. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем. Поскольку языки дают нам различные способы мышления и восприятия, человеческое бытие становится богаче и шире.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. *Библер В. С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1990.
3. *Быстрова Е. А.* Диалог культур на уроках русского языка. СПб., 2002.
4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
5. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1990.

С. В. Доронина
Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)
Ж. Г. Чориев
Денауский институт предпринимательства и педагогики
(г. Денау, Узбекистан)

Нерешенные вопросы русской грамматики: грамматическое согласование в конструкциях с однородными членами

А н н о т а ц и я . В статье говорится о нерешенных вопросах русской грамматики – грамматическом согласовании в конструкциях с однородными членами. Как показало исследование, рекомендации справочной литературы о выборе формы единственного или множественного числа слова, согласуемого с рядом однородных членов, не совпадают. Кроме того, исследования по данному вопросу весьма немногочисленны. Это служит обоснованием необходимости частотно-статистического исследования употреблений форм слов, которое, по нашему мнению, позволит дать практические рекомендации лицам, изучающим нормы русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : согласование; определение; сказуемое; однородные члены предложения.

Проблемой согласования занимается узкий круг исследователей – Л. К. Граудина (2004), Д. Э. Розенталь (2001) и А. Штоль (2020). В указанной ортологической литературе выделяется три типа конструкций:

- 1) определяемое существительное при однородных определениях, обозначающих видовые признаки предметов одного рода;
- 2) определение (прилагательное или причастие) при двух или нескольких определяемых словах, имеющих форму единственного числа;
- 3) сказуемое при однородных подлежащих, связанных соединительными союзами.

Нас интересует вопрос, в какой форме – единственного или множественного числа – может употребляться зависимое слово в данных конструкциях, и какая из этих форм преобладает.

Рассмотрим конструкцию **первого типа**, где существительное может употребляться как в единственном, так и во множественном числе. Считается, что форма единственного числа указывает на внутреннюю связь определяемых предметов: *Во второй смене дети едят после первого и второго урока* («Вечерний Барнаул» 28.09.2006); *Администрация Октябрьского района особое внимание уделяет низовому и среднему звену ТОС* («Вечерний Барнаул», 05.10.2006). А форма множественного числа подчеркивает наличие разных предметов: *Произошло объединение городского и краевого противотуберкулезных диспансеров* («Вечерний Барнаул», 27.09.2006); *Гости из соседних ре-*

гионов, представители краевой, городской **администраций** проследуют в здание Алтайского краевого театра драмы («Вечерний Барнаул», 28.09.2006).

Л. К. Граудина и Д. Э. Розенталь отмечают, что в форме множественного числа употребляются главным образом конкретные существительные, прежде всего нарицательные неодушевленные. Л. К. Граудина приводит пример: *И с наслаждением, не торопясь, [Дрозденко] звучно ударил ее [Марию] по одной и другой щекам* (В. Быков. Карьер). Не исключается возможность использования в форме множественного числа и неконкретных существительных: *Тут ни много, ни мало, а требовалось гармоническое сочетание личного и общественного интересов...* (С. Залыгин. После бури).

Кроме того, Л. К. Граудина выделяет следующие факторы, влияющие на выбор формы множественного числа существительного:

1. Многочленность ряда однородных определений при существительном: *Посредине озера стояли три небольших военных корабля под советским, американским и британским флагами* (А. Чаковский. Победа).

2. Синтаксическое равноправие (одинаковая синтаксическая, коммуникативная значимость и семантическая независимость) однородных определений: *Человечьим духом вроде не пахло: и верхняя, и нижняя двери были замкнуты...* (В. Распутин. Живи и помни).

3. Бессоюзная связь между однородными определениями: *[Николай Гаврилович] владел английским, французским языками...* (В. Успенский. Тайный советник вождя).

4. В конструкциях с союзной связью – соединительные семантико-синтаксические отношения между однородными определениями (при наличии союза и): *В серебристом свете небывало огромной, какой-то праздничной луны немудрёный московский дворышко с чахлыми кустами сирени высохшим плющом на брандмауре соседнего дома с каретным и деревянным сараями напоминал итальянское патио, исполненное грусти и тайны* (Ю. Нагибин. Как был куплен лес).

5. Выражение однородных определений порядковыми числительными: *В одном классном помещении располагались, совмещаясь, первый и третий классы* (В. Солоухин. Смех за левым плечом).

Л. К. Граудина подчеркивает, что «если однородные определения – прилагательные вместе с определяемым словом относятся к составным индивидуальным наименованиям предметов одного рода, т. е. выступают в качестве имен собственных, в этом случае форма множественного числа существительного является предпочтительной: *Покуда депеши пойдут в Санкт-Петербург и обратно, немцы уже*

будут маршировать *перед Бурбонским и Елисейским дворцами* (С. Залыгин. После бури)».

В противовес Л. К. Граудиной, А. Штоль отмечает, что **часто** при определениях – порядковых числительных, местоимениях существительное ставится в единственном числе: *капитаны первого и второго ранга; у моего и твоего отца*. Анализируя данную грамматическую конструкцию, он отмечает, что если существительное стоит впереди определений, то оно употребляется во множественном числе: *языки немецкий и английский*.

В отличие от Л. К. Граудиной, Д. Э. Розенталь в соавторстве с И. Б. Голуб в книге «Секреты стилистики. Правила хорошей речи» выделяет факторы, влияющие на выбор формы единственного числа существительного, а не множественного. В грамматических конструкциях рассматриваемого типа употребление единственного числа рекомендуется в следующих случаях:

1) если форма множественного числа этого слова вообще не употребляется: *научный и технический прогресс, тяжелая и легкая атлетика*;

2) если это существительное имеет во множественном числе иное значение, чем в единственном: *железнодорожный и водный транспорт* (в значении «средство сообщения»), *тогда как транспорты* (с продовольствием) обозначают «поезда или морские суда, предназначенные для перевозки чего-либо»; *молодежное и студенческое движение* (ср.: *ритмические движения*);

3) если перечисленные разновидности предметов тесно связаны между собой по смыслу, образуют сочетания терминологического характера: *в правой и левой руке* (таксисе: *в правой и левой половине дома*); *существительные мужского и женского рода*; *глаголы первого и второго спряжения совершенного и несовершенного вида*; *в настоящем и будущем времени формы первого и второго лица*.

Анализируя рекомендации Д. Э. Розенталя, мы видим, что первый и второй пункты бесспорны, но они не являются предметом ортологии, так как отсутствие множественного числа исключает вариативность, вследствие чего снимается проблема выбора. Анализируя третий пункт, стоит отметить, что данный автор не подкрепляет свое исследование статистическим. Выдвинутая им позиция противоречит рекомендациям Л. К. Граудиной: в конструкциях с союзной связью – соединительные семантико-синтаксические отношения между однородными определениями (при наличии союза **и**) требует множественного числа существительного. Мы видим, что конструкции синтаксически близко построены, но факторы, приводимые данными исследо-

вателями, разные. Из этого следует вопрос, что важнее синтаксическая структура или устойчивое сочетание?

Л. К. Граудина более детально, нежели Д. Э. Розенталь, исследует вопрос о согласовании однородных членов в конструкциях первого типа, но, А. Штоль, в своих наблюдениях расходится во мнениях с Л. К. Граудиной, видя в них противоречия.

Нами не обнаружено комплексных ортологических исследований, которые послужили основанием для составлений практических рекомендаций. С целью выяснения действительного положения дел в сфере рассматриваемой нормы в настоящее время требуется провести статистическое исследование контекстов, содержащих конструкции первого типа.

Анализируя конструкцию **второго типа**, Д. Э. Розенталь и А. Штоль сходятся во мнениях, что определение ставится **в форме единственного числа**, если по смыслу ясно, что оно относится не только к первому (ближайшему) существительному, но и к остальным. Так в предложении у И. С. Тургенева: *Дикий гусь и утка прилетели первыми – речь не могла идти о диком гусе и домашней утке*. Или: *Ее великолепная шуба и шляпка не производили никакого впечатления* (А. П. Чехов) – по смыслу великолепными были и шуба и шляпка. По мнению А. Штоля, при разделительном союзе между существительными определение также употребляется в единственном числе (*новый рассказ или повесть*).

Определение ставится **в форме множественного числа**, когда может возникнуть неясность, относится ли оно только к ближайшему существительному или ко всему ряду однородных членов: *в комнате стояли коричневые шкаф и диван; прошли мимо десятилетние мальчик и девочка; новые роман и повесть*.

Таким образом, рекомендации исследователей по вопросу о согласовании в конструкциях второго типа ориентированы на принцип семантической достаточности. Целесообразен ли такой подход? Почему в близких синтаксических конструкциях выделяют действие разных факторов? И действительно ли только данный фактор оказывает влияние на выбор формы определения? Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, необходимо провести статистическое и экспериментальное исследования.

Анализируя конструкцию **третьего типа**, Л. К. Граудина, приходит к выводу, что в рассматриваемой конструкции преобладает форма множественного числа сказуемого – это связано с общей тенденцией к согласованию по смыслу. Особенно сильна эта тенденция в публицистике и в деловой речи. Постпозитивное сказуемое в конструкциях описываемого типа имеет, как правило, форму множественного числа:

машинист и помощник поехали утром. Единственное число сказуемого, по словам Л. К. Граудиной, употребляется обычно в тех случаях, когда при подлежащих стоит повторяющийся разделительный союз: *ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал.* Препозитивное сказуемое может употребляться как в единственном, так и во множественном числе, однако и в этом случае в упомянутых жанрах преобладает множественное число: *Преподавались математика и физика – преподавалась математика и физика; Его [М. Волошина] видение и ощущение свершающегося были близки цветаевским; Стихи еще очень слабы, но в них впервые пробивается у Цветаевой предчувствие, тоска по любви* (В. Швейцер. Быт и бытие М. Цветаевой).

Стоит отметить, что, кроме Л. К. Граудиной, конструкцию третьего типа никто из исследователей грамматической нормы не анализировал. Мы можем предположить, что это связано с низкой частотностью конструкций, а также с тем, что норма пребывает в стадии формирования. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство: Л. К. Граудина утверждает, что препозитивное сказуемое может употребляться как в единственном, так и во множественном числе, но наличие факторов, влияющих на выбор формы числа сказуемого, она не выделяет. Из ее рекомендаций мы можем сделать только один вывод – в данных конструкциях в целом предпочтительна форма множественного числа сказуемого.

Мы видим, что интересующие нас конструкции рассматривает узкий круг исследователей грамматической нормы, а в справочниках вообще игнорируется данная проблема. Нами также не обнаружено комплексных ортологических исследований, которые послужили основанием для составлений практических рекомендаций. Это служит обоснованием необходимости частотно-статистического исследования употреблений форм слов, которое, по нашему мнению, позволит дать практические рекомендации лицам, изучающим нормы русского языка.

Литература

1. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2004.
2. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М., 2001.
3. Штоль А. Русский язык в таблицах. Орфография и пунктуация. М., 2020.

Н. М. Гагарина

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Какая это сила – русский язык, или Почему его нужно изучать

А н н о т а ц и я . Статья анализирует и обобщает роль русского языка в жизни многонационального сообщества в советский и постсоветский период. Рассматривает причины, побуждающие иностранцев к изучению русского языка и факторы, влияющие на рост интереса к русскому языку в мире.

К л ю ч е в ы е с л о в а : объединяющая сила; язык межнационального общения; насущная потребность.

Русский язык, как объединяющая сила советского и постсоветского пространства. В период СССР люди стали не только грамотными, но и образованными в наиболее широком и полном смысле этого слова. И существенную роль в этом сыграл русский язык. Он давал людям других национальностей возможность полноценного общения с русским народом. За счет этого, во-первых, происходил взаимовыгодный качественный обмен культурологическими и историческими знаниями, которые взаимно насыщали и обогащали народы. В то же время, это была возможность общения с народами других республик, которые также изучали русский язык. Для всех это был язык межнационального общения. Кроме того, русский язык стал тем мостом, который связывал опосредованно с зарубежными странами [3]. Русский язык – это язык межнационального общения. С помощью русского языка были подготовлены национальные кадры республик в составе СССР. Русский язык способствовал приобщению широких слоев населения к русской и мировой культуре. Изучая другой язык, получают уникальную возможность выйти за границы своего языкового видения мира, посмотреть на свой собственный язык как бы со стороны и лучше понять его. Поэтому для детей многонациональной страны знание русского языка – не просто часть хорошего образования, а насущная потребность [4].

В ближайшем будущем возможно укрепление позиций русского языка за рубежом. В настоящее время потребность в знании русского языка значительно выросла – этому предшествовал ряд как политических, так и экономических причин.

Кому необходимо изучать русский язык как иностранный?

- Постоянным или временным иммигрантам в Россию. Многие иностранцы мечтают о работе за рубежом, в том числе, в России.

- Желаящим расширить свой кругозор, путешествовать или переехать в Россию в качестве постоянного места жительства.

- Жителям соседних стран, где русский язык является отчасти родным для внушительной части населения и является языком-посредником и языком трудовой миграции.

На рост интереса к изучению русского языка в мире влияет расширение международного политико-экономического, научно-образовательного и культурно-гуманитарного сотрудничества Российской Федерации [2].

В школах Великобритании русский преподносится в качестве одного из современных языков, и по нему даже можно сдать экзамен, результат которого будет зафиксирован в аттестате зрелости. В структуре же высшего образования он будет необходим тем, кто желает погрузиться в культуру России, и для будущих историков, филологов, экономистов. В США так же русский преподается на уровне высшего образования на его первом этапе и в магистратуре. В европейских школах русский язык стоит в пятерке самых изучаемых предметов среди других иностранных языков [5].

Какие возможности открывает знание русского языка? С точки зрения одного из британских университетов (Warwick University), есть ряд бесспорных причин для изучения русского языка как иностранного.

- Русский язык широко распространен.

Занимает пятое место по распространенности языка в мире. Примерно 300 млн чел. во всем мире говорят по-русски, 160 млн из которых считают его своим родным языком. По другим оценочным данным, русский язык по числу владеющих им (свыше 500 млн чел.) занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд) и английского (750 млн). В той или иной мере русский язык изучают в вузах и школах более чем в 140 странах мира [1]. Российская – самая большая страна в мире, ее площадь почти вдвое превышает площадь Соединенных Штатов. В России проживает почти 150 млн чел., что составляет чуть более 50% населения бывшего Советского Союза.

- Россия – важная мировая держава.

В 2014 г. лидерами Беларуси, Казахстана, Армении и России был подписан Договор о создании ЕАЭС. Это в перспективе может усилить российское экономическое, внешнеполитическое и военное влияние в регионе. НАСА зависит от Российского космического агентства в транспортировке астронавтов на Международную космическую станцию. Наконец, ресурсная экономика России вышла из глобального кризиса относительно невредимой. Аналитики энергетической отрасли

предполагают, что к 2030 году Россия сможет контролировать до 50 % европейского природного газа.

- Знание русского языка открывает новые возможности для бизнеса.

Российские предприниматели хорошо разбираются в международной экономике и охотно налаживают деловые отношения с партнерами из-за рубежа, а в силу размеров страны и ее природных ресурсов российский рынок представляет большой интерес для иностранных бизнесменов.

- Российская экономика.

Россия является одним из крупнейших производителей многочисленных природных ресурсов и сырья, включая нефть, алмазы, золото, медь, марганец, уран, серебро, графит и платину. Россия является вторым по величине производителем стали в мире после Японии и обладает огромным запасом древесины. Это крупнейший в мире производитель природного газа, третий по величине производитель нефти и четвертый по объему добычи угля. По оценкам, Россия обладает 40 % мировых запасов природного газа. Доказанные запасы нефти в России уступают только Саудовской Аравии, и она является крупнейшим производителем нефти в мире.

- Русский язык является важным языком для науки и техники.

Согласно недавнему исследованию, наибольшее количество научных публикаций издается на английском языке, на втором месте по количеству – публикации на русском языке. Россия всегда была богата самородками в науке, начиная с таких, как Ломоносов, Менделеев и многие другие, и заканчивая недавними международными медалями по математике; а более поздние инновации в области компьютерного программирования, программной инженерии и информационных технологий осуществляются представителями Российских государственных и частных предприятий.

- Поражающая своим богатством культура России.

Россия-родина лучших мировых традиций в искусстве. Балет, театр, кино, литература, музыка и изобразительное искусство-это лишь некоторые из областей, в которых русские создали великие традиции и продолжают давать миру замечательных новаторов. Произведения Александра Пушкина, Льва Толстого, Федора Достоевского, Николая Гоголя и других, известны во всем мире. Однако русская культура известна не только своими писателями. Это многие блестящие музыканты и певцы, такие как Шаляпин, Чайковский, Рахманинов и десятки других. Слава русского балета и его звезд Анны Павловой, Михаила Барышникова и Рудольфа Нуреева не уменьшается и сегодня.

- Путешествия.

Россия занимает обширную территорию, предлагающую множество возможностей насладиться курортными городами с великолепными пляжами, познакомиться с тайгой с ее разнообразной дикой природой и неизведанными местами.

- Знание русского языка полезно для работы с архивными документами.

История России имеет огромное значение для понимания мировой истории, играет решающую роль в развитии мира на протяжении последних столетий. Недавно открытые архивы позволили русскоязычным исследователям заглянуть в прошлое и понять причины и следствия многих глобальных событий [6].

Согласно Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, утвержденной 3 ноября 2015 года русский язык является:

- а) основой истории и культуры России;
- б) государственным языком Российской Федерации;
- в) языком межнационального общения и важным инструментом взаимодействия на пространстве СНГ;
- г) средством этнокультурной и языковой самоидентификации соотечественников, проживающих за рубежом;
- д) одним из наиболее распространенных языков в мире;
- е) официальным или рабочим языком крупнейших международных организаций;
- ж) средством формирования позитивного образа Российской Федерации, инструментом российского влияния в мире [2].

Литература

1. *Языков М.* Русский язык и его роль в современном мире // Казачество. 2016. № 1 (14).
2. *Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом.* URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50644>.
3. *О связующей силе русского языка.* URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/01/o_svyazuyuwej_sile_russkogo_yazyka.
4. *Новопашин А., Нарлиев Х.* О связующей силе русского языка. URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/01/o_svyazuyuwej_sile_russkogo_yazyka.
5. *Ооржак А. П.* Для чего людям разных национальностей России нужно хорошее знание русского языка. URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2014/02/24/dlya-chego-lyudyam-raznykh-natsionalnostey-rossii-nuzhno>.
6. *PKI – русский как иностранный.* URL: <https://accent-center.ru/ru/articles/rki---russkij-kak-inostrannyj.html>.

Функционирование глаголов в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова)

А н н о т а ц и я . В статье освещаются особенности функционирования глаголов речи в художественном тексте на примере стилового письма выдающегося русского писателя, мастера короткого рассказа А. П. Чехова. Цель статьи – выявить специфику идиостиля автора повествовательного текста, его предпочтения в использовании определенных глаголов для создания достоверного образа персонажей, определить функции глагольных единиц в пространстве художественного дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а : анализ художественного текста; глаголы речи (говoreния); рассказы А. П. Чехова.

Настоящая статья посвящена исследованию функционирования лексико-семантических групп глаголов в произведениях А. П. Чехова. Выбор объекта исследования определен рядом причин. Во-первых, глагол имеет большие возможности выразительно и ярко описывать события по сравнению с другими морфологическими единицами русскими языками. Во-вторых, глаголы, передавая чувства и эмоции героев художественного произведения, служат эффективной и образной речевой конкретизации. И, наконец, в современной лингвистике одной из актуальных проблем является исследование функционирования глагольной лексики и лексико-семантических групп глаголов в разных типах текстов, интерес к этой теме постоянен (необходимо сказать о вкладе Уральской научно-исследовательской школы в описание разных лексико-семантических групп русского глагола).

Большинство авторов подчеркивает способность глагола к метафоризации. К примеру, А. М. Пешковский отмечает, что именно метафоризация делает глаголы «живыми». При этом одним из преимуществ глагола он считает способность к олицетворению [3, с. 169]. Г. Ш. Артыкова и Н. Р. Атаева отмечают ряд глаголов, регулярно используемых в качестве средств образной речевой конкретизации. Такие глаголы обычно вне контекста лишены стилистической окраски и не помечены в словарных статьях как таковые. Они не употребляются в официальной и научной сферах, что объясняется абстрактным характером подачи информации в данных сферах, тогда как рассматриваемые глаголы используются для обозначения конкретных, детально-образных действий. Как пишут упомянутые выше авторы, в произведениях художественной литературы с наибольшей полнотой реализу-

ется выразительный потенциал глаголов разнообразной семантики, которые используются авторами с наибольшей полнотой [1, с. 890].

По мнению выдающегося художника русского слова Алексея Николаевича Толстого, «в художественной речи глагол – это есть движение...» [4, с. 22]. В художественных произведениях всё, о чем рассказывает автор, лишь тогда «оживает», когда события, люди, мотивы их поступков, свойства характеров представлены в динамике, в действии.

К глаголам данной лексико-семантической группы относятся глаголы со значением говорения, или речи. Рассмотрим функционирование глаголов данной лексико-семантической группы в произведениях А. П. Чехова. Глагол сказать имеет словарную дефиницию – *«произнести слова; выразить мысли свои»* [2, с. 84], выступая в своем прямом значении. *При этом Ваши слова справедливы и логичны, – сказал дьякон, – но леность моя находит себе извинение в обстоятельствах моей настоящей жизни* (Дуэль). Здесь данный глагол обозначает совершённое действие, реализуясь в форме прошедшего времени, а во втором контексте: *Вот что я тебе скажу: ты учнейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили* (Дуэль). *«Что скажут товарищи, когда узнают? Так думал Старцев, бродя в клубе около столов, а в половине одиннадцатого вдруг взял и поехал на кладбище* (Ионыч). *Пожалуйста. Ты попроси его от моего имени. Скажи, что я просил* (Палата № 6) – несовершенное действие, глагол выступает в форме будущего времени или повелительного наклонения.

Глаголы в авторском повествовательном тексте, прежде всего, сопровождают прямую речь, круг данных глагольных единиц увеличивается за счет метафоризации лексем, передающих состояние психики, движения и действия людей. Такая замена глаголов, обозначающих собственно процесс речи другими с переносным значением возможна лишь в художественном тексте: *Замолчи! – вспыхнул Самойленко. – Я не позволю, чтобы в моем присутствии говорили дурно о благороднейшем человеке!* (Дуэль); *Бить вас некому! – вздыхал зоолог* (Дуэль). *Почему ты думаешь? – пожал плечами зоолог. – Я так же способен на доброе дело, как и ты* (Дуэль). Для констатации речевого факта в основном писатели используют соответствующую глагольную единицу.

Для характеристики персонажей художественного произведения используются особые, ключевые глагольные слова, характеризующие речь героев произведений. Так, когда автор хочет передать диалог персонажей, он может использовать вместо глаголов собственно речи, типа сказал, спросил, ответил и т. д., глаголы действия, сопровождающие реплики героев. В художественных текстах можно заметить ряд глагольных групп, регулярно используемых для образной речевой конкретизации. Они не имеют внеконтекстуальную стилистическую

окраску, в тексте могут передавать психическое состояние героя: *И он пошел дальше, продолжая приятно улыбаться, но, увидев идущего навстречу военного фельдшера, вдруг нахмурился, остановил его и спросил: Есть кто-нибудь в лазарете?* (Палата № 6).

А. П. Чехов, мастер художественного слова, создает образ персонажа не только посредством его действий, но и посредством «проникновения» в его психику, внутренний мир. Отдельные поступки его персонажей образуют систему их поведения, отражая скрытые помыслы, желания, эмоции героев. Так, в рассказе «Толстый и тонкий», высмеивается преклонение человека перед высокопоставленным лицом, для этого автор использует глаголы определенной семантической группы. Встретившись, два старых друга сначала разговаривают по-приятельски, просто, но вдруг один из них узнает о том, что второй – важный чиновник: *«Нет, милый мой, – сказал Толстый. – Я уже до тайного дослужился»* (Толстый и тонкий). Тут сразу поведение Тонкого меняется, что А. П. Чехов передает с помощью приема антитезы: *Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился...* (Толстый и тонкий). В некоторых случаях вместо перечисления действий можно наблюдать детализацию речи посредством дополнительных конкретизаторов, которые передают чувства и состояние говорящего: *Гуров, сидевший тоже в партере, подошел к ней и сказал дрожащим голосом, улыбаясь насильно: «Здравствуйте»* (Дама с собачкой); *Иван Дмитрич с блестящими глазами поднялся и, протягивая руки к окну, продолжал с волнением в голосе: Из-за этих решеток благословляю вас! Да здравствует правда! Радуюсь!* (Палата № 6).

Таким образом, анализ показал, что русские глаголы могут использоваться в рассказах А. П. Чехова с целью создания художественного образа персонажей. При этом глаголы в прямом и переносном значении служат образности речи героев, используются для выражения чувств через конструкции с прямой речью и слова-конкретизаторы.

Литература

1. Артыкова Г. Ш., Атаева Н. Р. К вопросу об использовании глагольных форм в художественном тексте // Молодой ученый. 2016. № 6.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1–4.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: учеб. пособие. 10-е изд. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
4. Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 10.

М. Б. Зайнутдинова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Морфонема и основные понятия морфонологии

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных понятий морфонологии: морфонема, субморф, морфонологическая позиция, формообразование и словообразование.

Ключевые слова: фонема; звук; морф; морфонема; субморф; единица морфонологии; элементарная единица; высшая единица.

Впервые понятие «морфонема» предложил Г. Улашин. Он понимал ее как фонему в семасиолого-морфологической функции. Термин «звук» Г. Улашин закреплял только за природными звуками, а звуки речи называет «фонемами» [9, с. 4]. Термин «морфонема» в этом же значении выделяется рядом зарубежных ученых, а также В. Г. Чургановой [7] и приблизительно соответствует терминам фонема А. А. Реформатского, фонемный ряд Р. И. Аванесова, парадигмо-фонема М. В. Панова.

В отличие от Г. Улашина, в вопросе выделения единиц морфонологии Н. С. Трубецкой использовал понятие морфонемы, которую определял как «комплексный образ двух или нескольких фонем, способных, в зависимости от морфологической структуры слова, замещать друг друга внутри одной и той же морфемы» [6]. Морфонема связана с понятием фонема и архифонема, морфонема связывала несистемные (синтагматические) в фонологии, являющиеся системными в морфеме (морфологии).

А. А. Реформатский, анализируя понятие морфонемы Г. Улашиным, Н. С. Трубецким, писал о том, что понятие «морфо(фо)немы» – ненужное понятие», так как оно или травестирует иные явления (Г. Улашин, Д. Трейджер), либо корреспондирует мифическому объекту (Н. С. Трубецкой, М. Свадеш) [4], а о морфонеме говорил как о термине, потребность в котором «кажется только в том случае нужной, когда исследователь желает объединить в одно целое чередующиеся элементы вариантов фонем: например, [к] – [ч]: *рука – ручной, пеку – печешь* и т. п.; [г] – [ж]: *дорогой – дорожке, луг – лужайка* и т. п.; [эк] – [ш']: *треск – трещать, писк – пищать*; [о] или [е] – нуль: *лоб – лба, день – дня* и т. п. – это явно не фонетические единицы, но потребность в них может быть» [4]. Это высказывание, содержащее идею структурного изучения морфонологии, считают отправной точкой развития морфонологической теории.

Возвращаясь к точке зрения А. А. Реформатского на морфону, приведем еще более категоричное высказывание лингвиста: «Никакой „морфону“ нет и быть не может... у морфонологии нет своего „гения“, т. е. основной единицы, а у любого подлинного структурного яруса она есть: у фонологии это фонема, у морфологии – морфема» [5].

Точку зрения А. А. Реформатского на представление о морфонологии и ее единицах позднее поддержали многие ученые. Существование морфону отвергается О. С. Ахмановой, Э. А. Макаевым, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степановым, С. М. Толстой и др.: «Признание морфонологии особой дисциплиной вовсе не предполагает обязательного выделения новой единицы – морфону... Способность двух или более фонем заменять друг друга в соответствии с морфологической структурой данного языка... вполне адекватно обозначается термином «морфонологическое чередование» [3]; «Морфонема как особая единица языка – построение довольно искусственное: нет никаких доказательств того, что морфону функционируют как целостные единицы, оно не оправдано и простотой описания. Введение этого понятия даже усложняет описание».

Кроме понятия морфонема, основными единицами морфонологии считаются также морф и субморф.

По мнению некоторых авторов, в морфонологии существуют две единицы соподчиненных уровней: субморф и морфонема. Субморф выступает при этом, если пользоваться терминологией Е. Д. Поливанова, как единица-максимум морфонологии, а морфонема – как единица-минимум. Морфону являются строительным материалом для морфем. Их соотношение предстает изоморфным: связи слога и фонемы в фонологии, слова и морфемы в морфологии, предложения и словосочетания (фразы) в синтаксисе. «Морфонема является элементарной единицей морфонологического уровня <...> Субморф – высшая единица морфонологии» [8].

Использование этого понятия в работах российских лингвистов, в общем, не слишком распространено. Наиболее органично оно, по-видимому, для авторов, близких к традиции Р. И. Аванесова. Это неудивительно, ибо в концепции Аванесова представлено понятие, которое введено именно для того, чтобы обеспечивать связь фонологии и морфологии, – фонемный ряд. Фонемный ряд, как известно, это набор фонем, чередующихся в данной позиции в составе той же морфемы, т. е. при сохранении тождества морфемы. Иначе говоря, это класс фонем, находящихся в отношении автоматического варьирования в данной позиции в составе данной морфемы.

Наиболее простое решение здесь – приравнять понятия фонемного ряда и морфону, что и делает В. Г. Чурганова, а в одной из

последних работ и сам Р. И. Аванесов [2]. «Морфонема – единица, отражающая единство сильных и слабых фонем данного класса, рассматриваемых в качестве компонента реальной морфемы (морфа)» [9]. Там же дается и несколько отличающееся определение: «Единство фонем каждого... ряда, занимающего определенное место в морфеме и распределяющего свои составляющие в зависимости от фонологических позиций... называется морфонемой» [1].

Итак, морфонема – это совокупность фонем, которые чередуются во всех морфах одной морфемы.

Обратите внимание на морфы корневой морфемы *брос* – слова *бросок*. В словоформах *брос-ок*: *брос'-и(ть)*, *брош-у*, *вы-брас-ыва(ть)* корневая морфема выступает в морфах *брос-*, *брос'-*, *брош-*, *брас-*, где представлены две морфемы: 1 – [с – с' – ш]; 2 – [о – а]. В суффиксальных морфах этой же морфемы (*брос-ок*, *брос-к-а*, *брос-оч-ек*) выделяются такие морфемы, как: [о – Ø] и к – ч'.

В корневой морфеме словоформ *благородный*, *облагородить*, *облагороженный*, *облагораживать* имеются две морфемы: 1 – [д – д' – ж] и 2 – [о – а], в префиксальной морфеме словоформ *подданный*, *поддетый*, *подписанный* – морфонема [д – д' – т] и т. п.

В 1970–1980-е годы широкое распространение получила выдвинутая В. Г. Чургановой и И. А. Мельчуком идея описания морфонологии не в терминах морфем, а в терминах субморфов – цепочек морфем, формально совпадающих с морфемами, но не обязательно несущих значение (ср. субморф *-ец* в *лар-ец*, где он является суффиксом, и в *чепец*, где он входит в корень). Обоснованием такого решения служит, во-первых, то обстоятельство, что морфонология имеет дело с означающими морфем, но не с их означаемыми, а во-вторых, возможность формулировать правила чередований в более простом и общем виде (например, переход *ц* в *ч* в *ларчик*, *чепчик* может быть описан как свойство субморфа *-ец*, но не суффикса *-ец*) [1].

Тем не менее, такой подход вызывает серьезные возражения. Во-первых, неясны принципы членения словоформ на субморфы: могут ли, например, в слове *порог* быть выделены субморфы *по-* (ср. *по-бег*) и *-рог* (ср. *рог-ач*). Во-вторых, упрощение формулировок правил возможно без всякого обращения к понятию «субморф» (так, переход *ц* в *ч* перед *и* не связан ни с суффиксом *-ец*, ни с субморфом *-ец*, а свойствен любому *ц* на конце основы, ср. *лицо* – *личико*). Содержащаяся в термине «субморф» латинская приставка *sub* (в значении «под») указывает на несамостоятельный, подчиненный характер того, что обозначено другой, корневой, частью этого слова.

Основа в словах *огур/ец*, *нем/ец* *тарел/к/а*, *потол/ок*, *жавор/онок*, *рес/ница* с точки зрения современного русского литературного языка

состоит из одного корня. А основы слов *молод-ец*, *куп-ец*, *книж-к-а*, *стрел-ок*, *еж-онок*, *иголь-ниц-а* имеют, помимо корня, суффиксы. В словах первой группы части *-ец-*, *-к-*, *-ок*, *-онок-*, *-ниц* – являются **субморфами**, которые выделяются в этих словах только с точки зрения морфонологии.

Семантически субморф неотделим от морфа, составляет его часть, участвует в выражении значения, свойственного морфу в целом, однако в плане морфонологическом субморф отделяется от «материнского» морфа и приобретает самостоятельность.

Субморф – единица более низкого уровня, чем морф. Субморфы выделяются лишь потому, что существуют общие с ними по формальному составу морфы, с которыми их роднят одинаковые чередования (ср.: *е/О*, *ц/ч*; ср.: *молод-ец* – *молод-ц-а*, *куп-ец* – *куп-ц-а* и *огур-ец* – *огур-ц-а*, *нем-ец* – *нем-ц-а*).

Понятие субморфа, впервые введенное В. Г. Чургановой [7], не принадлежит к числу активно используемых в морфонологии, однако оно заслуживает внимательного рассмотрения. Обращаясь к этому понятию, следует начать исследование вопроса о том, существуют ли специфические единицы морфонологии. Морфонология, как не раз отмечалось выше, – это фонологические явления и процессы, которые сопровождают морфологические. Поэтому в морфонологических правилах фигурируют указания, с одной стороны, на фонологические единицы, их типы, например, «корень с исходом на щелевую согласную», а с другой – на морфологические единицы, например, «суффикс множественного числа». Если оставаться в пределах указанных единиц и признаков, то окажется, что никакими собственными единицами морфонология не располагает.

Однако существуют как будто бы ситуации, когда сферой проявления морфонологических явлений оказывается не морфема, а ее часть. Например, в словах *конец*, *голец*, *отец* корень может принимать варианты *конц-*, *гольц-*, *отц-* соответственно, и в целом достаточно естественно считать, что эти изменения затрагивают не корень в целом, а его конечный сегмент *-ец*. Этот сегмент не имеет какой бы то ни было морфологической интерпретации, но проявляет, как видим, определенную самостоятельность с морфонологической точки зрения.

В. Г. Чурганова описывает субморф как «единицу, выражающую морфонологическое единство регулярно организованных элементов звуковой оболочки слова, не вычленимых на морфологическом уровне, с элементами вычленимыми» [9], а в другой работе дает определение: «...субморф – это внутренне организованный блок морфофоном, который может быть соотнесен с морфом или самостоятельно, или вместе с другим субморфом» [9]. Но и описанием, и определением трудно

пользоваться реально: неизвестно, что такое «морфонологическое единство», чем отличается «внутренне организованный блок» морфологием от блока, лишённого такой организованности.

Например, в составе морфемы (морфа) *берег* вполне можно выделить «внутренне организованный блок» *-ере-*, однако вряд ли есть смысл придавать ему статус особой единицы. Если к тому же требовать членения на субморфы без остатка, то сегмент *-ере-* тем более нельзя выделить в качестве субморфа. Неясно, как следует вычленять субморфы: либо в составе морфемного экспонента выделяется субморф и «остаток» никак не квалифицируется, либо после выделения одного субморфа второму сегменту также автоматически приписывается статус субморфа на основании принципа остаточной выделяемости.

Например, в экспоненте корня *огурец* вычленяется субморф *-ец* на основании вхождения беглой гласной, но «остаток» *огур'* сам по себе не обладает какой-либо морфонологической спецификой. Статус субморфа ему может быть приписан только при условии соглашения о том, что план выражения должен быть представлен без остатка в терминах субморфов.

Понятие субморфа должно найти свое место в общей теории морфонологии (во всяком случае, для описания языков типа русского): трактовка изменений наподобие *конец – конца* или *осёл – осли* в качестве варьирования целостных нерасчленённых морфем кажется искусственной, настолько явно здесь вычленяются изменяемая и неизменяемая части. Соответственно субморф в первом приближении можно определить как морфонологически изменяемую часть морфемы.

Выделение субморфов связано с историческими изменениями, произошедшими в языке, так как многие субморфы когда-то были морфемами, но с течением времени в результате опрощения превратились в часть других морфем. Так, в слове *немец* исторически корень тот же, что в слове *немой*...

Литература

1. Абдуазизов А. А. и др. Общее языкознание. Ташкент: НУУз, 2012.
2. Аванесов Р. И. Общее языкознание. Минск: Высшая школа, 1976.
3. Ахманова О. С. Фонология. Морфонология. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1966.
4. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970.
5. Реформатский А. А. О членимости слова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975.
6. Грубецкой Н. С. Морфофоническая система русского языка // Избранные труды по фонологии. М.: Прогресс, 1987.

7. Чурганова В. Г. О предмете и понятиях фономорфологии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1967, вып. 4.

8. Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973.

9. Ułaszyn H. Laut, Phonema, Morphonema // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1931. Vol. 4.

В. В. Зикратов

Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

И. А. Зубайдуллаев

Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан)

Типичные ошибки в узбекской аудитории, изучающей русский язык: логопедический подход

Аннотация. В статье представлен анализ типичных ошибок студентов, изучающих русский язык, на примере темы «Глагол». К отдельным типам ошибок дано их логопедическое обоснование. Приведены отдельные виды упражнений, способствующие профилактике и устранению этих ошибок.

Ключевые слова: типичная ошибка; логопедический подход; узбекская аудитория; виды упражнений; иностранные студенты.

Проблема выделения типичных ошибок у иностранных студентов, изучающих русский язык, не нова для методики обучения русскому языку как иностранному.

Анализ ошибок в основном осуществлялся на основе письменных работах и устных высказываниях китайских студентов. Так, в работах китайских русистов-фонетистов Ван Сяньжун и Чжао Чжэ выделены 14 основных групп типичных отклонений в русском произношении носителей китайского языка [2 с. 56–63; 8, с. 17–19]. О. П. Игнатьевой выделены фонетико-ритмико-интонационные и лексические ошибки в речи иностранного учащегося; ошибки, связанные с усвоением грамматики русского языка; ошибки, связанные с трудностями аудирования русской речи; ошибки, обусловленные несформированностью навыков и умений чтения; ошибки, обусловленные несформированностью навыков и умений говорения; ошибки, обусловленные несформированностью навыков и умений письменной речи [5]. Е. А. Даниловой и Т. Н. Юркиной представлен анализ типичных ошибок иностранных студентов при образовании и употреблении русских падежных форм [3], а Е. Б. Никифорова и Т. М. Терещенко – с позиций использования лексики (неправильный выбор слова для определенного контекста; выбор синонимов; паронимов, многозначность лексем и т. д.) [7].

В Новом словаре методических терминов и понятий Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина даются определения таким типичным ошибкам, как орфоэпические, акцентологические, грамматико-морфологические, грамматические ошибки, ошибки в управлении и согласовании и др. В этом же словаре приводится определение термину «ошибка», под которой авторы понимают «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм» [1]. В нашей работе мы будем придерживаться данного определения.

Как было отмечено выше, основные работы посвящены анализу типичных ошибок в устной и письменной речи в основном китайских студентов. В нашей работе мы проанализируем наиболее часто встречающиеся ошибки в письменной речи узбекской аудитории, изучающей русский язык, в рамках темы «Глагол» и дадим им логопедическое обоснование.

На основе анализа 26 работ студентов нами выделены следующие группы ошибок:

- *фонетические*. Замена [ы] на [и] в словах на письме (заб[и]л вместо заб[ы]л, яз[и]ку – яз[ы]ку; об[и]чно – об[ы]чно и др. слова), пропуски букв в словах (целю – вместо целую, обьяет – объясняет, ден – день, спат – спать). С точки зрения языка в данном случае наблюдается межъязыковая интерференция, т. е. наложение фонетической системы родного языка на изучаемый язык (например, в узбекском языке отсутствует [ы]). С логопедической точки зрения это объясняется: 1) разностью артикуляционной базы, под которой понимается «...совокупность привычных движений и состояний органов речи, необходимых для произнесения звуков того или иного языка» [4, с. 41]; 2) недостаточностью сформированности фонематического слуха, при которой нарушается дифференциация фонем и установление правильных звукобуквенных соответствий на письме. Устранение этой трудности в дальнейшем будет способствовать формированию фонетической компетентности у студентов, под которой понимается «знание и умение воспринимать и воспроизводить звуки изучаемого языка в речевом потоке» [6, с. 93];

- *грамматические*. В данной группе можно выделить подгруппы: 1) ошибки управления и согласования (мама купил вместо мама покупает; она купила – она купила; в нашу библиотеку – в нашей библиотеке; быстро обедал – пообедал, я выпить кофе – выпил кофе и др.); 2) аграмматизмы (я вспоминали вместо я вспомнила; были в Ташкент – были в Ташкенте; я выучу – я учу; подготовила обед и пошел – приготовил обед и пошел и др.); 3) грамматико-морфологические (писал – написал; спрашиву – спрашивает; часто получался – часто получал; видел – увидел; я писал письмо от мамы – получил письмо от мамы

и т. д.); 4) ошибки образования словоформ имен существительных, глаголов (факультита – факультета, в Ташкент – в Ташкенте, показал – показывал; включал – включил; приготовила – готовила; забывал – забыл и т. д.) Грамматические ошибки с позиций овладения языком объясняются, с одной стороны, недостаточными знаниями студентов грамматических категорий (род, падеж, число, вид) частей русского языка, а с другой – межъязыковой интерференцией. С позиций логопедического подхода эти ошибки объясняются тем, что у студентов имеются: а) нарушения различных форм языкового анализа и синтеза: деления предложений на слова, слогового и фонематического анализа и синтеза. Недоразвитие языкового анализа и синтеза проявляется на письме в искажениях структуры слова и предложения; б) недоразвитие грамматического строя речи: морфологических, синтаксических обобщений. Это может проявляться на уровне слова, словосочетания, предложения и текста и является составной частью более широкого симптомокомплекса – лексико-грамматического недоразвития;

• *синтаксические*. К данному типу ошибок мы отнесли ошибки, связанные с оформлением сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Так, в построении данных видов предложений студенты допускают ошибки в их пунктуационном оформлении. Например, в предложениях «Он сказал (,) что завтра показывает (покажет) новый диск», «Карим видел (увидел) (,) что фильм уже кончился (закончился)» пропущены не только запятые, но имеют место и другие типичные ошибки.

Заканчивая обзор типичных ошибок в письменной речи, считаем целесообразным обозначить некоторые виды упражнений, способствующих их преодолению:

• артикуляционные зарядки, направленные на отработку произношения того или иного звука на основе скороговорок и чистоговорок (Везет Сенька Саньку с Сонькой на санках. Санки скок, Сеньку с ног, Соньку в лоб, все – в сугроб);

• имитативные упражнения, предусматривающие тренировку путем повторения звуков и звукосочетаний, речевых и языковых образцов, моделей предложения (Рла рло рлу рли рлэ рля рлё рлю рле рлы; Мла мло млу мол млэ млю мал мле мул млы мя; Мна мно мне ман мнэ мя ням мны мню мну мни);

• словообразовательные упражнения, целью которых является тренировка студентов в образовании словоформ, новых слов, отглагольных существительных или видовых пар глаголов и др. («Отгадай слово»: составь слово, взяв указанные морфемы из других слов. 1) Привезти (приставка), школьница (корень), прелестный (суффикс), огром-

ный, (окончание) – пришкольный; 2) Очерк (приставка), цена (корень), тетрадка (суффикс и окончание) – оценка).

- комментированный диктант как способ предупреждения и устранения типичных ошибок в письменной и устной речи студентов (Объясните орфограммы и постановку знаков препинания в предложениях: Мес...ца (не) было но звезды ярко св...тили в черном неб... (Лев Толстой); Листья с тих...м ш...рохом сыпались с д...реьев а (в) л...су негромко стучал по дер...ву упорный трудяга дятел.).

Таким образом, в письменных работах студентов, изучающих русский язык, присутствуют часто встречающиеся типичные ошибки. С целью их предотвращения и устранения могут использоваться различные упражнения. Логопедическое обоснование данных ошибок применительно к студентам, изучающим русский язык, требует дальнейшего изучения и обоснования с позиции теории и практики языка и логопедии.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
2. Ван Сяньжун. Китайский акцент при говорении русского языка // Обучение русскому языку в Китае (Пекин). 1982. № 5.
3. Данилова Е. А., Юркина Т. Н. Типичные ошибки иностранных студентов при образовании и употреблении русских падежных форм // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2020. № 4 (109).
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.
5. Игнатьева А. П. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2006.
6. Крючкова Л. С., Моцинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
7. Никифорова Е. Б., Терещенко Т. М. Типичные лексические ошибки иностранных студентов: пути преодоления // Известия ВГПУ. 2019. № 7 (140).
8. Чжао Чжэ. Звуковая интерференция в русском языке под влиянием языка-субстрата в условиях русско-китайских языковых контактов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М., 2017.

Н. В. Золотарева

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Современное состояние русского языка (на примере заимствований)

Аннотация. Рассматривается современное состояние русского языка с точки зрения наличия английских заимствований из ряда сфер жизнедеятельности человека, приводятся как положительные, так и отрицательные стороны наличия иноязычных слов в русском языке, а также сделана попытка объяснить и частично оправдать их использование.

Ключевые слова: иноязычные заимствования; американизмы; словарный состав языка; современная языковая ситуация.

В настоящее время в трудах, посвященных состоянию современного русского литературного языка, а также в докладах отечественных лингвистов иногда прослеживаются признаки обеспокоенности его состоянием. Многие ученые отмечают, что современный русский язык подвергается нашествию иноязычных заимствований (прежде всего американизмов). Высказываются мнения, что под воздействием негативных факторов наша речь может в определенной мере лишиться некоторых качеств литературности [3, с. 150].

В определенной степени данные заключения представляются целесообразными, но делать пессимистические выводы из наблюдаемых процессов, тем не менее, преждевременно и неправомерно. Важно исходить из особенностей современной языковой ситуации и принимать во внимание вытекающие из нее тенденции. С данной точки зрения можно посмотреть на отношение к иноязычным заимствованиям в прошлом. Были изданы два словаря-справочника русского языка «Новые слова и значения» по материалам прессы и литературы 60-х гг. (М., 1971) и 70-х гг. (М., 1984), в которых были зафиксированы также и англоязычные заимствования, получившие более или менее широкое распространение. Однако количество заимствований не подсчитывалось, не были приведены заимствования, не рекомендуемые к употреблению, что представляется особенно важным. Заимствования можно считать лишними только при том условии, что они не обозначают новых реалий, не выражают новых значений или их оттенков, не отличаются стилистически от русских эквивалентов (если они существуют) [9, с. 10]. Следовательно, дело не в количестве заимствований, а в их качестве. При взгляде на проблему в функциональном плане иноязычные заимствования представляются одной из ведущих тенден-

ций развития современного русского языка. При этом особенность его современного состояния – резкий рост количества заимствований [5, с. 20; 6, с. 16]. С развитием науки, экономики, в связи с курсом на модернизацию русский язык буквально «обречен» на заимствования [10, с. 137]. Неуместно неприятие любого заимствованного слова только потому, что оно иноязычное. Термины и понятия экономики, политики и т. д. попадают в русский словарный состав по мере формирования и развития названных отраслей на отечественной почве, а также в него идут понятия, связанные с новыми предметами одежды и миром моды (например, айвори (цвет слоновой кости), боди (облегающий вид одежды), виндпруф (ветронепродуваемая куртка), лонгслив (футболка с длинными рукавами), хилисы (кроссовки с колесиком на пятке), худи (толстовка с капюшоном) и др.). Они входят в язык вместе с освоением соответствующих отраслей, что достаточно быстро находит свое отражение в новых словарях. Новые веяния в массовой культуре также сопровождаются пополнением словаря (трибьют, сингл, сиквел, приквел, саспенс и др.). На наших глазах протекает мощный продуктивный процесс обогащения русского словаря.

Следует отметить, что иноязычные заимствования не только значительно расширяют словарь, увеличивая возможности номинации, раздвигая национальную языковую картину мира [1, с. 80]. Они оказывают значительное влияние и на внутреннее языковое развитие – на обогащение семантики многих русских слов. Заимствования способствуют расширению словесных ресурсов, развитию семантики, интеллектуализации языка (увеличивается количество понятий), лаконизму речи (русские эквиваленты, если они возможны, оказываются, как правило, длиннее иноязычных неологизмов).

Стремление языка СМИ к информативной насыщенности и точности иногда может обернуться другой крайностью – неразумным, чрезмерным и неоправданным употреблением иноязычных слов. Это усложняет понимание речи. Ряд заимствований можно рассматривать только как дань моде, например, «шоппинг» вместо «похода за покупками», «брифинг», «шоп-тур». Многие заимствования попадают к нам из рекламы: «стимер», «ростер», «снукер», «шок-сенсор». Фразеологизмы гораздо реже и медленнее входят в русский язык в качестве заимствований, так как каждая фразеологическая единица содержит достаточно глубокий культурный смысл [2, с. 746]. Отступления от нормы возможны, но они должны быть осознаны, мотивированы стилистическим заданием, замыслом. Нельзя упускать из вида и этические аспекты, такие, как языковая агрессия, лингвистическая демагогия, языковая пошлость [4, с. 10].

Русский литературный язык развивается в рамках всех функциональных стилей [7, с. 15]. Научная речь обогащает литературный язык точными, информативно насыщенными словами-понятиями и емкими оборотами, публицистика – яркими оценочными выражениями (язык мысли и чувства), разговорная речь – эмоциональными номинациями, художественный стиль – образностью [8, с. 10] Все эти стили и составляют богатый, развитой современный русский литературный язык.

Литература

1. *Анненкова И. В.* Язык современных СМИ в контексте русской культуры // Русская речь. 2006. № 1.
2. *Гончарова Н. А.* Трансформации фразеологических единиц в языке прессы // Концепт. 2017. Т. 31.
3. *Каминская Т. Л.* Адресат в массовой коммуникации. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2008.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: URSS, 2007.
5. *Караулов Ю. Н.* Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2001.
6. *Муратов С.* Телевидение в поисках телевидения. Хроника авторских наблюдений. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009.
7. *Нещименко Г. П.* Язык и культура в истории этноса // Язык. Этнос. Культура. М.: Наука, 1994.
8. *Романенко А. П.* Советская и постсоветская массовая словесная культура: общее и различное // Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. Екатеринбург: УрГУ, 2009. Т. 2.
9. *Солганик Г. Я.* Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 5.
10. *Щерба Л. В.* Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957.

Е. С. Ивукина
Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Языковая политика как политика культурно-языковой толерантности

А н н о т а ц и я . Рассматриваются основные положения, связанные с государственной системой поддержки языковой политики в Российской Федерации, а также принципы построения языковой политики, сферы применения русского языка и его место в международном лингвистическом пространстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а : государственный язык; полиэтничность; языковое многообразие; диалект; международный язык.

В условиях полиэтничного российского государства языковая политика определяется ее социально-демографическим составом. В России проживают 193 национальности, которые используют 277 языков и диалектов. Только в российской системе образования функционирует более 100 языков, на 24 языках ведется преподавание в системе школьного и высшего образования [1].

Вопросы языковой политики регулярно становятся предметом рассмотрения Совета при Президенте по межнациональным отношениям. В Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года государственная поддержка и защита культуры и языков народов нашей страны отнесена к числу основных принципов государственной национальной политики, что способствует формированию бережного отношения к русскому языку, как общегосударственному языку, наряду с поддержкой и развитием других языков, включая языки малочисленных народов.

Русский язык относится к наиболее распространенным языкам мира. По числу говорящих на нем, он занимает пятое место в мире после китайского (свыше 1 млрд), хинди, английского (750 млн) и испанского языков. Русский язык имеет статус международного языка: это один из шести рабочих языков в ООН; является официальным языком в ЮНЕСКО; занимает первое место по числу носителей языка, назвавшим его родным в Европе (более 118 млн) [2]; применяется в мировых системах коммуникации (на телевидении, в Интернете), в международной авиационной и космической связи; на переговорах стран – участниц СНГ; является языком международного научного и культурного общения и т. д.

Основными сферами применения языковой политики являются «национальные отношения, отношения между государством и обще-

ством, просвещение, культура, искусство (литература, театр и пр.), наука, техника, религия и т. д. Языковая политика проявляет себя в выборе и пропаганде определенных языков для обслуживания этих сфер. Ориентация может осуществляться на официальные или неофициальные языки, местные или «импортированные», национальные или ненациональные, широкого или узкого распространения, письменные или бесписьменные, литературные или нелитературные и т. д.» [4].

Языковая политика, по мнению ученых, включает в себя следующие составляющие: выбор и установление государственного языка; определение положения других языков по отношению к языку государства; разработке алфавита, принципов орфографии, ликвидацию неграмотности; разработку, унификацию и стандартизацию национальной терминологии; вопросы наименования и переименования (городов, улиц, площадей) [3].

Помимо вышеперечисленных факторов, необходимо указать уровни государственной поддержки русского языка, которые включают в себя такие параметры как: обязательные сферы использования государственного языка; защита и содействие развитию государственного языка; обеспечение права граждан на пользование государственным языком и ответственность за нарушение законодательства о государственном языке [5].

Таким образом, языковая политика в РФ должна принимать в расчет не только сохранение русского языка как общегосударственного, но поддержку и развитие других языков с учетом их этнического состава, специфики межнациональных отношений и роли отдельных языков в общественной жизни.

Литература

1. *Герд А. С.* Предмет и основные направления прикладной лингвистики. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/heard/prikling.html> (дата обращения: 30.04.2021).
2. *Зякиков М. М.* России нужна системная «языковая» политика // Российская газета. 2016. № 6898. 12 февр.
3. *Мартюнок А. Я.* К вопросу о языковой политике // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68), № 1.
4. *Руссо Л.-Ж.* Разработка и проведение в жизнь языковой политики // Языковая политики в современном мире. СПб.: Златоуст, 2007.
5. *Штайнберг В.* Значение русского языка: просто о сложном. URL: http://www.all-theories.com/post/what-s_about_russian_language (дата обращения: 30.04.2021).

Структура морфонологической единицы

А н н о т а ц и я . В своей статье исследователь выясняет роль суффикса: является ли суффикс членом морфонологических единиц или выходит за рамки морфемом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : морфонология; ударение; фузия; агглютинация.

Термин «морфонология» является одним из самых противоречивых в современной лингвистике. В него вкладывается различное значение, отсюда различный объем задач и проблем морфонологии. Противоречивость была свойственна ей с самого начала ее возникновения. Это объясняется, видимо, тем, что не был определен статус морфонологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Проявляемая в основных морфонологических концепциях неоднозначность теоретических посылок приводит к тому, что в понятие «морфонология» вкладывается различное значение, что предопределяет различный объем задач и проблем морфонологии. Различия в используемых методах, а также особенности терминопотребления затрудняют сопоставление, обобщение результатов, полученных различными исследователями.

Морфонологические единицы выражают и определяют единство слова в русском языке, который по своим типологическим особенностям относится к флективным. Использование морфемом ударения, чередования фонем и аффиксации является необходимым условием построения словоформ слова, распознавания слов в речи и построения новых слов по законам словообразования. Ударение, чередование фонем определяют фузионный характер славянских языков в частности, русского. Явление фузии в русском языке в морфонологическом плане начинает только изучаться которое проявляется в ударении и чередовании фонем, исследовано проф. В. А. Редькиным. Для того, чтобы определить значимость морфонологических явлений в русском языке, обратимся к традиционным определениям фузии и агглютинации.

«Тесное присоединение нестандартных аффиксов, могущих быть многозначными, к корням, которые могут изменяться, называется фузией... Механическое присоединение однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым корням называется агглютинацией» [7, с. 272].

«Агглютинация (от лат. *agglutinare* – приклеивать). Способ образования форм слова и производных слов механическим присоединением стандартных суффиксов к неизменяемым (лишенным внутренней флексии) основам или корням. Каждый аффикс имеет только одно

грамматическое значение, равно как каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом» [8, с. 11].

«Фузия (франц. *fusion* – сплавление, слияние от лат. *fusio* – литье). Слияние морфем, сопровождающееся изменением их фонемного состава. Чаше происходит тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многочисленными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию границ между морфемами» [8, с. 379].

В приведенных определениях всё сводится к морфологической вычленимости морфем. Наше понимание дефиниции агглютинации и фузии существенно отличается от традиционного, хотя при определении агглютинации соблюдается тот же принцип автономности морфонологических компонентов, а при определении фузии – принцип их взаимообусловленности. Предложен, основанный на принципе взаимообусловленности морфонологических элементов, авторский подход к дефиниции понятий фузии, агглютинации и морфемы, который позволяет раскрыть фузионную природу русского словообразования сквозь призму морфонологического правила взаимосвязи между классом ударения и классом альтернантов производящего и выбора морфонологического варианта производного, задаваемого алломорфом суффикса.

Отсюда «агглютинация – это такая система построения звукового облика слова, при которой аффиксация автономна, а прочие морфонологические элементы (ударение и альтернация фонем) ей подчинены.

Фузия же – это такое соотношение между ударением, альтернацией фонем и аффиксацией, при котором имеет место неавтономность перечисленных элементов, прежде всего аффиксации» [4, с. 42–43].

Изучение морфонологических явлений было заложено в трудах Н. С. Трубецкого и его последователей в рамках Пражского лингвистического кружка [9; 10].

Дальнейшее развитие морфонологии привело к выделению морфонологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину, к обособлению морфонологии от фонологии и морфологии. По мнению О. С. Ахмановой, «функционирование языковой материи является более сложным и гибким, чем может быть изображено с помощью только понятий собственно фонологии или морфологии. Поэтому необходимо исследование некоторой промежуточной области, в которой обнаруживается реальная связь и взаимодействие двух начал – фонологического и морфонологического» [1, с. 52].

Признание статуса морфонологии дает право на выделение автономных морфонологических единиц, не принадлежащих ни к уровню фонологии, ни к уровню морфологии. Эта задача решалась в рамках Московской фонологической школы.

Вопросы классов чередования фонем и ударения на уровне словоизменения были описаны в работах проф. В. А. Редькина [5; 6]. Им были исследованы морфемы ударения и чередования фонем.

В работах С. Б. Им класс морфонологических единиц был дополнен третьей морфонологической единицей – суффиксом. Вопрос о чередованиях суффиксов, представляющих парадигму алломорфов суффиксов, выбор которых зависит от морфонологических характеристик производящего, находится в начальной стадии своего исследования [2; 3].

С. Б. Им выясняет роль суффикса: является ли суффикс членом морфонологических единиц или выходит за рамки морфемем. Учитывая фузионный характер русского языка, можно представить такую ситуацию, когда ударение и класс альтернантов производящего предсказывают алломорф, и когда алломорф может предсказать альтернант ударения и альтернант производного (вариабельность алломорфа). Тогда под алломорфом понимается конкретная манифестация варианта словообразовательного аффикса, который, помимо сегментного элемента, содержит в себе акцентные и альтернационные морфонологические характеристики, связанные между собой отношениями доминанции, например, каждый конкретный случай употребления **-ость (-есть)**, **-ота (-ета)**, **-ина**, **-изна** в соответствии с ударением и классом альтернантов в исходе слова является алломорфом словообразовательного аффикса. Тогда единицы, рассматриваемые как морфемемы, и единицы, рассматриваемые как алломорф, можно включить в некую, более широкую систему морфонологических единиц.

Под словообразовательным аффиксом, или морфемемой – парадигмой алломорфов словообразовательного суффикса, понимается множество алломорфов, которые находятся в отношениях вариантности и выражают некоторое словообразовательное значение, включающее сегмент, а также акцентные и альтернационные характеристики. Члены парадигмы тогда являются вариантами. При этом инвариант определяется по семантическим основаниям. Различия между вариантами сводятся к некоторым морфонологическим правилам. Тогда в парадигму с общим семантическим значением могут включаться алломорфы суффиксов, не содержащие общих звуковых компонентов. Так, суффиксы **-ость (-есть)**, **-ота (-ета)**, **-ина**, **-изна** являются членами одной парадигмы, а следовательно, вариантами одного словообразовательного суффикса. Их инвариант состоит в том, что они образуют абстрактные имена женского рода от прилагательных [4, с. 102–106]. Могут быть представлены алломорфы **<-ость, -ота, -ина>**, которые могут находиться в отношениях взаимозаменяемости: ср.: *высо́кость, высотá, выши́на* (*высо́кий, á, высо́ко* в зависимости от морфонологи-

ческих характеристик производящего). Понятие альтернации алломорфов аффиксов будет применяться именно к описанию морфонологических правил выбора членов суффиксальной парадигмы. Исследования В. А. Редькина и С. Б. Им показали, что структура морфонологической единицы оказывается более сложной, чем та, которая традиционно приписывалась морфоне и алломорфу.

Таким образом, чередование фонем, ударение и чередование аффиксов является существенной, универсальной чертой фузионных языков, в частности, русского. Они выступают как структурно значимый компонент плана выражения, которые рассматриваются в отвлечении от плана содержания.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Фонология, морфонология, морфология. М.: МГУ, 1966.
2. *Им С. Б.* Статус морфонологии как лингвистической дисциплины и объект ее изучения // *Ўзбекистонда хорижий тиллар*. 2020. № 1 (30).
3. *Им С. Б.* Значимость морфонологических явлений в словообразовании диминутивов среднего рода // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 7.
4. *Им С. Б.* Морфонологические явления в процессе синтеза звукового облика слова: монография. Ташкент: VNESHINVESTPROM, 2020.
5. *Редькин В. А.* Ударение. Альтернации. (Чередование фонем) // *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука, 1970.
6. *Редькин В. А.* Акцентология современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1971.
7. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2004.
8. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
9. *Трубецкой Н. С.* Некоторые соображения относительно морфонологии // *Пражский лингвистический кружок*. М.: Прогресс, 1967.
10. *Трубецкой Н. С.* Морфонологическая система русского языка // *Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии*. М.: Прогресс, 1987.

Д. С. Кулмаматов

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

О. О. Чупонов

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми
(г. Ургенч, Узбекистан)

Методы сравнительного изучения текстов столбцовых листов и посольских книг по связям России с Хивой XVII в.

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем русской лингвистической науки – изучению методов сравнительного изучения столбцовых листов и Посольских книг по связям России с Хивой XVII в. В ней перечисляются существовавшие в то время названия дипломатических документов, включенных в данную посольскую книгу; содержатся сведения о подготовке их к переписыванию подьячими со столбцовых листов в посольскую книгу; путем сравнительного анализа оригиналов источников с их копиями определены а) недостатки, допущенные копиистами, б) почерки дяков Посольского приказа, писавших пометы в столбцовых листах, а также установлены затруднительные сокращения, имеющиеся в них, языковые особенности, присущие оригиналам документов: лексический состав, грамматические формы и конструкции.

Ключевые слова: столбец; копиист; подьячий; подлинник; посольская книга; столбцовый лист.

Ввод в научный оборот памятников русской деловой письменности, разнообразной по своему жанру, и их изучение является одной из актуальных проблем русской лингвистической науки. Лингвистическая сторона данного вопроса освещена в работах А. Н. Качалкина, посвященных филологическому методу изучения русских деловых документов допетровской эпохи в сравнении с историческим [1]. Среди этих деловых памятников, сохранившихся в фондах Посольского приказа, большой интерес представляют **посольские книги** – свод копий дипломатических документов, составленных на основе столбцовых листов архивных дел [2, с. 226]. Следует констатировать, что все материалы, включенные в Посольские книги, фактически являются своеобразными копиями определенных групп актов, освещающих дипломатические сношения России с другими государствами.

Посольские книги, представляющие интересные сведения о делопроизводстве российской царской канцелярии, в основном были объектом исследования историков [3; 4; 5]. В качестве источника по истории русского языка Посольская книга по связям России с Хивой 1670–1673 гг., хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, фонд 134, опись 3, 1670 год, книга I) в Москве, впервые

была частично рассмотрена в докторской диссертации Д. С. Кулматова [2, с. 226–237].

В Посольскую книгу по связям России с Хивой 1670–1673 гг. были включены следующие деловые документы – грамоты московских царей; отписки воевод русских городов; челобитные приставов, переводчиков, толмачей, русских пленных; отрывки статейных списков русских посланников; расспросные речи среднеазиатских послов, гонцов; указы царей; памяти, доклады должностных лиц; старинные русские переводы ярлыков среднеазиатских ханов, челобитных их послов, гонцов, росписей ханских и посольских подарков.

Проведенные нами наблюдения показывают, что тексты документов, включенные в данную Посольскую книгу, вероятно, переписывались опытными подьячими Посольского приказа со столбцовых листов среднеазиатских дел, хранящихся в фонде 134 «Сношения России с Хивой». Следует заметить, что столбцовые тексты подвергались различным правкам: грамматическим, лексическим, стилистическим со стороны опытных подьячих, переводчиков и дьяков. Поэтому переписчику (т. е. подьячему) перед снятием копии документов следовало разобраться в этих текстах: в последовательности слов, предложений, в правильности вставок и дополнений.

При этом естественно возникает вопрос: насколько добросовестно и точно подьячие Посольского приказа снимали копии с представляемых им столбцовых листов – подлинников. Наблюдения по этому вопросу облегчаются тем, что в некоторых случаях в нашем распоряжении имеются подлинники документов, переписанные в рассматриваемую нами Посольскую книгу. Чтобы иметь представление об этом, сравним ее материал с подлинниками, содержащимися в деле «1670 генв. 7 – авг. 1673. Пріездъ в Астарахань, а оттуда в Москву хивинского посла Палвань кули съ грамотою отъ Анавши хана, просительною взаимного купцамъ въ ихъ государства съ товарами пріезда – тутъ же жалоба посла онаго о пограбленных въ Астарахани отъ Стенки Разина подаркахъ ханскихъ и его посла собственныхъ вещахъ» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1670 г., д. 1).

Сличение текстов документов, переписанных в названную выше Посольскую книгу, с их подлинниками показало, что копиистом (подьячим) допущен ряд отступлений от подлинника:

1. Копиист не очень точно передавал графику подлинников.
2. Обнаруживаются сокращения текстов копии документов по сравнению с подлинниками.
3. Нередко переписчик ограничивался пересказом содержания документов.
4. В хивинскую Посольскую книгу со столбцовых листов не переписаны: а) челобитная астраханцев «сына боярского» Микиты

Невзорова и толмача Леонтея Торомонова, расспросная речь хивинского посла Палванкулибека; б) старинный тюркский перевод, написанный арабской графикой, ответного письма дьяков Посольского приказа Григория Карпова, Якова Поздышева и Ивана Евстафьева; в) иноязычные оригиналы, написанные на официальных языках Средней Азии XVII в., грамоты хана Анавшамухаммеда Багадыра, челобитных его посла Палванкулибека, росписей с перечислением ханских и посольских имуществ.

5. Копиистом (подьячим) не упомянуты также имеющиеся в столбцовых листах тексты черновиков старинных русских переводов грамот хивинского хана Анавшамухаммеда Багадыра, челобитных его посла Палванкулибека.

6. В текстах, переписанных в Посольскую книгу, допущены пропуск и искажения слов.

Но вместе с тем анализируемая нами хивинская Посольская книга XVII в., как образец приказного языка, включает в себе наиболее важные сведения, отсутствующие в столбцовых листах. Они заключаются в следующем:

1. Почти после каждого документа названо имя дьяка, писавшего помету в столбцовом листе – оригинале. Благодаря многочисленным таким указаниям удалось определить почерки дьяков Посольского приказа Ивана Евстафьева, Якова Поздышева, Григория Богданова, Лукьяна Голосова.

2. В большинстве случаев раскрыты затруднительные сокращения, имеющиеся в столбцовых листах документов.

В целом сличение материала хивинской Посольской книги 1670–1673 гг. с материалом столбцовых листов показало, что при переписывании текстов сохранены в основном все языковые особенности, присущие оригиналам документов: лексический состав, грамматические формы и конструкции и т. д.

Литература

1. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. М.: МГУ, 1988. Ч. I: Источники изучения и вопросы авторства документа.
2. Кулмаматов Д. С. Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник для истории русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1995.
3. *Посольская книга по связям Молдовы и Валахии с Россией. 1674–1675* / сост. текста, указателей и вступ. ст. И. А. Еремия и др. Кишинев, 2005.
4. *Посольская книга по связям России с Англией. 1614–1617 гг.* / сост. текста, вступ. ст., коммент. и указателей Д. В. Лисейцев. М.: ИРИ РАН, 2006.
5. *Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг.* / подг. текста и вступ. ст. М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М.: Ин-т рос. истории, 1984.

Аксиологическая окрашенность явлений действительности в сознании носителей языка

Аннотация. В данной статье рассматривается аксиологическая окрашенность явлений действительности в сознании носителей языка. Отмечается, что в современном языкознании в области изучения паремиологических единиц, в том числе и пословиц, выделяются такие актуальные темы их исследований, как выявление их национально-культурной специфики, сопоставление значения и смысла, анализ модальности и оценочности.

Ключевые слова: аксиология; явление; аксиологическая картина мира; ценностная ориентация; концепт; ценность; пословица.

Аксиология как наука занимается исследованием ценностного мира, представленного системой ценностей и их социально-культурных взаимосвязей с реальностью в целом, обществом и личностью в частности.

Аксиологическая картина мира структурируется на базе ценностных ориентиров индивида и общества, которые детерминируются их пережитым жизненным опытом и приобретенными знаниями, умениями и навыками удовлетворения потребностей как духовного, так и материального планов.

Известно, что между значением и внутренней формой пословиц существует три основных типа отношений – совпадения, пересечения и параллельного существования, включая переходные случаи, которые, представляя собой дескриптивно-когнитивные уровни, образуют двойной фрейм – схему знаний двух ситуаций:

1) на уровне значения – знание о принятых в социуме стереотипах поведения;

2) на уровне внутренней формы – бытовые представления [2, с. 37].

Важно подчеркнуть, что «когнитивные уровни пословицы взаимодействуют с прагматическими подуровнями оценки и эмотивности и прагматико-когнитивным подуровнем сценария. Сценарий, как правило, в большинстве случаев содержит имплицитную рекомендацию, как надо действовать исходя из ситуации – фрейма» [5, с. 74]. Иначе говоря, пословицы в качестве фрейма суммируют опыт и подводят итог прошлому, а в качестве сценария выполняют моралистически-дидактическую функцию и тем самым обращены в будущее [5, с. 38].

В связи с этим при изучении антропоцентрических пословиц особую актуальность приобретают проблемы языковой картины мира, воздействия языка на поведение и мышление человека, взаимоотношения языка и общества, взаимосвязи языка и духовной культуры народа и т. п. В последнее время бурно развивается аксиологическое направление в изучении пословиц, т. е. исследование пословиц в рамках аксиологии [3, с. 10].

Определяющими факторами «ценностной ориентации» человека являются способ удовлетворения потребностей и характер мотиваций к деятельности: «В векторе потребности ценность рассматривается с точки зрения способности человека осознать необходимость и целесообразность чего-либо, а также способов достижения данного необходимого и желаемого, определяющего интересы, целевые установки и средства их достижения. В связи с этим решается вопрос о функциональной структуре ценностного сознания: от потребности в соразмерной человеку картине мира – к чувственно-оценочному восприятию-переживанию в рамках глубинных мотиваций и к интеллектуальному конструированию образа-понятия (ценности). Интегральной человеческой потребностью, ценностно обоснованной, признается потребность в соразмерном человеку образе мира как условию согласия с ним» [1, с. 8].

Ценность – философская категория, выражающая выдвинутые в результате нравственного осмысления индивидом (социумом) предметно-феноменальной действительности сквозь призму ее должностования и значимости фундаментальные нормы и достижения человечества.

Представленные в виде ценностей фундаментальные нормы и достижения человечества лежат в основе конструирования бытия, помогают индивиду интегрироваться с социумом, в котором он проживает. Такие нормы регламентируют поведение человека в обществе, побуждая его действовать в очерченных обществом рамках, делать социально одобряемые поступки. Ценности возникают в результате познавательной деятельности человека: «ценности связаны с человеком так, что ценностей вне человека и общества нет, вне отношения к человеку предметы сами по себе ценностной классификации не подлежат, ценности формулируются человеком в его продуктивной деятельности» [1, с. 28].

Определенный интерес вызывает интерпретация традиционных ценностей современниками, в особенности студенческой молодежью. Ценностный концепт «Благополучие близких людей» в сознании современной молодежи представлен ядерным смыслом «здоровье и душевный покой близких людей» и на периферии – признаком «материальная обеспеченность близких людей», концепт «Дружба»: «душев-

ная привязанность» (ядро) – «откровенность» и «безопасность» (периферия), концепт «Счастье»: «любовь» (ядро) – «материальное благополучие и высокое общественное положение» (периферия), концепт «Семья»: «воспитание детей», «интересы семьи» (ядро) – «интересы семьи выше личных интересов» (периферия), концепт «Свобода»: «самореализация» (ядро) – «создать семью» (периферия), концепт «Любовь»: «создать семью» (ядро) – «дружеская привязанность» (периферия), концепт «Вера»: «вера в бога» (ядро) – «уверенность в своих силах» (периферия), концепт «Самореализация»: «получить широкую известность» (ядро) – «иметь интересную работу» (периферия) [5, с. 13]. Анализ отражения ценностных концептов в языковом сознании студенческой молодежи показывает, что на передний план выдвигаются более абстрактные, идеализированные, духовно-возвышенные смыслы, а все материальное, «приземленное», прагматическое находит свое отражение в периферии концептуального поля.

Классификация ценностей осуществляется по разным критериям. В зависимости от того, в какой области бытования человечества ценности были выведены (в области истинности, эстетики, этики (морали), гедонистической или прагматической областях), выделяют вещные, логические, эстетические, этические, ценности бытия, ценности потребления и т. п.

Аксиологическая языковая картина мира формируется под воздействием многих факторов лингвистического и в большей степени экстралингвистического характера и зависит в целом от социального, экономического, политического, религиозного, национально-культурного и др. уклада в стране. Интересно проследить в этом отношении оценочное отношение к мужчине и женщине в англоязычной картине мира, поскольку наиболее показательным признаком значимости национально-культурной общности, определяемой целым рядом социальных отношений к окружающей действительности, является отношение к женщине: «в любую эпоху и в любом обществе отношение к женщине, отраженное в языке, характеризует уровень культуры нации в целом» [7, с. 383].

Таким образом, аксиологическая языковая картина мира предопределяется жизненным опытом человека, его ценностными установками, помогающими ему строить свою социально-коммуникативную деятельность и речевое поведение в различных сферах жизни в соответствии с одобряемыми обществом моделями поведения, в рамках принятых норм и предписаний.

Следует отметить, что при интерпретации ценностных установок особое значение приобретает учет ситуативно-прагматического варьирования. В частности, пословицы, которые имеют на всех уровнях и во

всех аспектах инвариантно-вариативную структуру и содержат неизменное и общее в своей структуре, что составляет их инвариантную суть, а все частное и переменное, их вариативную сторону [1, с. 32], в зависимости от ситуативно-прагматического контекста служат для выражения определенных оценочных суждений и ценностных установок участников коммуникативного акта.

Говоря об оценочности суждений и ценностных установок в пословицах, необходимо указать на то, что пословицы, имея законченную образную или безобразную структуру значений, выражая назидательный смысл и идею, не зависят от внешнего контекста и подразумевают подтекст [1, с. 32]. Восприятие оценочного суждения в пословицах может зависеть от реализуемых ими функций в речи говорящих. Так, в повседневном употреблении пословицы выполняют информативную, моделирующую, поучительную, прогностическую и текстовую функции [4, с. 36], вместе с тем они могут выступать и в юмористической, или комической, функции: «Пословица выполняет юмористическую функцию, используя средства художественной выразительности. Комический эффект в пословицах достигается с помощью иронии, парадокса, балагурства» [6, с. 37].

Комические пословицы, характеризуясь назидательностью, лаконичностью, юмористической тональностью, выражают мягкую критику нелепого положения вещей и неправильного поведения людей. Вместе с тем «комизм пословиц осмысливается ситуативно, при этом некоторые речения воспринимаются как смешные, не будучи таковыми, и некоторые комические высказывания, напротив, воспринимаются серьезно как утешения» [1, с. 5–6]. Например: *Поет – хорошо, а замолчит – еще лучше. Сколько не плавает палка в море, а кораблем не становится.*

Как видим, вербальное выражение восприятия мира и отношения к нему в приведенных пословицах осуществляется сквозь призму ценностной системы индивида в частности и общества в целом. Именно оценивание выражаемого содержания посредством системы ценностей человека, через круг значимых для него и для общества смыслов и определяет аксиологическую картину мира. В такой трактовке любой созданный индивидом или обществом текст, в том числе и пословичный, выступает ценностно значимым, аксиологически окрашенным и служит богатым источником для выявления ценностных ориентиров языковой картины мира.

Литература

1. Бурмистрова Л. В. Структурные, семантические и прагматические характеристики комических пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2017.

2. *Хажокова Р. А., Хажокова Э. А.* Сравнительно-сопоставительный анализ пословиц, выражающих отношение к женщине в русской и французской лингвокультурах // Научный альманах. 2015.

3. *Шаймарданова М. Р.* Прагмалингвистический анализ гендерно-маркированных паремий (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015.

4. *Павлицева Я. А.* Фразеология как источник гендерных стереотипов (на материале английского языка) // Наукові праці. Миколаїв, 2014.

5. *Биктагирова З. А.* Когнитивные характеристики пословиц // Общедидактические и практические проблемы языкознания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2006.

6. *Юган Н. Л.* Аксиология времени: лингвокультурологический аспект (на материале пословиц В. Даля). // Одеський вісник. 2016. № 7.

7. *Бочина Т. Г., Сян Цюнь.* Аксиология возраста в русской паремике // Вестник ТГПУ. 2013. № 3 (33).

Р. Б. Матенов

Ташкентский государственный юридический университет
(г. Ташкент, Узбекистан)

Об особенностях отбора языкового материала при обучении русскому языку студентов-юристов

А н н о т а ц и я . Статья посвящена формированию навыков применения правил русского языка в устной и письменной речи студентов юридических вузов. Проведенное исследование позволяет утверждать, что нормы отбора языкового материала с включением вариантных конструкции и вариантных синтаксических единиц играют важную роль в формировании языковых навыков юриста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : студенты-юристы; текст; речь; навыки; варианты синтаксические единицы; лексический материал.

В современных условиях реформирования высшего образования в Узбекистане возросли требования и к системе подготовки современных юристов.

Сегодня стране нужны юристы, чей авторитет основывается на высоком профессионализме, базой которого являются знания, умения и навыки, полученные за годы обучения в вузе. Особенно это актуально сейчас, когда идет модернизация всех сфер народного хозяйства государства и повышение социального обеспечения населения, осуществляются реформы по коренному совершенствованию всех сфер экономики, политики, международного сотрудничества.

За последние годы наблюдается тенденция увеличения квот по приему в высшие учебные заведения страны и тысячи абитуриентов

изъявляют желание получить юридическое образование. Вузы страны с юридическими направлениями образования готовят высококвалифицированных юристов не только в государственные учреждения государства, но и для частного сектора, где есть очень большая потребность в юридических кадрах. Сегодня юридическое образование находится в ряду важнейших факторов обеспечения дальнейшего развития нашего государства.

Важным аспектом профессиональной подготовки современного юриста было и остается хорошее владение русским языком. Умение излагать свои мысли точно и ясно, кратко и грамотно – большое искусство, которому необходимо учить будущих адвокатов, прокуроров, судей, юрисконсультов и др.

Подготовка будущего юриста профессионалом ставит высокие требования к его лексической компетентности, под которой мы понимаем наличие в словаре будущего юриста специальной (юридической) лексики, знание значения лексем, свободное и точное употребление слов, связанных с нормами законов, кодексов и законодательных актов, умение расширять свой словарный запас как на профессиональном, так и на бытовом уровне.

Точность употребления юридической лексики имеет большое значение: при интерпретации отечественных и международных актов, при применении норм закона, где любая двусмысленность может привести к тяжелым последствиям, может решить судьбу человека, интересы сторон.

Для профессионального обучения русскому языку студентов-юристов в современных условиях на практике используются научные и официальные тексты, главной отличительной чертой которых является обилие специальной терминологии.

Синтаксис этих текстов – предмет отдельного рассмотрения и изучения. Так, проблема отбора и классификации учебного материала на занятиях по русскому языку, т. е. наиболее коммуникативно значимых, ценных и частотных вариантных синтаксических единиц для построения системы обучения – одна из важнейших.

В словаре методических терминов находим следующее описание этого понятия: «Отбор языкового материала – это одна из важнейших проблем методики, которая заключается в выборе лексических единиц, грамматических форм и структур, правил их употребления, фонетического и страноведческого материала в соответствии с этапом и профилем обучения.

Существует несколько подходов к отбору языкового материала при изучении русского языка: 1) эмпирический подход (при таком подходе решающую роль играет личный опыт преподавателя); 2) статисти-

ческий подход (учитываются количественные характеристики языковых единиц – частотность, употребительность в речи); 3) методический подход (отбор материала ориентирован на цели обучения); 4) лингвистический подход. Выделяются такие критерии при отборе материала, как сочетаемость слов, словообразовательная ценность, стилистическая неограниченность и др.» [1, с. 204]. Наиболее целесообразным и оптимальным, на наш взгляд, является комплексный подход, который позволяет синтезировать эмпирический, статистический, методический и лингвистический принципы и на их основе отобрать минимум такого материала, который соответствует заявленным целям и задачам подготовки будущих специалистов.

В современной лингводидактике сложились общие принципы отбора языкового материала в учебных целях. Эти принципы получили широкое теоретическое обоснование и всестороннюю практическую реализацию в ряде исследований различных авторов: О. В. Азаровой, О. М. Аркадьевой, Е. А. Быстровой, Э. М. Миргаязовой, В. В. Морковкина, Т. Г. Мухиной, Л. Г. Саяховой, С. М. Халдаровой, Н. М. Шанского, Л. И. Широковой, Т. А. Яцюк и др. В большинстве перечисленных научных исследований и практических разработках вышеуказанных авторов речь идет, главным образом, о лексических минимумах и принципах отбора лексико-фразеологических единиц в учебные минимумы в соответствии с целями обучения. Известно, что отбор текстов и единиц обучения обуславливается учетом потребностей коммуникации в сферах речевой деятельности на русском языке, значимых для студентов-юристов, наличием предлагаемого материала в учебной литературе по русскому языку, а также в учебной и научной литературе будущей специальности. «Сущность минимизации сводится к отбору на основе определенных лингвистических и психолого-лингвистических принципов такого учебного материала, который представляет относительно законченную микросистему учебного языка, пригодную для элементарного общения, адекватно отражая структуру и пропорции языка в целом, обеспечивая реализацию цели данного этапа обучения» [2, с. 10]. В соответствии с данным принципом процесс отбора текстов должны быть ориентированы на имманентность стилистической и синтаксической системе русского языка в целом.

Отбор лексического материала при обучении будущих юристов русскому языку должен быть направлен и на понимание синтаксической вариативности, подборка конструкций должна осуществляться с учетом тождественности общесмысловое значение, создаваемое словами, лексически близкими по значению, выполняющими одинаковую функцию, но структурно различно организованными, однако способными замещать одна другую, что позволит верно интерпрети-

ровать нормы закона в профессиональной деятельности. Данный пласт языковой системы сложен для тех, кто не владеет русским языком как родным, и требует немалых усилий для обучения как у студентов, так и у преподавателей в объяснении правил и особенностей русского языка.

Литература

1. *Азимов Э. Г., Шуккин А. Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999.
2. *Миргаязова Э. М.* Отбор фразеологического материала и его презентация в начальной национальной школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1977.
3. *Матенов Р. Б.* Речевые условия употребления синтаксических единиц сложного предложения и их вариантность // Молодой ученый. 2014. № 3.
4. *Матенов Р.* О нормах лексической вариантности при формировании навыков профессиональной речи будущих юристов в условиях дистанционного обучения // Review of law sciences. 2020. № 2.
5. *Матенов Р. Б.* Особенности обучения студентов вариантности синтаксических единиц // Academic research in educational sciences. 2021. Т. 2, № 1.

М. В. Никифорова

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

О контаминации как способе образования «коронавирусных» неологизмов в русском языке

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых словообразовательных процессов в русском языке в связи с пандемией COVID-19. Одним из наиболее ярких языковых явлений периода пандемии стало появление в русском языке многочисленных неологизмов, в образовании которых значимая роль принадлежит лингвистическому механизму контаминации.

Ключевые слова: неологизм; словообразование; контаминация; оценочность; языковая игра.

Истории известно немало примеров, когда глобальные потрясения в общественной жизни становились катализаторами обогащения словарного состава языка. Пандемия COVID-19, оказавшая влияние на все без исключения сферы жизни людей и ставшая, безусловно, одним из главных событий мирового масштаба за последние несколько лет, в этом смысле не явилась исключением. Лингвисты всего мира активно фиксируют новейшую лексику, получившую распространение в связи с пандемией, описывают происходящие в национальных языках лексико-семантические и словообразовательные процессы, анали-

зируют приемы языковой игры, используемые при назывании реалий периода пандемии, и т. д.

Русский язык, всегда очень чутко реагирующий на различные социальные потрясения, формирует и расширяет «словарь эпохи пандемии» за счет таких лингвистических процессов, как словообразование (*карантинить, масочник*), заимствование (*зум-вечеринка, думскроллинг*), актуализация уже известных лексических единиц за счет расширения сферы их функционирования (*удаленка, дистант*), лексико-семантические сдвиги (*намордник, социальная дистанция*) и т. д.

В фокусе внимания настоящей статьи – возникшие в русском языке в период пандемии неологизмы, основным механизмом в образовании которых выступает контаминация.

Под контаминацией понимается «образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями» [2, с. 172]. Важнейшим признаком слова-контаминанта является компрессия языковых единиц, из которых оно образовано; компрессия достигается за счет того, что при контаминации происходит «проникновение компонентов одной единицы языка в другую... с неперенным вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [4, с. 258]. Другим важным признаком слова-контаминанта является семантическая узнаваемость входящих в его состав языковых единиц [1, с. 8].

Анализируя неологизмы-контаминанты, получившие широкое распространение в русском языке в связи с пандемией, мы рассматриваем три основных способа их образования, т. е. три разновидности контаминации – междусловное наложение, словосложение и скрещивание.

1. Междусловное наложение (амплификация) «состоит в том, что на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова. Таким образом, возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу – основы обоих объединившихся слов, причем в качестве определяемого выступает второе слово, а в качестве определяющего – первое» [3, с. 471]. Ср.: *ковидиот* (ковид + идиот = человек, провоцирующий панику в обществе, а также тот, кто не соблюдает санитарные требования во время пандемии), *карантикулы* (карантин + каникулы = вынужденные каникулы населения в связи с угрозой распространения инфекции), *ковидобесие* (ковид + мракобесие = нездоровый ажиотаж вокруг пандемии), *корониалы* (корона + миллениалы = дети, рожденные в период распространения новой коронавирусной инфекции), *коронагеддон* (коронавирус + армагеддон = конец света в результате распространения коронавирусной инфекции) и др.

2. Словосложение представляет собой способ словообразования, «в результате которого образуются сложносоставные слова, соотносительные со словосочетаниями» [5, с. 303]. Ср.: *коронафобия*, *коронапаника*, *коронабезумие*, *ковидоскептики*, *ковидодиссиденты* и др.

Анализируя прагматический потенциал неологизмов первой и второй групп, отметим, что, помимо собственно номинативной функции (обозначение конкретной экстралингвистической реалии), они выполняют также оценочно-характеризующую функцию с преобладанием иронической или осуждающей тональности.

3. Скрещивание представляет собой «замену структурного компонента одной единицы компонентом другой по модели [AB + ав = Ав или аВ] на основании их структурного подобия или тождества и семантической, ассоциативной или функциональной близости» [1, с. 9]. В классификации А. П. Сковородникова эта разновидность контаминации называется «словообразованием по аналогии с заменой предметно-значимого корневого компонента» [5, с. 302–303]. Самым ярким примером неологизма-контаминанта, образованного способом скрещивания, является, пожалуй, глагол *сковидиться*, являющийся контаминацией иронично-просторечного глагола *скопытиться* и лексемы *ковид*. Данный неологизм, на наш взгляд, являет собой яркий пример языковой игры, основанной на частичном фонетическом сходстве исходной и производной лексем, в результате чего основное значение – *умереть от ковида* – дополняется ассоциативной эмоциональностью и оценочностью.

Таким образом, можно утверждать, что неологизмы, возникшие в русском языке в период пандемии, призваны выполнять две основные функции: языкового обозначения экстралингвистической реалии (а значит и ее когнитивного осмысления) и ее оценочной характеристики. При этом важно, что большинство рассмотренных неологизмов актуализирует отрицательную деонтическую оценку называемого явления – оценку, связанную с представлением о норме / отклонениях от нормы. Кроме того, образование неологизмов посредством механизма контаминации демонстрирует умение носителей русского языка играть со словом: сочетание и комбинирование имеющихся в языке и заимствованных языковых единиц создает новые яркие образы и ассоциации.

В то же время, характеризуя «жизнеспособность» неологизмов-контаминантов всех трех групп, отметим, что, на наш взгляд, их переход в кодифицированный словарный состав русского языка очень маловероятен. Как и большинство окказиональных лексических единиц, образованных в конкретном контексте (в случае пандемии – в конкретном социально-историческом контексте), они выйдут из употребления и останутся лишь в специальных словарях и исторической памяти лингвокультурного сообщества.

Литература

1. Ефанова Л. Г. Контаминация. Ч. 2. Основные разновидности контаминации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1 (39).
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель; АСТ, 2001.
3. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Индрик, 2001.
4. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2011.

М. О. Носирова

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Экспрессивно-стилистические свойства вставных конструкций в произведении Л. Н. Толстого «Война и мир»

А н н о т а ц и я . В данной статье рассматриваются структурно-семантические и речевые прагматические функции вставной конструкции. Вставные конструкции вносят в основное предложение дополнительные сведения, попутные замечания, уточнения, пояснения, поправки и т. д. Отмечается, что вставные единицы обладают рядом признаков: они синтаксически не связаны с основным предложением, внутри предложения они интонационно изолированы значительными паузами, характерными для так называемой интонации включения. Сделан вывод о том, что значительную группу в произведении Л. Н. Толстого «Война и мир» составляют вставные конструкции, выражающие пояснительно-определятельную связь, содержащее описание предметов или характеристику лиц; также встречаются вставные конструкции, которые содержат качественно-эмоциональную окраску.

К л ю ч е в ы е с л о в а : вставная конструкция; синтаксис; галлицизм; синтаксическая фраза; стилистическая функция; произведение; стилистика.

Вставные конструкции, разнообразные по структуре (одинокое слово, словосочетания, сочинительные группы слов и словосочетаний, предложения почти всех существующих в русском языке типов, а также более сложные построения, состоящие из нескольких названных единиц), при своеобразии их связи с основным предложением, тесно сливаются с ним в одно высказывание, являясь существенным в семантико-стилистическом отношении его компонентом [2, с. 121].

Трудно согласиться и с довольно устойчивым утверждением о том, что вставные единицы якобы содержат только добавочные, мало важные сведения, не предполагавшиеся к сообщению и пришедшие на память автору в самый момент речи. Это справедливо, да и то не всегда, по отношению к вставкам в живой, ранее не подготовленной речи. В заранее продуманной устной и тем более письменной речи вставные конструкции отнюдь не случайны и не малозначительны. Так, многие предложения в художественной прозе Л. Толстого осложнены вставными единицами, разнообразными по структуре – от одиночного слова до вставного абзаца, состоящего из нескольких предложений.

Предложения у Толстого обычно семантически и структурно ветвисты, многоплановы, но всегда сохраняют четкую синтаксическую перспективу и смысловое и стилистическое единство.

Академик В. В. Виноградов отметил своеобразие синтаксического построения предложений в произведениях Толстого: «Аналитически развертывающаяся цепь предложений у Толстого не замкнута. Внутри ее можно заметить следы ассоциативных разрывов, своеобразных „анаколуфов“. Создается иллюзия, что синтаксическая фраза в стиле Толстого не движется по заранее обдуманной и замкнутой логической схеме, как в книжном языке, а непосредственно отражает ход мысленно произносимой, как бы импровизируемой монологической речи <...> Аналитический принцип развертывания синтаксической цепи, у Л. Толстого ведет к включениям и присоединениям синтагм, поясняющих или расчленяющих уже высказанные мысли <...> Все это придает толстовскому синтаксису колорит «живого, произносимого слова» [4, с. 142].

Стремясь художественно воспроизвести живое слово и ход мышления, течение мысли, с ее поворотами, изгибами, экскурсами и отклонениями, вызываемыми различными ассоциациями, от основной логической линии в сторону, на «периферию», автор так или иначе отражает это в синтаксическом строе предложения, следуя при этом нормам русского литературного языка XIX – начала XX века, используя в стилистических целях некоторые особенности литературного языка изображаемой эпохи, характерные элементы живой русской разговорной речи, а также иноязычные элементы, как, например, галлицизмы в романе «Война и мир».

Как правило, вставные единицы содержат сведения, ассоциативно связанные с содержанием, стилем основного предложения или даже нескольких предложений, но вынесенные автором как бы на второй план, на другую смысловую плоскость – по условиям семантического, синтаксического или стилистического характера, благодаря чему вставка не делается чем-то второстепенным, малозначащим; наоборот,

она становится актуализованной, более заметной в смысловом и экспрессивном отношении. Например: *«Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батарейной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах»* [5, с. 163].

Вставные единицы в прозе Л. Толстого являются одним из продуктивных и эффективных художественно-изобразительных средств. Они выполняют в тексте различные функции, вливаясь, за редким исключением, в семантико-стилистическую ткань данного или нескольких смежных предложений.

Во многих случаях, в конкретных семантико-синтаксических и стилистических условиях предложения, вставные единицы имеют характер дополнительного сообщения, коммуникативное содержание которого ассоциативно связывается с основной частью предложения или с одним из компонентов его.

Иногда вставные конструкции соотносятся по смыслу с несколькими смежными предложениями, находясь между ними; в некоторых случаях такие вставки получают большую самостоятельность – и даже представляют собой особый абзац: *7-го августа князь Багратион в своей стоянке Михайловке на Смоленской дороге писал следующее: «Милостивый государь граф Алексей Андреевич». (Он писал Аракчееву, но знал, что письмо его будет прочтено государем, и потому, насколько он был к тому способен, обдумывал каждое свое слово). «Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска...»* [5, с. 149].

Раскрывая внутренний мир героя, сложную диалектику его мыслей и действий, Толстой широко использует семантико-стилистические возможности вставок, вкладывая в них сообщение о состоянии персонажа, о его истинных мыслях, не всегда адекватных его речи, о мотивах его поступков, о несоответствии слов реальным фактам и т. д.: *«С этою успокоительною мыслью (но все-таки с надеждой на исполнение своей запрещенной земной мечты) княжна Марья, вздохнув, перекрестилась и сошла вниз, не думая ни о своем платье, ни о прическе, ни о том, как она войдет и что окажется»* [5, с. 274].

Вставки могут содержать яркие, остроумные и эмоционально насыщенные замечания, характеризующие героя и выявляющие отношение автора к нему. Так, толстовское понимание роли Наполеона в истории и оценке его личных качеств отразилось, в частности, и во вставных единицах: *«И без его [Наполеона] приказаний делалось то, чего он хотел, и он распорядился только потому, что думал, что от него ждали приказания. И он опять перенесся в свой прежний искус-*

ственный мир призраков какого-то величия, и опять (как та лошадь, ходящая на покато́м колесе привода, воображает себе, что она что-то делает для себя), он покорно стал исполнять ту жестокую, печальную и тяжёлую, нечеловеческую роль, которая была ему предназначена» [5, с. 185].

Образ Берга, сухого рационалиста, самодовольного карьериста, человека позы и жеста, сопровождается авторской иронией и сарказмом во многих вставных конструкциях: *«Поверите ли, граф, я ничего не испугался, потому что я знал, что я прав <...>. Я явился (Берг встал и представил в лицах, как он с рукой к козырьку явился. Действительно, трудно было изобразить в лице более почтительности и самодовольства)»* [5, с. 304].

Характерологично и замечание автора об Анатоле Курагине: *«Может быть, что он этого не думал, встречаясь с женщинами (и даже вероятно, что нет, потому что он вообще мало думал), но такой у него был вид и такая манера»* [5, с. 278].

Как бы мимоходом, во вставке, Толстой подмечает человеческую растерянность и смущение генерала Багратиона, этого прославленного героя Отечественной войны, попавшего с поля битвы Английский клуб, на торжественный ужин, устроенный аристократической знатью Москвы в его честь: *«Кто-то услужливо вынул из рук Багратиона блюдо (а то бы он, казалось, намерен был держать его так до вечера и так идти к столу) и обратил его внимание на стихи»* [5, с. 394].

Одной из особенностей художественной стилистики Толстого является сложное переплетение, сближение и смешение речи автора и персонажей, отмеченное академиком В. В. Виноградовым: *«Сферы повествовательного стиля и „внутренних монологов“ персонажей в „Войне и мире“ настолько сближены, что фразы и образы могут свободно перемещаться из сознания героев в авторское повествование или, наоборот, переходить из авторского рассказа в речь персонажей»* [4, с. 174]. Этот прием реализуется Толстым по-разному, в том числе и в разных формах конструктивного объединения в одном предложении авторского текста и прямой или несобственно-прямой речи персонажей, когда одна часть представляет собой основное предложение, другая же является вставной в нём.

Во вставных единицах может содержаться авторская характеристика особенностей речи персонажа, указание на сопровождающие речь или вызванные ею жесты, движения говорящего или другого лица; вставки могут быть средством драматизации речи: *«Что же вы мне скажете, князь, о моем Борисе? – сказала она [княгиня Друбецкая], догоняя его в передней. (Она выговаривала имя Борис с особенным ударением на О). – Я не могу оставаться дольше в Петербурге»* [5, с. 55].

С помощью вставных единиц Толстой раскрывает смысл малоизвестного иноязычного слова или выражения, а также раскрывает диалектное, жаргонное или профессиональное русское слово или значение в данном контексте; мотивирует употребление слова или формы [1, с. 92].

Включая в предложение эквивалентные единицы из разных языков, Толстой одну из них обычно делает вставной, например: «*Борис Друбецкой, ep dagson (холостяком), как он говорил, оставив свою жену в Москве, был тоже на этом бале и, хотя не генерал-адъютант, был участником на большую сумму в подписке для бала*» [5, с. 167].

Как видно, в художественной прозе Л. Толстого вставные конструкции, семантически соотносясь с основным предложением, с его частью или с несколькими смежными предложениями, выполняют различные художественно-изобразительные функции. Они входят в богатейшую систему художественных средств великого писателя, и в его произведениях среди других красок неповторимой толстовской стилистической палитры они сохраняют свой особый колорит.

Литература

1. Акимова Г. И., Иванова Ю. Н. Вставные конструкции с экспрессивным значением в русском языке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1990. Вып. 3.
2. Аникин А. И. Художественно-избирательная роль вставных конструкций в прозе Л. Н. Толстого. Проблемы языка и стиля. Тула, 1971.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
4. Виноградов В. В. О языке Толстого: Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003.
5. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1–4. М.: Правда, 1972.

Х. Ф. Очилова

Ташкентский государственный экономический университет
(г. Ташкент, Узбекистан)

Роль языка в организации сотрудничества университетов стран СНГ

Аннотация. Обосновывается необходимость владения несколькими языками, в том числе русским. Предлагается механизм установления сотрудничества между странами СНГ и их вузами. Проанализированы данные по сотрудничеству в области подготовки кадров и научных исследований между вузами России и Узбекистана.

Ключевые слова: СНГ; сотрудничество вузов; русский язык; Узбекистан; Россия.

Как отмечал Чингиз Айтматов: «Знаешь родной язык – ты богат. Знаешь чужой язык – ты вдвое богаче». Действительно, в настоящее время специалист, владеющий несколькими иностранными языками, более востребован на рынке труда. Сегодня в пространстве СНГ реализуется многоплановая программа развития диалога языков и культур между странами СНГ. Значение межкультурного диалога и полиязычия на пространстве СНГ неоспоримо важно, так как это будет способствовать развитию межчеловеческих отношений, придаст импульс действующим, а также новым программам сотрудничества между странами и вузами. Страны СНГ обречены, жить в близком географическом соседстве, поэтому необходимо найти общий язык, уважать друг друга, вести многоплановый культурный диалог, а также укрепить сотрудничество между высшими учебными заведениями этих государств.

Сегодня русский язык по-прежнему входит в десятку ведущих языков мира, однако число русскоговорящих сокращается. На то имеются объективные причины: русский язык часто ассоциируется в сознании как язык «великодержавный». Как результаты анализа, на вопрос «Насколько важно для вашей страны изучение русского языка?» от респондентов последовала такая гамма мнений: в Таджикистане с пометкой «важно» оказалось 98 % ответов, в Узбекистане – 97 %, в Киргизии – 96 %, в Грузии – 64 %, Молдавии – 39 %, Азербайджане и Армении – до 94 %. Самый низкий уровень интереса к русскому языку проявился в Украине, самый высокий – в Белоруссии [2].

На наш взгляд, знание языков помогает людям разных культур лучше понимать друг друга, чтобы развивать сотрудничество и добиваться процветания стран СНГ. Но важно выбрать механизм сотрудничества в этих странах. Если говорить о механизмах, то хочется вспомнить, что прошлый год – был годом русского языка в Узбекистане. В его рамках были успешно проведены разные мероприятия, в которых были вовлечены большие массы людей. Мы предлагаем организовать Орган в виде сетевого университета, который бы целенаправленно способствовал изучению русского языка в странах СНГ, как нам известно, изучение языков интенсифицирует культурную коммуникацию. Это огромная работа – заставить полюбить у себя в отечестве другой язык, услышав его мелодию. Но умение уважать другую культуру это, прежде всего, показатель собственной культуры.

В последние годы сотрудничество между Узбекистаном и Россией в разных сферах поднялось на новый уровень. В том числе, все больше расширяется сотрудничество в области подготовки кадров, развития науки. В 2019 г. вступило в силу межправительственное соглашение об организации и налаживании деятельности филиалов высших учебных заведений Российской Федерации в Узбекистане. Кроме

того, между нашими странами было подписано соглашение о взаимном признании документов об образовании, квалификации и научных степенях. К настоящему времени проведены два заседания малой комиссии по науке и образованию при данной комиссии, на которых обсуждены важные вопросы, касающиеся развития связей в сфере межгосударственного высшего образования.

За последние три года в Узбекистане открыты 8 филиалов престижных университетов Российской Федерации фундаментального направления. Таким образом, число филиалов российских высших учебных заведений в республике достигло 11. В 34 высших учебных заведениях республики осуществляется подготовка кадров в сотрудничестве с 48 высшими учебными заведениями России на основе совместных образовательных программ. В том числе в Ташкентском государственном экономическом университете ведет свою деятельность совместная программа с Уральским государственным экономическим университетом.

В течение последних двух лет заметно увеличился масштаб сотрудничества высших учебных заведений Узбекистана и России. Если до 2018 г. сотрудничало около 70 вузов двух стран, то в 2020 г. данный показатель превысил 115. В 2018 г. утверждено 128 соглашений и 46 «дорожных карт» по сотрудничеству, а в 2020 г. подписано 242 соглашения, реализуются 63 «дорожные карты» [1].

Сегодня в вузах России обучаются 30264 узбекских студента. Ежегодно на основе грантов из федерального бюджета Российской Федерации более 200 юношей и девушек отправляются на учебу в российские университеты.

Россия и Узбекистан осуществляют эффективное сотрудничество в области науки. Результатом его являются совместные научные статьи, индексируемые в международной научно-технической базе. В 2016 г. было 85 таких статей, в 2020 г. этот показатель составил свыше 150. Профессора-преподаватели двух стран осуществляют научное сотрудничество в области различных исследований.

В настоящее время ведется работа с российскими партнерами в области совершенствования учебно-нормативных актов для системы профессионального образования, подготовки кадров, отвечающих требованиям работодателя, и внедрения в систему профессионального образования Узбекистана стандарта WorldSkills.

В заключение хотелось бы отметить, что владение населения республики русским языком имеет стратегическое значение, которое направлено на дальнейшее развитие сотрудничества в сфере высшего и профессионального образования между Узбекистаном и Россией.

Литература

1. *Взаимодействие* вузов России и Узбекистана в сфере научных исследований // Официальный сайт Ташкентского государственного технического университета им. И. Каримова. URL: <http://tdtu.uz/2020/05/29/vzaimodejstvie-vuzov-rossii-i-uzbekistana-v-sfere-nauchnyx-issledovaniy>.

2. *Синицына Т.* Диалог языков и культур: страстный поиск идеальной модели // ИнфоШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5060>.

И. В. Первухина

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Русский язык и трудовая миграция

Аннотация. Статья освещает вопрос языковой адаптации трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию из бывших союзных республик. Одну из решающих ролей в формировании навыков владения русским языком играют центры обучения и тестирования в российских городах, которые ведут подготовку к сдаче экзамена по русскому языку как иностранному и комплексного экзамена, необходимого для получения гражданства РФ.

Ключевые слова: русский язык; трудовая миграция; языковая политика; центры обучения и тестирования.

Миграция населения – характерная черта современного общества и неизбежный спутник глобальных процессов. «Привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития» – эта идея является одной из главных в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – «Концепция»).

В то же время, основная масса трудовых мигрантов – а это в первую очередь граждане бывших союзных республик – обладает недостаточным уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки, что может приводить к их слабой социализации в российском обществе. В связи с этим одной из приоритетных задач, обозначенных в «Концепции», является «создание эффективного механизма адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество: изучение ими русского языка и социокультурных особенностей принимающей территории». Данная задача должна быть реализована через создание центров довузовской подготовки и изучения русского языка в образовательных учреждениях начального профессионального образования.

Тенденции в миграционных процессах, характерные для России в целом, справедливы и для Свердловской области. Внешняя миграция в регионе носит, в первую очередь, трудовой характер и обусловлена привлечением иностранных граждан в производственную сферу. Большинство мигрантов из стран СНГ работают в Екатеринбурге в сфере ЖКХ, на стройках или водителями. Однако, согласно материалам Свердловскстата, миграционный прирост в Свердловской области по итогам первой половины 2020 г. сократился в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Количество прибывших иностранцев из стран СНГ с января по июнь 2020 г. составило 8,5 тыс. чел., тогда как за аналогичный период прошлого года – 9 тыс. 461 чел. [1]. Одной из очевидных причин снижения миграционного потока стали ограничения, введенные в связи с пандемией COVID-19.

Проводимые исследования в области социокультурной адаптации прибывающих мигрантов показывают, что в языковом отношении можно выделить две группы вопросов. Во-первых, это многоязычие и поликонтекстность языковых практик в семье, где родной язык намеренно поддерживается как элемент национальной культуры, а русский язык используется фрагментарно и на довольно примитивном уровне. Во-вторых, это неадекватная оценка мигрантами собственного уровня владения русским языком. По мнению некоторых исследователей [2], в образовательных стратегиях взрослых мигрантов не прослеживается ориентация на дополнительное изучение русского языка. Этот вопрос рассматривается чисто утилитарно – получить сертификат о знании русского языка для последующего приобретения патента или других допусков на работу.

В России образовательные процедуры введены законодательно, исходя из миграционных потоков и геополитических задач страны. С 1 декабря 2012 г. в РФ вступил в силу закон, предусматривающий обязательное получение сертификата на знание русского языка трудовыми мигрантами. Согласно документу, иностранные граждане, которые планируют трудиться в сфере ЖКХ, розничной торговли или бытового обслуживания, обязаны подтверждать владение русским языком не ниже базового уровня (приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 апреля 2014 г. № 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным и требований к ним»). В документе отмечается, что мигранты должны уметь читать текст, понимать на слух основную информацию из диалогов социально-бытового характера, уметь самостоятельно создавать связные, логичные высказывания. При этом объем лексического минимума должен достигать 850 ед.

Как уже было отмечено выше, задача адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество должна быть реализована через создание центров обучения русскому языку и проведения тестирования. В стране уже работает свыше тысячи подобных центров. В 2020 г. количество иностранцев, которые прошли лингводиагностический тест, необходимый для получения российского гражданства, составило порядка 55 тыс. чел. [3]. На Урале центры тестирования начали работать зимой 2015 г. На январь 2020 г. в Свердловской области зарегистрировано 26 центров тестирования мигрантов, из них 16 – в Екатеринбурге [4].

В условиях цифровизации образовательного процесса в 2018 г. был разработан бесплатный онлайн-курс русского языка [5], цель которого – помочь трудовым мигрантам научиться использовать самые нужные фразы на русском: как узнать дорогу, поговорить с сотрудником МФЦ, выучить названия документов для трудового патента.

В последнее время отдельные страны СНГ выступают с собственными инициативами по принятию совместных с РФ программ по поддержке трудовых мигрантов. Так в сентябре 2020 г. глава Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев подписал постановление об утверждении программы, в рамках которой в конце 2020 г. во всех регионах Узбекистана открываются курсы изучения русского языка и профподготовки для граждан, планирующих отправиться на работу в Россию [6]. По данным пресс-службы Министерства занятости, после прохождения курсов по изучению русского языка, учащимся также будут выдавать сертификат для получения разрешения на работу в РФ.

В свою очередь в пяти российских городах: Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Екатеринбурге и Новосибирске, началась реализация проекта по бесплатному профессиональному обучению трудовых мигрантов из Узбекистана, который предполагает организацию бесплатных ежедневных месячных и двухмесячных курсов по изучению русского языка и освоению профессий, востребованных на российском рынке труда.

Проблема языковой адаптации трудовых мигрантов в РФ – сложный многоаспектный вопрос и решение этой общественной задачи должно способствовать совершенствованию современной методической системы в области преподавания русского языка как иностранного.

Литература

1. *Прирост* мигрантов в Свердловской области сократился в два раза / УралБизнесКонсалтинг. URL: <http://urbc.ru/1068097962-prirost-migrantov-v-sverdlovskoy-oblasti-sokratilsya-v-dva-raza.html>.

2. Засыпкин В. П. Языковые практики в процессе языковой адаптации мигрантов: конфликтное измерение (на материалах исследования в ХМАО – Югре) // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12.

3. Около 400 тысяч иностранцев сдали комплексный экзамен по русскому языку в 2020 году / Русский мир. URL: <https://russkiymir.ru/news/281602>.

4. Справочник центров тестирования мигрантов в Свердловской области / Migranto.ru. URL: <https://www.migranto.ru/test-sverdlovskaya-oblast>.

5. Вышел онлайн-курс русского языка для трудовых мигрантов / Edutainme. URL: <http://www.edutainme.ru/post/russkiy-dlya-migrantov>.

6. В Узбекистане открылись курсы русского языка для трудовых мигрантов / Sputnik Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20201203/V-Uzbekistane-otkrylis-kursy-russkogo-yazyka-dlya-trudovykh-migrantov-15528292.html>.

И. С. Пирожкова

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Языковое обучение иностранных студентов в российском вузе (взгляд студентов УрГЭУ)¹

А н н о т а ц и я . Рассмотрены особенности реализации языкового образования в Уральском государственном экономическом университете. Акцент сделан на обучении иностранных студентов языкам на некоторых программах бакалавриата. Проведен опрос иностранных студентов первого курса бакалавриата Института менеджмента и информационных технологий, который позволил выявить основные проблемы, с которыми они сталкиваются.

Ключевые слова: иностранный язык; русский язык как иностранный; РКИ; английский язык; иностранные студенты.

Трансформация отечественного образования, начавшаяся с момента подписания Россией Болонской декларации в 2003 г., сделала обучение в российских вузах привлекательным для иностранцев. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, за 10 лет число иностранных студентов в России удвоилось и составляло на конец 2019 г. 309 тыс. [5]. Уральский государственный экономический университет (далее – УрГЭУ) ведет активную деятельность по привлечению иностранных студентов. По словам ректора вуза Я. П. Силина, количество иностранных студентов неуклонно растет и составило в 2020 г. более 1 200 чел. [2]. Значительное количество иностранных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 1901300895 А «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному».

студентов в российских вузах выводит на первый план такие проблемы как социокультурная адаптация [3], взаимоотношения между российскими и иностранными студентами [1], обучение русскому языку [4]. В статье рассмотрены особенности языкового обучения иностранных студентов в УрГЭУ.

В УрГЭУ существуют разные направления подготовки, которые могут быть интересными для иностранных граждан. Во-первых, подготовительный факультет дает возможность изучить русский язык (далее – РЯ) и некоторые другие дисциплины, которые помогут иностранным абитуриентам поступить и успешно учиться на программах бакалавриата и магистратуры. Во-вторых, ведется прием иностранных студентов на программы бакалавриата и магистратуры на РЯ, а с 2021 г. планируется набор на магистерские программы («Международный бизнес» и «Управление в туризме и индустрии гостеприимства»), реализуемые на английском языке (далее – АЯ).

Многие иностранцы, обучающиеся на подготовительном факультете УрГЭУ, становятся студентами разных программ этого вуза и попадают в иные условия, существенно отличающиеся от предыдущего периода обучения в России. Среди основных проблем, с которыми сталкиваются студенты, можно назвать сложности с овладением РЯ, проблемы в коммуникации с одногруппниками, обучение в группах с русскоговорящими студентами (следовательно, разный уровень владения РЯ), невозможность глубокого понимания лекционного материала из-за низкого уровня владения РЯ, социокультурные различия и др. Кроме того, в 2020/2021 учебном году в некоторые учебные планы (в частности, направлений «Менеджмент» и «Информационные технологии») было внесено изменение, согласно которому, все студенты, в том числе иностранные, должны изучать английский в качестве иностранного языка (а не русский, как это было ранее). В целом, такое изменение кажется вполне целесообразным, так как знание АЯ на высоком уровне позволит студентам бакалавриата продолжить обучение в магистратуре в странах Европы, именно АЯ является языком общения в иностранных компаниях и т.п. Тем не менее, как студенты, так и преподаватели сталкиваются с дополнительными трудностями, вызванными сокращением объема подготовки по РЯ. Цель данного исследования – выявить некоторые проблемы иностранных студентов в российском вузе.

Был проведен опрос среди иностранных студентов 1-го курса института Менеджмента и информационных технологий, в котором приняли участие 27 чел., что составляет около 71 % от общего числа первокурсников-иностранцев. Целью данного опроса было выявление потребности студентов в языковой подготовке и определение основ-

ных проблем, возникающих в процессе изучения языков. Мы получили следующий портрет студента: гражданин одной из стран Африки (Камерун, Египет, Ливия, Бенин и др.), Ближнего Востока (Сирия, Палестина), Южной Америки (Колумбия) или Центральной Азии (Узбекистан); в России находится год или менее; изучает РЯ год или менее. Половина опрошенных изучали РЯ в УрГЭУ (51,8 %), остальные проходили курсы РЯ в УрФУ (25,9 %), с репетитором (11,1 %), на родине (11,2 %). Свое знание РЯ студенты оценили следующим образом: 55,5 % понимают лекции частично, 44,5 % – понимают плохо, лишь отдельные фрагменты. При обучении в российском вузе, студенты выделяют следующие сложности: общение с новыми людьми на РЯ, сложность РЯ для иностранца, онлайн обучение (студенты отметили, что им было сложно говорить на практических онлайн занятиях и они предпочитали молчать всю пару); общение с русскоязычными преподавателями и студентами; недружелюбное отношение к себе; отсутствие поддержки в аудитории и др. Говоря о помощи, которую университет может оказать студентам, многие отметили обучение РЯ на 1-м и 2-м курсах (51,8 %), проведение части лекций по специальности на английском языке (37 %), введение дополнительных занятий по специальности (11,2 %). Тем не менее, все опрошенные рекомендовали бы своим друзьям обучение в России, в частности в УрГЭУ, что говорит об удовлетворенности процессом обучения.

Кроме того, было задано несколько вопросов, касающихся АЯ и его роли в обучении иностранных студентов. 51,9 % опрошенных часто используют АЯ в общении с русскоязычными преподавателями и студентами, 37 % – не говорят на АЯ с преподавателями или студентами, 11,1 % – иногда используют АЯ в академическом общении. При этом, большинство иностранных студентов не испытывают никаких сложностей при изучении АЯ (88,8 %). Говоря о языковых приоритетах иностранных студентов в настоящий период, 88,9 % отмечают, что им важнее изучать РЯ, лишь 11,1 % считают необходимым учить АЯ. Однако говоря о своей будущей профессии, большинство опрошенных (59,2 %) считают АЯ более важным, 33,3 % оставляют приоритет за РЯ, 7,5 % опрошенных считают, что им пригодятся оба языка.

Таким образом, были выявлены потребности иностранных студентов в языковом образовании и основные сложности, возникающие при обучении в российском вузе. В связи с исключением РЯ как иностранного из некоторых образовательных программ, преподавателям АЯ, работающим в группах с иностранными студентами необходимо выработать новый подход к обучению подобных смешанных групп. Среди рекомендаций преподавателям АЯ можно отметить следующие: более активное использование РЯ в аудитории, индивидуальные зада-

ния для иностранных студентов, внеаудиторная работа с иностранными студентами, подготовка иностранных студентов к конференциям и конкурсам и др.

Литература

1. Волгина Е. В. Взаимоотношения между иностранными и российскими студентами глазами студентов Елабужского института Казанского федерального университета // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2018. № 4.

2. В уральском вузе в шесть раз увеличили число иностранных студентов / ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2996478.html>.

3. Гребенникова И. А. Педагогическое сопровождение адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере китайских студентов): дис. ... канд. пед. наук. Биробиджан, 2010.

4. Дзюба Е. В. Игровые интерактивные технологии на уроках РКИ в системе профессионально ориентированного обучения // Педагогическое образование в России. 2019. № 2.

4. Знай наше: за 10 лет число иностранных студентов в России удвоилось / Минобрнауки. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=23185&spphrase_id=93753.

3. Ч. Раджובה

Самаркандский государственный университет
(г. Самарканд, Узбекистан)

О рождении некоторых неологизмов за время пандемии в Республике Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена изучению новых языковых тенденций в Республике Узбекистан на материале средств массовой информации. Анализируются неологизмы, пришедшие в русский и узбекские языки в связи с пандемией коронавируса. В статье иллюстрируются стилистические функции неологизмов *ковид*, *коронабольной*, *коронановости*, *корона-симптом*, *коронаатака*, *коронабезумие*, *коронаглупость*, *коронадискотека*, *коронажадность*, *корона-атака*, *коронаудар*, *корона-борьба*, *корона-жертвы*, *корона-победитель*, *коронахроника* и др. Рассматриваются способы образования неологизмов, а также изменения словарного состава связаны с переменами в обществе, много новых слов появляется во всем мире из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, которые возможно исчезнут после данной эпидемии.

Ключевые слова: лексика; пандемия; неологизм; коронавирус; COVID-19.

Наиболее интенсивные сдвиги словарного состава русского языка отмечаются в периоды кардинальных перемен в жизни общества. Пе-

реломным можно назвать и время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, ставшей общемировым явлением. Пандемия, введение ограничительных мер повлекли за собой преобразование общественной жизни во всех ее проявлениях и дали невероятный импульс языковой продуктивности. С момента распространения эпидемии COVID-19 язык активно реагирует на преобразование действительности, что проявляется в создании немалого количества лексем за счет словообразовательных гнезд.

Безусловно, следствием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и введения мер по борьбе с распространением COVID-19 стали не только индивидуально-авторские и окказиональные новообразования, но и отражающие объективные явления новые и актуализированные слова, новые значения существовавших ранее общеупотребительных и специальных понятий, изменившая функциональную зону определенной лексики. Однако большое количество лексических инноваций не столько отвечает объективным номинативным потребностям, сколько преследуют цель коллективной творческой самореализации носителей языка.

Совокупность новой лексики, созданной в эпоху распространения коронавирусной инфекции, называют *коронаречью*, *коронасловарем*, *короналексикой*, а сами языковые новшества – *коронасловом*, *короналексикой*, *коронатермином* и пр. Одними из наиболее продуктивных элементов в 2020–2021 годы стали *корона-*, *ковид-*. Вместе с тем эти системы избыточны и наполняются эквивалентными единицами, например, *ковидиот/коронаидиот*, *ковид-диссидент/коронадиссидент*, *коронаскептик*, *коронабесие*, *коронафоб*, а тенденции, происходящие с одной частью, свойственны другим. Поэтому представляется целесообразным рассмотрение одной системы, общие характеристики которой будут применимы к другой. Однако, несмотря на то, что для анализа были выбраны лексемы с началом *корона-*, в первую очередь следует обратиться к анализу вершины этого словообразовательного гнезда.

Для наименования коронавирусной инфекции COVID-19 используются полисемантические обозначения **коронавирус**, **ковид**, **covid-19**, **ковид-19**, например:

За минувшие сутки в Республике Узбекистан провели более 100 тысяч тестов на COVID-19 [Uzbek.MDK 16.04.2021].

Холодовой центр для хранения вакцины от ковид-19 возводят на территории Республиканского центра инфекционных болезней [Kun.uz 10.12.2020].

В Употребнадзоре рассказали, сколько в России случаев повторного заражения ковидом [Uzbek.MDK 18.04.2021].

Власти Узбекистана в пятницу получили первую партию российской вакцины «Спутник V» против коронавируса, сообщает 23 апреля пресс-служба [РИА Новости 23.04.2021].

«Паровая неделя» от доктора Н. Н. Каннаппана в рассылках интернет канала [19.04.2021].

*«Любой каприз за Ваши деньги...» Частные клиники Ташкента начали прививать против **Covid-19** российской вакциной «**Sputnik V**» [Дайджест-новости 25.04.2021].*

Если первое употребление термина *коронавирус* в русскоязычных источниках, по данным электронного ресурса Google, относится к 1971 году (Медицинский реферативный журнал) и называет семейство вирусов, то наименования *ковид* возникают во время пандемии коронавирусной инфекции в 2020 году. В 2020 году термин *коронавирус* переходит из языка для специальных целей в общее употребление, претерпевая ряд семантических изменений. В первую очередь специализируется его значение, в результате слово *коронавирус* начинает обозначать только тот вид коронавирусов, который вызвал эпидемию – SARS-CoV-2.

Термин *COVID-19* (*Coronavirus disease*, англ. «коронавирусное заболевание») появляется в массовых изданиях 11 февраля 2020 года после официального присвоения Всемирной организацией здравоохранения этого названия новой коронавирусной инфекции и, по данным ресурса Яндекс.

Помимо обозначений *коронавирусная инфекция*, *коронавирус*, *ковид-19*, *ковид* в разговорной речи широко используется наименование *корона*, которое употребляется в двух значениях «о коронавирусной инфекции COVID-19» (*сдать тест на корону*), «о заболевании, вызванном коронавирусной инфекцией COVID-19» (*симптомы короны, заразиться короной, поймать/подхватить корону*). От существительного *корона* образуется еще один разговорный дериват *коронка*, повторяющий два значения производящего существительного *корона*: *пандемия коронки, при коронке*.

В узбекской лексике мы рассмотрели такие примеры как: *коронани ушлади, короналанган, корона таркатувчи, коронаулими, коронаочкоги, коронаочлиги* и др.

Один из вариантов появления слова *корона*, являющегося синонимом наименований *COVID-19*, *ковид-19*, *ковид*, связывается с деривационными процессами русского языка, в рамках которых оно образуется от существительного *коронавирус* путем усечения.

Второй возможный путь появления лексемы *корона* в русском языке обосновывается иноязычным влиянием, которое усиливается ввиду единства информационного и языкового пространства в темати-

ческом сегменте пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Общий языковой контекст оказывается особо необходим в ситуации стертых языковых границ, актуальности проблемы для всех без исключения и чрезвычайной словотворческой активности всего общества.

Широкое употребление слов, в основе которых лежит обыгрывание омонимов и одновременная реализация в контексте двух значений, обуславливается целью языковой игры – созданием комического эффекта. Подтверждением активного семантического потенциала лексики корона служит не только ее взаимодействие с общеупотребительным словом, но и встраивание ее в деривационную систему русского и узбекских языков.

Элемент **корона-** не утрачивает смысловые связи с производящей единицей **коронавирусный**. Например, значение «относящийся к периоду пандемии и (или) карантина из-за коронавирусной инфекции COVID-19» в случае с прилагательным **коронавирусный** – **коронавирусланган** появляется в сочетаниях **коронавирусный год** – **коронавирус йилли**, **коронавирусный апрель** – **коронавирус апрели**, **коронавирусный концерт** – **коронавирус концерти**, **коронавирусные каникулы** – **коронавирус таътили**, также это значение присуще аффиксиду **корона-**... в словах **короначеллендж** (у блогеров), **коронагод**, **короналето**. Словосочетание с полным прилагательным **коронавирусный** + существительное и **корона-** + существительное. Например: **коронабольной** – **коронабемори**, **коронановости** – **коронаянгиликлари**, **корона-симптом** – **коронабелгиси**, **коронаатака** – **коронахужуми**, **коронаглупость** – **коронаахмоқлик**, **коронажадность** – **коронакизончилиқ**, **коронаугроза** – **коронахафлиги**, **корона-дьявол** – **коронашайтони**, **коронапобеда** – **коронагалаба**, **корона-цифры** – **коронасони**, **корона-данные** – **коронамаълумотлари**, **корона сводка** – **коронахулосаси**, **коронасписок** – **коронаруйхати** и др.

Также, помимо словотворчества в русском и узбекских языках, в коронавирусную эпоху развиваются формы языкового самовыражения на тему пандемии. Для обозначения этой деятельности используются наименования **коронатворчество** (**коронаиждоди**) и **коронакультура** (**коронамаданияти**), а различные способы их реализации представлены лексемами: **коронаанекдот** (**корона-анекдот**), **коронамузикл** (**коронамусик**), **корона-песня** (**коронакушиқ**), **коронастихи** (**коронашър**), **корона-драма** (**коронадрама**), **коронафильм** (**коронафильм**) и др.

Данная статья свидетельствует об отражении в языке глобального явления во всем мире, память о котором, вероятнее всего, сохранится в истории. Наличие множества тематических рядов лексики нейтрального и оценочного характера указывает на многогранность и многоаспектность данного явления.

Литература

1. Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета 2020. № 7 (441).
2. Прокопенко И. С. Коронавирус: жизнь после пандемии. М.: Эксмо, 2020.

Н. Г. Рогозинникова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Виды ономастических полисемантов в медийном дискурсе

Аннотация. Современные исследования в области функционирования имен собственных открывают новые свойства данного вида лексических единиц. В публицистическом дискурсе последних лет отмечается малоисследованное явление ономастической полисемии, развивающееся путем различных метонимических переносов, которое, обладая значительным экспрессивным потенциалом, выполняющее в текстах СМИ стилиобразующую функцию.

Ключевые слова: собственное имя; ономастическая полисемия; метонимия; функциональный стиль; публицистический дискурс; экспрессивность.

От изучения семантики собственных имен исследователи долгое время воздерживались в силу специфики данного вида лексических единиц и их главной функции – называть (а не определять) единичные объекты действительности, выделяя их из ряда подобных. Однако утверждение о том, что имена собственные в отличие от нарицательных «только называют объект, но не выражают никакого понятия» [1, с. 97] давно подвергается сомнениям. В 1980-е годы наличие значения у ИС уже не оспаривается, хотя и признается его специфика по сравнению с именами нарицательными.

Некоторые исследователи считают, что имена собственные могут быть как однозначными, так и неоднозначными. Неоднозначные могут быть разделены на ономастические полисеманты и ономастические омонимы [2].

Предлагается принять утверждение, что многозначность имени собственного имеет в целом ту же лингвистическую природу, что и полисемия имени нарицательного. В этом случае под ономастическими полисемантами можно понимать собственные имена, имеющие более чем одно лексическое значение.

Новые значения имен собственных (ИС) могут возникать, например, в результате метонимического переноса, т. е. переноса наимено-

вания по смежности явлений, их взаимосвязи (пространственной, временной и т. п.). В литературе описаны некоторые виды метонимических переносов в сфере имен собственных [2], например:

- лицо → произведение (*читать Пушкина*),
- лицо → его изображение (*получить Георгия – орден*),
- лицо → герой произведения → актер, играющий этого героя (Агамемнон: 1. Греческий царь времен Троянской войны. 2. Персонаж оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена». 3. Актер, исполняющий эту роль. *Актеры усердно смешили публику: она особенно хохотала, когда Колхас, достав из будки суфлера три стаканчика водки, угостил царей Агамемнона и Менелая*).

Исследуя функционирование имен собственных в русскоязычных СМИ последних лет, мы на основе нашего материала выявили и другие типы метонимии, в результате которых возникают новые значения ИС и которые характерны для публицистического дискурса. Приведем примеры:

- антропоним (имя лица) → правительство, возглавляемое этим лицом:

В Париже на уличных политиков вроде Навального... смотрят как на людей, которым Путин не по зубам (Власть № 17, 2013).

Наш материал показал, что в данный процесс вовлекаются не только антропонимы, но и другие виды ИС:

- топоним (название страны) → правительство данной страны: *Украина обладает особым опытом заключения договоров с Москвой* (Власть № 7, 2013),

Между Россией и Грузией разгорелся скандал (Власть № 4, 2009), *Аргентина завралась* (Власть № 5, 2013),

- астионим (название города, в нашем материале – столицы государства) → правительство данного государства: *если Дели нарачивает свои возможности, то Пекин выступает лишь в роли глобального пугала* (Власть № 8, 2013), *Вашингтоном же якобы движут вовсе не прагматические цели, а принцип* (Итоги № 15, 2006);

- астионим → проводимое в данном городе мероприятие: *«...старейшие конкуренты – Канн и Венеция. Все лучшие фильмы расхватаны Канном и Венецией»* [кинофестивали] (Власть № 4, 2009);

- астионим → находящаяся в данном городе организация: *«Я их до Страсбурга доведу, до суда по правам человека»* (Итоги № 15, 2006);

- ойкодомоним (название здания, в нашем материале – здания, в котором работает правительство страны) → правительство данной страны: *развернулась война между Кремлем и оппозицией* (Власть № 4, 2013), *народ и Кремль договорились* (Власть № 4, 2009);

• ойкодомоним → властная структура, работающая в данном здании: *недавно **Пентагон** [военное ведомство США] рассекретил данные о количестве дезертиров, покинувших ряды вооруженных сил США* (Итоги № 15, 2006), *когда президент путешествует, **Белый дом** [администрация Президента США] путешествует вместе с ним* (Итоги № 18, 2006).

Эргонимы (названия деловых объединений людей) в результате метонимического переноса могут приобретать значение «коллектив, работающий в этом объединении»: «...**Ленфильм** помирал со смеху» (Власть № 7, 2013),

Через имена собственные (в нашем материале – топонимы) могут быть обозначены и какие-либо политические или социальные явления, связанные с данными ИС: *резкое обострение политической жизни в России... детонировала **Болотная площадь** [выступление оппозиции на Болотной площади в Москве, которое закончилось массовыми арестами организаторов]* (Власть № 8, 2013); *возникнет ли в Мали новый **Афганистан**? [ситуация сравнивается с гражданской войной в Афганистане в 70–80-е гг. XX в.]*; *Киев признал **Крым** и **Донбасс**? [имеется в виду отделение Крыма от Украины и самопровозглашение на Донбассе отдельных республик]* (АиФ № 45, 2014).

Довольно часто в языковом сознании народа политические и общественные деятели, деятели литературы и искусства, науки и спорта какого-либо определенного значительного исторического периода становятся символом данного периода. В публицистическом дискурсе активно отражается данное явление, в результате которого антропонимы приобретают переносное значение времени: *во времена **Вильгельма Завоевателя**...* (Власть № 8, 2009), *...первое царское гербовое знамя появилось **при Михаиле Федоровиче*** (Итоги № 15, 2006), *это было **при Сталине*** (Власть № 8, 2013), ***при Горбачеве** церкви стали возвращать ее святыни* (АиФ № 9, 2016).

Нами отмечены также случаи, когда антропоним приобретает переносное значение «памятник данному лицу»: *Дворец Советов...: сто этажей, а в голове увенчивающего здание **Ленина** [скульптура Ленина высотой 80 м] – библиотека* (АиФ № 11, 2016), *«**Феликс Второй**» [Точная копия памятника Феликсу Дзержинскому с Лубянской площади установлена в Минске], ...настоящий Железный **Феликс** пребывает на задворках Центрального дома художников* (Итоги № 22, 2006).

Таким образом, ономастическая полисемия – довольно частотное и разнообразное явление в текстах публицистического функционального стиля, в связи с чем можно считать, что она выполняет стилиобразующую функцию, так как обладает значительным экспрессивным потенциалом, делает речь автора более насыщенной и яркой, а также

экономит языковые средства в тексте газетной или журнальной статьи, объем которых часто весьма ограничен.

Литература

1. *Введенская Л. А., Колесников Н. П.* От названий к именам. Ростов-н/Д: Феникс, 1995.
2. *Вороничев О. Е.* О многозначности и омонимии имен собственных // Начальная школа плюс до и после. 2012. № 6.
3. *Подольская Н. В.* Словарь ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.

Д. С. Саъдуллаев

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Актуальные проблемы языковых контактов

Аннотация. Лингвистическая проблематика языковых контактов сложна и многоаспектна. Одним из важнейших вопросов социолингвистики является вопрос о лексических заимствованиях и его связь с двуязычием и многоязычием.

Ключевые слова: семантическая целесообразность; социальные функции; процессы дифференциации.

В конце XX столетия одним из наиболее активных и социально значимых языковых процессов оказался процесс заимствования иноязычных слов. В разные эпохи приходили в русский язык разные «чужие» слова. Заимствования были требованием жизни. В новых социальных и политических условиях активно проявились причины, приведшие к неизбежности заимствований. Само отношение к заимствованиям в новых условиях изменилось: оно стало не только более терпимым, а даже «слепоглухонемым». Об этом свидетельствует современная тенденция к использованию вместо русского (узбекского в Узбекистане. – Д. С.) слова – иноязычного. Хорошей иллюстрацией служат вывески города.

В нашу задачу не входит специальное рассмотрение данного процесса: мы ограничимся постановкой вопроса о языковых контактах, их многогранной социальной природе. Проблема языковых контактов представляет собой совокупность целого ряда социальных, психологических и лингвистических вопросов. Явления языка в своей основе предопределяются социальными факторами. Еще И. А. Бодуэн де Куртене говорил о влиянии языковых контактов на саму языковую структуру (не употребляя этого термина. – Д. С.): «Влияние смещения

языков проявляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой же стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка» [1, с. 23].

На это же указывал и Л. В. Щерба: «...языки, которые вообще образуют более или менее обособленные системы, хорошо ощущаемые как таковые говорящими, в процессе взаимовлияния изменяются, поскольку их системы могут подвергаться различным изменениям под влиянием различного рода факторов, но ни в коем случае не разрушаются вследствие этого» [2, с. 44].

Лингвистическая проблематика языковых контактов сложна и многоаспектна. Одним из важнейших вопросов социолингвистики является вопрос о лексических заимствованиях и его связь с двуязычием и многоязычием.

Современное общественное развитие показывает, что двуязычие относится к числу важнейших социолингвистических проблем. Без наличия двуязычия у известной части населения невозможно было бы организовать нормальное сотрудничество наций, народностей в политической, экономической и культурной жизни. Иногда языковые контакты смешиваются с двуязычием. Для проникновения в язык лексических элементов другого языка, с нашей точки зрения, вовсе не обязательно наличие двуязычия, так как пути вхождения новых элементов в новый язык, особенно их усвоения в нем, различны и зависят от разных факторов внутриязыкового и внеязыкового характера.

В Узбекистане имеет место самое широкое распространение такое двуязычие, когда человек владеет не в одинаковой степени двумя языками и дифференцированно ими пользуется в зависимости от речевой ситуации. Когда речь идет о литературном языке, процессы, связанные с влиянием одного языка на другой, не могут не подчиняться языковой политике общества, разной на разных этапах его исторического развития. Сознательно регулируемый процесс позволяет контролировать практическую необходимость, семантическую целесообразность и стилистическую оправданность того или иного заимствования, подвергая безусловному отсеvu все ненужное, вносящее неточность и путаницу. Следовательно, в процессе отбора и усвоения заимствований в литературном языке огромную роль играет сознательный фактор. Этот фактор может оказывать непосредственное воздействие не только на лексику и семантику, но и на характер, объем социальных функций, на процессы дифференциации и интеграции языков, на взаимодействие их с другими языками.

Стиль нашей жизни резко изменился. Широкое распространение получили аудио- и видеотехника, компьютер, Интернет, иноязычное слово стало неотъемлемой частью словаря даже на бытовом уровне, не говоря уже об уровне специальном, научно-техническом. Однако на этой волне удовлетворения потребностей языка всплыло много хлама, ненужного, засоряющего язык. Иностранное слово стало не только необходимым, нужным, но и привлекательным, престижным. В таком случае мера и избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Побеждает общий настрой, мода, желание быть «наравне с веком» [3].

Сегодня, как никогда, оказывается прав акад. В. В. Виноградов: «В настоящее время борьба за культуру речи чаще всего ведется с субъективных (индивидуальных или общественно-групповых) позиций. Сила науки о языке, прежде всего социологической лингвистики, – в ее способности, готовности глубоко обобщать процессы, порождаемые словообразовательным гением народа, и своими рекомендациями и разработками шлифовать язык народа, способствовавшего его усовершенствованию как орудия и фактора общественного развития» [4, с. 32].

Литература

1. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные работы по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.
2. *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.
3. *Саъдуллаев Д. С.* Право языка как неприкосновенной сущности. Ташкент, 2010.
4. *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке // Уч. зап. МГУ. 1946. Вып. 106, т. 3, кн. 1.

И. А. Скворцова

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Меняется мир – меняется русский язык

А н н о т а ц и я . Рассматриваются изменения, происходящие в русском языке, обусловленные новыми общественными условиями и новой языковой ситуацией. Иноязычные заимствования представляются одной из ведущих тенденций развития современного русского языка и продуктивным процессом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : развитие русского языка; иноязычные заимствования; обогащение русского словаря.

Эволюция и развитие русского языка неизбежно приводят к его преобразованию. Изменения, которые происходят внутри языка по его собственным законам, относятся к эволюции. Способность русского языка адаптироваться к изменяющимся условиям своего функционирования является показателем его развития. В результате анализа современного русского языка можно классифицировать происходящие в нем основные изменения как развитие.

В современном русском языке активизируется процесс употребления заимствованных иноязычных слов. Расширяются сферы использования иноязычных терминов, относящихся к науке, информационным технологиям, экономике, финансам, спорту и другим областям. Основным условием заимствования иноязычных слов считается взаимодействие языка-реципиента с языком-источником. Такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод и обсуждение иностранных источников информации, а также участие в международных конференциях и совместных научных проектах способствуют заимствованию иноязычной лексики и терминологии. Заимствования входят в русский язык вместе с освоением новых отраслей науки и техники, и новые словари оперативно отражают эти явления [1; 2; 3].

Среди предпосылок заимствования иноязычной лексики следует выделить потребность в наименовании новых предметов и понятий (*лизинг, мерчендайзинг*); необходимость разграничения семантически близких, но все же различающихся понятий; необходимость специализации понятий в определенной сфере (*трибьют, сингл, сиквел, приквел, саспенс*); сложившуюся систему терминов в профессиональной среде (*портал, веб-сайт, веб-дизайнер, юзер, хакер*). При этом коммуникативная актуальность обозначаемого понятия признается важным фактором заимствования и его активного вхождения в речь. Число иноязычных заимствований, основная масса которых поступает из английского языка, значительно возросло в русском языке. Это отражает потребность в номинации новых реалий, пришедших в российскую жизнь в период социально-экономических перемен.

Серьезным аргументом в пользу заимствований является их способность коротко и точно обозначить то, для описания чего могут потребоваться целые предложения. Например, русское слово *акклиматизация* не может в полной мере заменить английское слово *джетлаг*, которое означает плохое самочувствие из-за сбоя биоритмов и смены часовых поясов: можно прилететь в ту же климатическую зону, но в другое полушарие, а перестраиваться все равно придется [7].

Наряду с процессом заимствования происходит активный процесс калькирования, который добавляет новые значения русским словам, а также образует новые словосочетания и фразеологизмы. Примерами

семантического калькирования могут служить новые оттенки значения таких слов, как *звездь* (сезона), *вызов* (человечеству), *успешный* (человек), которые они приобрели под воздействием иноязычных слов.

Итак, процесс расширения русского лексикона активно продолжается. Мы являемся свидетелями продуктивного процесса обогащения русского словаря. Иноязычные заимствования раздвигают национальную языковую картину мира, оказывая значительное влияние на внутреннее языковое развитие. «Активизация этого процесса составляет одну из особенностей современной языковой ситуации. Заимствования способствуют расширению словесных ресурсов, развитию семантики, интеллектуализации языка (увеличивается количество понятий), лаконизму речи (русские эквиваленты, если они возможны, оказываются, как правило, длиннее иноязычных неологизмов)» [6, с. 124].

Более того, наблюдаются и другие тенденции развития современного русского языка: круг участников массовой коммуникации расширяется; устное и письменное общение становится и более личностным, и более спонтанным. Создается больше возможностей для обратной связи при непосредственном устном общении говорящих со слушающими и слушающих с говорящими. Развиваются разнообразные жанры устной публичной речи (беседы, дискуссии, круглые столы, новые виды интервью). Неподготовленность публичной речи ведет к поиску новых форм, и таким образом способствует проявлению тенденций развития, заложенных в системе языка. Проявляется стремление вырабатывать новые средства выражения, новые формы образности, новые виды обращений. Интонация устной публичной речи становится более разнообразной. Личное общение между незнакомыми людьми становится менее формальным, во многих ситуациях бюрократический язык заменяется на более демократический.

На основные тенденции развития современного русского языка оказывают влияние политические и социально-экономические изменения последних десятилетий. Параллельно со сменой общественно-политической парадигмы в современном российском обществе произошла смена коммуникативной парадигмы – доминирующего в общественной практике типа общения [5]. За сменой коммуникативной парадигмы последовали связанные друг с другом процессы, происходящие в русском языке: орализация общения, диалогизация общения, плюрализация общения и персонафикация общения [4]. Значительное возрастание роли устной речи, расширение ее функций и увеличение ее доли в общении – характерные черты орализации общения. В усилении роли диалога в процессе коммуникации, в увеличении эффективности диалогического общения по сравнению с монологическим,

в расширении функций диалогической речи в структуре общения, а также в развитии новых видов и форм диалога проявляется диалогизация общения. Сосуществование разных точек зрения при обсуждении проблемы является одним из ключевых элементов плюрализации общения. Индивидуальность и неповторимость дискурса – показатели персонификации общения.

Указанные процессы оказывают определяющее воздействие на развитие русского языка и приводят к многочисленным изменениям. Характеризуя систему русского языка в целом, можно констатировать, что она претерпевает существенные количественные, качественные и функциональные изменения. По словам В. М. Пахомова, главного редактора портала «Грамота.ру» и научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, «язык меняется следом за обстоятельствами нашей жизни» [7]. Тем не менее, русский язык сохраняет структурную целостность, устойчивый характер функционирования и свою внутреннюю идентичность.

Литература

1. *Активный словарь русского языка* / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1.
2. *Активный словарь русского языка* / В. Ю. Апресян и др. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2.
3. *Активный словарь русского языка* / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 3.
4. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000.
5. Рацибурская Л. В. Социокультурные аспекты современных деривационных процессов // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2012. Т. VIII, № 3.
6. Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2010. № 5.
7. Владимир Пахомов: «Язык меняется следом за обстоятельствами нашей жизни» // *Рязанские ведомости*. 2021. 12 февр.

Медиаобразование как педагогическая технология

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается медиаобразование в качестве педагогической технологии в образовательном процессе в вузах, которая дает возможность достигать поставленной учебной цели, разнообразить формы представления информации в обучении.

К л ю ч е в ы е с л о в а : медиаобразование; медиатекст; педагогическая технология; медиаобразовательная среда; медийная реальность.

Происходящие перемены в различных сферах развития общества требуют от системы образования нашей республики новаций в организации, формах и методах преподавания, ставят задачу активного использования в обучении и воспитании инновационных педагогических технологий. В этой связи имеет смысл рассмотреть медиаобразование в качестве педагогической технологии в вузовском образовании.

Термин и само понятие педагогической технологии попали в фокус внимания методистов и педагогов не так давно – с конца двадцатого века, когда традиционная педагогика подверглась всеобщей критике. Наиболее серьезным недостатком традиционного обучения была признана пассивность студентов на занятии и обусловленная этим низкая его эффективность. Главным показателем усвоения знаний студентами считалась их способность воспроизвести некую полученную информацию. На уровне воспроизведения такие знания хранятся недолго, в нужный момент с трудом вспоминаются. В традиционном учебном процессе жестко регламентируется деятельность преподавателя, в меньшей степени планируются действия обучаемых и ожидаемый результат образовательного процесса. Главным же результатом обучения, по современным представлениям, является умение находить в памяти уже имеющиеся знания, а при их отсутствии самостоятельно принимать оптимальные решения и претворять их в предлагаемых жизнью условиях. Достижение такого результата требует применения соответствующих технологий обучения. В переводе с греческого «технология» – это «совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции» [3, с. 1341]. Применительно к сфере образования технология – это определенная стандартизация процесса обучения, которая обеспечивает гарантированный результат, не зависящий от личности преподавателя, если он точно следует требованиям технологии учебного процесса. Чтобы пре-

вратить обучение в своего рода технологический процесс, необходимо проектирование учебного процесса и особенно конечного результата обучения, при этом ставка делается на действия обучаемого. Таким образом, если в традиционном учебном процессе главной фигурой был педагог, то в педагогической технологии на первое место по значимости выдвигается деятельность обучаемого, в нашем случае – студента. Планируемые результаты обучения должны быть сформулированы в виде задач и целей обучения, при этом различают:

- 1) общую учебную цель предмета;
- 2) учебные цели разделов;
- 3) учебные цели отдельных занятий и т. д.

Например, учебная цель занятия – это то, что студенты должны знать и уметь делать к концу занятия. Цель должна быть диагностической, т. е. должна быть определена так, чтобы о ее достижении можно было судить однозначно. Так, возможны следующие уровни учебных целей: 1) ознакомление – знакомство с основными понятиями и процедурами в данной предметной области; 2) освоение основ – способность раскрыть основные понятия данной дисциплины; 3) овладение – успешное применение основных понятий, их практическое использование в соответствующей сфере деятельности; 4) полное овладение, мастерство – успешное самостоятельное применение полученных знаний и умений.

Поскольку информационно-коммуникационные технологии повсеместно вошли в нашу повседневность, медиаобразование применяется в ряду других педагогических технологий в преподавании, в том числе в вузовском. Мировое сообщество непрерывно получает огромный объем разнообразной информации: газеты, журналы, телевизионные и радиопередачи, видео- и аудиопродукция, Интернет стали неотъемлемой частью любого общества. Внедрение информатизации в обучение и воспитание предполагает создание так называемой медиаобразовательной среды вследствие того, что средствами массовой информации создается особая реальность, получившая название медийной, под влиянием которой складываются представление человека о мире, его взгляды, этические и другие ценности.

В «Российской педагогической энциклопедии» медиаобразование характеризуется как направление в педагогике, выступающее за изучение «закономерностей массовой коммуникации (пресса, телевидения, радио, кино, видео и т. д.). Основные задачи медиаобразования – подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию любой информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладеть способами общения на основе невербальных форм коммуникаций

с помощью технических средств» [2, с. 555]. Российский ученый А. В. Федоров под медиаобразованием понимает «процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [4, с. 134–135].

Медиаобразование в качестве педагогической технологии обучает студентов уверенно пользоваться большим объемом информации, используя все, что им может понадобиться. Необходимо отметить, что данная технология позволяет использовать как традиционные средства массовой информации (печать, радио, телевидение, кино и т. д.), так и новые информационные технологии, в частности, компьютерные.

Использование новейших медиатехнологий предоставляет участникам образовательного процесса новые возможности, делает более разнообразным содержание обучения, методы и формы организации учебного процесса, поддерживая необходимый научный и методический уровень преподавания. Медиаобразовательные технологии «предполагают использование печатных, телевизионных и цифровых технологий, их чередование будет иметь эффективное влияние на учебный процесс, повысит мотивацию, интерес студентов к обучению, будет побуждать к творческой деятельности. Это поможет преподавателям, которые смогут выбирать такие комбинации медиатехнологий, которые больше подходят к тому или иному занятию с учетом темы, целей, задач, средств представления материала и т. д., в подготовке и проведении занятий» [1, с. 189–193]. Огромной популярностью пользуются компьютерные обучающие программы и мультимедийные курсы, которые успешно используются в дистанционном обучении студентов и в их самостоятельной работе.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что медиаобразование может успешно применяться в учебно-воспитательном процессе в вузе в качестве педагогической технологии, которая позволяет разнообразить формы подачи учебного материала, использовать компьютер для организации упражнений: учебных (представление материала), тренировочных (развитие умений и способностей), текстовых (контроль знаний). Компьютерные программы обладают возможностью моделировать ситуации, связанные с любой профессиональной деятельностью, активизировать учебную работу студентов, придать ей практическую направленность, руководить самостоятельной работой обучаемых, усилить ее эффективность, использовать компьютерные средства справочно-информационного обеспечения учеб-

ного процесса (электронные словари, автоматические справочники), находить информацию, непосредственно касающуюся будущей профессии студентов, обучать дистанционно, осуществляя личностный подход в обучении.

Литература

1. Духанина Н. М. Медиатехнология как мотивация студентов к обучению // Высшее образование Украины в контексте интеграции в европейское образовательное пространство: Высшее образование Украины. 2008. Доп. 3. Т. V (12).
2. Медиаобразование // Российская педагогическая энциклопедия. / гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. 1.
3. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
4. Федоров А. В. Медиаобразование, медиаграмотность, медиакритика и медиакультура // Высшее образование в России. 2005. № 6.

Т. С. Узбеков

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

«Русский язык» и лингвистическая игра в тюркоязычной аудитории

А н н о т а ц и я . Статья посвящена интересной и актуальной проблеме современного преподавания русского языка – использование игровых технологий при обучении русскому языку студентов, у которых языком обучения является узбекский. В процессе преподавания русского языка в узбекской аудитории нужно учитывать уровень владения языком, способность воспринимать материал, а также вовлеченность в педагогический процесс. Решить эти проблемы могут помочь лингвистические игры на занятиях по русскому языку.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвистическая игра; русский; узбекский; образовательный процесс; мотивация.

Обучение неродному (русскому) языку в тюркоязычной аудитории в процессе подготовки специалистов по русской филологии из числа выпускников узбекской школы, предполагает овладение обучающимся языком на уровне совершенного владения им, чтобы понимать и использовать в своей русской речи языковые единицы во всех их семантических и стилистических нюансах, а также контекстуальные смыслы, заложенные в текст индивидуально-авторским видением писателя.

Для достижения такого уровня владения неродным (русским) языком большое значение имеет внедрение в учебный процесс элемен-

тов языковой игры и лингвистической игры, в которых почти всегда проявляются переносные значения языковых единиц, новые контекстуальные значения, которые в толковом словаре не зафиксированы.

Таким образом, процесс формирования лингвистических знаний, умений и навыков обучающихся предполагает огромную работу над научной литературой по языкознанию, художественной литературе, с публицистическими и официально-деловыми текстами.

Выбор методической работы в инофонной аудитории по лингвистической игре обусловлен несколькими факторами:

1) место преподавания – школа, колледж, вуз, послевузовское образование;

2) уровень знаний обучающегося по русскому языку;

3) мотивация к изучению материала;

Нередко преподаватели сталкиваются с тем, что учащийся испытывает трудности при изучении языка и это останавливает его. Он становится неуверенным и у него пропадает интерес к изучению языка. Особенностью лингвистической игры в процессе обучения языку является то, что в ней заключена игровая ситуация, носящая элемент развлечения. Это порождает положительную мотивацию, которая помогает преодолеть неуверенность.

Для решения данной проблемы используют игровые технологии. Несмотря на то, что многие относятся к ним несерьезно, считая это баловством, хотя игры в методике преподавания языку имеют большое научно-методическое значение (об игровых технологиях подробно см.: [3]). Ведь, игры служат не только для развлечения, но и для развития умственных и физических навыков. Для развития умственной деятельности существуют такие игры как: ребусы, загадки, игры в слова и т. д.

Д. В. Любич в книге «Лингвистические игры» приводит такие виды лингвистических игр как: ребус, чайнворд, виселица, балда, анаграммы, метаграммы, слово наизнанку, словарь-смекалка, гемтрия, шифры, тавтограмма, палиндром, развернутые анаграммы, липограмма, слова из чисел, фигурные тексты, монорим, загадки, горячо–холодно, шарады, лингвистический микроскоп, крокодил и другие.

Все лингвистические игры создаются по определенным правилам, моделям. Например, ребус – это игра, которая относится к типу головоломки, которая помогает развитию логики, воображения. Ребусы разбирается на два этапа: составление игрового задания и разгадывание (разгадывает, конечно же, не тот, кто загадывал). Используют обычно короткий известный всем текст (слово, пословицу, афоризм). При составлении ребуса ряд букв, образующих этот текст, разбивается на цепочки. После таких формальных действий значения сконструированных слов или их сочетаний описываются с помощью рисунков. При

каждом рисунке, кроме того, даются сведения о способе, каким образом можно вернуться от слова, обозначенного рисунком, к исходной цепочке [1, с. 177].

Для создания ребуса используются различные графические обозначения – изображение, текст, запятые, апострофы, стрелки, цифры и т. д. Все эти обозначения подсказывают какой знак, букву, слово нужно добавить или – напротив убрать, поменять местами. Количество знаков указывают сколько букв нужно убрать или добавить. Если два апострофа стоят после слова – это значит, что в слове необходимо убрать две последние буквы. Если апостроф стоит перед словом – нужно убрать одну букву в начале слова, т. е. первую. Например, ребус в котором заключен термин «лингвистическая игра»:

лист''+нг+'свисток''+'прическа+я гиля (2,1,3) я = а.

В процессе обучения ребусы применяют как во время занятия, так и во внеурочное время. Ребусы способствуют повышению учебной мотивации и познавательной активности учащихся; помогают развить внимание, воображение, логическое мышление, гибкость и нестандартность мышления, креативность; дают возможность повторить и закрепить изученный ранее материал, расширяют кругозор учащихся; помогают снятию эмоционального напряжения на уроке, помогают разнообразить учебный процесс [4].

Этимология. Игра, в которой предлагается список из взятых наугад 10–15 слов. В течение 10 минут нужно придумать оригинальные «этимологические объяснения» этих слов, т. е. указать другие слова, от которых якобы произошли заданные, и мотивировать этот смысловой переход. В процессе игры загадываемые слова могут приобретать дополнительные значения или значения, не связанные с первоначальным [1, с. 166]. Например в «Этимологическом словаре Б. Ю. Нормана даются шуточные толкования слов:

Архивариус – шеф повар (от заимствованного аффикса архи-, который имеет значение высшей степени, «вариус», от слова «варить»);

Бархан – хозяин бара (бар – заведение; хан, каган – в тюркском мире титул государя);

Вареник – ученик повара (см.: [2]).

Таким образом, языковые и лингвистические игры имеют серьезное научно-методическое значение. Их использование в образовательном процессе делает обучение не только разнообразным, но и эффективным, открывает обучающимся новые возможности в освоении материала, развитии навыков воображения, нестандартного видения проблемы. Лингвистическая игра способствует активизации мыслительной деятельности обучающихся и развитию их творческого потенциала.

Литература

1. Любич Д. В. Лингвистические игры. СПб.: Изд-во Буковского, 1998.
2. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006.
3. Панфилова А. П. Игровое моделирование в деятельности педагога. М.: Академия, 2006.
4. Рудакова И. А. Ребусы в картинках с ответами для 1–4 класса. URL: <https://ped-kopilka.ru/igry-konkursy-razvlechenija/rebusy-v-kartinkah-s-otvetami-dlja-1-4-klasa.html>.

И. Э. Умиров

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Синонимия парафразов

А н н о т а ц и я . Синонимия – процесс между языковыми единицами. В нашей статье речь идет о значении образных выражений (парафраз), то есть вопрос о речевых синонимах исследуется впервые. Кроме того, значение между лексическими единицами отличается от значения между образными выражениями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : синонимия; семантика; перифразис; синекдоха; метафора; денотатив.

Синонимия – одно из наиболее широко изучаемых языковых явлений в лингвистике: «Синонимия рождается из семантических отношений двух или более языковых единиц». Следовательно, синонимия возникает внутри языковых единиц.

В процессе изучения парафразов выяснилось, что синонимичные отношения возникают и внутри речи. Это синоним перефразирования.

Синонимия парафразов практически не изучена. Но в нашей речи синонимия возникает между двумя или более образными выражениями, представляющими одно и то же понятие. Например, зеркальный мир относительно телевизора, синий экран; синий корабль, стальная лошадь относительно хлопкоуборочной машины; самолет, стальная птица, златокрылые птицы, относительно самолета; как капитаны синих кораблей, стальные всадники по отношению к механике.

Обычно, если мы сравниваем синонимию этих парафразов с лексической синонимией, лексическая синонимия отличается по окраске членов синонимического ряда. Одно из них – слово «нейтральный», которое является доминантным. Однако в синонимии парафразов члены синонимического ряда не различаются по цвету. На наш взгляд, краска в них одного уровня. Сравните: лексическая синонимия – лицо, рожа, морда, облик лик. Синонимия парафразов – это книга, источник знания, ключ к знанию, светильник знания, источник знания.

Синонимия парафразов с лексической синонимией снова отличается тем, что происходит от общего значения семантических лексем в лексической синонимии. Однако буквально они происходят от переносного значения содержащихся в них слов. Также важно помнить, что конкретное слово никогда не может быть синонимом в истинном смысле слова, которое повторяется. В синонимичные отношения они вступают лишь условно (по запросу речи). Потому что истинное значение синонимии не является уникальным для них. В нем пересказ, используемый вместо имени, описывает объект по отношению к другому объекту, не называя его напрямую. Например, сочетание высших благ в природе является синонимом слова «человек», хотя оно не является синонимом слова «человек» в истинном смысле этого слова. В самом деле, человек – высшее существо в природе. Его мышление отличается от других существ и даров природы. Существование высшего слова в союзе условно, что отличает человека от других качеств природы. Таким образом, как было сказано выше, повторение высших добродетелей природы не может иметь прямого значения для человеческого слова. Таким образом, они кардинально отличаются от феномена синонимии.

В нашей речи вместо хлопкоуборочной машины употребляются синонимы «синий корабль» и «стальная лошадь». Обе описательные фразы, используемые в определенной технике, имеют логическую основу. Потому что оба сумели выразить характерные черты предмета. В первой парафразы учитываются цветовые свойства продукта и его состояние движения, а во второй, т. е. при пересказе железного коня, материал, из которого изготовлен продукт, его функции и свойства. Итак, обе эти парафразы можно использовать постоянно, а не как концепцию. Парафразы «синий экран» и «зеркальный мир», используемые в отношении слова «телевидение», напрямую отражают специфические особенности предмета. То есть при изменении синего экрана учитывается определенная часть объекта и цветовая особенность. Известно, что такое образное выражение формируется на основе метафорических и синекдохических методов семантической миграции. При перефразировании зеркального мира учитывается, из какого материала сделана часть, принадлежащая объекту, и через которую ярко отражается вся вселенная. Это образное выражение порождено методом метафоры семантической миграции. Следовательно, образование новых образно-выразительных слов и связей с семантической миграцией и ее типами характерно не для синонимов, а для повторения.

Другая характеристика синонимичных перифразов состоит в том, что некоторые синонимичные парафразы могут быть основой для образования другой синонимичной последовательности. Упомянутые

выше парафразы «синий корабль» и «стальной конь» выполняют такую функцию. В то время как эти синонимичные парафразы использовались для образного описания предмета, использовались капитаны синих кораблей, на которых они возникли, а синонимичные парафразы всадников на стальных конях применялись к слову «механизаторы», обозначающему профессию человека. Итак, эта особенность перефразирования – тоже положительное явление, которое делает нашу речь яркой и неповторимой. Если мы возьмем такие особенности синонимичных парафразов в тексте, их особенности станут более конкретными. Например, одна из золотых рук, погибшая шесть миллионов раз при создании «шести миллионов тонн», выполняла тяжелую работу по хозяйству, не говоря уже о жаре и холода. Или куча белого золота, которая в течение шести месяцев была выжжена черной землей в солнечной тафте и в тот день посинела. В этом году было собрано четыре миллиона тонн жемчуга («Узбекский голос»). Синонимичные парафразы, такие как шесть миллионов тонн (контекстуальный), белое золото, жемчуг (контекстуальное) в предложениях, применяются к слову хлопок, раскрывая важные свойства хлопка во всех трех случаях. Это также создает уникальность и образность речи. Если мы определим структуру и семантические типы синонимичных парафраз в этих примерах, это будут: а) шесть миллионов тонн, т. е. синтаксический парафраз в соответствии со структурой образного выражения слова хлопок и контекстный парафраз в терминах значения; б) парафраз из белого золота также является синтаксическим парафразом в терминах структуры, чистым парафразом в терминах значения; в) лексический парафраз, который мы условно включаем в контекстный парафраз с учетом его смысловой природы. Итак, хотя синонимичные парафразы различаются по структуре и значению, но в речи они чаще несут дух величия и торжественности.

В некоторых случаях кажется, что перефразирование имеет характеристики синонимов с точки зрения структуры и значения конкретного слова, но это не так. Парафразы образуются путем семантической передачи одного, двух или более слов и служат для образной иллюстрации символических свойств одного слова. Синонимы не имеют этой функции. Кроме того, парафразы не содержат нейтральных слов. Одним словом, парафразы создают функционально-семантический синоним описываемого слова. Например: парафраз «синий корабль» используется для хлопокуборочной машины. Иногда, чтобы не повторять само это образное выражение, мы используем стальную лошадь, которая является функционально-семантическим синонимом этого соединения, или тулпар, что является контекстным пересказом. Сравните: Фарход Бекмуродов часто шел навстречу «голубому кораблю», кото-

рый наблюдал за ним. Вчера после работы Фарход внимательно осмотрел «стального коня» и оседлал его (сельская действительность). Слесарь Бекмуродов заметил, что его «тулпори» нужно немного отдохнуть (Кишлок Хакикати). Вместо хлопкоуборочного комбайна использовали синий корабль, стальная лошадь, парафразы тулпаров в предложениях. Следовательно, мы должны понимать описательные выражения, используемые по отношению к этому предмету, как функционально-семантические синонимы определенного понятия. Но это не означает лексической синонимии.

Следует отметить, что когда синонимические слова принадлежат к одной группе слов, синонимия в пересказах разная. Сравните: отважный, отважный, бесстрашный, отважный, отважный – все это характерно для категории качества. В отношении хлопкоуборочной машины, такой как синий корабль, стальная лошадь, тулпар, парафразы, используемые в отношении высшего блага природы, высшего творения, человека, человеческого существа, являются фразами. Следовательно, синонимия парафразов не может ограничиваться определенной группой слов.

Таким образом, синонимию парафразов правильнее было бы назвать функционально-семантической синонимией. Потому что общие значения (основы), составляющие пересказ, взаимосвязаны с описываемым словом. Сравните: первый незнакомец со словом космонавт, пассажир космического корабля, пассажиры космоса и т. д. Смыслы, которые они представляют, близки друг другу. Скорее, они служат для выражения значения слова космонавт. Следовательно, здесь рассматриваются как смысловые, так и функциональные аспекты. Соответственно, они являются функционально-семантическими синонимами.

Использование образных выражений в поэзии, таких как космонавт, путешественник, пассажир космического корабля, первый незнакомец, что является перефразированием слова космонавт.

Первый посторонний в этих примерах и пассажир космического корабля являются взаимно функционально-смысловыми синонимами слова космонавт. Из четырех намеренно опущено слово «космонавт». Потому что концепция, которую он представляет, передана через перефразирование. Поэт повысил эффективность слова «космонавт», используя в своем стихотворении первый парафраз инопланетян. Известно, что семантика слова «чужой» означает расстояние, удаленность от места, где живет человек. Поэтому нет ничего нелогичного называть человека, улетевшего в космос, инопланетянином, ведь даже в этом случае человек находится далеко от места своего проживания. Именно поэтому вызов первого инопланетянина ближе к концепции первого космонавта.

На наш взгляд, когда в речи сложнее подобрать синоним слова, образуются новые альтернативы этому слову – парафразы. Например, медицинские работники представляют широкий спектр концепций. Это могут быть врачи, медсестры, фельдшеры. Применительно к ним парафразы санитаров, служащих означают то же самое. Следует отметить, что разница между такими пересказами и их (врач, медсестра) теряется, а цель объединяется.

В процессе изучения синонимии парафразов с лексической синонимией мы убедились, что синонимы также имеют дополнительные тонкости значения (коннотативное значение). Например, слова лицо, рожа, морда, облик в синонимичной строке, например рожа, морда, облик имеют отрицательный цвет, а такие слова, как лик, лицо имеют положительный цвет. Такие тонкости смысла не заметны в синонимии парафразов. Сравните: телевизор – стеклянный мир, синий экран, Узбекистан – солнечная республика, страна белого золота. Синонимия парафразов находится в одном денотативном значении, и они не имеют иерархического характера.

В заключение следует отметить, что синонимия парафразов в лингвистике – явление новое и, в свою очередь, положительное. Они позволяют изучить важные особенности предметных и событийных событий.

Литература

1. Турсунов У., Мухторов Ж., Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1992.
2. Усмонов С. Метафора. УТА, 1964. М 4.
3. Уткина В. П. Перифрастический оборот в русской художественной литературе // Известия Крымского педагогического института. 1959. Т. 33.
4. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. М., 1981.

М. Ф. Хайтмуродова

Навойский государственный педагогический институт
(г. Навои, Узбекистан)

Синонимия в пределах простых и сложноподчиненных предложений с различными видами придаточных

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению явления синонимии в пределах простых и сложноподчиненных предложений с различными видами придаточных.

Ключевые слова: синтаксис; синтаксическая синонимия; простые предложения; сложноподчиненные предложения; придаточная часть.

Стилистическая система современного русского языка характеризуется рядом противопоставлений, одним из которых является оппозиция не только словарно-стилистическая (нейтральные члены синонимических рядов противопоставлены книжным и разговорным), но и грамматико-стилистическая. Как известно, в науке долгое время существовало мнение о том, что синонимию следует рассматривать только на уровне лексики, однако в начале XX века академик А. М. Пешковский заявил о существовании синонимии в грамматике и отметил, что она представлена как в морфологии, так и в синтаксисе. [2] Грамматические синонимы делятся А. М. Пешковским на две группы: а) морфологические, б) синтаксические. Кроме того, он замечает, что стилистические возможности в синтаксисе гораздо многообразнее и значительнее, чем в морфологии.

При исследовании проблемы синтаксических синонимов выявлено, что синонимичными могут быть односоставные и двусоставные предложения, двусоставные простые предложения с разными типами сказуемых; к синтаксическим синонимам относятся также действительный и страдательный обороты; синонимичны предложения с обособленными оборотами и сложноподчиненные предложения. Проявляются синонимичные отношения и в сложносочиненных предложениях, когда части связываются синонимичными соединительными союзами. Существует синонимия бессоюзных сложных предложений и сложносочиненных, и подчиненных предложений.

В сложноподчиненных предложениях местоименно-соотносительного типа связь между предикативными частями осуществляется с помощью соотношения близких по своим значениям местоимений (соотносительных в главной и относительных в придаточной частях): тот – кто, то – что; такой – какой, таков – каков; так – как, столько – сколько, настолько – насколько. Придаточная часть с относительным местоимением прикрепляется непосредственно к соотносительному местоимению в главной и наполняет его своим содержанием. Ср.: 1. *Каждый, кто переправляется через Музгу, обязательно посидит у шалаша дяди Васи* (К. Г. Паустовский). – *Всякий переправляющийся через Музгу обязательно посидит у шалаша дяди Васи*.

2. *Люди, берите всё, что у меня есть, потому что это ваше* (Г. А. Семенихин). – *Люди, берите всё имеющееся у меня, потому что это ваше*.

Если в сложноподчиненных предложениях с придаточными, выражающими атрибутивно-выделительные отношения, придаточная часть связана с одним из существительных в главной части при помощи относительных местоимений *какой, который*, выполняющих функцию подлежащего в придаточной части, то глаголу в изъяситель-

ном наклонении и в форме действительного залога (по двухзалоговой классификации), играющему в придаточной части роль сказуемого, в простом предложении соответствует причастие действительного залога, имеющее те же формы времени, числа и вида и являющееся определением к существительному, от которого в сложноподчиненном предложении зависит придаточная часть, и согласующееся с этим существительным в падеже. Например: 1) *...с улицы доносился шум, какой бывает только днем* (А. П. Чехов). – *...с улицы доносился шум, бывающий только днем*. 2) *Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараятся уйти в свою скорлупу, на этом свете немало* (А. П. Чехов). – *Людей, одиноких по натуре, стараящихся уйти в свою скорлупу, как рак-отшельник или улитка, на этом свете немало*. 3) *...я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали* (Л. Н. Толстой). – *...я очень хорошо помню чувство, возбуждавшееся ими во мне*.

Синонимия сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительно-объектными и простых предложений возможна в случае, если сказуемому придаточной части сложноподчиненного предложения, выраженному прилагательным или глаголом, в простом предложении соответствует дополнение к глаголу, лексически тождественному тому глаголу, к которому относится придаточная часть, выраженное абстрактным существительным; тогда подлежащему придаточной части сложноподчиненного предложения в простом предложении соответствует определение, выраженное существительным в родительном падеже, подчиненное указанному абстрактному существительному. Например:

1. *Дворовая девка, запыхавшись, прибежала доложить Петру Васильевичу, что сам старый Иртеньев приехал* (Л. Н. Толстой). – *Дворовая девка, запыхавшись, прибежала доложить Петру Васильевичу о приезде самого старого Иртеньева*.

2. *И рассказал, что Дмитрий Иванович пробовал устроить не то коммуны, не то кооператив, не то частную торговлю...* (М. М. Пришвин). – *И рассказал о пробе Дмитрия Ивановича устроить не то коммуны, не то кооператив, не то частную торговлю...*

3. *Папа, к великой нашей радости, объявил, что, по просьбе матушки, поездка отложена до завтрашнего утра* (Л. Н. Толстой). – *Папа, к великой нашей радости, объявил об отложении поездки до завтрашнего утра, по просьбе матушки*.

Синонимия сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными и простых предложений возможна в следующих случаях. Глаголу, выступающему в роли сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения, в простом соответствует от-

глагольное существительное, подлежащему, выраженному существительным, соответствует определение в родительном падеже, относящееся к отглагольному существительному. Если подлежащее в придаточной части сложноподчиненного предложения выражено личным местоимением, а глагол, выступающий в роли сказуемого, является непереходным, то в простом предложении ему соответствует притяжательное местоимение, согласующееся в роде, числе и падеже с отглагольным существительным. А если глагол, выступающий в роли сказуемого, в придаточной части является переходным и при нем имеется прямое дополнение, то подлежащему придаточной части сложноподчиненного предложения в синонимичном простом предложении должно соответствовать дополнение, выраженное именем в творительном падеже. А прямому дополнению придаточной части сложноподчиненного предложения в простом предложении должно соответствовать дополнение, выраженное именем в родительном падеже. При этом получаются конструкции, нарушающие стилистическую норму русского языка. Например:

1. *Покуда она сталкивала лодку в воду, подбежал запыхавшийся Говядин (А. Н. Толстой). – Во время сталкивания ею лодки в воду подбежал запыхавшийся Говядин.*

2. *Несмотря на то, что в тридцать шестом правительство Народного фронта запретило деятельность «Боевых крестов», террористические банды этой организации действовали всюду (П. В. Лебеденко). – Несмотря на запрещение правительством Народного фронта в тридцать шестом деятельности «Боевых крестов», террористические банды этой организации действовали всюду.*

3. *А потом, когда я обласкал его (пса П. Г.) за послушание, стрелой пустился в сторону полета (М. М. Пришвин). – А потом, после обласкания его мною за послушание, стрелой пустился в сторону полета.*

Опираясь на вышеприведенные примеры, следует сделать вывод, что синонимичные синтаксические конструкции имеют:

1) смысловую общность, обусловленную совпадающим лексическим значением большинства слов, входящих в синонимические конструкции;

2) возможность взаимозамены на основе смысловой общности;

3) различную грамматическую оформленность, не только в отношении употребления различных форм частей речи, но и различных частей речи [1].

Литература

1. *Галкина-Федорук Е. М.* Синонимы в русском языке // Русский язык в школе. М., 1989.

2. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1996.

Ш. Т. Холматова

Ташкентский государственный технический университет им. И. Каримова
(г. Ташкент, Узбекистан)

Биполярность оценки человека в антропоцентрических пословицах

Аннотация. В статье рассматривается биполярность оценки человека в антропоцентрических пословицах. В антропоцентрических пословицах узбекского и русского языков заложен огромный оценочный потенциал, раскрытие которого позволит определить систему ценностей узбекского и русского народов как различных лингвокультурных общностей. Оценочный потенциал не только антропоцентрических пословиц узбекского и русского языков, но и пословичных изречений всех существующих языков мира предопределяется тем, что пословица как особая паремиологическая единица в отличие от слова выполняет функцию не только номинации предметов и явлений действительности, а прежде всего жизненной ситуации.

Ключевые слова: оценка; антропоцентрические пословицы; биполярность; ценность; антиценность; паремиологическая единица.

Оценочный потенциал не только антропоцентрических пословиц узбекского и русского языков, но и пословичных изречений всех существующих языков мира предопределяется тем, что пословица как особая паремиологическая единица в отличие от слова выполняет функцию не только номинации предметов и явлений действительности, а прежде всего жизненной ситуации, при этом номинация ситуации также выражает оценочное отношение данной ситуации и конкретные предписания действовать согласно общепринятым нормам. Отсюда следует, что пословицы, как и все паремии, есть «особые номинативные единицы, существующие в языке для выражения ценностного отношения, которое реализуется через категории «нужное», «должное», «хорошее», «плохое». Народные изречения являются частью той системы, которая целиком и полностью зависит от человека, от его выбора, ценностных предпочтений, от того, что человек считает нормой» [3, с. 180]. Естественно, что только ценностное отношение человека к жизненным ситуациям и объективной действительности в целом формируется под воздействием системы ценностей общества.

Оценка как познавательная деятельность человека осуществляется путем соотнесения характеристик объекта изучения или описания с его эталонным шаблоном, зафиксированном в сознании индивида и социума в целом. В основе оценки всегда лежит сравнение объекта с эталоном. Сравнение характеристик объекта с эталоном производится посредством оценочных категорий, которые представлены инвариантными оппозициями *хорошо* и *плохо*.

Аксиологические категории *хорошо* или *плохо* выделяются на фоне категории *нейтрально* и служат в антропоцентрических пословицах для соотнесения характеристики человека с системой ценностей национально-этнической культуры народа. Аксиологическую категорию нейтральности А. В. Белобородова называет категорией *безразлично* и определяет как альтернативу хорошему и плохому. По мнению автора, любой объект может быть признан хорошим, безразличным или плохим. Исключения составляют объекты, находящиеся вне сферы оценок [1, с. 264]. Иначе говоря, вне сферы оценок находятся такие объекты реальной или воображаемой действительности, которые не побуждают говорящего или слушающего к выражению оценочного значения.

В связи с тем, что антропоцентрические пословицы изначально носят назидательный характер, воздействующая сила которого базируется на оценочности поведения человека, с одной стороны, и что, с другой стороны, «безразличие имеет нечеткие границы. Оценочной шкале свойственна асимметрия и нестабильность. Проявление безразличия в большинстве случаев как норма не рассматривается, а так как мы определили, что норма занимает положительную часть шкалы, следовательно, безразличие не закрепляется за зоной «+»» [2, с. 48]. Оценочные значения пословицы целесообразно рассматривать в аспекте аксиологической оппозиции *хорошо/плохо*.

Объектом оценки в антропоцентрических пословицах узбекского и русского языков выступает человек, его характеристики по различным параметрам, поведение и деятельность в целом. Положительная/отрицательная оценка человека формирует его аксиологический статус.

Абсолютный аксиологический статус какого-либо объекта – это такой статус объекта, который выражается категориями «хорошо», «плохо» и «безразлично», а относительный – сравнительными категориями «лучше», «хуже» и «равноценно». Антропоцентрические пословицы узбекского и русского языков обладают как абсолютным, так и относительным аксиологическим статусом. Например, абсолютный аксиологический статус присущ пословицам узбекского языка типа *Урса ҳам, эл яхши, Сўкса ҳам, эл яхши. Бахши бор жойда яхши бор.*

Ёндашмагин ёмонга, Рангинг ўхшар сомонга; русского языка типа *Вместе хорошо и недруга бить. Плохой зеваает, резвый на ходу хватает*. В антропоцентрических же пословицах узбекского языка типа *Қолоқдан чўлоқ яхши. Ғараз мараздан ёмон* и в пословицах русского языка типа *Нет лучше дружка, чем родимая матушка. Сердце матери лучше солнца греет* проявляется их относительный аксиологический статус.

Антропоцентрические пословицы узбекского и русского языков с точки зрения представленных в них оценок человека по критерию положительности/отрицательности оценки описываемого объекта можно классифицировать в три большие группы:

1) антропоцентрические пословицы с *положительной* оценкой человека. Например, в узбекском языке: *Одам одамнинг дардини олар. Интилганга толе ер*; в русском языке: *Покуда жив человек, голодную смертью помирать не станет. Пока и мы человеки – счастье не пропало*;

2) антропоцентрические пословицы с *отрицательной* оценкой человека. Например, в узбекском языке: *Безоридан ҳамма безор. Бекорчидан бешиб қоч, қақимчидан – кўчиб. Беқўнимга қўним йўқ, емон одамга – ўлим*; в русском языке: *Плохая арба – дороге беда, плохой человек – семье горе. Грех сладок, человек падок. Человек сам себе убийца*;

3) антропоцентрические пословицы с противопоставлением положительной и отрицательной оценок человека. Например, в узбекском языке: *Ёмон фарзанд ота-онани ерга қаратар, яхши фарзанд ота-онани элга оралатар. Ёмон – ўз ғамида, яхши – эл ғамида*; в русском языке: *Старый друг лучше новых двух. Лучшее быть мертвым героем, чем живым трусом*.

Как видим из представленной классификации, оценочные значения узбекских и русских антропоцентрических пословиц являются биполярными по признаку положительности/отрицательности. В пословице может содержаться или положительная оценка человеку, его характеру, поведению и действиям, или отрицательная оценка, или же противопоставляться.

Следовательно, положительность/отрицательность оценки человека в антропоцентрических пословицах узбекского и русского языков, которая производится по аксиологическим категориям *хорошо* или *плохо*, образуют биполярность оценочных значений пословиц.

Вышеизложенные маркеры оценочного значения антропоцентрических пословиц узбекского и русского языков служат прямыми показателями положительности или отрицательности оценки человека и прямо предписывают адресату определенную модель поведения,

мышления или отношения к чему- или кому-либо в рамках оценочных категорий *хорошо* или *плохо*.

Таким образом, в антропоцентрических пословицах узбекского и русского языков реализуются этическая, эстетическая, интеллектуальная, прагматическая, валеологическая, эмоциональная, нормативная виды оценки человека, которые выделяются по критерию качеств человека и образа его жизнедеятельности. Характерной особенностью содержащихся в антропоцентрических пословицах различных видов оценки человека является их биполярность, которая обусловлена тем, что в основе оценочной деятельности лежат универсальные аксиологические категории *хорошо* и *плохо*.

Литература

1. Белобородова А. В. Позиция безразличия на аксиологической шкале среди оценочных понятий хорошо/плохо // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 7.
2. Васильченко А. О. Структурно-семантические характеристики зевгматических конструкций: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004.
3. Хайруллина Д. Д., Хузина Е. А. Этическая оценка в пословицах и поговорках. // В мире научных открытий. 2013. № 5-3 (41).

И. А. Чергинская

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Словосочетание и простое предложение как средства выражения условных отношений в современном русском языке

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению таких синтаксических конструкций, выражающих категорию условных отношений, как словосочетание и простое предложение, ведь в русском языкознании исследовались отдельные типы сложного предложения, выражения условно-следственной семантики на уровне простого предложения, сложноподчиненного, вопросы сопоставительного анализа условных конструкций.

Ключевые слова: словосочетание; простое предложение; категория условия; детерминант; предикация.

Одним из важнейших направлений современной лингвистической науки о русском языке является системное исследование выражения семантико-синтаксических категорий на различных ярусах синтаксиса. Исследователи все в большей мере осознают наличие связей

между явлениями языка не только в плане синтагматики, но и в плане изофункциональности.

Рассмотрим синтаксические конструкции, выражающие категорию условных отношений. Условные конструкции занимают важное место в семантико-синтаксическом строе русского языка и являются объектом изучения многих лингвистов. В языкознании исследовались отдельные типы сложного предложения (Р. П. Рогожникова, Л. Д. Казбан, Л. К. Кузнецова), выражения условно-следственной семантики на уровне простого предложения (А. М. Кирсанова, Н. Е. Лосева), простого и сложноподчиненного (Т. Н. Зинченко), вопросы сопоставительного анализа условных конструкций (М. Д. Кубик, И. Л. Крылова, В. И. Силина, Ван Лифэн).

Условные отношения исследуются учеными в различных аспектах: в историческом плане – с точки зрения происхождения и развития конструкций, выражающих отношение обусловленности; в плане формирования различных типов сложного предложения с условными отношениями на протяжении нескольких эпох существования языка и генезиса; средств связи между компонентами сложного предложения. Лингвистов привлекают вопросы, связанные со структурно-грамматическими особенностями синтаксических единиц, выражающих условные отношения в сложном предложении, как союзном, так и бессоюзном. Значительный интерес проявляется к средствам связи в сложноподчиненном предложении с придаточным условия; соотношению видо-временных форм глаголов-сказуемых; к функциональной эквивалентности семантически соотносительных единиц разных уровней языка, передающих условно-следственные отношения.

Обусловленную ситуацию могут представлять словосочетания с условным значением. При этом обусловливаемым будет являться главный компонент словосочетания, а обусловливающим – зависимый: помочь в случае необходимости, работать при хорошей погоде.

В подобных словосочетаниях предложно-падежная форма со значением условия выступает в качестве зависимого компонента, а в качестве главного слова чаще всего выделяются глаголы: прожить без поддержки, не отдает без согласия, прорвемся с работой-то, развивается (тело) при систематических физических нагрузках; иногда в форме главного компонента выступают существительные: (скучная) беседа без соли, без хлеба; сравнительная степень прилагательного, которая входит в составное именное сказуемое, краткая форма прилагательного, наречия, слова категории состояния: был моложавее в костюме; труднее без дел; была тиха и грустна без друга; (лимон) хорош с медом; будет грустно без тебя; очень скучно без подруг.

Предложно-падежная форма со значением условия как минимальная значимая синтаксическая единица [1, с. 25] является «строительным материалом» [1, с. 77], (будучи зависим компонентом обстоятельственного условного словосочетания) для простого предложения с условными отношениями. Она является одним из двух элементов семантической структуры этих конструкций, из которых данное предложение организуется.

Вопрос о синтаксической функции предложно-падежных форм со значением условия является спорным. Для подтверждения наличия условных отношений в словосочетании, его можно преобразовать в простое предложение с условным детерминантом или в сложноподчиненное предложение с придаточным условным: *Грустно без тебя*, ср.: *Без тебя мне грустно холодными осенними вечерами; Если тебя нет, мне (бывает, становится) грустно холодными осенними вечерами.*

В простом предложении с условными отношениями предложно-падежная форма со значением условия, как правило, выступает в функции детерминанта, т. е. распространяющего его члена предложения, относящегося ко всему составу предложения и не связанного ни с каким отдельным его членом. Условный детерминант располагается преимущественно в начале предложения, поскольку сообщение о событии обусловленном обычно коммуникативно более значимо, чем сообщение об условии (например: При оттепели лыжные соревнования придется отменить).

Детерминант с условным значением является компонентом структуры простого предложения, так как распространяет предикативную основу предложения дополнительным содержанием (указанием на условие).

Предикация, представленная сочетанием главных членов, является основной, она заключает в себе основное содержание высказывания. Семантические компоненты дополнительной предикации представлены в условном детерминанте как потенциальные – это скрытая предикация. Она выявляется при трансформации простых предложений с условными отношениями в сложноподчиненные с придаточным условия (В случае появления противника лодка должна срочно погрузиться (А. Крон). – Если появится противник, лодка должна срочно погрузиться). Причинами появления дополнительной предикации в структуре простого предложения являются: детерминантная функция предложно-падежной формы со значением условия и событийная природа условного распространителя.

По справедливому мнению Н. Е. Лосевой, следует выделить три разновидности скрытой предикации.

1. **Глагольная предикация.** В роли потенциального предиката выступает отглагольное существительное со значением действия, являющееся стержневым словом предложно-падежной формы (*Пассажиропоток аэропорта города может составить пять миллионов человек в случае проведения спортивных соревнований*). – *Пассажиропоток аэропорта города может составить пять миллионов человек, если будут проводиться спортивные соревнования*).

2. **Именная предикация.** В роли потенциального предиката выступает атрибутивная словоформа, на которой акцентируется особое внимание, в результате чего атрибутивные отношения могут быть преобразованы в предикативные (*При добром муже и жене досужа* (посл.). – *Если муж добрый, то и жена досужа*).

3. **Экзистенциальная предикация.** В предложно-падежной форме со значением условия имеется только потенциальный субъект дополнительной предикации (*Без свидетелей на суде нас и слушать не будут* (А. Караваева). – *Если свидетели будут отсутствовать, на суде нас и слушать не будут*). Подобные трансформации показывают, что содержанием предиката дополнительной предикации в этом случае является экзистенциальность (бытийность) [3, с. 17]. Детерминантная условная предложно-падежная форма является второстепенным членом предложения и, следовательно, функционирует как зависимая.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что простое предложение с условными отношениями – это предложение с двумя предикациями: основной, заключенной в предикативной основе, и дополнительной, выраженной предложно-падежной формой. В предикативной основе простого предложения с условными отношениями представлена полная (формально выраженная) предикативность, в детерминанте – скрытая (имплицитная).

Литература

1. *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 2000.
2. *Лосева Н. Е.* Выражение условных отношений в структуре простого предложения: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1985.

Н. В. Халина

Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

Языковая вселенная Алишера Навои с позиций теории поэтического языка В. В. Виноградова

Аннотация. В статье рассмотрена поэтика творчества великого узбекского поэта Алишера Навои в контексте концепции В. В. Виноградова, утверждавшего что, исследование приемов словесной организации литературных произведений позволяет, приблизиться к раскрытию поэтических форм языка. Автор приходит к выводу, что, погружаясь в языковую вселенную этого великого поэта, мы получаем возможность раскрыть поэтические формы узбекского языка.

Ключевые слова: поэтическая речь; пластичность языка; приемы словесной организации; поэтическая форма.

...тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены.

Алишер Навои

Алишер Навои поднял тюркский язык до вершин арабского и персидского языка, усовершенствовал его до степени литературного языка [1] и став основоположником классической поэзии на древнеузбекском [2]. В трактате «Суждение о двух языках» он писал: *«Если хорошо подумать, в этом языке найдется так много богатства и тонкостей, что легче будет на этом языке словотворчество, словесное художество, стихосложение и писание повестей. В этом языке имеется множество изумительных редких слов и выражений»*.

1441–1501 гг. – период деятельности Алишера Навои – определяется как культура эпохи царя поэтов, одного из культурнейших людей своего времени, объединившего в своем творчестве и жизнедеятельности науку, искусство, философскую теорию и общественную практику [2]. В своих поэтических произведениях Алишер Навои призывал стремиться к совершенству, используя для этого языковые богатства тюркского языка: *«На тюркских струнах музыкант сыграл, на тюркский лад, Народ на языке родном услышать песню рад»*.

В Узбекистане 2021-й объявлен Годом Алишера Навои в ознаменование 580-летия со дня рождения. Творчество Навои по-прежнему интересно с точки зрения изучения языка, художественного стиля, философской насыщенности, что обуславливает неиссякаемый интерес к наследию Царя поэтов языковедов, литературоведов и востоковедов.

Ведущий советский востоковед первой половины XX века Е. Э. Бартельс, рассматривая национальное своеобразие и авторскую

самобытность персоязычных поэтов Низами Гянджеви (1141–1211), Амира Хосрова Дехлави (1253–1325) и тюркоязычного поэта Алишера Навои (1441–1501) (создателей поэм с единым названием «Лейли и Меджнун»), обращает внимание на то, что Навои уделяет пристальное внимание духовности человека и стремлению человечества к совершенству [Г. И. Халлиева «Лейли и Меджнун» Алишера Навои в интерпретации Е. Э. Бертельса]. Идентифицируя себя с тюрками, Алишер Навои при этом упоминает в своих произведениях этноним «узбек», именуемый этническую группу Мавераннахра [3].

С. Ш. Аязбекова обращает внимание на то, что *Алишер Навои* – ‘мелодичный’ – псевдоним, который использовал Низамаддин Мир Алишер при создании тюркских произведений на литературном чагатайском языке. В произведениях, созданных на фарси, Низамаддин Мир Алишер использовался псевдоним *Фани* – ‘бренный’. Псевдоним для произведений, написанных на тюркском языке, по мнению исследователя, соотносится с воплощенном тюркского представления о Гармонии Мира и Человека как Музыке-Жизни.

«Язык и литература, – как считал В. В. Виноградов, – проявление одной и той же эстетической интуиции» [4, с. 161–162]. Как считал ученый, в индивидуальном творчестве полнее и острее раскрываются общие свойства и процессы языкового развития.

Директор программы гуманитарных наук и академического письма (Core Humanities and College Writing) Николас Волмзли (Nicholas Walmsley) историк литературы, исследовавший творчество Алишера Навои (Али Шир Наваи) и влияния его поэзии на литературную культуру тюрко-персидского мира между 1500–1865 годам, получивший докторскую степень на факультете Центрально-Евразийских исследований Университета Индианы, преподаватель литературы в Американском Университете в Бишкеке, полагает, что Алишер Навои **сыграл важную роль в том, что чагатайский язык стал использоваться в качестве языка искусств, что позволил оспорить на тот момент главенство персидского языка** [5].

Николас Волмзли отмечает, что Алишео Навои использовал в своем поэтическом творчестве разные формы и жанры: *газель* (*газал*), *касыда*, *маснави*, *рубай*, *туьог*, *мухаммас*, *тарих*. Формализованную основу поэзия Навои на чагатайском языке составляли *вазн* и *кафия* – метр пропеваемого стиха и рифма, характерные для творчества персидских поэтов. Но при этом Навои преобразует чагатайский язык так, чтобы он соответствовал техническим требованиям формам и жанрам персидской поэзии и был способен к поэтическому выражению. В работе над поэтической пластичностью языка творческая личность, по убеждению В. В. Виноградова, реализует особую языковую интуицию. Гениальная творческая личность, каковой, как считал В. В. Виноградов,

являлся А. С. Пушкин, усматривает в самом языке оптимальный «проект будущего» как собственно для языка, так и для народа, его использующего. Так, Навои прибегнул к заимствованию из персидского языка многих слов и выражений, дополняя, таким образом, работу над прямым переводом идей и концепций с фарси на чагатайский язык.

«Мы живем в языковой стихии и уносимся ее течением», — писал В. В. Виноградов [4, с. 152]. Исследование поэтического языка было для В. В. Виноградова исследованием природы движения в семиосфере поэзии языковой субстанции и роли поэта в придании нужного направления и мощности этому движению. Особо интересна в этом плане созидательная поэтическая деятельность Царя поэтов Алишера Навои.

В глобальном творческом наследии В. В. Виноградова наиболее ценной в связи с рассматриваемой темой является работа «К построению теории поэтического языка. Учение о системе речи литературных произведений» [6].

Существо поэтической речи, как утверждает В. В. Виноградов, составляет форма символического преобразование языка, которая заложена в структуре литературно-художественного произведения и которая нуждается в раскрытии.

*То море плещет, ценный дар скрывая,
Все капли в нем — как бы вода живая.
Его равняют с царскою казной,
«Сокровищницей мыслей» называя.*

Алишер Навои обозначает семиосферу поэтического мира им создаваемого как «сокровищницу мыслей», тем самым, переводит своего слушателя-читателя в мир мысли, вселенную звучащих мыслей-истин. Отсюда, чтобы понять мысль, воплощенную в слове, приобщиться к истине, в нем заложенной в качестве фундамента, нужно услышать гармонию звуков, из которых это слово, а значит и истина, сложены.

Важными знаками (помина) поэтической семиотической конвенции Алишера Навои, на наш взгляд, становится две номинации, означающие условия существования во вселенной творения поэтических форм: *лекарство от небесных бед и ларец судьбы*:

*Лекарства от небесных бед не отыскал никто вовеки:
В ларце судьбы их нет как нет, и не смягчится гнет нимало!*

«Лекарством от небесных бед» для поэта становится поэтический язык, им создаваемый. Но возможность творчества, творения, отыскания необходимо для эмоционального представления истины зависит от благоприятного расположения к человеку Судьбы. Поэтический дар

узнавания слова и план создания для него дома бытия хранится в «ларце судьбы».

Великолепный образец умения транслировать свой поэтический дар своему читателю и словесных цепей представлен в следующих строках:

*Мне не смотреть бы на людей, а растворить бы чернь зрачков,
Всей чернотой тех чернил себя навеки очернив!*

В. В. Виноградов обращает наше внимание на то, что литературное произведение принуждено пользоваться соответствующими словесными цепями, поскольку устремлено к «вещам» и принципам их размещения из внешних для произведения сфер. Словесные цепи являются при этом тем, чем литературное произведение прежде всего принуждено пользоваться, как знаками (помина) этих вещей.

Алишер Навои, создавая словесную цепь, формирует особую смысловую нить образов-жемчужин: *чернь зрачков* (молчаливая, притягательная темнота вселенной) – *чернота* (интенсивность черного цвета, резко преобразующегося в искрящуюся белизну безвременности и пустоты как отсутствия пространственного измерения) – *чернила* (оказывается! это слово, этот термин, это знак соотносится с термином названия цвета) – *чернота чернил* (особая субстанция, способная фиксировать знаки эмоций, т. е. останавливать движение мысли, а значит и движение вселенной) – *очернить* (изобразить с помощью чернил движение вселенной, гармонично представленное ходом мыслей человека).

В соответствии с теорией поэтического языка В. В. Виноградова, словесные цепи «показывают разные степени «измерения вглубь» (метафора Г. Шпета) – от знаков вещей к знакам значений – в сложной игре их внутренних форм» [6, с. 11].

В. В. Виноградов отмечал, что словесно эстетический объект своими формами может быть обращен к музыке, изобразительным искусствам, «театру». Алишер Навои создает особый Театр Слова, в котором в качестве действующих лиц предстают Слова, а функцию режиссера берет на себя Мысль автора газелей.

*Желанным перлом обладать желаешь — жизнь отдай и душу:
Мир ценит эту благодать и за нее берет немало.*

В этих строках, кроме основной темы, темы любви к женщине, скрыт еще и символический смысл владения необходимым поэту поэтическим словом, открывающим иные миры и формы мира повседневности, т. е. инаковости и самобытности Человека земного.

В. В. Виноградов обращает внимание на то, что структура литературного произведения может быть обусловлена не только «поэтиче-

скими формами» речи, но и «поэтичностью» других форм композиции произведения, которые даны через язык, но не детерминированы им. В этом плане интересна и иллюстративна газель *Кто на стезе любви один, в ком суть одна жива...*

Композиция произведения задается натуральным рядом чисел, который своеобразно трансформируется Алишером Навои: начинается с 2, завершается 8. Единица – *‘единство естества’* – интегрируется в семантическое поле 3:

*Забудь привычку различать растение, тварь и вещь:
Три этих сути не в ладах с единством естества.*

В соответствии с логико-математическими принципами поэта вполне правомерно завершить ряд 8, поскольку при размещении в горизонтальной плоскости, зоне горизонтного сознания, этот математический «символ» сопоставить со знаком, символизирующим бесконечность, т. е. рай.

Но при всей необходимости стремиться обрести возможность пребывания в этом вселенском состоянии, поэт делится со своим читателем ценным бытийно-житейским наблюдением:

*Чуждайся рая, Навои, — восьми его кругов:
Они – преграда для любви, в них суть любви мертва.*

В. В. Виноградов в процессе создания теории поэтической речи приходит к выводу, что язык предстает художнику в двух проявлениях: 1) как сфера осмысленных звучаний, приспособленная к обнаружению «духа»; облеченных в смыслы звучаний экспрессивного характера; 2) «как символическая система выражения, которая хранит заложенные в символах заряды экспрессивных объявлений, в синтактике движущегося словесного ряда – формы эмоционального «интонирования», но которая все же до предела абстрагирована от конкретной обстановки звучания и от связи с другими областями духовного раскрытия, например, мимики, жеста, пластических движений» [6, с. 13].

Исследование приемов словесной организации литературных произведений позволяет, по мнению В. В. Виноградова, приблизиться к раскрытию поэтических форм языка, если мы говорим о поэтическом наследии Алишера Навои, то погружаясь в языковую вселенную этого великого поэта, мы получаем возможность раскрыть поэтические формы узбекского языка. При этом речь художественных произведений рассматривается как данность, а поэтическая речь – искомая величина.

Поэтическая речь Алишера Навои прежде всего открывает читателю врата в сокровищницу мыслей, мыслестин не только Царя поэтов, но и собственных мыслей. Будучи частью вселенной, человек

находится в постоянном мыслительном резонансе с ней, преобразуя результаты этих взаимодействий в словесные цепи. Именно словесные цепи, становясь фундаментальным основанием поэтического мира, позволяют человеку измерить глубину своей «вселенной»: мощь зарядов экспрессивных объявлений и обнаружить области духовного раскрытия через формы эмоционального интонирования.

*Суров кумир твой, Навои, и милости не жди:
Подачек ждать не позволяй рассудку своему!*

Литература

1. *Оманова М. Э.* Взгляды Алишера Навои на сравнительное языкознание // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343).
2. *Алимова С.* Основоположник узбекского литературного языка, великий гуманист и созидатель. URL: <https://yuz.uz/ru/news/osnovopolojnik-uzbekskogo-literaturnogo-yazka-velikiy-gumanist-i-sozidate> (дата обращения: 18.04.2021).
3. *Аязбекова С. Ш.* Творческое наследие Алишера Навои в контексте тюркской цивилизации // Творческое наследие Алишера Навои и современность: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. М.: ООО «4 Принт», 2018.
4. *Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // Виноградов В. В. Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978.
5. *Алишер* Навои и богатый мир тюрко-персидской поэзии. Интервью. URL: <https://www.caa-network.org/archives/20072> (дата обращения: 18.04.2021).
6. *Виноградов В. В.* К построению теории поэтического языка. Учение о системе речи литературных произведений // Временник отдела словесных искусств, вып. III. Л.: ACADEMIA, 1927.

А. Г. Шереметьева

Национальный университет узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Академик В. В. Виноградов как исследователь истории русского литературного языка

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается роль академика В. В. Виноградова в становлении истории русского литературного языка как особой научной дисциплины.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русского литературного языка; литературный язык; язык писателя.

Среди разносторонних научных интересов В. В. Виноградова особое место занимает история русского языка. С именем В. В. Виноградова связано формирование такой специфической научной и учебной дисциплины, как история русского литературного языка.

История русского литературного языка имеет собственный объект исследования и особые методы, что выделяет ее из традиционного курса истории русского языка (наряду с исторической грамматикой). Если историческая грамматика в сопряжении с исторической диалектологией изучает историю живого разговорного языка, то история литературного языка исследует становление и функционирование литературной нормы, отраженной памятниками письменности.

По мысли В. В. Виноградова, должна существовать еще одна особая дисциплина, отличающаяся и от исторической грамматики, и от истории литературного языка. Это история языка художественной литературы, изучающая язык писателей.

На наш взгляд, именно история русского литературного языка отражает общелингвистическую направленность научной деятельности В. В. Виноградова, объединившего талант лингвиста и литературоведа. Энциклопедичность его знаний ярким подтверждением служит классический учебник В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» [1], вышедший в 1934 г. и неоднократно переиздававшийся.

Как видим, это не общий курс истории русского литературного языка, начиная с XI века, поскольку отражен лишь национальный период – от становления (главы I–V) до совершенствования новой литературной нормы в произведениях классической литературы XIX века (главы V–X).

«Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX веков» В. В. Виноградова открываются утверждением: «Русским литературным языком Средневековья был язык церковнославянский» [1, с. 10], что говорит о предпочтительности традиционной (шахматовской) концепции происхождения древнерусского литературного языка. Как известно, после выхода в 1938 г. второго издания «Очерков...» В. В. Виноградов продолжил работу над ними. И ставилась серьезная задача исследования древнерусской письменно-языковой истории до XVII века [2, с. 9]. Так, появляется известная концепция В. В. Виноградова о двух типах древнерусского литературного языка – книжно-славянском и народно-литературном, изложенная в докладе 1958 г. «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка» [3].

Особо подчеркнем, что большинство современных вузовских учебников и учебных пособий по истории русского литературного языка при характеристике донационального периода (XI–XVII вв.) используют виноградовскую концепцию, позволяющую представить всё многообразие языковых особенностей разножанровых произведений древнерусской литературы.

Важно отметить, что «Очерки...» В. В. Виноградова фактически объединили общую теорию становления и развития литературной нормы в определенный исторический период и особые очерки-персоналии, характеризующие важнейшую роль А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя в истории литературного языка. В общетеоретических главах «Очерков...» В. В. Виноградов анализирует язык произведений Г. Р. Державина, А. С. Радищева, И. С. Крылова, Н. М. Карамзина, писателей-классиков второй половины XIX века в качестве иллюстрации общих тенденций эпохи.

Как видим, «Очерки...» В. В. Виноградова показали перспективу научных исследований в области двух самостоятельных дисциплин – истории русского литературного языка, отражающей характерные, общие явления своей эпохи, и истории языка художественной литературы, акцентирующей индивидуальные черты языка писателя.

В. В. Виноградов обладал удивительным талантом прокладывать новые пути в науке, генерировать новые оригинальные научные идеи, разработкой которых филологическая наука продолжает заниматься до настоящего времени.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.
2. *Толстой Н. И.* О курсе истории русского литературного языка академика В. В. Виноградова. // Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.
3. *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.

Н. Э. Шакурбанова

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Особенности полипредикативных речевых построений женских социальных ролей

А н н о т а ц и я . Статья посвящена характеристике полипредикативных речевых построений социальных ролей в художественном тексте, с чем связана многокомпетентность построений и какую функцию выполняют они. В статье мы делаем акцент на модели поведения женщин в обществе и в контексте определение их социальных ролей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социолингвистика; синтаксис; социальная роль; социальные роли женщины; синтаксический анализ; полипредикативные конструкции.

Каждый человек в жизни играет множество ролей, даже если никогда не занимался в театре или драматическом кружке в школе. Ведь у человека есть социальная роль в жизни и не одна, а целое множество. И у всех количество социальных ролей в жизни разное. А что же такое социальная роль? Это совокупность действий, которые каждый человек выполняет в обществе, и которых ожидают от него при его определенном жизненном статусе.

Мы играем каждый день множество ролей, подобно актерам, у которых в день несколько спектаклей. И в социальных ролях так же, как и в кино или постановке существуют основные и второстепенные роли. Роль накладывает определенные обязательства на человека. Например, врач, обязательно вылечит больного, а пожарник спасет людей из горящего дома. Многие иногда выходят за рамки своих социальных ролей на свой страх и риск. Так, например, миллионер может ходить в скромной невзрачной и недорогой одежде, не ездить на лимузине и не отправлять своих детей учиться за границу, хотя общество ожидает от него совсем другого поведения.

Социальная роль – это совокупность действий, которые должен выполнить человек, занимающий данный статус в социальной системе. Социальная роль – модель поведения, ориентированная на определенный статус. Это модель поведения человека, объективно заданная социальной позицией личности в системе социальных, общественных и личных отношений. Другими словами, социальная роль – это поведение, которое ожидается от человека, занимающего определенный статус.

В нашем исследовании мы обратили особое внимание на роли женщин, которые они играют в социуме, какие синтаксические построения свойственны женским социальным ролям, почему именно подобные конструкции используют женщины, играющие разные роли в обществе, с чем связана многокомпонентность построений, и какую функцию выполняют они.

Женщине нужно играть большое количество ролей в своей жизни, и быть женщиной – является сложной ролью.

Женские роли относятся к понятию гендерных социальных ролей. Существуют стереотипы речевого поведения женщин в обществе. Нейропсихологические исследования позволяют утверждать, что у женщин особая специализация полушарий, по сравнению с мужчинами.

В речевом репертуаре женщин преобладают объяснения, убеждения, советы, рекомендации, предложения. Женщина стремится быть вежливой. Такая речь воспринимается как мягкая и гибкая, эмоциональная, оценочная, завуалированная. Особенности построения женской речи являются многословие, перенос главной фразы в конец

повествования, недосказанность. Это зачастую внутренний монолог, повествовательный тип построения фразы или рассуждение о чем-то. Конструкции зачастую представляют собой внутренний монолог. Речь эмоциональная. Синтаксически это выражается наличием вводного комментария. Полипредикативность объясняется рассуждением.

Самой типичной конструкцией для речи женской социальной роли «мать» является СПУТ – сложное предложение усложненного типа, в котором могут сочетаться разные типы синтаксической связи: сочинительная, подчинительная и бессоюзная в различных компоновках. В таких типах построений тоже хорошо прослеживается эмоциональность речи и недосказанность.

Необычная эмоциональность речевых построений данной социальной роли может выражаться и отсутствием логики повествования, где на первый план будут выходить объяснения или оправдания поступкам, а не логически построенная фраза.

Говоря о роли женщин, нельзя не сказать о том, что в литературе существует понятие «женская проза». Писательницы, в том числе и те, на материале чьих произведений мы проводим наше исследование, писали о проблемах, которые традиционно приписываются женщинам: о быте, семье, доме, любви. Несмотря на эту традиционность, новым в их творчестве является то, что присутствовало определенное авторское восприятие окружающего мира – это осмысление действительности через призму женской психики и конкретного жизненного опыта.

У героинь такой женской прозы часто ощущается потребность в «надежном плече», что уступает желанию просто быть кому-то нужной. Эту потребность могут заменить дети или подруги (сестры). Таким образом, создается именно феминный образ персонажей.

Женщина в социуме реализует различные социальные роли. Они могут быть понятны только в корреляции с определенными социальными отношениями.

Характерными чертами данной социальной роли являются доброта, заботливость, любовь к нравоучениям. Как показывает анализ материала исследования, эти черты хорошо прослеживаются и в речи персонажей художественных текстов.

Явно виден и инструментарий, которым авторы добиваются определенного эффекта от любой фразы «сестры», которые по своей сути всегда динамичны, информативны, без лишних разъяснений, на поверхности только суть. «Сестра» не тратит речевой ресурс и не украшает свою речь логически выверенными построениями. В силу этого и речевые построения данной социальной роли специфичны, в том числе и в употреблении многочленных сложных предложений.

Проведя анализ полипредикативных конструкций, присущих данной социальной роли, мы обратили внимание на то, что особую роль в них играет бессоюзная связь, которая группирует логику повествования таким образом, что ощущается ритм и динамика речи. Эти бессоюзные конструкции группируются, образуя логические компоненты, которые на первом уровне членения связываются уже сочинительной связью. Также встречаются и чистые многочленные бессоюзные сложные предложения. Но мы не выявили в речи исполнителей данной социальной роли полипредикативных подчинительных конструкций в чистом виде. Подчинение встречается лишь внутри логических компонентов и очень редко.

В целом, речи исполнителей социальной роли «сестра» присущи три наиболее характерных типа полипредикативных конструкций:

1) многочленные бессоюзные сложные предложения (преимущественно с однотипными частями для выражения перечислительных отношений);

2) сложные предложения усложненного типа с ведущей сочинительной связью;

3) сложное предложение усложненного типа с ведущей бессоюзной связью.

Таким образом, мы показали основные характерные черты речи женских социальных ролей «мать» и «сестра» в художественном тексте; обозначили самые частотные типы полипредикативных конструкций, которые используются для речевых построений данных социальных ролей с целью создания определенной «женскости» речи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Стереотип, 2019.
2. Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / под ред. К. Э. Штайн. М.–Ставрополь: СГУ, 2010.
3. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник / под ред. Н. С. Валгиной. 6-е изд. М.: Логос, 2008.

Э. Н. Хошу

Самаркандский государственный университет
(г. Самарканд, Узбекистан)

Н. К. Ганиева

Школа № 50 (г. Самарканд, Узбекистан)

И. В. Мухамедназарова

Международный университет туризма «Шелковый путь»
(г. Самарканд, Узбекистан)

Приемы контаминации и компаративации в творчестве А. Вознесенского

Аннотация. Статья посвящена выявлению приемов и способов обработки устойчивых словесных комплексов (контаминации и компаративации) в поэтической речи А. Вознесенского.

Ключевые слова: фразеология; трансформация; воспроизводимость; контаминация; компаративация.

Общеизвестно, что вопрос об использовании фразеологических единиц в языке художественной литературы был и остается одним из главных вопросов фразеологии. Исследование фразеологии художественных произведений дает возможность глубже раскрывать специфику творческого метода автора, познавать его искусство в привлечении и использовании красочных средств языка для создания ярких образов и картин. Последнее обстоятельство и предопределило выбор темы данной статьи.

Работа строится на материале, собранном из шести поэтических сборников поэта, который исчисляется 230 фразеопотреблениями. Изучение фразеологического богатства того или иного писателя сводится, прежде всего, к своеобразию использования ими этих выражений, точнее говоря, к тому, как данный писатель отрабатывает тот или иной фразеологизм, какими он пользуется приемами трансформации устойчивых словесных комплексов.

Основной задачей исследования является выявление приемов и способов обработки устойчивых словесных комплексов в поэтической речи А. Вознесенского, а именно, контаминации и компаративации. Употребление трансформированных фразеологических единиц в художественных текстах издавна привлекает к себе внимание исследователей. В современной лингвистике имеется большое количество работ, посвященных изучению языковой природы преобразованных единиц [8; 14; 1].

Эти работы содержат весьма интересные наблюдения как над языковой природой трансформированных фразеологических единиц,

так и над способами индивидуально-авторского использования их в конкретных литературных произведениях. Авторские преобразования фразеологических единиц в стихотворениях придают контексту соответствующее стилистическое своеобразие, усиливают, углубляют или изменяют значение фразеологизмов, заостряют образность и выразительность устойчивых сочетаний. А. Вознесенский использует следующие приемы преобразования фразеологических единиц:

1. Замена компонента во фразеологизме.
2. Сокращение компонентного состава фразеологизма.
3. Контаминация.
4. Компаративация.

Среди приемов творческого преобразования фразеологических единиц имеет место фразеологическая контаминация, которую можно определить, как процесс взаимодействия двух языковых единиц (фразеологических или лексической и фразеологической), в результате которого образуется новая речевая единица. В силу этого данный способ видоизменения устойчивых компонентов можно представить двумя разновидностями: 1) лексико-фразеологическая контаминация и 2) чисто фразеологическая контаминация.

1. При лексико-фразеологической контаминации взаимодействуют не две фразеологические единицы, а фразеологизм и лексема или фразеологизм, и свободное словосочетание, например:

Кончена учеба. Пути легли
Во все четыре конца земли.
Чимкент,
Чукотка,
Сибирь,
Алтай... [2, с. 5].

Данное выражение «*все четыре конца земли*» возникло, вероятно, в результате скрещивания лексемосочетания «*конец земли*» с фразеологизмом «*на все четыре стороны*». При помощи такого приема А. Вознесенскому удастся одним оборотом выразить две мысли, и не только выразить, но и конкретизировать. В словаре Молоткова значение фразеологизма «*на все четыре стороны*» толкуется так: *идти, убираться, прогонять, отпускать и т. п. куда угодно, куда только захочется* [11]. Скрещиваясь с сочетанием «*конец земли*» значение фразеологизма конкретизируется. Или:

Ты выпил. Ты выйдешь на снег
повыветрить окоlesiцу.
Окошки потянутся вверх
По белым веревочным лестницам [6, с. 9].

Повыветрить – окказионализм. В этом случае констатируются окказиональная лексема *повыветрить* (что-либо) с фразеологизмом «*нести околесицу*», значение которого толкуется в словаре Молоткова так: «*говорить глупости, чепуху*». Скрещиваясь с лексемой, выражение приобретает новое дополнительное значение [11]. Под чисто фразеологической контаминацией следует понимать такой тип «смешения» устойчивых компонентов, при котором взаимодействуют различные фразеологические образования. Ср.:

Они сто раз судились.
Плевали на расстрел.
Сухими выходили
Из самых мокрых дел [3, с. 18].

В этом случае скрещиваются два фразеологизма: «*выходить сухим из воды*» (в словаре Молоткова толкуется: *избегать заслуженного наказания, оставаться незапятнанным, нескомпроментированным, безнаказанным*) и «*мокрое дело*» (исход дела – убийство) [11], и данное выражение приобретает более глубокий смысл. Или:

Выванные груди волоча,
Остолбенева от любви.
Мама, отшатнись от палача [3, с. 103].

Контаминируются фразеологизмы: «*остолбенеть от чего-либо*», «*сойти с ума от любви*» – получается выражение «*остолбенева от любви*».

Невыносимо быть распятым,
До каждой родинки сквозя,
Когда в тебя от губ до пяток,
Как пули, всажены глаза! [4, с. 152]

Данное выражение «*всажены глаза*» возникло, вероятно, при скрещивании фразеологизмов «*всадить пулю*» (обидеть, удивить) и «*сверлить глазами*» (пристально смотреть).

Еще сравнение:
Ой, испугу!
Ой, в избушку,
Как из пушки, во весь дух:
– Ух! [2, с. 22]

Два фразеологизма: «*как из пушки*» и «*во весь дух*», контаминируясь, взаимно дополняют значение каждого. У Молоткова фразеоло-

гизмы толкуются: «как из пушки» – точно в срок (*явиться, прийти, быть готовым, сделанным* и т. п.), «во весь дух» – очень быстро [11]. «Результаты скрещивания двух фразеологических единиц могут быть самыми различными: значение нового устойчивого компонента может быть равно значению одного из участвовавших в комбинации оборотов: в новой единице могут сохраниться (сосуществовать) сразу два значения: значение двух семантически несходных фразеологических единиц могут дать новое, третье значение, наконец, значение фразеологических единиц может конкретизироваться» [10, с. 53]. «В результате контаминации создаются фразеологизмы, эмоционально насыщенные и более глубокие по смыслу. Объединяя фразеологизмы, автор как бы раскрывает «внутреннюю форму» фразеологизма и играет на ней, добиваясь желаемого стилистического эффекта. Часто писатели модифицируют фразеологизм, как бы апеллируют к сознанию читателя, вызывают в нем «канонический» текст и варьируют на его основе. Только поэтому возможно появлению такого рода единиц» [9, с. 54].

Компаративные фразеологизмы – «это образные языковые единицы, в основе которых лежит сравнение двух предметов. Компаративные фразеологические единицы являются раздельнооформленными и, как правило, синтаксически членимыми единицами, они обладают двуплановостью семантической структуры. Компаративные фразеологизмы – результат сопоставления двух предметов. Характеризуются компаративные фразеологизмы тем, что в них сравнительный компонент – носитель образа – выступает как эталон приписываемого субъекту качества или признака, в результате чего этот компонент и вместе с ним все словосочетание приобретают обобщающее значение» [12, с. 62].

В творчестве А. Вознесенского компаративация является приемом конкретизации, точности выражения значения, точности выражения сходства, семантического смягчения характеристик – описаний, непосредственно направленных на объект изображения. Подобным приемом снимается иногда категоричность выражения, или наоборот, так как в этом случае предметы и явления соотносятся не прямо, а через сравнение. Компаративация как прием преобразования фразеологических единиц в творчестве А. Вознесенского встречается довольно часто.

Ср.:

Он говорит: – Вестимо... –
И прячет, словно вор,
Свой нестерпимо синий
Свой нестеровский взор [2, с.12].

Или:

Стоят, как каменные, бабы,
Луне подставив животы [3, с. 30].

Я – горло
Повешенной бабы, чье тело,
Как колокол,
било над площадью голой...
Я – Гойя! [5, с. 257].

«Мой милый, теперь не денешься,
ни к другу и ни к врагу,
тебя за щекой, как денежку, серебряно сбе-
регу [7, с. 18].

Не крошка с Манежной, не
мужу жена,
а жизнь, как монетка,
на решку легла,
искала,
орла,
да вот не нашла... [5, с. 82].

Ненайденный мой, ненайденыш!
Потерять себя – не пустяк,
вся бежишь, как вода в горстях... [5, с. 255].

Преобразования фразеологических единиц в каждом конкретном случае связаны с творческими авторскими задачами. Исследованный материал свидетельствует о том, что А. Вознесенский в процессе своего творчества пользуется различными приемами трансформации фразеологических единиц русского языка. Трансформация фразеологических единиц носит у А. Вознесенского целенаправленный характер. С их помощью автору удается не только разнообразить и обновить, но и «приспосабливать» эти наиболее целесообразные включения в художественный текст. Анализ фактического материала показал, что творческой манере автора наиболее характерны такие преобразования фразеологических оборотов, когда происходят различного рода структурные и семантические изменения внутри целостной устойчивой единицы. Вознесенский в основном пользуется теми способами видоизменения устойчивых словесных комплексов, которые предопределены самой системой русского языка.

Литература

1. *Абрамец И. В.* К изучению явления контаминации в русской фразеологии. Самарканд, 1998.
2. *Вознесенский А.* Парабола. М., 1990.
3. *Вознесенский А.* Мозаика. М., 1990.
4. *Вознесенский А.* Антимир. М., 1984.
5. *Вознесенский А.* Ахиллесово сердце. М., 1996.
6. *Вознесенский А.* Тень звуков. М., 1980.
7. *Вознесенский А.* Стихи о любви. М., 1990.
8. *Ковалев В. П.* Основные индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов // Вопросы фразеологических единиц: тезисы докладов и сообщения. Н. Новгород, 1971.
9. *Леонидова М.* О границах варьирования фразеологизма в языке писателя // Вопросы фразеологии: труды СамГУ, вып. 219, ч. 11. Самарканд, 1972.
10. *Малиновский Е. А.* Устойчивые словесные комплексы в произведениях С. Есенина. Самарканд: АКД, 1971.
11. *Молотков А. М.* Фразеологический словарь русского языка. М., 1970.
12. *Назарян А. Г.* О соотношении компаративной фразеологической единицы и словесной литературы во французском языке // Вопросы фразеологии: труды СамГУ, вып. 219. Самарканд, 1972.
13. *Ройзензон Л. И., Абрамец И. В.* О разных типах контаминации (в связи с проблемой «Фразеология и слово») // Вопросы фразеологии: труды СамГУ, вып. 170. Самарканд, 1970.
14. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М., 1969.

А. Т. Ыскакова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(г.Алматы, Казахстан)

Семантика и роль антропонимов в формировании культурно-национальной специфики (на материале казахского языка)

Аннотация. Изучая неродной язык, человек сталкивается с чуждой ему культурой и правилами порядка, отличающимися от его родного, как культурного, так и речевого. Большим потенциалом владеют лакуны в образовании поликультурной (вторичной) языковой личности.

Ключевые слова: антропоним; языковая картина мира; вторичная языковая личность.

Одним из культурных кодов народа является антропонимика. Имена людей являются большим составляющим этноса. Они представляют собой быт, верования, исторических событий, культуру народа.

По мнению ученых, культура народа ярко отражается в антропонимах, репрезентирующих языковую картину мира, а также сохраняющих в своих основах этнокультурную информацию, что свидетельствует об особенностях мировосприятия, мироощущения, миропонимания народа.

Как отмечает немецкий мыслитель-гуманист В. фон Гумбольдт, «...в каждом человеке заложен язык в его полном объеме, что означает, что в каждом человеке живет стремление... под действием внешних и внутренних сил порождать язык, и притом так, чтобы каждый человек был понят другими людьми» [4, с. 78]. В этом и заключается одна из основополагающих мыслей антропоцентрической парадигмы в лингвистике, где на первый план выдвигается проблема выражения и отражения языковой личности, которая своим бытием формирует национальную картину мира.

Л. П. Клобукова, В. В. Красных, А. И. Изотов пишут, что языковая личность представляет собой когнитивно-коммуникативный инвариант, который обобщает образную форму носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, познаний, соотношений и поведения [7, с. 116].

Большой интерес к этому вопросу вызвала теория языковой личности российского лингвиста Ю. Н. Караулов [6, с. 264], который соответствует с его концепцией в структурном порядке языковой личности, он выделяет 3 уровня:

- вербально-семантический (нулевой) уровень – несет собой характер нормального знания естественного языка для носителя данного языка;
- когнитивный (первый) уровень – этот уровень представляет понимание «картины мира», переход от «ценности к знанию»;
- прагматический (высший) уровень представляет «цели, мотивы, интересы, соотношения».

В своем исследовании мы опираемся как на теорию Ю. А. Караулова, так и на концепцию И. И. Халеевой о вторичной языковой личности при анализе имен собственных и их роли в формировании культурной-национальной специфики и в процессе обучения русскому языку как неродному.

Изучая неродной язык, человек сталкивается с неродной ему культурой, отличающиеся от его родного, и культурного, и речевого порядка. Лингвист С. Г. Тер-Минасова в своей работе «Язык и межкультурная коммуникация» пишет, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, которые говорят на этих языках» [10, с. 3]. Работа С. Тер-Минасовой была переве-

дена на казахский язык и сегодня пользуется популярностью в силу актуализации проблем межкультурной коммуникации.

Обратимся к вопросу вторичной языковой личности, рассматривающий свойственности способностей индивида к неродной коммуникации на межкультурном уровне и предполагает взаимоотношение с представителями других культур. Это строится из изучения вербально-семантического кода, «языковой картиной мира» носителей данного языка и «глобальной» картиной мира, который дает возможность индивиду понимать новую для него социальную действительность. По Н. Д. Гальскову моделью вторичной языковой личности являются межкультурная общение и способности индивида к общению на межкультурном уровне [3, с. 43]. Как показывают исследования, антропонимы являются важнейшей составляющей коммуникации и вызывают определенные затруднения в процесс межкультурного общения, в частности в условиях мультикультуризма и полиязычия, а также при формировании поликультурной языковой личности.

Поликультурная (вторичная) языковая личность способна воспроизвести продуктивное общение с носителями других культур, которые возможны при владении лакунами. Большим потенциалом владеют лакуны в образовании поликультурной (вторичной) языковой личности. Знание лакун языковой личностью позволяет расширить миропонимание и хорошо понимать поведение представителей других культур.

Одним из культурным кодов народа является антропонимика. Имена людей являются составляющим этноса. Имена представляют собой быт, верования, исторические события, культуру народа. Имена еще связаны и с конкретно культурно-историческими, социально-политическими событиями. Как пишут Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, язык и такие его составляющие как личные имена, могут представлять и сохранять конкретную культурно-национальную свойственность и историческую ценность [2, с. 78]. А. В. Суперанская считает, что, рассматривая ономастику как лингвистическую дисциплину, необходимо обратить основное внимание на ее связь с культурной историей общества [8, с. 98].

Изучение казахских собственных имен в этнокультурном аспекте и с учетом теории языковой личности, межкультурной коммуникации позволяет раскрыть широкие и разнообразные связи казахской антропонимики с этнографией, материальной и духовной культурой казахского народа. Известно, что личные имена могут заключать в себе информацию о расселении и этническом составе народов, данные о материальной и духовной культуре, отражать религиозное мировоззрение и верования, обычаи и обряды и другие сферы духовной и социальной жизни народа.

В Казахстане изучением антропонимии занимается доктор филологических наук, профессор Телгожа Жанузаков. У него на сегодняшний день вышли 7 монографий, 6 книг, 15 словарей и более 132 научных статей по ономастике. Труды Т. Джанузакова подтверждают, что казахи в прошлом верили в то, что удачный выбор имени ребенка может защитить его в жизни от различных бедствий, от преждевременной смерти. Поэтому стали появляться так называемые «защитные» или «охранительные» имена: Мыңжасар – тысячелетний, Өмірзақ – долгожитель и др. Ораз – счастье, Жылқыбай – богатый лошадью; имена описательные, включающие физические особенности ребенка: Сарыбас – рыжеголовый, Қарақөз – черноглазая и т. д.; день и место рождения: Дүйсенбі – понедельник, Еділ – родившийся на берегу Волги; выражающие чувства родителей, например, Қуаныш – радость [5, с. 16].

По этому поводу Ч. Ч. Валиханов в свое время писал: «Ырым <...> называются обряды, исполняемые в виде предзнаменования. Например, те, у кого нет сыновей, а рождаются девочки, дают последней из своих дочерей имя Ұлтұган «сын родился», чтобы оно было предзнаменованием для рождения сына» [1, с. 209].

Современные исследования подтверждают устойчивость названных представлений среди казахов и в наши дни. Так, А. М. Танабаева, Ф. Ш. Оразалиева отмечают: «По традиции в тех семьях, в которых часто умирали дети, новорожденных сыновей называли: Тұрсын, Тұрар, Тоқтасын (пусть останется, будет жить), Өтеміс, Төлеген (возмещенный, возвращенный, восстановленный). Если рождались одни девочки, чтобы следующий ребенок был мальчиком, давали имена: Ұлтуар, Ұлжан, Ұлтусын, Ұлболсын, Ұлмекен (да будет сын, родится сын)» [9, с. 91].

По результатам исследований многих ученых, процесс изучения любого неродного языка является практикой межкультурного общения, так как каждое новое слово или фразеологическая единица отражает национальную культуру, который обусловлен национальным сознанием. При этом наиболее ярко отражается культура в антропонимах, репрезентирующих языковую картину мира, а также сохраняющих в своих основах этнокультурную информацию, что свидетельствует об особенностях мировосприятия, мироощущения, миропонимания народа.

Таким образом, антропонимы, отразившие традиционные представления, верования, знания народа об окружающем мире, его богатый жизненный опыт, являются ярким показателем истории национальной и общечеловеческой культуры. В личных именах отражаются генетические, исторические и культурные коды народа, которые при изучении языка данного народа выстраивают вторичную языковую личность.

Литература

1. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Глав. ред. казах. сов. энцикл., 1984. Т. 1.
2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. 4-е изд., М.: Русский язык, 1990.
3. *Гальскова Н. Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти, 2004.
4. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.
5. *Джанузаков Т.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата: Ғылым, 1982.
6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. 8-е изд. М., 2014.
7. *Клобукова Л. П., Красных В. В., Изотов А. И.* Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой. М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 6.
8. *Суперанская А. В.* Ономастика начала XXI века. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009.
9. *Танабаева А. М., Оразгалиева Ф. Ш.* Лексика и фразеология как источник этнокультурной информации. Караганда: Изд-во КарГУ, 2001.
10. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2004.

Ф. К. Юлдашев

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Средства выразительности языка

Аннотация. В статье представлена информация о том, насколько велика роль паралингвистики в возникновении фразеологизмов. Исследование статьи сосредоточено на содержании и сущности фразеологизмов, возникающих на основе экстралингвистических средств, образованных именно паралингвистическими средствами.

Ключевые слова: экстралингвистика; паралингвистика; фразеологизм; афоризм; фразема компонента; лексема.

Параязык (от греч. *para* – возле, вне) – явления и факторы, сопровождающие речь, но не являющиеся вербальным материалом: громкость, паузы, модуляции голоса, мимика, жесты, визуальный контакт между общающимися и т. п.; изучается паралингвистикой [5].

Параязык (по Вердербер) – «невербальные звуковые сигналы, оформляющие речь, – тональность, громкость голоса, темп речи, паузы и вздохи – являются богатым источником информации. «Параязык» имеет отношение не к тому, что сказано, а к тому, как это сказано. Наименее очевидным типом «параязыка» является молчание. С помо-

щью молчания люди способны передавать такие чувства, как презрение, враждебность, вызов и строгость, но также уважение и доброе отношение» [1].

Паралингвистика изучает мыслительные движения тела, такие как жесты, мимика, возникающие в речевой ситуации. Паралингвистика выполняет важную функцию в общении, общении. Если речь будет выражена слушателю без поддержки этих средств, мысль будет иметь меньшую силу воздействия. Сообщение, которое можно сказать, выглядит как сухая информация. Любая мысль должна обладать своей выразительностью, привлекательностью, востребованностью в общении. Именно такими аспектами паралингвистика оживляет речь.

Как мы знаем, жесты возникли в развитии общества гораздо раньше, чем язык (речь). Даже жесты служили основным источником для того, чтобы человек мог говорить, выражать мысли. Точнее, жесты являются продуктом длительного жизненного опыта человека. Поэтому не будет переводчика жестов. Об этом В. Н. Геллия говорит: «хотя паралингвистика служит для раскрытия значения слова, она также имеет свойство привлекать слушателя».

Судя по всему, жесты реализованы синхронно со значением слова. Соответственно, речь становится впечатляющей. Эффективность речи ощущается не только с помощью изобразительных средств языка, но также с помощью паралингвистических средств, которые делают мысль привлекательной. Ведь всякое притяжение, впечатление, образность в речи возникает на основе движений. С другой стороны, паралингвистические инструменты также могут быть эффективными сами по себе.

В статье мы постараемся изучить формирование знаковых фразеологий и их смысловое содержание. Паралингвистика также очень близка к фразеологизму по образованию, структуре и сущности. Близость заключается в том, что паралингвистика также является нелинейным явлением, имеющим смысл на основе стагнации. Было бы целесообразно условно включить паралингвистические средства и в языковые феномены. Потому что они не имеют звуковой структуры, но имеют семантику значения и важны, поскольку они одинаково понятны владельцам языков.

Кроме того, жесты похожи на фразеологию в том, что они дают любой идее образ, образно-аффективное выражение.

Мы не можем сказать, что фразеология – это явление, резко отличающееся от паралингвистических средств, а точнее, от паралингвистики. Потому что при формировании фразеологии наряду с языковыми единицами часто наблюдается использование паралингвистических средств. Кто знает, может, интересующиеся этой областью ученые положат этому конец. Когда мы проанализировали литературу, имею-

щую отношение к нашей работе, насколько это было возможно, мы не смогли найти ни одного источника, который бы различал фразеологию и паралингвистические средства. Однако оказалось, что роль паралингвистики в возникновении фразеологии огромна. Поэтому в данной статье основное внимание уделяется содержанию и сущности фразеологизмов, сформированных на основе экстралингвистических средств, образованных именно паралингвистическими средствами.

Таким образом, жесты также являются частью фразеологизмов, но их отношение к языку и речи, процесс выражения мысли и некоторые синтаксические особенности отличаются друг от друга. Соответственно, оба являются языковыми явлениями, которые необходимо изучать отдельно. В общем языкознании явление паралингвистики рассматривается как фразеологические афоризмы. Такое отношение соответствует характеру жестов. Однако не все они имеют форму фраз. Например, состав, приподнимающий брови, также является паралингвистическим инструментом. Первая часть соединения используется в первоначальном смысле, а вторая часть используется в переносном смысле. Фразовыми глаголами можно называть только жесты с такой структурой. Сравните: пожимает плечами, закатывает глаза, трясет головой, напрягает шею, хмурится.

Однако к фразеологическим сочетаниям нельзя добавлять такие жесты, как скручивание губ, прищуривание глаз, пожимание плечами, хмурый лоб, покачивание головой, покачивание головой. Потому что оба компонента слова в этих сочетаниях сохраняют свое первоначальное значение. Следует отметить, что эти жесты очень близки к фразам. Словосочетания – это свободные комбинации. Так как же отличить жесты от фраз? Во-первых, жесты – невербальные средства. С другой стороны, фразы полагаются на лексемы, а не на невербальные действия. Во-вторых, жесты могут стабилизироваться в соответствии с требованиями текста. Например, человек, который поскользнулся, имеет большой вес: он лежал на спине, чтобы избавиться от мух, качал головой, махал руками и пытался напугать его криком, потому что он был недостаточно силен. Комбинация покачивания головой и рукопожатия в данном примере – это жесты, используемые в контексте слова «вождение» (фразеологизируются в контексте). Фразы не имеют этой функции. Кажется, что паралингвистические приемы тоже очень близки к фразам. Однако разница в том, что фразы основаны на лексемах, основанных на мыслях, а жесты – на жестах, основанных на действиях.

Они основаны на метафорах. Например, вышли и старушки соседних домов, дожившие до определенного возраста (Чолпон «Ночь и день»). Если только кто-то не вызвался придумать красивый шаблон? Ну, по крайней мере, я не пошел вниз, не объяснив сначала себя.

Значение фразеологии (фразеологическое значение) основано на переносном значении словесных компонентов словосочетания: лизать жир змеи – хитрость, перевернуть шубу – злость, а упавший в воду буханка хлеба – пуста.

Паралингвистические средства, то есть жесты, состоят в основном из действий и ситуаций. Вербально они даются только в литературных текстах. Это очень полезно для раскрытия характера главного героя. Они также заставляют читателя задуматься, наблюдать и наблюдать: «Он должен выйти сегодня, пойдешь?» – сказал Усманов. – Да, – кивнул (У. Умарбеков). Кажется, что жесты в тексте заданы автором, а не языком главного героя. Это еще один аспект жестов.

Итак, жизненное пространство паралингвистики – диалогическая речь. Анализ исследований показывает, что жесты в основном состоят из слов и фраз, которые используются в буквальном смысле. Во фразеологии все компоненты слова основаны на переходах, а в жестах только одно слово имеет значение. Сравните: пожимает плечами, выщипывает брови, потирает руки. Таких жестов в нашем языке меньшинство. Но в любом случае жесты очень близки по структуре к фразеологизму.

Фразеология – это единицы языка, основанные на стабильной миграции, а жесты – это единицы речи, которые условно фразеологизируются на основе требований текста. Возникновение обоих происходит на основе экстралингвистических средств.

Умение наблюдать и учитывать элементы неречевого поведения слушателей позволяет вносить коррективы в свое выступление, превращать монологическую речь в активный диалог со слушателями, «втягивать» их в процесс взаимостимуляции. Ведь тонус выступления во многом зависит от реакции аудитории, от того, насколько она поддерживает или охлаждает выступающего. Поэтому и надо уметь видеть, чувствовать «дыхание» аудитории, чтобы регулировать ее поведение, что важно как для оратора, выступающего перед публикой, так и в простом разговоре.

Но следует помнить, что неречевые средства являются не самостоятельным, а вспомогательным средством коммуникации: они подготавливают, сопровождают, комментируют, разъясняют речь, вскрывают ее глубинную суть.

Литература

1. Ахманова О. С. Параязык // Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2007.
2. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, Эльбрус, 1978.
3. Колианский В. Паралингвистика. М.: Наука, 1977.

4. *Леонтьев А. А.* Паралингвистика // Большая советская энциклопедия. М., 1962.

5. *Николаева Т. М.* Паралингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Н. Х. Эгамбердиева

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Стилистическая характеристика фразеологических единиц в художественном тексте

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о разных точках зрения на понятия выражения и экспрессии, выразительности и экспрессивности.

Ключевые слова: фразеологические единицы; художественный текст.

По вопросу о сущности ФЕ, разграничении и соотношении существуют разные точки зрения. Эти взгляды отличаются большой пестротой и колеблются от полного отрицания, каких бы то ни было точек соприкосновения между явлениями экспрессивности и эмоциональности до столь же полного их не различения и отождествления. Так, крайних взглядов придерживается Ю. М. Осипов, который считает, что понятия эмоциональности и экспрессивности не могут сопоставляться ни как равные, ни как различные по объему. «Они неважимо-заменяемые, т. к. находятся в отношении дополнителности друг к другу. Они соотносятся как величина... и функция». Развивая свою мысль, он пишет далее: в то время как эмоциональность составляет компонент значения слова и является в этом смысле элементом языковой системы, экспрессивность возникает только в результате отбора и употребления языковых единиц и поэтому не входит в значение слова. «Речь, которая сама есть выражение, не может состоять из средств выразительных и невыразительных (нейтральных)». Здесь сказалоь, по-видимому, влияние Э. Косерна и Ст. Ульмана, на которых ссылается Ю. М. Осипов. Эти ученые, действительно, не дифференцируют понятия выражения и экспрессии, выразительности и экспрессивности (например, для Ст. Ульмана первые два – это *expression*, вторые – *expressiveness*). Однако в русской терминологической традиции закрепилось тонкое концептуальное различие между первым и вторым членом каждой пары: экспрессия и экспрессивность – это не просто выражение и выразительность, а интенсивное выражение, усиленная выразительность. Различие же между выразительностью вообще и выразительностью усиленной, т. е. экспрессивностью, есть различие количе-

ственное, следовательно, об экспрессивности можно говорить как об определенной величине. Эта величина может не только возникать в процессе коммуникации, но и постоянно присутствовать в единицах лексики и фразеологии; иными словами, она является не только речевой функцией, но и элементом языковой системы. Экспрессивность второго рода получила наименование ингерентной экспрессивности. Таким образом, экспрессивность можно рассматривать и в синтагматическом, и в парадигматическом плане. Во втором случае она, как и эмоциональность, является компонентом содержательной структуры слова и фразеологизма. По мнению А. В. Кунина, «Экспрессивность фразеологических единиц – это их способность подчеркивать, усиливать или ослаблять интенсивность действия или признака», а эмоциональность – «это их способность выражать различные эмоциональные оттенки отношения говорящего или пишущего к денотату, т. е. тому элементу объективной действительности, к которому относится фразеологизм». Согласно этим определениям, в парадигматическом плане все ФЕ можно разделить по признаку их экспрессивности и эмоциональности на три группы: экспрессивные, эмоциональные (точнее, экспрессивно-эмоциональные) и нейтральные. Экспрессивность и эмоциональность присущи подавляющему большинству ФЕ, но далеко не всем. «Некоторым типам фразеологии экспрессивные и эмоциональные оттенки вообще не свойственны». К ним относятся, например, обороты, не имеющие коррелятов среди единиц лексики и поэтому являющиеся единственными обозначениями соответствующих денотатов (to catch cold, to go to bed, to blow one's nose). Экспрессивные единицы представлены во всех структурно-семантических разрядах, особенно широко среди парных и компаративных ФЕ. Регулярное сочетание двух определенных слов является одним из способов достижения особой выразительности английских ФЕ (Л. П. Смит). Действительно, семантическим результатом такого сочетания становится эмфатически усиленное значение фразеологизма. Парные обороты, весьма многочисленные в английском и немецком языках, в русском представлены гораздо меньшим количеством единиц, употребление которых к тому же ограничено, главным образом, народнопоэтической речью. Наиболее важной проблемой стилистической характеристики фразеологических единиц является их образность. С одной стороны, наличие образная фразеология придает языку живость, красочность и гибкость. Такие фразеологические единицы, помимо определенного смыслового содержания, включают в себя богатство экспрессивно-стилистических оттенков, делающих речь яркой, эмоционально насыщенной. С другой стороны, образная фразеология представляет значительные трудности, так как существует опасность принять фразеологическую единицу за

свободное сочетание слов или, исходя из характера образа, неправильно истолковать его значение. Образные фразеологические единицы это национально окрашенные ФЕ, образность которых во многом зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов. Данный вопрос требует особого внимания и детального изучения. Для завершения стилистической характеристики фразеологических единиц, необходимо рассмотреть некоторые аспекты функционирования ФЕ в речи. Сферой употребления фразеологических единиц является сфера речи, в которой в соответствии с требованиями социальной коммуникации реализуются их лингвистические свойства. Несмотря на то, что в отечественном языкознании до сих пор имеются серьезные разногласия по ряду кардинальных проблем фразеологии как системы, исследователи все чаще обращаются к анализу речевого поведения ФЕ. Выявлению специфики условий, необходимых для реализации ФЕ в речи, систематизации приемов и обоснованию закономерностей функционирования ФЕ в процессе коммуникации. При этом проверке, с точки зрения их коммуникативного предназначения, подвергаются свойства фразеологических оборотов, зафиксированные в различных моделях описания ФЕ. Это дает возможность точнее определить, был ли положен в основу описания действительно существенный и специфический для данного объекта признак/признаки; % более адекватно представить общую характеристику объекта и, наконец, оценить информативную ценность ФЕ, которые участвуют в формировании конкретных высказываний, наполненных определенным смыслом. Такой, ставший особенно заметным в последнее время, сдвиг акцентов в направлениях фразеологических исследований находится в полном соответствии с общей тенденцией в современной лингвистической науке – исследовать язык не только в отношении его внутренних связей и закономерностей, но и в отношении его живого функционирования в сфере человеческой коммуникации. Будучи значительной и весьма своеобразной частью языкового инвентаря единицы фразеологической микросистемы современного английского языка используются в конкретных коммуникативных актах, поэтому изучение функционального распределения и правил употребления ФЕ в процессе речи и тексте как его линейном отражении привлекает внимание исследователей, занимающихся изучением синхронной семантики английского языка. История становления и развития фразеологической подсистемы английского языка содержит некоторые факты, которые, как нам представляется, свидетельствуют о том, что отношение английского общества к ФЕ и использованию их в речи было неодинаковым в различные периоды истории Англии. Известно, например, что процесс консолидации сочетаний слов и превращение их в устойчивые словосочетания и ФЕ,

начавшийся в среднеанглийском периоде, продолжался и особенно заметно усилился в новоанглийском языке. Нетрудно поэтому предположить, что появлявшиеся в большинстве своем в сфере живой разговорной речи в качестве разговорных неологизмов, жаргонизмов и т. д., английские фразеологические обороты могли не отвечать «языковым вкусам» законодателей нормы английского языка. К сожалению, историческая фразеология мало изучена, в связи с чем пока нет возможности дать сколько-нибудь последовательное изложение проблемы функционирования единиц фразеологической подсистемы в сложных условиях развития и становления литературного языка в Англии. Приходится ограничиться некоторыми примерами, иллюстрирующими, с нашей точки зрения, суть рассматриваемой проблемы, П. Смит в своей книге «Слова и идиомы» писал, что еще в XVIII веке ФЕ считались в Англии вульгаризмами; они оскорбляли чувство логики и здравого смысла. Самюэль Джонсон, составитель первого большого словаря английского языка, проделал тщательнейшую работу с целью не допустить включения в словарь «грубых разговорных выражений, вульгарных оборотов речи и т. д.», как тогда называли ФЕ. Разве не свидетельствуют эти примеры о том, что в определенные периоды становления литературного английского языка не просто отдельные ФЕ, но, похоже, фразеологическая подсистема как таковая могла обладать «низким» статусом? Ответить сегодня на эти вопросы не просто, они еще ждут своего исследователя, Трудно, но необходимо исследовать и такие факты, когда «грубые и вульгарные обороты речи», достойные языка темных, необразованных людей /the rough and uneducated/, находили свой путь в литературный язык, т. е. как бы «повышали» свой социальный статус.

Литература

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. М.: Высш. шк., 1963.
2. Болдырева А. М. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
3. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Изд-во МО, 1972.

СЕКЦИЯ II

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. М. Балтабаева

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Идентификация жанра повести в русском и узбекском литературоведении

А н н о т а ц и я . Статья посвящена определению и выявлению основополагающих признаков жанра повести. Среди жанрообразующих признаков повести учеными–литературоведами выделяются: столкновение различных систем ценностей; испытание героя бытом, переход от безличного повествования к рефлекслирующему внутреннему монологу; использование приема ретроспекции монологов-воспоминаний; дервишество; цикличность сюжета, иносказательно-обобщенные вставные сюжеты; притчевость, сказовость.

К л ю ч е в ы е с л о в а : жанр; литературоведение; повесть; род; герой; проза; событие из жизни героя.

В современном литературоведении существует множество работ, непосредственно посвященных исследованию жанровой природы повести.

Следует отметить, что как такового термина «повесть» в зарубежном литературоведении не существует, так как эпический род имеет совершенно другую жанровую классификацию. Однако существует такой термин как «short novel», который сопоставим с русским термином «повесть». Зарубежные литературоведы «представляют изящную словесность в виде прозы, куда входят роман, рассказ и эпопея» [8, с. 244].

Так, Г. Н. Пospelов в «Типологии литературных родов и жанров» определяет повесть как «родовую форму среднего объема» [6], не давая никакого определения жанра как родовой формы, не обосновывая средний объем жанра.

Н. Д. Тамарченко жанру повести дает более развернутое определение: «Повесть прозаическая – одна из жанровых разновидностей средней эпической формы (наряду с новеллой, рассказом и новой, неканонической поэмой), которую отличает следующая система константных структурных признаков: 1) в области «события, о котором рассказывается» – доминирование циклической сюжетной схемы, ситуация испытания героя и поступок как результат этического выбора, принцип обратной («зеркальной») симметрии в расположении важнейших событий; 2) в структуре «события самого рассказывания» – нерелефлируемый его характер, предпочтение временной дистанции, оценочная направленность повествования на этическую позицию героя и возможность авторитетной резюмирующей позиции, тенденция к переосмыслению основного события и приданию ему иносказательно-обобщенного значения (параллельный вставной сюжет или дополнительный его аналог в финале); 3) в аспекте «зоны построения образа» героя – серьезность, неравноценность изображенного мира действительности автора и читателя и в то же время потенциальная близость кругозоров действующего лица и повествователя (может реализоваться в финале); соотнесение героя и его судьбы с известными образцами поведения в традиционных ситуациях и, следовательно, трактовка центрального события как «примера» (зачастую – временного отклонения от нормы), а также извлечение из рассказанной истории жизненных уроков» [7, с. 67].

Жанровую природу повести Н. Д. Тамарченко определяет на основе синтеза формально-содержательных компонентов. Причем один из основополагающих принципов ученый видит в специфике «зоны построения образа» героя, а также в обязательной этической составляющей концепции автора.

Наиболее универсальной характеристикой жанра повести нам представляется определение Л. Н. Лейдермана: «Самый активный жанр русской литературы» [5, с. 243–264], где выделяются следующие жанровые особенности: «столкновение двух систем ценностей: духовных и бытовых, испытание героя бытом, переход от безличного повествования к рефлексирующему внутреннему монологу героя, сосредоточенность на выявлении основных ударных противоречий времени и его главных тенденций; использование сказовой манеры повествования» [5, с. 243–264]. К перечисленному добавим, что повесть как жанр отражает определенный отрезок жизни (как правило, «это события из жизни героя» [2, с. 6], так как в повести зачастую дается описание события из жизни героя) и восходит к жанрам древнерусской литературы [1].

В узбекском литературоведении также уделяется внимание идентификации рода и жанр [3], жанр повести называют «қисса». Так,

в «Русско-узбекском толковом словаре литературоведческих терминов» под редакцией Б. Сарымсакова и Н. Хатамова среди наиболее характерных признаков повести выделяются средний объем и особенность повествования – повествование о приключениях героя. Термин «кисса» – перевод слова «повесть» [9, с. 156–157]. Автор статьи «Ўзбек совет адабиётида повесть жанри» Э. А. Каримов характеризует повесть как романную разновидность, отмечая «глубокое и разностороннее изучение личности человека» [3, с. 67]. Среди наиболее существенных признаков он отмечает поликонфликтность жанра, монтажность композиции – прием ретроспекции, объективность повествования, многолинейность сюжета, включение фольклорных и иррациональных элементов – снов [3, с. 67], так как одной из особенностей жанра повести зачастую является описание событий из жизни героев. Данный признак относится к признакам «восточной киссы».

Г. Г. Ташпулатов в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Нравственные искания в современной узбекской повести (Мурад Мухаммад Дуст, Тагай Мурод, Гаффар Хатамов)» выделяет следующие характеристики повести, акцентируя внимание на специфике образа героя, «герой стоит перед нравственным выбором, в экстремальной ситуации герой чаще выполняет пассивную функцию, основным приемом в повести является воспоминание-размышление» [10, с. 24].

По справедливому замечанию А. Холмуродова, узбекская повесть – «...это один из жанров, отражающих реальность в эпическом масштабе. Это арабское слово, означающее буквально «историю», «приключение» [12, с. 140–142]. Генезис жанра «кисса» связан с традициями прозаического творчества древних тюркских и персидско-таджикских народов. В Средние века кисса называли «народными книгами» <...> Истоки жанра современной повести восходят к этим произведениям. Восточная кисса имеет следующие признаки: авантурный сюжет, освещающий события из жизни героя, символика имен, введение в повествование иррационального элемента (сон), притчевость, мотив дервишества. Современная узбекская повесть XX века унаследовала эти компоненты наряду с традициями европейской нарративной школы» [12, с. 140–142].

Исследователь также использует термин «кисса» как перевод русского жанра «повесть», однако утверждает наличие традиций русской классической повести и восточной повести в создании данного жанра. В дальнейшем, мы будем использовать для удобства разграничения жанровых признаков русской и восточной повестей – термин «восточная кисса».

Под термином «восточная кисса» мы будем подразумевать жанр повести, в котором аккумулированы восточные традиции, среди которых выделяются: дервишество героев, символика имен, введение в повествование иррационального элемента (сон), притчевость [12, с. 140–142].

Д. Куронов в «Адабиётшунослик лугати» дает несколько определений жанра: «1. кисса – это широко распространенное произведение в устном народном творчестве, произведение приключенческого характера, в основе которого жизнь и похождения героев. Данный жанр восходит к «народным книгам» письменной литературы Востока. В узбекской классической литературе под «кисса» подразумевали повествовательные произведения о пророках и святых; 2. Один из трех жанров эпического рода. В отличие от романа кисса освещает одно событие из жизни героя <...> сюжет, как правило, однолинейный, все события сосредоточены вокруг главного героя» [4, с. 380–381].

Исследователь утверждает, что кисса использует как синоним термина повесть, и как название иного жанра. Однако, как считает литературовед, «относить кисса к специфическим жанрам не имеет достаточных оснований, потому, что кисса чаще всего используется как синоним термина «повесть» [4, с. 380–381].

Таким образом, Д. Куронов видит истоки кисса в «народных книгах», а значит не отрицает признаков восточной повести, постулируемых А. Холмуродовым.

А. Улугов придерживается точки зрения Д. Куронова и А. Н. Лейдермана: «по сравнению с романом повесть – это малый жанр, описывающий определенный период жизни героя для раскрытия его характера. Герой в повести – элемент сюжетообразующий» [11, с. 140–142].

Итак, узбекское литературоведение определяет кисса как синоним термина повесть, отмечая при этом факт использования восточных традиций в создании повествовательных произведений.

Опираясь на вышеизложенные точки зрения, мы под термином «восточная кисса» – будем подразумевать жанр повести, в которой аккумулированы восточные традиции создания эпических произведений: дервишество, символика имен, введение в повествование иррационального элемента (сон), притчевость. Выделение данных признаков видится необходимым для разграничения признаков классической русской повести и русскоязычной повести Узбекистана.

В узбекском литературоведении выделяются как формальные, так и содержательные компоненты жанра.

В качестве вывода мы сконструировали определение жанра: повесть – это средний эпический жанр, отражающий события из жизни

героя сквозь призму нравственного выбора посредством различных типов повествования.

К структурно-содержательным признакам русской повести относятся:

- столкновение различных систем ценностей;
- испытание героя бытом, переход от безличного повествования к рефлекслирующему внутреннему монологу;
- использование приема ретроспекции монологов-воспоминаний.

К признакам восточной «қисса» относятся:

- дервишество;
- цикличность сюжета, иносказательно-обобщенные вставные сюжеты;
- притчевость, сказовость.

Литература

1. Гуляев Н. А., Богданов А. Н., Юдкевич Л. Г. Теория литературы в связи с проблемами эстетики. М., 1970.

2. Камилова С. Э. Современный рассказ: содержательные векторы и повествовательные стратегии (динамика жанра в русской и узбекской литературе). Ташкент, 2016.

3. Kamilova S. E., Arustamyun Ya. Yu. Original projections of author's "self" in modern Russian and Uzbek short story // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (12); Гибраттарская О. Н. Аксиосфера современной русскоязычной литературы // Polish Journal of science. 2021. № 36-2; Каминская Е. М. Теоретическая триада "текст – экфрасис – дискурс" в аспекте проблемы практического использования термина-концепции творческая лаборатория // Текст и дискурс в современной коммуникации, 2019; Екабсонс А. В. К вопросу о трансформации родовых признаков в современной драматургии // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5 (259). С. 38–44; Алимова Н. Х. Художественный мир новеллистики Бернарда Маламуда // Филология и лингвистика. 2020. № 2.

4. Каримов Э. А. Ўзбек совет адабиётида повесть жанри // Адабий турлар ва жанрлар. Т. 1. 1991.

5. Куронов Д., Мамажонов З., Шералиева М. Адабиётшунослик лугати / ф.ф.д. Д. Куронов нингумумийтахририостида. Ташкент, 2010.

6. Лейдерман Н. Л. Теория жанров. Екатеринбург, 2010.

7. Поспелов Г. Н. Типология литературных родов и жанров // Введение в литературоведение. Хрестоматия: учеб. пособие / под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2006.

8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. рук. Н. Д. Тамарченко. М., 2008.

9. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978.

10. Сарымсаков Б., Хатамов Н. Русско-узбекский толковый словарь литературоведческих терминов. Ташкент, 1979.

11. *Ташипулатов Г. Г.* Нравственные искания в современной узбекской повести (Мурад Мухаммад Дуст, Тагай Мурод, Гаффар Хатамов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1993.

12. *Улугов А.* Адабиётшуносликназарияси – Тошкент, 2018.

13. *Холмуродов А.* Узбекская повесть: проблемы развития (последняя четверть XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тошкент, 2008.

Д. А. Балич

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Интертекстуальная парадигма в ироническом дискурсе повести Артуро Переса-Реверте «Тень орла»

Аннотация. Статья посвящена исследованию интертекста и теории интертекстуальности на материале повести Артуро Переса-Реверте «Тень орла». Анализируется современное состояние теории интертекстуальности, рассматривается интертекстуальная парадигма и ее составляющие. Исследуется природа абсурда и факторы иронического пафоса, определяющие межтекстуальные связи интертекста произведения. Особое внимание уделяется рассмотрению функции окказионализмов, онимов, выступающих как лексическое средство стилистической выразительности и языковой игры.

Ключевые слова: интертекст; интертекстуальность; ирония; абсурд; война.

В многочисленных трудах современных исследователей интертекста и интертекстуальности признается, что теория интертекста базируется на пересечении диалоговой теории слова и полифонии художественного текста М. Бахтина, Ю. Тынянова о пародии, послуживших стартовой площадкой для дальнейших изысканий в этой сфере [2]. По мнению Ю. Кристевой, интертекст, лежащий в основе интертекстуальности, обладает свойством бесконечного наполнения, в котором происходит динамичное воспроизведение текста в тексте [4, с. 127]. Таким образом, в литературном процессе XX века вследствие активизации интертекст как приема художественной игры различными контаминациями, понимается как форма самонасыщения и обновления литературы» [6].

Рассмотрим межтекстуальные связи на примере повести Артуро Переса-Реверте «Тень орла», интертекст которой демонстрирует преодоление автором традиционного взгляда на исторические события войны 1812 года. Писателя волнует вопрос об участии и роли Испании в боевых действиях солдат испанского батальона, он рассматривает войну с точки зрения ее абсурдности. Общеисторическая концепция

войны 1812 года официально отличается героикой действий и персоналий, в которой образ Наполеона как главной фигуры этого исторического события в мировой литературной традиции характеризуется чертами сильной и героической личности. В повести испанского писателя изменяется ракурстредиционной точки зрения на Наполеона Бонапарта. Война 1812 года у Артуро Переса-Реверте утрачивает свою монументальность и драматизм, масштабность исторического уровня. Перед нами предстает картина абсурдной войны, бессмысленной, жестокой, лишенной какой-либо героики, отличающейся комедийной театрализованностью, похожей на трагифарс. Реверте предворяет свою повесть двумя эпиграфами в первом заключается внутреннее противоречие, алогизм мысли: «Фернандо Лабахосу, который был моим другом, а генералом не стал» [1]. Несуразица эпиграфа («...был моим другом, а генералом не стал»), выражает не просто полный абсурд, а задает основной иронический тон всей повести поскольку «друг» и «генерал», имеют разные статусные отношения применительно к одному человеку. Второй эпиграф «И памяти капрала Белали Ульд Марабби, павшего в сражении при Уад-Ашраме в 1976 году» выражает авторское негативное отношение к войне.

Так, посредством иронии автор разрушает традиционные представления о войне 1812 года, снимая с нее ореол героического и сакрального, выставляя в комичном виде сцену сражения под Бородино. Рассказчик – остроумный, весьма наблюдательный простолюдин, искусно владеющий техникой языковой игры, импровизирует словесной игрой русского, и французского и других языков: «Ортега, человек добродушный, ему терпеливо так и доходчиво: нет, мол, ошибка вышла, это мы сдаемся, эспански товарищ, Наполеон капут, мы домой хотим, к себе в Испанию, уразумел, дурья башка, компреневу? одним словом, финита ла герра». Эффект комического в повести достигается посредством абсурдных ситуаций, которые, в свою очередь, создаются вследствие самых невероятных и нелепых коллизий и случайностей.

Весьма важную роль в структурировании интертекста и организации интертекстуальности играет автор, который меняет маски: повествователя, рассказчика, а в эпилоге даже – писателя-творца. Причем, перволичное «я» автора-рассказчика заменено формой «мы» от имени обобщенного образа рассказчика-солдата: «К этому времени стало ясно, что и лягушатники, и русские уже заметили наш маневр – не заметить его мог разве что китайский император. Но иногда рассказчик подчеркивает собственную позицию, и конкретно говорит от имени «я»: «Я так скажу: ничего нет лучше вовремя выпущенной пули – сила в ней поистине чудотворная». Авторские комментарии зачастую составляют «второй текст» произведения, значительно обогащая

его смысловым содержанием и ироническим пафосом «бравого» испанского солдата: «Продвижение наших войск несколько замедлилось, ваше величество». – Это ж надо так изящно выразиться. Все равно, что сказать, к примеру: «Людовик Шестнадцатый порезался при бритье, государь» <...> Продвижение войск, как всем к этому времени стало ясно, несколько замедлилось оттого, что еще <...> казаки в буквальном – в буквальном! – смысле в лапшу изрубили эскадрон Третьего гусарского полка... <...> Продвижение несколько замедлилось. Ой, держите меня, господин полковник, а то упаду». В структуре речевой коммуникации повести «Тень орла» особую функцию выполняют окказионализмы как лексическое средство стилистической выразительности и языковой игры, привносящие иронический эффект в художественную систему произведения. Вот вам *либерте* (Свобода), вот *эгалите* (Равенство), а вот и *фратерните*» (Братство).

В качестве фигуры интертекста в повести испанского писателя можно отметить также многочисленные пословицы, поговорки, крылатые фразы, соотнесенные автором с национальной принадлежностью какому-нибудь народу: «ибо не врет сложенная на корриде поговорка: „От хвоста до рога – недалекая дорога“»; или: «Повадился кувшин по воду ходить», Не говоря худого слова «Не солоно хлебавши».

Интертекстуальность повести «Тень орла» обусловлена также и ономастическими связями, раскрывающими антропонимы, чаще всего раскрывающие характерологическую функцию. В повести А. Реверте, собственно говоря, отсутствуют имена и фамилии героев, выполняющие функцию идентификации личности, поскольку их заменили имена-эвфемизмы, назначение которых высмеять носителя этой «играющей» фамилии. Так, самая главная фигура войны 1812 года – Наполеон Бонапарт с первых же строк характеризуется через безликое местоимение 3 лица «он» в толпе таких же безликих маршалов: «Он стоит на вершине холма, а в отдалении горит Сбодуново. Он стоит на вершине холма, маленький такой, в сером сюртуке, вжимая в орбиту глаза подзорную трубу, окруженный перьями и галунами, кречетами и адъютантами, проклиная сквозь зубы <...> Ну, стало быть, он – на вершине холма, как в центре вселенной...». Рассказчик как бы подбирает для героя слово-имярек и три раза повторяет «он стоит на вершине холма», и только потом находит подходящие клички. «Маленький капрал» называли его ветераны старой гвардии, но в ходу были другие клички – Подлючий Недомерок, например, или как-нибудь еще похлеще». Уничтожающе-критическое отношение автора к главной фигуре 1812 года выражено в эпилоге, где дается окончательное имя: Корсиканское Чудовище. Остальные персонажи повести наделены эвфемизмами по такому же принципу «говорящих фамилий»: генерал

Кан-де-Лябр, генерал Клапан-Брюк, майор Птифур, Брат Наполеона – Пепе-Бутылка и т. д. Все эти окказиональные эвфемизмы содержат в своих основах нарицательные свойства, исполняющие скорее функции характеристики, нежели личностной идентификации.

Таким образом, проведенное исследование интертекстуальной парадигмы повести Артуро Перес-Реверте раскрывает авторскую интенцию, заключающуюся в преодолении писателем традиционного взгляда на войну 1812 года, в отрицании вообще какой-либо героики и монументальности в самой природе войны, лишенной смысла и целесообразности. Писатель утверждает собственную историческую концепцию, суть которой отражает его гуманистическую позицию, устремленную к мирной жизни, что выражено через песенных финальных строках повести «Тень орла»: «Педро-кордовец снял висевшую за спиной гитару и не без труда – одной струны не хватало – взял аккорд, вывел начало протяжной тоскливой мелодии <...> Когда-то мелодия эта плыла над стенами Кремля, потом смолкла, а теперь вновь зазвучала, негромко и печально, в раскаленном слепополуденном воздухе» [1, с. 76].

Литература

1. *Перес-Реверте А.* Тень орла: повесть. М.: Эксмо, 2004.
2. *Перес-Реверте А.* Тень орла: роман / пер. А. Богдановского. М.: Эксмо, 2003.
3. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 1986.
4. *Васильчикова Т. Н.* Теория интертекста в филологии: основные этапы исторического формирования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18, № 1–2.
5. *Кристева Ю.* Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013
6. *Лотман Ю.* Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
7. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008.
8. *Толковый словарь русского языка Ушакова.* URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/382072.html>.
9. *Тюпа В. И.* Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009.

Семантические трансформации образа дьявола в русской и татарской литературах

Аннотация. В данной статье рассматриваются семантические трансформации образа Дьявола/Иблиса в русской и татарской литературах. Архетипичность этого образа позволяет вести компаративный поиск на уровне глубинных ментальных моделей и пластов.

Ключевые слова: Сологуб; Наджми; Дьявол; Иблис; архетип; семантические трансформации; компаративный поиск.

В начале XX века практически любой Дьявол, возникающий на страницах литературного произведения, рассматривался современниками как олицетворение зла. Но русские модернисты, символисты под влиянием гностицизма, наделили «своего» Дьявола рядом атрибутов, которые не давали повода для сходства с традиционным христианским Дьяволом: так Брюсов сравнивал Дьявола с истиной, Сологуб называл его отцом своего героя, а у Гумилева Люцифер предстал в роли творца Вселенной.

В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» рассматриваются несколько тем. Во-первых, это тема традиции, которая раскрывается через связь главного героя Передонова с текстами русской классической литературы, связанные с темами русской провинциальной жизни. Можно провести параллель между Передоновым и Беликовым из рассказа Чехова «Человек в футляре» У них одна и та же профессия, они схожи характерами, они ведут одинаковый образ жизни, наносят визиты к людям в городе и так далее. Во-вторых, это тема безумия, которая является основой романа. Тема безумия изображена и в романе «Идиот» Ф. М. Достоевского, в котором дается рассуждение о мире, где красота продажна. Возможно связь романа Сологуба с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя, с «Пиковой дамой» А. С. Пушкина (изображение маниакального бреда). Все эти и другие сюжеты русской литературы складываются у Сологуба в единый миф о глубоком безумии, о хаосе, о гибели, которые стоят за недвижимостью жизни. В этом романе Сологуб создал миф о смехе: форма существования безумия. Смех производит гнетущее впечатление. Все оттенки чувств героев даны через реакцию на смех. Смех – это устойчивая примета беса.

Поэма Н. Наджми «Иблис» – это поэма-трагедия. В поэме показана трагическая судьба Ахмеда и его семьи. После прихода Советской

власти, и после того, когда религии и мечетям не оставляют места в жизни татар, Ахмед вместе с женой и детьми покидает родные земли, где он вырос, где он прожил большую часть своей жизни и едет в Мекку. В поэме присутствует мотив дороги. Дорога – нить, которая соединяет настоящее и будущее Ахмеда. По дороге в Мекку Ахмед теряет дочь и четырех сыновей и обретает сына – мотив существования рядом жизни и смерти. По дороге в Мекку происходит и встреча Ахмеда с Иблисом. В поэме так же присутствуют и темы родины, родного языка, ностальгии по прошлой жизни, ненависти, религии. В поэме есть эпизоды, в которых показаны религиозные обряды: обряд побивания шайтана камнями, обряд жертвоприношения, обряды паломничества.

В сопоставляемых произведениях образы Дьявола, Недотыкомки, Иблиса и Газила изображаются названными авторами по-разному.

В романе Ф. Сологуба образ Недотыкомки предстает перед нами как существо вполне осязаемое и видимое. Какое-то время Недотыкомка только бегает, мелькает и хихикает. Является она и в церкви, но не боится ладана. Облик Недотыкомки меняется вместе с изменением передоново-го сознания. Она враждебна Передонову

Автор при описании Недотыкомки использует очень много прилагательных: удивительная, маленькая, серая, юркая, безликая, дымная, синеватая, грязная, вонючая, противная, страшная, волшебная, многовидная, огненная. Недотыкомка показана в постоянном движении: прибежала, вертелась, ускользала, убегала, появлялась, носилась, каталась, бегала, ползала, плясала и так далее.

В стихотворении Сологуба «Словами горькими надменных отрицаний» Сатана предстает перед нами прекрасным, в нагой физической красоте; от красоты его веет смертью, тленем, прахом и могильным холодом. Автор сравнивает Сатану с «царем сомнения и пламенной печали». В стихотворении «Не отражаясь в зеркалах» автор называет Сатану то жестоким врагом, то таинственным другом, то существом неукротимого гнева; а взгляд его сравнивает с адским пламенем. В изображении Сатаны в произведениях Сологуба ярко проявились символистские приемы и принципы изображения.

Иначе изображаются образы Иблиса и Газила в поэмах Наджми и Бабиша. В поэме Н. Наджми Иблис имеет какое-то физическое тело, которое распознается только потому, что он либо сидит на горе, либо смеется и плачет, либо обнимает прекрасную девушку, но прямого описания его внешности в поэме нет. При вхождении в контакт с людьми он теряет свою физическую оболочку и становится невидимым. Так ему легче наблюдать за людьми, оставаясь незаметным, тем более что в таком состоянии он может просто войти в человека. При

встрече с Иблисом Ахмет не видит его, а только чувствует вокруг себя легкое движение ветра.

Возникающий в произведении Бабича образ Газазила, в том числе и образ Иблиса в поэме Наджми, напоминают лермонтовского Демона. Как и в романтической поэме Лермонтова, основные сведения о герое здесь передаются в духе поэтики прямого, нерerefлексивного слова, преобладают самые общие констатации и характеристики.

В поэме Бабича в сцене изгнания Газазила из рая, низвержения с небес на землю, показывается как из прекрасного ангела его превращают в Иблиса. Облик Газазила в данной поэме описан автором до мельчайших подробностей, образ вполне осязаем, но сатирически снижен. В изображении этих образов ярко раскрываются творческие принципы татарских писателей.

Образ Недотыкомки – наиболее емкий образ в романе «Мелкий бес». Она занимает особое место в символике передоновского безумия. Недотыкомка выполняет функцию двойника Передонова, это его доля. Это тот образ мира, каким его видит личность, потерявшая связь с миром. Образ Недотыкомки восходит к народной демонологии, к символистской идее о том, что все недовоплощенное – есть воплощение хаотического начала.

В этом романе нечистая сила целиком принадлежит этому миру. Недотыкомка – это демон пространства, она обживает «этот город», квартиру Передонова. Недотыкомка также выполняет функцию демона-искусителя, ведь именно она искушает Передонова сделать поджог.

В стихотворениях Сологуба образ Сатаны выполняет разные функции. Сатана сопровождает или преследует лирического героя (подобно ангелу-хранителю), как его двойник, с которым его связывает дьяволически двойственное чувство любви – ненависти, дружбы – вражды. Сатана играет и роль таинственного друга. Сатана, присутствующий в стихотворениях Сологуба, расценивается автором как олицетворение блага, а Бог, создавший злую жизнь, как зло. Автор в своих стихотворениях отрицает морально-этическое, поэтому поэзия в целом несет злое начало, она становится отверженной, достойной проклятия. Поэт-дьяволист воображает себя проклятым поэтом, и поэтому в его душе властвует демоническое начало. Зло для Сологуба является той тенью души, которая придает жизни через боль и мучения остроту и глубину.

Герой романа «Мелкий бес» Передонов является носителем бессознательной, демонической части души, так называемого зла, которое проявляет себя, когда герой перестает себя контролировать (бред, сумасшествие, раздвоение личности). Получается так, что зло захватывает героя в свою власть изнутри.

Недотыкомка и есть демоническая, теневая часть души Передонова. Недотыкомка появляется во время сумасшествия, нервной горячки Передонова, в бреду и начинает мучить героя. Она не просто существует как плод воспаленного воображения, она еще управляет Передоновым; она заставляет Передонова сделать поджог, а может быть и убить Володина. Носителями коллективно-бессознательного являются и другие герои – Варвара и Володин. В романе существует эпизод, в котором герои, напившись и перестав себя контролировать, срывают свою злобу на стенах.

Ф. Сологуб в своих стихотворениях отрицает морально-этическое, поэтому поэзия в целом несет злое начало, она становится отверженной, достойной проклятия. Поэт-дьяволист воображает себя проклятым поэтом, и поэтому в его душе властвует демоническое начало. Зло для Сологуба является той тенью души, которая придает жизни через боль и мучения остроту и глубину.

Иные функции выполняет образ Иблиса в поэме Наджми. Он предстает перед нами не в той роли, в которой мы видели его в других произведениях татарской литературы. Иблис в данной поэме не выполняет функции демона-обольстителя. Он – сторонний наблюдатель, обвинитель, сострадающий и даже влюбленный.

Иблис напрямую не участвует в трагедии Ахмета и его семьи. Он лишь со стороны наблюдает за действиями жизни, за развитием трагедии. «Частичка» Иблиса присутствует в каждом человеке, в том числе и в Ахмеде, но эта частичка начинает расти в Ахмеде тогда, когда он покидает свою родную землю, где прошло его детство, где встретил он свою любовь, где познал счастье семьи, и тогда, когда отказывается он от своего родного языка, от традиций своего народа. Частичка эта вырастает до таких пределов, что полностью захватывает Ахмеда, превратив его в один большой комок ненависти и зла.

Образ Иблиса у Наджми осмыслен в категории трагической, что определяет нетрадиционность его разработки в данном произведении. В поэме ярко проявилось взаимодействие двух противоположных тенденций национального, культурно-исторического развития. Одна из них – центристская, направлена вглубь: на утверждение национальных традиций, устоявшихся форм национального бытия. Другая, напротив, – центробежная, направлена вширь: на размывание традиций, достижение максимальной открытости данной культуры и взаимодействия с другими культурами.

Литература

1. *Бабич Ш.* Зэнгэржырлар. Казан: 1990.
2. *Нэжми Н.* Сина барам: Шигырьлэр һәм поэмалар. Казан: Татарстан китап нәшр., 1988.

3. Сологуб Ф. Собр. соч.: Стихи. СПб.: Сиринь, 1913. Т. 1.
4. Сологуб Ф. Собр. соч.: Стихи. СПб.: Сиринь, 1913. Т. 9.
5. Сологуб Ф. Мелкий бес: роман. М.: Худож. лит., 1988.
6. Храповицкая Р. Н. Двоемирие и символ в романтизме и символизме // Филологические науки. 1999. № 3.

О. Н. Гибралтарская

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Работы В. Виноградова в контексте деятельности русской формальной школы

Аннотация. В контексте деятельности русской формальной школы фундаментальное значение, в первую очередь, играли работы В. В. Виноградова, которые заложили основы современного литературоведения и широко применяются в филологической науке XXI века.

Ключевые слова: форма; лингвистика; литературоведение; язык прозаических произведений; монолог; диалог.

Начиная с 10-х годов XX века художественный текст преимущественно изучался с позиций формальных методов. Рассмотрение формы, прежде всего поэтической, позволяло использовать общенаучный инструментарий, вычленять существенные черты произведения и формулировать более точные и обоснованные выводы. По этому поводу В. И. Тюпа отмечает: «Значительный вклад в становление аналитического подхода внесли ученые, представлявшие так называемую формальную школу» [4, с. 3]. По мнению ученого, работы Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского следует отнести по преимуществу к теории литературы. Сам В. И. Тюпа считает: «Практика аналитического рассмотрения отдельных произведений в их внутренней целостности образует область научного познания, в равной степени близкую как истории литературы, так и ее теории, но не сводимую ни к первой, ни ко второй» [3, с. 3]. Русская формальная школа сосредоточила внимание на изучении формы, в первую очередь стихотворной, поскольку культурно-историческая, духовно-историческая, мифологическая школы рассматривали произведение не столько как эстетический объект, сколько как «документ эпохи», «выражение» духа народа, общества, культуры, истории.

Просуществовав только с середины 10-х до середины 20-х годов, русская формальная школа, тем не менее, оказала большое влияние на литературоведческую мысль XX столетия. Идеи, выдвинутые русски-

ми формалистами, дали первоначальный толчок развитию подобных методов исследования во многих странах. Так, в современном русском литературоведении изучение композиции произведения, в частности, в отношении к рассказчику, представленное в работе Б. Эйхенбаума «Как сделана „Шинель“ Гоголя», занимает ключевое место. Хотя С. И. Сухих в работе «Технологическая» поэтика формальной школы. Из лекций по истории русского литературоведения» считает, что «формализм как особый подход к анализу явлений искусства начал формироваться первоначально на Западе, причем в сфере искусствоведения, на почве изучения изобразительного искусства, а не в литературоведении» [3, с. 6]. Вполне соглашаясь со второй частью высказывания, подчеркнем, что в филологической науке пальма первенства принадлежит русской формальной школе. Об этом пишет Н. П. Медведев: «Наши формалисты вообще ни на кого не опираются и ни на кого не ссылаются, кроме как на себя самих» [2, с. 59]. Следует отметить, что С. И. Сухих оговаривает этот факт и даже исходит из того, что «западноевропейский формализм не оказал никакого влияния на возникновение и развитие русской формальной школы» [3, с. 7]. Далее в работе представлена подробная информация об истории возникновения формальной школы, в частности, первые выступления: 1) В. Шкловский «Воскрешение языка» (1914); 2) два «Сборника по теории поэтического языка» (1916, 1917); 3) «Поэтика» (1919).

Обозначены такие центры формирования, как «пушкинский семинар», который основал в 1908 г. и в течение ряда лет вел в Петербургском университете профессор С. А. Венгеров», «группа лингвистов из школы Бодуэна де Куртене, в частности, Лев Якубинский и Е. Д. Поливанов» и «Московский лингвистический кружок, основателями и участниками которого стали внук Буслаева Петр Богатырев – будущий крупный фольклорист, Роман Якобсон – один из лидеров формальной школы на ее раннем этапе, до его отъезда за границу (в Прагу), Г. О. Винокур и другие лингвисты, интересовавшиеся поэтикой и поэтическим языком и разрабатывавшие проблемы функциональной лингвистики» [3, с. 7]. Актуальным представляется рассмотрение деятельности русских формалистов в составе двух групп. Первая именовала себя «Обществом изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ), вторая – «Московским лингвистическим кружком». Членами этих групп и сочувствующими им были многие известные ученые-лингвисты и литературоведы. Среди них – В. В. Виноградов, Е. Поливанов, Л. Якубинский, В. М. Жирмунский, Г. Винокур, Р. Якобсон, Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Б. Томашевский и ряд других. Несмотря на то, что работа В. Шкловского «Воскрешение языка» считается первым выступлением русской формальной школы, на наш

взгляд, ключевое значение имели работы В. В. Виноградова, представляющие критический взгляд на концепцию формалистов.

В. В. Виноградов в таких трудах, как «Стиль «Пиковой дамы», «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.», «О языке Толстого», «О языке художественной литературы» фундаментально рассмотрел язык прозаических произведений. Работы В. В. Виноградова, постулирующие различие прозаических и драматических произведений, позволяют актуализировать жанровую специфику. Кроме того, особое значение имеют работы, в которых происходит констатация разнообразных взаимодействий устной и письменной речи, монолога и диалога, утверждение о необходимости классификации этих явлений, дифференциации между стихом и прозой, и драмой, поскольку в художественном произведении присутствуют и играют существенную роль другие области духовного раскрытия, например, мимика, жесты, пластические движения. В особенности постулируемое В. В. Виноградовым разграничение прозы и драматических произведений в аспекте анализа монолога и диалога: «Художественная проза, являя монологическую речь, хотя и перерезанную диалогами, представляет сложное типологическое многообразие монологических конструкций и их смешанных форм» [1, с. 73]. При этом исследователь акцентирует внимание на жанровых особенностях: «Диалогическая речь является составною частью словесной ткани разных типов прозы, например, новеллы, романа, и разных форм стиха. Вместе с тем она организует самостоятельные литературные жанры драматических произведений» [1, с. 78].

Как отмечает ученый: «Функции ее, приемы построения и семантика элементов могут резко различаться в каждом круге явлений» [1, с. 73]. Особый интерес представляет соотношение монологической и диалогической речи в прозаических и драматических произведениях, поскольку в области прозы мы имеем возможность проанализировать смешанные формы речи, в частности в «повести и новелле» [1, с. 78], и более чистые типы диалога в драме. Как указывал В. В. Виноградов, для прозы характерен смешанный тип (преимущественно монологическая речь, перерезанная диалогами), для драматических произведений диалог (более его чистые формы).

Литература

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980.
2. Медведев Н. П. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928.
3. Сухих С. И. «Технологическая» поэтика формальной школы. Из лекций по истории русского литературоведения. – Нижний Новгород, 2001.
4. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. М., 2009.

К вопросу становления и развития русской сатиры

Аннотация. В статье прослеживаются основные этапы развития сатиры в русской литературе, а также приводятся ее жанровые признаки, выявляется специфика реализации данной жанровой формы в литературе XX века.

Ключевые слова: сатирические тенденции; творческая активность; смеховой мир Древней Руси; социальные пороки; сатирическая направленность; многослойность образов; стилистический оксюморон; переоценка ценностей; тенденциозность; публицистичность; ирония; сарказм; злой смех; сатирическая мысль.

Смех в Древней Руси имел специфическую настроенность, при которой был направлен ни на кого-то, а на самого себя, смеющийся специально изображал из себя дурака, чтобы показать, что мир несправедлив, нелеп, т. е. это мир «антикультуры»- неорганизованный и фальшивый. Важные постулаты этой точки зрения нашли отражение в «Смеховом мире Древней Руси» академика Д. С. Лихачёва.

Н. А. Добролюбов говорил, что « литература наша началась сатирой», сам же критически высказывался о сатире 18 века: «...литература наша началась сатирой, продолжалась сатирой и до сих пор стоит на сатире – и между тем все-таки не сделалась еще существенным элементом народной жизни, не составляет серьезной необходимости для общества...» [2, с. 314].

Кроме того, Н. А. Добролюбов считал, что сатирические произведения остались пустым звуком, описание недостатков было поверхностное, а обличение должно быть мощным и грозным. Писатель говорил о сатирических произведениях как о трогательном простодушии, что сатирики 18 века так увлеклись мечтаниями о будущем благополучии, что подумали, что это благополучие наступило: «Так, описывается ли у них судья-взяточник, он уже непременно отставлен и бранится за это; говорится ли о своевольном помещике, он непременно представляется сожалеющим о том, что теперь уже нет прежнего простора для его произвола; осмеиваются ли подлость и ласкательство – тут же неизбежно прибавляется замечание, что теперь уж этими качествами нельзя выйти в люди, как прежде» [3, с. 209].

Особенностью сатиры XIX века стало обращение писателей-сатириков к общечеловеческим недостаткам, они высмеивали социальные пороки. «...в начале XIX века существовал довольно широкий круг писателей, которые, следуя прогрессивным традициям XVIII века, боролись за создание литературы, отражавшей реальные противоречия

действительности, подготавливая тем самым литературу будущего – литературу критического реализма. Творчество этих поэтов, благодаря своей сатирической направленности, вело их к преодолению условных схем поэтики классицизма. Именно сатира, сближая литературу с действительностью, сталкивая ее с социальными вопросами, создавала наибольшие возможности для сближения с жизнью, именно в сатирических жанрах происходило постепенное созревание реалистических элементов» [3, с.81].

Ученый Б. Гроссман исследуя сатиру 20 века, заметил: «Эволюционируя, сатирическая традиция вывела к более монументальным литературным формам, в частности, к сатирическому роману. Каждый из писателей-сатириков внес свой вклад в развитие жанра, и каждый из них явился новатором...сатира И. Ильфа и Е. Петрова имеет ряд значительных отличий. Одним из таких отличий можно назвать многослойность образов, разноплановость повествования, стилизацию (письма отца Федора стилизованы под письма Ф. М. Достоевского), стилистический оксюморон, свойственный авторской манере писателя» [1, с. 190].

20 век начинается с борьбы против бюрократизма, классовыми врагами, где происходила страшная опасность уравниловки, но со стороны народа была безынициативность и пассивность верхушки. Все эти события писатели-сатирики внесли в свои произведения. Именно в 20–30-е годы происходят исторические и социальные перемены, время заблуждений, ошибок и поисков истины. Именно в 20–30-е годы двадцатого столетия остро обсуждался вопрос о необходимости и актуальности сатирических произведений. Во второй половине 20 века велась дискуссия о возвращении сатиры. Литературовед-критик В. Фролов считал достойным сатириком только В. Маяковского. И только в конце 80-х годов В. Фролов признал, что он был критичен и согласился, что творчество М. Булгакова, М. Зощенко и других сатириков является именно настоящими сатирическими произведениями. Именно в 80-е годы происходят изменения в литературе и переоценка ценностей. Важно отметить, что 20-е годы – это годы когда формировалась советская литература и также в нее входила национальная литература. В этот период происходила творческая активность, сатира оказалась действенной и важной, и в сатирическом направлении развивались именно жанры «малой прозы».

Следует отметить, что отличительными признаками сатиры являются тенденциозность, публицистичность, смелое нарушение пропорций, сознательное заострение жизненных проблем и значимых противоречий в жизни людей и их исторического быта. Сатира стремится воссоздать действительность, раскрыть недостатки общества и челове-

ка, но сила протеста и негодования в ней настолько велика, что она пересоздает эти явления, осмеивает их, и она предстает перед нами в гротескной и уродливой форме для того, чтобы с особенной резкостью подчеркнуть их неприемлемость. Можно сказать, в сатире перед нами особая форма образного отражения жизни.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что судьба сатирика в любую эпоху была тяжелой. Если брать любой период, начиная с древности и заканчивая XX веком, то в любое время происходят изменения, исторические и социальные перемены, ошибки, а сатирики пытались найти истину и показать то несовершенство общества при помощи иронии, сарказма и злым смехом. Хотя комизм не исследован учеными полностью, но если сделать вывод по книге Д. С. Лихачёва «Смеховой мир Древней Руси», то через смех в Древней Руси хотели показать мир со всеми его недостатками и пороками. Таким образом, сатирас древности перешла в современный мир в богатую сатирико-юмористическую традицию. Сатирические произведения показывают таланты писателей, а читателям позволяют стать добрее, честнее и посмотреть критически на себя. «Сатира есть не что иное, как зеркало, представляющее дурные или смешные стороны общества или части общества в данную минуту. Сатира есть обвинительный акт со смешной стороны» [6, с. 859].

Самуил Маршак так высказал свою точку зрения о сатире в общем: «Сатира столь же многообразна, как и вся литература в целом. От эпиграммы в две – четыре строчки до поэмы, стихотворной или прозаической, от прутковского афоризма до щедринского „исследования нравов“, – все это могло бы быть нашим хозяйством. Комедия, басня, сказка, лукиановский диалог, роман в письмах, дневник, шутливая баллада, анекдоты, куплеты, – да мало ли еще литературных форм и видов, в которых может найти свое воплощение сатирическая мысль. А мы чаще всего ограничиваем уже знакомыми нам жанрами, ходим по хорошо изученным дорожкам» [5, с. 4].

На сегодняшний день становление и развитие русской, да и любой сатиры невозможно безинтернет-пространства, так как современные студенты пользуются интернет ресурсами и у них большие возможности имеются делать прогрессивные шаги в сторону развития глобальной литературы и пополнению научных трудов в данном направлении.

Литература

1. Гроссман Б. Заметки о творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Знамя. 1937. № 90.
2. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. М.–Л., 1962. Т. 5.

3. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 2.
4. Ермакова-Битнер Г. В. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX века. Л., 1959.
5. Лихачёв Д. С, Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976.
6. Маршак С. И. О нашей сатире. URL: <http://s-marshak.ru/works/prose/prose19.htm>.
7. Толстой А. К. Державский стяг во имя красоты // Теоретико-литературные взгляды А. К. Толстого. М., 1969.

А. Дадаханов

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Сатирическая повесть Н. Лескова «Заячий ремиз»

Аннотация. В статье анализируется поэтика сатирической повести Н. Лескова «Заячий ремиз», относящейся к позднему периоду его творчества.

Ключевые слова: тема России; герой; жанровая специфика.

Николай Семенович Лесков меньше, чем кто-либо другой, может быть отнесен к писателям одного какого-нибудь жанра, одной какой-нибудь темы. В идейно-тематическом и жанровом отношении его художественное наследие исключительно многообразно; широта его творческих возможностей поразительна. Рассказ из крестьянского быта и «крестьянский роман»; повесть и юмористическая новелла из жизни купечества; хроника и очерк о «делах днях» провинциального духовенства; легенда из первых веков христианства; социально политический роман и роман-памфлет; сказка и святочный рассказ; полупублицистический очерк и рассказ, откликающиеся на злобу дня, – таков далеко не полный перечень литературных родов, в которых писал Лесков.

Но над всеми этими частными темами в качестве основной и главенствующей, пронизывающей все творчество писателя, возвышается одна общая тема – тема России.

Лесков «писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке...» [6].

Каждый его герой – звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума – дума не о судьбе лица, а о судьбе России», – замечал Горький.

Велика заслуга Лескова и как «выметальщика сора» (выражение самого писателя) [4], то есть как критика феодально-крепостнических отношений в дореформенной и пореформенной России. Талантливо,

с блеском выступает Лесков против самодержавного гнета, произвола, против дворянско-бюрократической верхушки царской России. Внешне эта критика часто относится к прошлому – к дореформенным условиям и событиям, но по существу она непосредственно затрагивает и окружающую писателя действительность, бьет по режиму 1880–1890-х годов.

Критика эта не исходит из какой-либо строго определенной, точно очерченной политической программы. Лесковым руководит негодование свободомыслящего, прогрессивно настроенного моралиста против зла, насилия и несправедливости, а прежде всего любовь к отчизне, горестная забота о ее грядущих судьбах.

Как художник слова Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих – так Горький в полемике с Михайловским определил раз и навсегда место Николая Лескова в истории русской литературы.

Произведения Николая Семёновича Лескова отличаются оригинальностью и самобытностью. У него свой язык, стиль, свое понимание мира, человеческой души. Лесков много внимания уделяет психологии человека в своих произведениях, но если другие классики пытаются понять человека в связи с тем временем, в котором он живет, то Лесков рисует своих героев отдельно от времени.

Герои произведения Лескова отличаются своими взглядами, судьбами, но их роднит что-то общее, что, по мнению Лескова, свойственно русскому народу в целом.

Чрезвычайно характерный прием художественной прозы Лескова – его пристрастие к особым словам искажениям в духе народной этимологии и к созданию загадочных терминов для разных явлений.

«Праведники» Н. С. Лескова несут людям очарование собой, но и сами они действуют словно зачарованные. Лесков творец легенд, создатель нарицательных типов, не просто схватывающих некоторую характерность в людях его времени, но нащупывающих сквозные, кардинальные, подспудные, почвенные, фундаментальные черты русского национального сознания и русской судьбы. Именно в этом измерении он воспринимается теперь как национальный гений.

Рассказы и повести, написанные в пору художественной зрелости Н. С. Лескова, дают достаточно полное представление обо всем его творчестве. Они объединены думой о судьбе России. Россия является

здесь многоликой, в сложном переплетении противоречий, убогой и обильной, могучей и бессильной одновременно. Во всех проявлениях национальной жизни, ее мелочах и анекдотах Лесков ищет сердцевину целого. И находит ее чаще всего в «чудаках» и «бедоносцах» [5, с. 126].

В наследии Лескова большое место занимает сатира. Свойственные его дарованию черты юмора, а порой и острого сарказма часто приводили к созданию разоблачительных произведений. Сатира Лескова претерпела за 40 лет значительную эволюцию. В 60-е она была обращена против нигилистов. В 70-х меняется не только содержание его сатиры, но и самый ее характер. Он сам определял свою позднюю иронию как «добрую», «незлобивую и снисходительную» [1]. Его юмор укладывается в рамки шутки, анекдота, иронического рассказа, близкого к шаржу. Иные из таких сатирических «мелочей» (как он сам их называл), сильные по началу повествования, получали в дальнейшем неожиданное искривление и не достигали намеченной цели.

«Заячий ремиз», работу над которым Лесков закончил в 1894 г., выделяется на фоне его поздней прозы. Наиболее характерные ее образцы, собраны самим писателем в XI том собрания сочинений. Вошедшие в этот том тексты, несмотря на их формальное многообразие, в содержательном плане представляют собой единство, которое определяется дидактической направленностью, в большей или меньшей степени, но явно характерной для каждого из них. Заячий ремиз» является произведением принципиального иного порядка, в нем господствует комическая, игровая стихия, которая в творчестве писателя начала 1890-х гг. отступает на второй план.

В наследии Лескова «Заячий ремиз» выделяется также объемом прямых и скрытых заимствований: писатель цитирует славянские апокрифы и стихотворения Ростопчиной, произведения Плиния и Толстого. Однако анализ показывает, что к основным источникам повести, рецепция которых оказывает принципиальное влияние на содержание и поэтику произведения, относятся тексты Л. Стерна, Гоголя и Г. Сковороды.

Поэтика «Заячьего ремиза», ориентированная на формирование многоуровневого смыслового целого и активизацию читательского внимания, показывает, что итоговое произведение Лескова никоим образом не является кульминационной точкой в его творчестве. Скорее, это эффектный вопрос, авторский ответ на который скрыт за «усложненной нарраториальной формой» [2], идеологическим и фразеологическим разнообразием повествовательных перспектив. «Заячий ремиз» приглашает читателя вступить в игру с автором. Многочисленные интертекстуальные отсылки свидетельствуют о том, что эта игра носит,

главным образом, литературный характер: в ее основе лежит трансформация жанровых канонов, синтез цитат, смешение литературных стилей, модификация языковых и образных клише. Особенности поэтики повести позволяют с полным правом говорить о предвосхищении в позднем творчестве писателя принципов модернистской литературы.

Литература

1. Анкудинова О. В. Сюжетно-композиционное своеобразие повести Лескова «Заячий ремиз» // Науч. тр. Курск, гос. пед. ин-та. Т. 213: Творчество Н. С. Лескова. Курск, 1980.
2. Измайлов А. Отзыв о повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // Петроградский листок. – 1917. 8 окт.; *Славянская мифология: энциклопедический словарь*. М.: Эллис Лак, 1995.
3. Ильин В. И. Стилизация и стиль. Н. С. Лесков // Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997.
4. Коровин В. Николай Семенович Лесков. URL: www.krugosvet.ru.
5. Левандовский Л. И. К творческой истории повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // Рус. лит. 1971. № 4.
6. Святополк-Мирский Д. П. Лесков Николай Семенович // Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. URL: www.azlib.ru.

А. В. Екабсонс

Чирчикский государственный педагогический институт Ташкентской области
(г. Чирчик, Узбекистан)

Концепт «дом» в ремейк-пьесе Михаила Угарова «Облом off»

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию метафоры «дом» в ремейк-пьесе. Ретроспекция М. Угарова к оригиналу романа позволяет рассматривать новое произведение в герменевтическом аспекте. У каждого читателя есть возможность заполнить пространственные и временные лакуны, существующие между оригинальным романом И. А. Гончарова и современной интерпретацией М. Угарова. «Дом» становится метафорой защищенности: у каждого из героев свой домик, свое личное пространство, в котором можно спрятаться от окружающего мира, от индустриального общества, определяющего ценность человека лишь той функцией, которая может быть полезна.

Ключевые слова: концепт; ограниченное пространство; мотив; конфликт; драматическое напряжение; хронотоп; образ-симулякр.

Мир, возраставший Обломова, у И. А. Гончарова представлен как «благодословенный уголок», укромное пространство, заботливо оберегаемое ласковыми объятиями неба «от всяких невзгод». Михаил Угаров

заменяет этот мир круглым столом, покрытым зеленой скатертью, под которым прячется Илья Ильич от житейских проблем. Попасть «в гости» к Обломову можно только при условии соблюдения правил игры. Так, обидевшись на доктора Аркадия, обвинившего Облово в сумасшествии, «Обломов посмотрел на него с грустью. Вздыхнул и полез снова под стол. И угол скатерти за собой опустил»

ОБЛОМОВ. Принимать не велело. Еще петухи не пели. С первыми петухами – милости просим.

АРКАДИЙ (*набрав в грудь воздуха*). Ку-ка-ре-ку! [1, с. 3].

Сквозь повествование пьесы звучит мотив «особенности» Обломова, устойчивости того мира, который выдумал для себя герой и который, без веских на то оснований, не хочет покидать. «Я в домике» (*ограниченное пространство*) – складывает Обломов руки над головой, словно в забавной детской игре, ему становится уютно в своем домике, так он отграничивается от окружающего мира, выпадает из течения времени, отгораживается от социума с его торопливостью и «дела ради дела». Собственно, Обломову противопоказана по медицинским показаниям любая активная деятельность в виду его «душевной болезни». Карл Иванович, бывший доктор Обломова, отказавшийся его лечить, поставил диагноз: «...Илья Обломов одержим отолщением сердца с расширением левого желудочка оного...прекратить на время г. Обломову хождение на службу и вообще предписываю воздержание от умственного занятия и всякой деятельности» [1, с. 1]. Герои со страниц Гончарова у Угарова обитают в привычной для них обстановке, правда, без намека на бытописание 19 века: Агафья Пшеницына – на кухне, Андрей Штольц – в дороге, Ольга Ильинская – в гостиной, на прогулке в парке, Захар – в комнате Обломова. Основной конфликт романа – столкновение двух мировоззрений (русской – несуетно-созерцательной и западной – деловито-предпринимательской) также имеет место в угаровской интерпретации. Сохранен и поединок Ольги Ильинской с «обломовщиной», сопротивление героя охватившей его любви. «Возьми меня, какой я есть. Люби во мне, что есть хорошего! Ведь я люблю...», «Вы ошиблись...Мне к лицу покой, хотя скучный, сонный, но он знаком мне, а с бурями я не управлюсь!» – пишет Обломов в ответном письме Ольге [1, с. 20]. В конце пьесы мы видим умиротворенного Обломова, нашедшего счастье рядом с Агафьей Матвеевной, с ее «кротким взглядом, с улыбкой преданности. С чистыми, белыми руками, с полными локтями. С ямочками!..» Обломов погружен в тихое, семейное счастье «Подле вас хорошо уснуть, обнявшись... Ведь это и есть тайная цель всякого – найти в своей подруге покой и ровное течение чувств... А страсть... Всё это хорошо лишь на сцене, где с ножами расхаживают актеры. А потом

идут – и убитые, и убийцы – вместе ужинать... Дым, смрад, а счастья нет! Воспоминания – один только стыд и рвание волос» [1, с. 24]. На этом можно было бы поставить точки, или многоточие. Но основная драматическая коллизия не была бы решена. Реципиенту предложено заполнить пространственные и временные лакуны, существующие между оригинальным романом И. А. Гончарова и современной интерпретацией М. Угарова. Леня героя имеет под собой медицинское обоснование, стремление обрести «тихое семейное счастье» реализуется в гармоничных отношениях с Агафьей Матвеевной. «Драматизм всегда связан с активным переживанием неразрешенных противоречий, с беспокойством и тревогой. Драматично то жизненное положение, при котором под угрозой находится осуществление каких-то важных и значительных, неотъемлемых запросов личности», – считает В. Хализев [2, с. 56]. Драматизм мироощущения Обломова пронизывает все произведения, лежит в основе всех (11) эпизодов. Вопреки наставлению бывшего врача, Илья Ильич не воздерживается от «умственного занятия». Проследим конструирование внутреннего мира героя: первая сцена – ретроспекция в прошлое героя – объясняет причины «боязни» выйти из-под стола, покинуть границы своего «домика»: Обломов не может представить себя половинкой чего бы то ни было, он – цельный человек: «Я не мужчина», «Я – Обломов», «Обломов больше чем мужчина» [1, с. 4]; вторая сцена продолжает размышления Обломова о целостности: «В аршине шестнадцать вершков, а ты говоришь, что вершок знает, что такое аршин», «В сажени – три аршина, а ты говоришь, что аршин знает все про сажень», «Дроби придумали арабы. Зачем? Чтобы делить. А что им было делить? Чернотелому человеку в жарких странах, голому негру – что делить? Неужто себя?» [1, с. 7]; в сцене 3 «сонные речи» Обломова противопоставлены деловому рационализму Штольца. Обломова печалит мысль о раздробленности человека на «половинки, осьмушки, четвертинки», «Где его цельность». Зачем вся эта ваша беготня? Страсти, войны, торговля и политика? Чтоб правильно совершался годовой круг. Чтобы было вечное лето, сладкая еда и покойный сон. Чтобы всякий знал самого себя. Разве не это оправдывает все теперешние муки? Вот моя мысль! От размышлений о значимости человека Обломов переходит к глобальным, историческим проблемам: «Что сама история только в тоску повергает [1, с. 10]. Таким образом, от сцены к сцене раскрывается образ героя, драматично ощущающего себя «выключенным» из общего потока времени своим покоем и созерцательностью, переживающего за весь «раздробленный» человеческий род. В конце пьесы у Обломова случается апоплексический удар. «Он очень изменился – теперь это уверенный в себе человек». Теперь и доктор готов назвать болезнь Об-

ломова: «Ваш диагноз несовместим с жизнью, и прогноз практически нулевой... Вы скоро умрете. Totus... Целый. Целый человек. Такой жить не может». ОБЛОМОВ. Полчеловека, четверть человека, осьмушка и одна шестнадцатая – все живы... А бедный Totus – нет?... Я же говорил – человек умер... (*Дрогнувшим голосом.*) Ну и ладно [1, с. 10]. Нам импонирует мнение исследователя М. И. Громовой, которая считает: «Он умер, потому что как-то иначе устроен, не хотел «прогибаться, подо всех, не дал осадить себя в большой жизненной игре в салочки, укрывшись в своем «домике» [4, с. 261]. Параллельно Обломовскому «домику» в пьесе созревает и еще один «домик» – домик Аркадия. Нервные болезни, как и предполагал доктор, заразны. «Заразна» оказалась мысль Обломова о целостности человека. Доктор Аркадий – двойник Обломова, проходит знакомые Илье Ильичу стадии: обильные обеды, зевота и лень становятся начальными симптомами болезни. Развитие болезни наблюдается в философских рассуждениях о темпе жизни («лихорадка жизни») и откровенном признании в существовании деревянного Сивки, проверенного в боях, которого Аркадий иногда достает из «шкапа». Разгар болезни, ее кульминация происходит после смерти Обломова. Во время словесной «атаки» Захара, «Аркадий поднял руки над головой, сделал ладони углом – он «в домике». Та «цикличность», о которой мечтал Обломов, состоялась. Один цельный человек нашел свой «вечный покой», другому – предстоит нести идею «целостности» в будущем. Впрочем, неуютно в этой «лихорадке жизни», всем образам-симулякрам. В. Никифорова пишет: «Пьеса Угарова, написанная по мотивам «Обломова», существует не в 19-м веке и не в 21-м. Ее герои живут в великие нигде русские литературы. Это неуютная ничья земля, по которой они слоняются, ведя бесконечные разговоры, витая в облаках, строя воздушные замки. Станный человек Обломов, но «не странен кто ж?» Всем угаровским симулякрам неуютно в жизни, все они, как могут, прячутся от нее. Штольц, как безумный, с головой уходит в «дела», доктор катается по комнате на деревянной лошадке, Ольга Ильинская поет «Castadiva» и пишет Обломову многостраничные списки книг, которые он должен прочитать. Самый наивный из них Обломов просто лезет под стол и предупреждает: «Я в домике» [3].

Таким образом, у каждого из героев свой домик, свое личное пространство, в котором можно спрятаться от окружающего мира, от индустриального общества, определяющего ценность человека лишь той функцией, которая может быть полезна. И как следствие, цельному человеку выжить в этом обществе трудно, почти невозможно, новое общество существует исключительно для людей-половинок, четвертушек, «ни то, ни се».

Литература

1. Угаров М. Облом off. URL: <http://www.dramaturgiya.narod.ru/u.html>.
2. Хализев Е. Драма как явление искусства. М., 1978.
3. Никифорова В. Боязнь пространства. URL: <http://www.vikanikiforova.ru/theatre/ugarov.shtml>.

Х. Э. Имамова

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Творчество А. Ф. Писемского как сатирика XIX века

Аннотация. Данная статья посвящена осмыслению творчества А. Писемского, как сатирика-реалиста 19 века.

Ключевые слова: творческий путь; сатира; проблемное поле.

А. Ф. Писемский прошел долгий и нелегкий творческий путь и является заслуженным сатириком-реалистом XIX века. Писатель вступил в литературу в 40-е годы XIX века, примерно в одно время с И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым, А. Н. Островским, Ф. М. Достоевским, и занял в истории русской литературы особое место.

Творчество А. Ф. Писемского в конце 40-х и в начале 50-х годов определяется натуралистической тенденцией, в нем отражается правила «натуральной школы», к которой он проявлял большой интерес, начиная с университетских годов.

В этот период Писемский пишет повесть «Тюфяк», который приносит ему большую славу и признание. Повесть он написал в Костроме, когда находился на государственной службе; именно с этой повести начинается его творчество на глазах у критики, но к этому времени у него были и другие произведения. Натурализм писателя к 1850-м годам приобретает ярко выраженные черты, которые проявляются не только в художественном творчестве Писемского, но и в его эпистолярном наследии, в литературно-критических трудах автора. Он всегда был честен по отношению к себе и к своим читателям, поэтому изображал окружающую действительность предельно откровенно, без каких-либо «купюр». В его произведениях каждый из читателей-современников мог найти себя. Служба помогла ему изучить психологию людей и проблемы, с которыми сталкивались сограждане.

В начале своего творческого пути он достоверно изображает обычных людей, жизнь в деревне, их проблемы. Писемский не только искал решение многочисленных проблем в своих произведениях, но

также он хотел узнать истоки возникновения этих «невзгод». Его интересовали, в частности, причины при которых возникало недопонимание людей; к примеру, повесть «Тюфяк», в котором он изобразил недопонимание, ставшее причиной семейной драмы Бешметевых. Писемский указывал на то, что недопонимание, ссоры, даже измена жены мужу возникли из-за разных взглядов супругов; причиной конфликта у семейной пары, в частности, стала разница в воспитании. Так, к примеру, отец Юлии, когда выдавал ее замуж, не спросил у нее – за кого она хочет выйти; и на протесты дочери, он сказал ей, что «так принято». Юлия не хотела выходить замуж за человека, которого она не любит только потому, что «так принято».

Писемский мастерски изображает духовное падение Юлии, которая в итоге изменяет мужу. Бешметев, будучи стеснительным, но очень нежным в душе так и не осмеливается признаться жене в своих чувствах. Он всячески старается сохранить совместный с Юлией брак, но разочаровывается в жене. Трагичный финал, который ожидал читателя в повести «Тюфяк», в дальнейшем стал свойственным всему дальнейшему творчеству Писемского.

Сюжеты произведений 50-х годов А. Ф. Писемский берет из жизни среднего и мелкопоместного костромского дворянства. Подход Писемского отличается от творческих принципов И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова. Он является своеобразным «разрушителем» поэзии «дворянских гнезд»: ни настоящей любви, ни теплого семейного родства, ни возвышенной дружбы – одна только низменная проза жизни, будничной и неприглядной.

Писемский отказывается от поэтичного изображения действительности. Писатель переезжает в Петербург, где открывается новая глава его жизни. Принимает активное участие в литературных вечерах и получает признание со стороны критиков и от других авторов. Писемский поражал на этих встречах всех литераторов особенным складом своей личности.

В Петербурге у Писемского начинается насыщенная литературная жизнь: он знакомится со многими авторами и участвует в литературных вечерах; пишет новые произведения, которые приносят ему признание.

Но слава оказалась мимолетной, после публикации антиинигилистического романа «Взбаламученное море» писателя начинают публично порицать и отзываться о книге крайне нежелательно. Отрицательные отзывы, непонимание приводят к падению уверенности в себе, и Писемский перебирается в Москву. Долгое время он не может прийти в себя; затем писатель устраивается на работу, но работа была ему не в радость.

Подавленный и потерянный Писемский пишет сатирический роман «Мещане», который возвращает имя писателя в литературный мир. И. С. Тургенев и много других писателей признают, что роман удостоен признания, но подчеркивают, что чувствуется усталость автора. И. С. Тургенев писал по поводу этого романа: «Чтение „Мещан“ доставило мне много удовольствия... вы сохранили ту силу, жизненность и правдивость таланта, которые особенно свойственны вам и составляют вашу литературную физиономию. Виден мастер, хоть и несколько усталый, думая о котором все еще хочется повторить: „Вы, нынешние, нут-ка!“» [1, с. 760]. Отзыв Тургенева, Писемский не оставил без внимания и решил ответить: «...Я действительно устал писать, а еще более того – жить, тем более, что хоть, конечно, старость не радость для всех, но у меня она особенно уж нехороша и исполнена таких мрачных страданий, каких не желал бы я и злейшему врагу своему» [1, с. 385]. Социально-бытовой роман «Мещане» изображает падение людей в духовном плане. Здесь можно увидеть, как изменилась жизнь после реформы, после появления «нового общества». Духовное падение рассматривается на примере не одного человека, а всего человечества, а именно буржуазного общества, которое образовалось после реформы в России. Писемский не ставит в своем произведении глубоких философских и духовно-нравственных проблем и не пытается непременно решить их, как это делают Толстой, Достоевский или Герцен. Он просто показывает распространенный средний тип русского интеллигента, который стремится к сочетанию безупречной службы и личного успеха. В своих произведениях Писемский занимает нейтральную позицию. Он не оправдывает своих героев, также не пристраивает позицию одного из них, не сочувствует.

Для того, чтобы понять идейный замысел автора и его позицию надо рассматривать идею на уровне всего произведения. Потому чувства у Писемского выражаются не лирическими отступлениями, а смыслом целого произведения. Он мог остро чувствовать человеческую природу и с точностью это изображать, но в отличие от Достоевского, он не ищет оправданий человеческим поступкам, и не посвящает целое произведение им.

Герои Писемского имеют свои пороки, отличаются слабым характером. В его творчестве нет «положительно прекрасного человека». В романе «Мещане», мы видим духовное падение людей, которое влечет за собой потерю ценностей. Данный роман является отражением жизни России после реформы, но нельзя говорить, что такие люди существовали именно на Родине автора. Автору казалось, что «новое общество» это ошибка и не стоит ожидать победу над ними в скором времени, по его словам, людей «нового общества», можно встретить в любом месте, суть заключается в обесценивании человеческих чувств,

качества, самое главное обесценивание самой жизни и утрата общечеловеческих норм. Писатель показал, что будет, если человек будет заниматься не тем, в чем разбирается. Писемский очень тяжело перенес эти изменения в жизни, и именно поэтому изобразил эту ситуацию в своем романе «Мещане».

Последние годы жизни писателя были нелегкими, безрадостными. Отверженность от литературной жизни, смерть старшего сына и психическая болезнь младшего сына сделали его замкнутым, его здоровье ухудшилось.

А. Ф. Писемский скончался 21 января 1881 года. Он оставил за собой ценное наследие, которое стоит изучать и исследовать еще долгое время и применять при изучении литературы XIX века, в частности жанра сатиры, поскольку Писемский мастерски использовал этот жанр в своем творчестве. Нам представляется, что А. Ф. Писемский – это достойный внимания писатель-сатирик, творчество которого стоит изучать в школах, в лицах и колледжах, а также в вузах. Его произведения, ныне подзабытые, его творчество в целом достойно внимания и признания со стороны современных читателей и исследователей.

Литература

1. *Писемский А. Ф.* Письма. М.–Л., 1936. URL: https://imwerden.de/pdf/pisemsky_pisma_1936__ocr.pdf.

А. Ю. Кучинский

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Произведения Г. Л. Олди как «восточная симфония»: многообразие ориентальных образов

Аннотация. В статье рассматривается творчество «Г. Л. Олди» (Д. Громова и О. Ладыженского), связанные с образом Востока, восточной культурой. Исследуемые ориентальные мотивы являются доминирующими в их творчестве и составляют лучшую часть их произведений.

Ключевые слова: ориентальные мотивы; фантастиковедение; фэнтези; постмодернистская фантазмагория; художественный образ.

В начале 90-х годов XX века среди писателей-фантастов, создававших свои произведения на русском языке – как граждан Российской Федерации, так и представителей «русскоязычной литературы» из других стран СНГ – сложилась своеобразная мода на использование в качестве псевдонимов имен и фамилий из английского языка. Так,

под псевдонимом «Кристофер Макнамара» создавали произведения сразу два писателя – Глеб Киреев (Белоруссия) и Григорий Панченко (Украина); живущая в Санкт-Петербурге Елена Хаецкая работала под псевдонимом «Мэделайн Симонс»; под псевдонимом «Генри Престон» работал писатель Игорь Пресняков.

Интересно, что уже к так называемому «читательскому буму» 1996–1998 гг. большинство русскоязычных писателей, работавших под псевдонимом предпочли «деанонимизацию», начали работать под собственными именами. Исключение составили писатели, чье творчество в 90-е годы XX века приобрело невероятную популярность, а псевдоним стал в определенной степени «литературным брендом». В качестве примера можно привести литературное творчество писателя и художника Светланы Мартынчик, работавшей и продолжающей по сей день публиковаться под псевдонимом «Макс Фрай». Но наиболее известным в 90-е годы стало имя «английского аристократа» Генри Лайона Олди – под этим псевдонимом печатаются с 1992 года два русскоязычных писателя из Украины – Дмитрий Громов и Олег Ладыженский.

«Почему Олди? „Ол“ – Олег, „Ди“ – Дима. Кроме того, Олди звучало „по-иностранному“ <...> И еще соавторы опасались, что их длинные фамилии никто толком не запомнит. Вот и придумали Олди. <...> «Сейчас уже не помню, за каким чертом мы окрестили Олди „Генри Лайоном“, – посмеивается Олег Ладыженский. – То ли Генрих Лев – герцог, сражавшийся с Барбароссой, то ли еще почему... Долгое время играли с буквами своих имен и фамилий, прикидывая и так, и эдак. Взяли опорные согласные фамилий: „Г“, „Л“. В общем, пошутили, не подозревая, что это затянется и, похоже, останется навсегда» [1, с. 26].

Писательские дуэты – достаточно распространенное явление в истории русской фантастической прозы второй половины XX века и начала века XXI-го. Достаточно вспомнить имена братьев Аркадия и Бориса Стругацких, Евгения Войсунского и Исаея Лукодянова, Юрия Брайдера и Николая Чадовича. Но только с совместным творчеством братьев Стругацких – по продолжительности и по продуктивности – можно сравнить более чем тридцатилетнее совместное творчество Дмитрия Громова и Олега Ладыженского – «Олдей», как их продолжают называть от литературного фестиваля «Аэлита-1994» (на котором, собственно, состоялась «деанонимизация») и по сей день в среде фантастиковедов.

Следует отметить, что среди более чем пятидесяти романов и двадцати сборников рассказов и повестей, созданных «Г. Л. Олди» (Д. Громовым и О. Ладыженским) более 30 крупных произведений так или иначе связаны с образом Востока, восточной культурой. Нам представляется, что произведения писателей, навеянные восточными

образами и пронизанные ориентальными мотивами являются доминирующими в их творчестве, составляют лучшую часть их произведений. Можно утверждать, что «ориентальные» произведения Громова и Ладыженского выгодно отличаются от произведений ряда других современных русскоязычных писателей, создающих свои произведения на «псевдовосточном» материале, либо помещающих своих героев в «восточный сеттинг». С одной стороны, интерес к восточной культуре у Громова и Ладыженского может быть отчасти объяснен интересом к восточным единоборствам (оба писателя являются членами Международной ассоциации национальных объединений контактного каратедо); с другой стороны их объединяет интерес к традиционному восточному (прежде всего – японскому) театру. Будущие соавторы познакомились во время работы в знаменитом театре-студии «Пеликан» (г. Харьков), где выпускник института культуры, Олег Ладыженский был главным режиссером, а инженер-химик, кандидат химических наук Дмитрий Громов вышел на сцену в качестве актера. Также Громов и Ладыженский неплохо знакомы с восточной поэзией и нередко включают образы произведений конкретных поэтов – арабских, японских, китайских – в свои произведения.

Нам представляется, что все «ориентальные» произведения Дмитрия Громова и Олега Ладыженского условно можно разделить на следующие группы: 1) произведения, в которых создан образ условного, «экзотического» «Востока», без отсылки к определенной восточной культуре и конкретному историческому периоду; 2) произведения, в которых Громов и Ладыженский опираются на образы древней Индии, средневекового Китая и средневековой Японии; 3) произведения, созданные на основе мифологии малых народов Востока.

Можно утверждать, что образ условного, «экзотического» Востока появляется в одном из самых известных произведений Г. Л. Олди (то есть Д. Громова и О. Ладыженского) – повести «Страх» из раннего сборника «Книга небытия» (1995). Образ некоего величественного восточного Города, расположенного вне времени и пространства – отсылка к образам великих городов средневекового Востока и северной Африки – прежде всего к Каиру. Однако особый смысл образ фантастического восточного мегаполиса обретает в так называемом «Кабирском цикле» Г. Л. Олди (1994–1998).

Ряд исследователей [3, с. 28; 4] считают «Кабирский цикл», или иначе «Кабирскую трилогию» («Путь меча», «Я возьму сам», «Дайте им умереть») одним из лучших, вершинных произведений Громова и Ладыженского. Авторская мифология цикла опирается на творчество арабского поэта X века Абу-т-Тайиба Ахмада ибн аль-Хусейна аль-Мутанабби; центром «авторской вселенной» – вымышленный город

Кабир (прототипами которого становятся средневековые Кабул, Самарканд и Каир). Действие частей трилогии существенно «разнесено» в истории и мы видим Кабир и как небольшой городок, которому суждено стать столицей будущей великой империи («Я возьму сам»); и как процветающий торговый город, перекресток торговых путей периода позднего Средневековья («Путь меча»); и как современный город, мегаполис конца XX века («Дайте им умереть»).

Образы древней Индии появляются в романе-трилогии «Чёрный Баламут» («Гроза в Безначалье», «Сеть для миродержцев», «Иди куда хочешь») (1997–1998); роман опирается на образы индуистских эпосов «Рамаяна» и «Махабхарата», но является также своеобразным «оммажем» (почтительным упоминанием, данью уважения) роману Р. Зелязны «Князь света» (1967). Роман был с восторгом принят читателями, но критики разошлись в оценках произведения [5]. Принято считать, что роман-трилогия начинает особую, «постмодернистскую» линию в творчестве писателей.

Современные исследователи рассматривают Громова и Ладыженского прежде всего, как авторов фэнтези, постмодернистской фантазмагии, даже литературной сказки – направлений фантастической прозы, относимых к фантастике ненаучной. Поэтому появление в 2006 году первого тома романа «Кукольник» – первого тома масштабного романа-«космической оперы» «Ойкумена» – стало сенсацией. Роман строго соответствует традициям sciencefiction, и создает образ далекого, в значительной степени «антиутопичного» будущего человечества, расселившегося по разным планетам. Неожиданно в этом многотомном романе (а в 2019 году была завершена пятая трилогия книга романа-эпопеи) вновь возникают образы индуистской мифологии: в романе описана, в частности, цивилизация «брамайнов» – потомков жителей Индии, в жизни которых высокие технологии соседствуют с кастовой системой и глубокой верой в богов индуистского пантеона.

Также, как и первая часть «Кабирского цикла», роман «Путь меча» (1994»), роман Г. Л. Олди «Мессия очищает диск» (1996) называют этапным для творчества писателей [2]. Опираясь на китайскую мифологию, Громов и Ладыженский создают в романе достоверный образ Поднебесной империи XV века. Роман был задуман как «исторический детектив» с элементами фэнтези; образ одного из главных героев романа, судьи Бао, имеет много общего с образом судьи Ди из цикла детективов Р. Ван Гулика. Но в процессе работы замысел сильно изменился, роман стал глубже, философичнее.

К образам средневековой Японии Д. Громов и О. Ладыженский впервые обратились в романе «Нопэрапон, или По образу и подобию»

(1998). С одной стороны, роман стал своеобразным гимном театру, актерской профессии; с другой стороны, авторы с удовольствием вывели на страницы романа образы «ёкаев» – разнообразной японской нечисти. Несколько иначе образ средневековой Японии – замкнутого мира, в котором действуют законы кармического воздаяния за грехи – раскрыт в романе-дилогии «Карп и дракон» («Карп и дракон. Книга 1. Повести о карме», «Карп и дракон. Книга 2. Рассказы ночной стражи») (2019–2020).

Говоря о произведениях Г. Л. Олди, опирающихся на мифы и легенды народов Востока, следует также отметить роман-дилогию «Сильные» («Пленник железной горы», «Черное сердце») (2016–2017), основанную на якутском эпосе-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Это произведение представляет собой достаточно редкую разновидность современной русской фантастической прозы – «технофэнтези», то есть произведение, в котором предпринимается попытка раскрыть образы мифологии с точки зрения современной науки.

Подводя итоги, можно сказать, что в творчестве Дмитрия Громова и Олега Ладыженского («Г. Л. Олди») ориентальные мотивы современной фантастической прозы получили максимально широкое отражение. На примере творчества писателей можно, с одной стороны, проследить эволюцию образа Востока в современной русскоязычной прозе. С другой стороны, на примере творчества Г. Л. Олди можно сделать вывод об углубленном внимании современных писателей к образам древнего Востока, восточной мифологии.

Литература

1. *Андреева Ю. И.* Триумvirат. Творческие биографии писателей-фантастов Генри Лайон Олди, Андрея Валентинова, Марины и Сергея Дяченко. – СПб.–Красноярск: Изд-во А. Буровского, 2013.

2. *Дворак М. А.* Концептуальное сходство постмодернизма и научной фантастики на примере романа Г. Л. Олди «Мессия очищает диск» // Вопросы русской литературы. 2014. № 30 (87).

3. *Дворак М. А.* Специфика художественного мира, конфликта и жанра в современной российской фантастике (на примере произведений Г. Л. Олди): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

4. *Лобин А. М.* Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. Ульяновск: УлГТУ, 2008.

5. *Мазова Н.* Генри Лайон Олди. «Черный Баламут». Фантасты и книги // Уральский следопыт. 1999. № 6.

С. Э. Камилова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Жанровая трансформация современного русского и узбекского рассказа

А н н о т а ц и я . В данной статье сделан анализ изменения жанровой картины современного рассказа на примере узбекских и русских рассказов конца XX – начала XXI вв. Утверждается, что в силу своей гибкости и мобильности современный рассказ в наибольшей степени восприимчив к трансформациям на уровне формы, допуская пограничные жанровые образования. Процесс активной модификации рассказа происходит при синтезировании признаков эпических жанров, как малых, так и больших.

К л ю ч е в ы е с л о в а : современный рассказ; жанр; трансформация; роман; романские признаки.

В переломные моменты истории, как правило, происходят жанровые мутации. Достаточно вспомнить историю развития жанров в русской и узбекской литературе рубежа XIX–XX вв. [13]. Очевидно, что характер изменения жанровой системы зависит от внешних и внутренних факторов. К первым можно отнести специфику эпохи, эстетические и культурные традиции народа, особенности бытийного сознания. Внутренние факторы обусловлены художественным методом, эстетической концепцией, характером мировидения художника, устремленно к обновлению форм для выражения нового содержания.

В предшествующих наших исследованиях мы утверждали означенности категории автора в развитии жанра современного рассказа» [1]. Исследователь М. Звягина в этой связи говорит об «усилении «власти» автора над жанром, смещении доминанты в тандеме «жанр-автор» в сторону автора». «Авторская воля порождает разного рода сдвиги, изменения устоявшихся жанровых моделей, в процессе которых возникают новые жанровые или внутривидовые образования» [3, с. 5].

Другой ученый Т. Маркова отмечает, что в современной прозе «движение жанра осуществляется преимущественно в двух направлениях: к расширению границ, скрещиванию с другими, это путь гибридизации, или к сужению семантического поля, редукции, это путь минимализации» [8, с. 220, 119].

В рамках данной статьи рассмотрим, как современный рассказ преломляет характерные признаки романа. Оговоримся, что рассказ и роман имеют ряд общих особенностей с точки зрения содержания. Так, рассказ в принципе обладает «романной тематической широтой, восходящей к традициям жизнеописания и позволяющей сделать

предметом художественного внимания практически любую сторону индивидуальной человеческой жизни» [12, с. 73]. В нашем случае, говоря о романских признаках, преломленных в текстовом поле рассказа, мы имеем в виду те формообразующие доминантные признаки романа, которые не характерны для жанра рассказа, демонстрирующего противоречие, иными словами, концентрирующего, обнажающего и сталкивающего противоположные начала в «одном мгновении» [2, с. 50].

Уже в 60–80-е годы XX века при господстве крупных жанровых форм на литературной арене того времени проявляется тенденция, связанная с усилением лирического начала в рассказе, углублением психологизма и «романизацией малой прозы» [4]. В современных рассказах движение по пути гибридизации наблюдается при совмещении свойств романного мышления, «не в количественном, а в качественном отношении» [5, с. 233]. Процесс трансформации рассказа происходит на таких уровнях структуры жанра, как сюжет, способ охвата материала, способ выражения и композиционный принцип завершения. Это проявляется в своеобразной технике сжатия, когда современные писатели в ограниченном текстовом поле рассказа компрессируют несколько сюжетных линий, выводя их в дробных, мозаичных и точечных матрицах бытия.

Например, в рассказах «Святочный рассказ № 2» Д. Галковского, «Верховский и сын» Л. Костюкова, «Пролетный гусь» В. Астафьева, «Воробей» А. Иличевского, «В паровозные годы» А. Эппеля, «Лепешка» М. Али, «Шиповник» У. Хамдама и др. в небольшой объем включена история целой эпохи, используются несколько сюжетов и сюжетных ходов, большое количество действующих лиц, имеют место замедленность экспозиции, ее рассеянность по всему тексту, обстоятельное изложение частных. Так, в качестве зачина в рассказе «Святочный рассказ № 2» Д. Галковского дается поименный список учащихся Энской гимназии с указанием статусных признаков; последовательность сюжета представляет собой «пазловую» форму. В «Верховском и сыне» Л. Костюкова дана полная история жизни трех Верховских – отца, сына и внука, где каждая история (со своей системой персонажей) перенасыщена описанием частных. В рассказе У. Хамдама «Шиповник» наблюдается трехуровневая сетчатая структура, проявляющаяся в повторении ритма, героев и сюжета.

Огромное количество информации, ее избыточность причудливым образом соединяются с афористичностью и лаконизмом авторского слова. Например, В. Астафьев («Пролетный гусь») всего в нескольких предложениях пересказывает биографию героев: *«Солдатики-то – братики по домам едут, а Даниле, в сущности, и ехать-то некуда. Он рос в семье ссыльного дяди, который, по сообщению его жены Дарьи*

Фоминичны, погиб на войне, ребятишек, а их накопилось куча, пришлось горемычной женщине сдавать в детдом, сама же она, видать, тоже сгинула в военной коловерти или переехала куда. Сколько ей ни писал Данила, ответа не было».

Тот же прием использует М. Али («Лепешка»): *«Жаннатой немало повидала на своем веку. Ее муж, известный пекарь Мирзаахмадака, был оклеветан и расстрелян как «враг народа» в тридцать седьмом году. Несмотря на это, незадолго до войны она сумела достойно выдать замуж обеих дочерей, одну за другой. Обе, Слава Богу, попали в хорошие руки. В год перед самой войной Жаннатой женила своего единственного ненаглядного сына Турсунбойжона...»* [10, с. 33].

Сосредоточенность «на судьбе отдельной личности в процессе ее становления и развития» [6, с. 329–330] характерна для ряда современных русских и узбекских рассказов, обозначенных в критике как «рассказ-судьба» (Л. Костюков «Верховский и сын», В. Астафьев «Пролетный гусь», А. Эппель «В паровозные годы», Д. Притула «Счастливый день», А. Мамедов «Бекар», У. Хамдам «Шиповник», М. Али «Лепешка», З. Куролбойкизи «Призрак» и др.). Судьба героя дается здесь сквозь призму истории XX века или явлений недавнего прошлого, при максимальной сгущенности событий, переданных с минимальной краткостью. Писателей интересует маленький человек, поиск его собственной истины, душевные страдания и боль. Авторы прибегают к конспективности, обрывистым минимальным комментариям, к сказово-отстраненной манере письма, междометным обращениям к читателю.

Так, в рассказе Д. Притулы «Счастливый день» [9] телеграфным слогом излагаются перипетии судьбы Ларисы Григорьевны: развод, вечное безденежье, изнуряющая работа с подработками, смерть дочери, рождение внучки, гипертонические кризы, вынужденная «продажа» внучки в Америку. Из отрывочных емких деталей можно сложить время – это эпоха 90-х: *«цены постоянно прыгают», «Лариса Григорьевна была бухгалтером в частном магазине», «...у ближайшей подруги вернулся из Чечни жених... целехонький, и даже с медалью»* и др. События в судьбе героини как бы нанизаны на один стержень. И этим стержнем является сила духа героини. Она просто живет и сквозь плену бед и болезни изумляется: *«Ну как все-таки жизнь прекрасна!»*. Интерес писателя направлен на «диалектику души», где «глубинные мотивы и первозданные частности делали личность представительницей не какой-либо среды, а всего общества» [7, с. 331].

В рассказе «В паровозные годы» А. Эппеля [14] авторское внимание сосредоточено «на многостороннем изображении общества, обстоятельно мотивирующего эволюцию главного героя» [7, с. 330] с использованием авторских отступлений, эпитетов, сравнений и метафор.

Так, при описании паровоза писатель использует двойную дескрипцию: внешнее описание паровоза как символа великой идеи, которая дает человеку свободу (неслучайна метафора: «...он со свистом выпустил в бока сановные бакенбарды пара и сразу стал похож на Тургенева») и описание внутреннего убранства поезда уподобленное советской жизни (он «цельнометаллический», как мощь державы; «общий вагон напоминает лагерный барак», как намек на репрессии и лагеря; «...грязные пятки, нечистые ступни пассажиров ВЕРХНЕЙ полки», как нечистоплотность «верхушки»). Красноречив и образ проводника, который и не думает соскребать грязь с пола, разносит чай в грязных стаканах и «поднимает (а при отправке опускает) тяжелую, как старая тракторная мясорубка, железину»). Вагоны сравниваются с лагерьными бараками, или с рабочим домом «на старых фотографиях». Так кратко и вместе с тем объемно представлена страна, где паровозная искра становится началом трагедии главной героини, символизирующей трагедию России.

В зависимости от художественных задач авторов в рассказах судьбы по-разному транскрибированы основы личности: или позволяющие выстоять, несмотря ни на что (Лариса Григорьевна – «Счастливые дни» Д. Притулы, Дмитрий и Мариуш – «Верховский и сын» Л. Костюкова, Акулина – «Воробей» А. Иличевского, Жаннатой – «Лепешка» М. Али, Морики – «Где ты, Морики?» А. Якубова), или обрекающие на гибель мучеников, или жертвы (супруги Солодниковы – «Пролетный гусь» В. Астафьева, главная героиня – «В паровозные годы» А. Эппеля, Иван – «Воробей» А. Иличевского, Эгамберди Жакипов – «Мороженое» А. Якубова, математик – «Пуанкаре» А. Юлдашева и др.).

Таким образом, расширяя границы рассказа за счет романских признаков, которые объемно сворачиваются, стенографируются, редуцируются, авторы, с одной стороны, переосмысливают классическую жанровую структуру, а с другой – излагают собственное прочтение судьбы человека, причем авторские рассуждения принципиально не доведены до конца, как своеобразный посыл в вечность. При этом рассказ продолжает оставаться рассказом, обретая новые признаки. Использование значимых признаков романа (в формальном плане, которые привели к расширению и содержания) позволяет авторам в хаотическом, часто абсурдном, не поддающемся стройной систематизации мире фиксировать под новым углом зрения то, что писатели считают источником подлинности бытия. Иными словами, как справедливо утверждает С. Тимина, «автор выбирает из исторически сложившегося жанрового спектра формы, которые наиболее адекватно отражают его

концепцию, или моделирует собственные жанры на основе традиционных жанровых канонов» [11, с. 14].

Именно рассказ как рациональный микрофрагмент бытия позволяет, в силу своей пластичности и способности откликаться на актуальные проблемы современной реальности, экспериментировать со временем и пространством, а также проникать в сокровенные уголки человеческой души. Интересен рассказ-антиутопия конца XX – начала XXI века, одной из его главных функций является прогностическая, направленная на предварительное выявление определенных негативных тенденций в современном обществе.

Литература

1. Kamilova S. E., Arustamyan Y. Y. Original Projections of Author's "Self" in Modern Russian and Uzbek Short Story // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2020. № 13 (12).
2. Андреев А. Н. Целостный анализ литературного произведения. Минск: НМЦентр, 1995.
3. Звягина М. Ю. Жанровые трансформации в русской прозе второй половины XX – начала XXI вв.: монография. М.: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2015.
4. Золотусский И. Познание настоящего // Вопросы литературы. 1975. № 10.
5. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010..
6. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева). М.: Сов. энциклопедия, 1987.
8. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003.
9. Притула Д. Счастливый день // Нева. 2003. № 9.
10. Река души моей. Сборник современных узбекских рассказов. Ташкент, 2014.
11. Современная русская литература (1990-е – начало XXI века) / под ред. С. И. Тиминой. М.: Академия, 2005.
12. Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тamarченко. М.: Академия, 2011.
13. Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
14. Эппель Э. В паровозные годы // Знамя. 2002. № 10.

Е. М. Каминская

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Мифологический код в структуре ранней прозы Ф. Достоевского

А н н о т а ц и я . Объектом исследования в настоящем исследовании стали вопросы интерпретации ранней прозы Ф. М. Достоевского. В качестве предмета исследования был выбран мифологический код, образующий разветвленную систему связей и способствующий моделированию ситуации интерпретационной игры-лабиринта. Являясь наследником пушкинской и гоголевской традиций в изображении «маленького человека», Ф.М. Достоевский разрабатывает тип героя со «слабым сердцем» («Слабое сердце»), особенности и развитие которого определяются мифологическим кодом, «мерцающим» в структуре повествования и создающим игровой эффект.

К л ю ч е в ы е с л о в а : жанр повести, литературный тип «маленький человек», литературная традиция, текст и контекст, литературный код, кодирование, герметизм, интерпретация, многоплановая семантика, игровой эффект, лабиринтное сознание.

В ранних повестях Ф. М. Достоевского много новаторского. Но, вместе с тем, ощущается настоятельная потребность писателя в опоре на уже сложившиеся литературные каноны. Одна из линий наследования – тема «маленького человека», для которой Ф. М. Достоевский находит новое обозначение – «слабое сердце», изображая физически слабого и душевно неустойчивого человека. Трагическое разрешение внутреннего и внешнего конфликта в повестях Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского – самоубийство художника Пискарева и сумасшествие маленького чиновника Шумкова. В решении образа главного героя Ф. М. Достоевский идет дальше Н. В. Гоголя. После описания смерти Пискарева следует рассказ о том, как его друг Пирогов устраивает гротескно-марионеточную игру с преследованием и завоеванием сердца дамы. Две повествовательные линии – одна зеркально отражается в другой. История с преследованием, относящаяся к Пирогову, намеренно дискредитирует смерть художника Пискарева и ее глубокий философский смысл.

Для Ф. М. Достоевского трагическая история Шумкова лишь начало основной повествовательной линии. Вся повесть, включая душевную болезнь Шумкова, представляющего себя в образе солдата, не трагический конец «маленького человека», а тайный знак к началу новой, более серьезной повествовательной линии «человека со «слабым сердцем». Поскольку повести писались до ссылки писателя, в них

нашли отражение отдельные биографические факты, связанные с кружком Петрашевского. О тайном знаке и заговоре говорит и момент передачи Шумковым бумажки с локоном возлюбленной своему другу Нефедевичу. При передаче бумажки душевно больной, но не потерявший памяти и здравого смысла Шумков, обещает вернуться. Безлезное состояние важный этап в трансформации героя, пройдя через который, он будет носителем новых качеств и новых идей.

В финале повести Н. В. Гоголя обнажается истинное лицо Невского проспекта, Петербурга и России. Свет фонаря выхватывает из темноты лицо дьявола, зажигающего лампы. Благодаря дьявольскому вмешательству ночь превращается в день, город охвачен громом и блеском. Это пространство света и тени, лжи и обмана, грозящее смертью таким, как Пискарев. Сам автор-повествователь спешит укрыться от дьявольской вакханалии и остаться неузнанным, «закутавшись покрепче плащом своим». Дышащее обманом чудовище с ловушкой-фонарем захватывает неосторожно ступивших в круг этого света путников. Если в финале гоголевской повести звучит предостережение, то у Ф. М. Достоевского, благодаря постоянной идее Шумкова о военной службе, ставшей лейтмотивом и призывом к борьбе и предстоящей битве, появляется возможность для новой трактовки темы «маленького человека», так как в «человеке со «слабым» сердцем» есть огонь страданий и желание достичь всеобщего счастья. В повести Н. В. Гоголя этот аспект должен был быть восполнен творческим даром Пискарева, силой его живописного таланта. Талант Шумкова – в «слабом» сердце, которое похоже на слабое мерцание свечи, напоминающее о неугасимом нравственном источнике, добром и чистом начале жизни.

Внешняя и внутренняя хрупкость «маленького человека» дополняют его талант «слабого сердца», основанный на идее всеобщей любви и счастья. В отличие от гоголевского Пискарева, Шумков обладает «внутренним зрением», интуитивно чувствуя разлитое в мире зло. Это чувство становится тем сильнее, чем больше вокруг Шумкова добрых и отзывчивых людей. На протяжении всей повести отношения между Шумковым и Нефедевичем были отеческими и братскими. Чувство ответственности за Шумкова в финале повести перерастает в нечто большее – Нефедевич становится преемником «слабого сердца». Глядя на зимний пейзаж Невы и Петербурга, герой понимает весь масштаб трагедии и всю силу химерического существа, которое дремлет под льдом и несет гибель маленькому человеку. Обратим внимание на то, что в мифе о Химере важное место занимает не только «тераморфное существо с тремя головами: льва, козы и змеи... спереди льва, в середине – козье, сзади – змеи» [6, с. 591], изрыгающее пламя, но и образ Беллерифонта. Выполняя волю ликийского царя Иобата, Беллерифонт

поднимается на крылатом Пегасе и побеждает Химеру. Судьба победителя полна противоречий, взлетов и падений, что также можно рассматривать, как возможный план для последующего развития событий в повести. В событиях жизни Беллерофонта скрыты мотивы братоубийства, подчинения воле богов, смелых подвигов, удачи и трагических потерь в конце жизни.

Миф о Химере, используемый Ф. М. Достоевским, посредством системы многократного кодирования просецируется и на миф о Георгии Победоносце-змееборце, нашедшим воплощение в фигуре медного всадника на вздыбленном коне и воплощенным в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник». В этой борьбе человека и стихии в лице древнейших мифологических трехликих созданий прочитывается идея замены на христианскую Троицу – единого бога, сущность которого едина, но бытие которого есть личностное отношение трех ипостасей: «Различие между триадами язычества и Троицей христианства – это различие между взаимопереходом стихий и взаимоотражением личностей, между двойничеством и диалогом (именно диалог, тихая беседа без слов до конца раскрытых друг другу в жертвенной самоотдаче собеседников – тема «Троицы» Андрея Рублева)» [6, с. 550]. К христианскому коду приближен и «маленький человек со «слабым» сердцем» Шумков в повести Ф. М. Достоевского. Динамика образа определяется спецификой мифологического дискурса и может быть определена формулой А. Ф. Лосева «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [4, с. 168-169].

Подводя итоги отметим, что в решении темы «маленького человека» важен учет уже существующей традиции («Медный всадник» А. С. Пушкин, «Невский проспект» Н. В. Гоголь), а также специфика повествования, раскрывающаяся с учетом лабиринтного принципа расслоения мифологического кода. Лабиринтное сознание героя как «человека со «слабым» сердцем» развивается в соответствии с расходящимися и сходящимися мифологическими линиями (Миф о Беллерофонте, убивающим химеру; Миф о Георгии, убивающим змея, Миф о Петербурге и памятнике Петру I, Христианский миф о троичной сущности бога, Миф о Троице Андрея Рублева). В результате проведенного анализа было установлено, что многоплановость мифологической структуры повести обусловила многоплановость семантики образа «человека со «слабым» сердцем», представляющего собой новаторский тип в прозе Ф. М. Достоевского.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 14 т. М.–Л., 1937–1952.

3. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. Л., 1988–1996.
4. *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1999.
5. *Мелетинский М. Е.* Поэтика мифа. М., 1976.
6. *Мифологический словарь* / под ред. М. Е. Мелетинского. М., 1991.

А. С. Лиходзиевский

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Традиционные комические фигуры в американском сатирическом романе XX века

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются традиционные комические фигуры в литературе США, в частности, тип делового янки-коробейника.

К л ю ч е в ы е с л о в а : фольклор; общеамериканские характеры; заимствования.

В плане «функционального» использования фольклора особенно интересным представляется переработка в американском сатирическом романе традиционных комических фигур, типичных персонажей американского юмора, в которых видят воплощение национального характера. Классическое исследование в этой области – монография известного специалиста по американскому фольклору Констанс Рорк «Американский юмор. Исследование национального характера»(1931). В этой работе в деталях определены характерные черты комических фигур, типичных для американского юмора: янки-коробейника (yankee-peddler), переселенца в лесную глушь (жителя фронтира – backwoodsman), негра-менестреля (negro-minstrel). Убедительно показано, как эти фигуры постепенно сближаются, обмениваются отдельными чертами, намечая тенденцию к созданию общеамериканских характеров. Возникшие в отдельных местностях, эти типы становятся достоянием американской культуры в целом [1].

Еще К. Рорк считала, что такие характеры в современную эпохустановится все труднее распознать, но отдельные, типично фольклорные черты обнаружить все-таки можно. Эти характерные фигуры изменяются со временем, принимают черты новой эпохи, но традиция все-равно сохраняется. В американской сатире XX века они встречаются достаточно часто.

Яркий тому пример – образ Милоу Миндербиндера в «Уловке-22» (Catch-22, 1961) Джозефа Хеллера, представляющий собой своеобразный тип современного янки-коробейника, обрисованный в явных сатирических тонах. В нем писатель высмеивает стремление к обогащению,

спекуляцию, безнравственность и беспринципность среди американской военщины. Но есть в этом образе и нечто другое, связанное с давней традицией. В некотором отношении сам автор увлечен похождениями своего персонажа. Есть в этом образе определенная доля любования деловыми талантами Милоу. В этом заключается особенность традиционного типа янки-коробейника. Писатели, которые внесли свой вклад в разработку данного типа, могли представить его в резко сатирическом ракурсе, персонаж мог быть подан как резко отрицательный, но всегда сохранялась это любование находчивостью героя и его деловитостью. Достаточно вспомнить твеновского Тома Сойера, выгодно продавшего собственное наказание – покраску огромного забора. Другой герой Марка Твена, оказавшись в VI веке («Янки из Коннектикута при дворе короля Артура») быстро приспосабливается к остановке и благодаря своим знаниям и энергичности цивилизует отсталое средневековое королевство. Твен высмеивал в характере янки чрезмерный практицизм, стремление к бизнесу (он заставляет странствующих рыцарей рекламировать мыло), но в целом этот герой был автору симпатичен, тем более, что Твен противопоставлял современного прогрессивного человека невежественным феодалам.

По сравнению с героем Твена Милоу у Хеллера личность гораздо более неприятная. Он не несет в себе ничего нового, передового. Весь смысл его жизни заключается в «деловых операциях» созданного им подпольного синдиката, охватившего всю американскую армию. У Милоу отсутствуют какие-нибудь положительные идеалы, кроме бизнеса. Для него характерны полное безразличие к истории, своей родине, товарищам. Главные черты Милоу – жадность и коррупция, показанные в преувеличенном, гротескном виде.

Начав свою коммерческую деятельность с продажи ящика апельсинов и кусков простыни, Милоу доходит до крупномасштабных межконтинентальных операций. Он может продать что угодно и кому угодно. В его распоряжении эскадрилья самолетов и колонна танков, перевозящие его товары. Он запросто возит горошек, краковскую колбасу, виски через линию фронта к радости обеих воюющих сторон. Саму войну он мечтает поставить на «деловую основу». Польза, которую он приносит своими поставками, вызывает к нему всеобщее обожание. Он становится Калифом Багдада, имамом Дамаска, арабским шейхом. «Милоу был богом урожая и богом дождя в глухих отсталых уголках, где невежественные суеверные люди еще поклонялись столь жестоким богам. А в дебрях африканских джунглей, сообщил им Милоу с присущей ему скромностью, можно было обнаружить даже каменных идолов с уатым ликом, возвышавшихся над примитивным каменным алтарем, красным от человеческой крови» [2]. Продолжая

свой бизнес, беспринципный Милоу закономерно приходит к сделке с немцами (для него они не враги, члены его подпольного синдиката) и бомбит собственную часть.

Подобный тип делового янки-коробейника встречается в современной американской сатире достаточно часто. Это самая распространенная из традиционных комических фигур в литературе США. Что касается «жителя лесной глуши», то с исчезновением фронта этот тип появляется в американской литературе все реже. Однако, он дожил до наших дней, иронически переосмысляемый сатириками XX века.

Юморист и сатирик Макс Шулман, изображая в своем романе «Нашел ли кто-нибудь пару?» (*Anyone Got a Match?*, 1974) старого бизнесмена Джефферсона Татума, для полной характеристики этого персонажа показывает его как «парня из лесной глуши сомнительной династии». Несмотря на свой преклонный возраст, Татум сохраняет привычки жит елей фронта, к потомкам которых, естественно, относит и себя. Он регулярно выходит на медведя, подстерегая его возле берлоги, и в этом он смешон из-за своих непомерных амбиций, терпит ожидаемую неудачу, описанную в духе фольклорного анекдота (медведь, увидев весенний снег, решил не покидать берлогу). Неудача героя становится символом всей его жизни, цель которой – бизнес и ревностное соблюдение всех старых традиций. Фольклорный элемент несомненно служит здесь сатирическим целям [4].

Заемствования из фольклорного юмора у американских сатириков часто сочетаются с традициями книжной просветительской сатиры, которой следовали все крупнейшие американские сатирики. Уже в первой половине XIX века национальной особенностью американской сатиры становится сочетание традиционного остроумия ученого-повествователя эпохи Просвещения и традиционных приемов американского фольклора. Это верно подмечено авторами «Литературной истории США». Такого рода сочетания создавали специфические американские образы. Так в американской литературе возникла комическая фигура «доморощенного философа» (*crackerbox philosopher*). Его создателем обычно считают Себу Смита, автора знаменитых «Записок Даунинга» (1833, 1847). «Доморощенный философ» обрел огромную популярность у писателей и читателей. Этот литературный тип разрабатывали Томас Халибертон, Джеймс Лоуэлл, Артемус Уорд, Марк Твен и многие другие.

«Доморощенный философ» – это воплощение народной мудрости. Прекрасно зная национальные традиции, он в остроумной форме дает поучения и назидания. В его речи постоянно присутствует элемент фольклора – пословицы, поговорки. Часто приводятся поучительные истории в духе фольклорных анекдотов. И все это сочетается с создан-

ными автором парадоксами, остроумными афоризмами. Эта традиция прослеживается в американской сатирическом романе XX века.

В качестве примера можно привести роман Генри Майерса «Победитель в III Мировой войне» (The Winner of World War III, 1966). Повествователем в нем является таракан Крошка Блэтти, который выступает как толкователь событий, мудрый обличитель человеческой глупости. Он остроумно рассуждает о жизни людей, показывает их моральную деградацию, противоречащую естественным законам природы. В своих комических рассуждениях Крошка Блэтти пародирует Библию и религиозные проповеди. И хотя некоторые выводы «доморощенного философа»-таракана относятся ко всему человечеству(они забавно юмористичны), в целом ощущается(а иногда об этом говорится прямо), что Крошка Блэтти обличает именно американское общество [5].

Итак, наличие традиций американского фольклорного юмора в современном американском сатирическом романе очевидно. Фольклорный элемент составляет одну из самых примечательных сторон художественного своеобразия американской сатирической прозы. Думается, эта традиция будет оставаться жизненной. Буйная комическая образность, традиционные американские комические фигуры будут привлекать внимание американских сатириков, поскольку открывают огромные возможности для сатирического обличения. Поэтому американские сатирики несомненно будут этим традициям.

Литература

1. *Rourke C.* American Humor. A study of the National Character. N.Y.: A Doubleday Anchor Book, 1955.
2. *Хеллер Д.* Уловка-22. URL: royalllib.ru.
3. *Литературная история США.* Т. 2. М.: Прогресс, 1977.
4. *Shulman M.* Anyone Got a Match? N.Y.: Harper & Row Publishers, 1974.
5. *Myers H.* The Winner of World War III. Berlin: Seven Seas Publisers, 1966.

Н. М. Локтева

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Роман «Женский портрет» Г. Джеймса: к вопросу раскрытия психологии характера

Аннотация. В статье определяются особенности жанра американской семейной хроники XIX в. в творчестве Г. Джеймса. Основное содержание исследования составляет анализ романа «Женский портрет» Г. Джеймса.

Ключевые слова: семья; семейные отношения; поколение; семейная хроника; истоки; эпическое произведение; характерные черты.

«Женский портрет» («The Portrait of a Lady», 1881) Генри Джеймса отмечен почти единодушным и на протяжении столетия неизменным признанием широкого читателя и критики. Историки литературы, за редкими исключениями [1] отводят этой книге первостепенное место не только в творчестве самого писателя, но также в развитии американской [2] и, более того, всей англоязычной литературы.

Сам писатель любил свой роман, называл его большим, грандиозным и даже выражал надежду на то, что роман его обессмертит. Писатель определял тему романа как историю молодой женщины, бросающей вызов судьбе. Как уже отмечалось, Джеймс, может быть одним из первых в литературе США, показал себя как мастер изображения женской психологии.

В романе «Женский портрет» Джеймс продолжил тему повести «Дейзи Миллер», исследуя американский характер в его женском варианте. Прототипом главной героини романа и повести «Дейзи Миллер» послужила кузина писателя Мэри Темпл, которая была постоянным гостем в семье Джеймсов в пору детства и юности. Полагают, что она была единственной любовью Г. Джеймса.

Главная героиня — это центр произведения: к нему сходятся все нити, все сюжетные линии. Романист создает портрет Изабеллы Арчер, выявляя разные грани ее характера, который раскрывается во взаимоотношениях с другими персонажами. Конечно, это роман о женской судьбе, этому посвящено несметное число произведений. Удел молодой девушки, как это обычно показывалось, — замужество, удачное или, напротив, неудачное. При этом героиня нередко играла пассивную роль: выбирала не она, выбирали ее. Она полагалась на волю случая, дарящего ей избранника. В романах «викторианского» типа, в произведениях в духе «традиции утонченности» финалом повествования становился звон свадебных колоколов. О том, что происходило

после брака, умалчивалось. Адюльтер в духе Бальзака, Флобера или Мопассана у англоязычных авторов считался предосудительным. До романов Драйзера, вызвавших протесты ханжей, оставалось еще несколько десятилетий.

В романе «Женский портрет» Джеймс предложил новую, нетрадиционную концепцию женского характера, а это определило психологические перипетии произведения. Изабелла умна, пытлива, вольнолюбива, исполнена «неутомимой жажды знаний» и потребности обогащать свой интеллект. Но главное, она независима. Это проявляется не только в поступках, но и в суждениях, мировосприятии героини, что придает ей тот шарм, который в сочетании с ее природной красотой делает ее столь притягательной. Оказавшись в светском обществе, она опутана разного рода условностями и правилами «хорошего тона». Изабелла вовсе не собирается их нарушать, тем более кого-то шокировать. Но главное для нее – иметь возможность выбора. При этом ею движут не материальные расчеты, но чувства, стремление встретить духовно близкого человека. Для нее замужество не только respectable положение в обществе, не только бытовой комфорт, но и счастье в высоком смысле этого слова. Счастье как цель человеческого существования.

Эту жизненную позицию Изабелла отстаивает в пору своей бедности. Она укрепляется в ней, когда становится материально независимой (старик Тачит по настоянию своего сына, кузена Изабеллы Ральфа, оставляет ей в наследство солидную сумму) Деньги всеильны, и прежде всего потому, что позволяют стать выше неблагоприятных обстоятельств, не подчиняться им.

В итоге Изабелла отказывается от предложения лорда Уорбертона, старого друга семьи Тачитов, чем повергает в изумление своих великосветских знакомых. Не отзывается она и на преданную любовь своего соотечественника, юноши Каспара Гудвуда, человека небедного. Получив в Америке отказ, он не мирится с неудачей и отправляется за Изабеллой.

Героиня сама делает выбор. И на этот раз ее подводит наивность, а возможно, и неопытность. Светская львица мадам Мерль, ловкая интриганка, покоровшая Изабеллу своими безупречными манерами, знакомит ее со своим бывшим любовником Гербертом Озмондом, вдовцом, художником-дилетантом, человеком с «сомнительными доходами». Озмонд, имеющий виды на деньги Изабеллы, очаровывает ее мнимой изысканностью, загадочной позой интеллектуального отшельника и проницательного знатока искусства. Изабелла выходит замуж за Озмонда к немалому удивлению своих светских знакомых, считающих ее избранника «нев्यразительным».

В браке с Озмондом Изабелла испытывает разочарование, крах иллюзий. Этот мнимо романтический персонаж оказывается мелким эгоистом, который не только присваивает финансовые средства Изабеллы, но и стремится ее саму морально поработить. Он портит жизнь и собственной дочери Пэнси (матерью которой оказывается мадам Мерль), которую отправляет в монастырь. Невзгоды семейной жизни с Озмондом не повергают Изабеллу в отчаяние, она обретает новое видение мира, который полон «радости, неисчерпаемых возможностей, простора для действия». Но вместе с тем она не решается на разрыв с мужем, как это делает Нора. Она исполнена чувства долга перед тем, кого «взяла в мужья перед всем светом». Ее удерживает и привязанность к падчерице Пэнси.

Роман завершается открытым финалом. Героиня спешит из Италии в Англию к смертному одру своего кузена Ральфа, Чувствуя себя обреченным из-за тяжелой болезни, Ральф добровольно отказывается от семейной жизни, безответно и преданно любит Изабеллу, проявляя удивительное великодушие. Героиня встречает Гудвуда, который, питая к ней страстное чувство, умоляет ее остаться с ним. Изабелла просит его подождать и возвращается в Рим к Озмонду, Писатель дает понять: это не капитуляция героини — начинается новый этап в ее судьбе. Правда, подобная концовка не всеми была одобрена.

Роман Джеймса «Женский портрет» надо оценивать исходя из особенностей историко-литературного процесса в Англии и США на исходе XIX в. Современный читатель не сможет не заметить, как далеко ушло словесное искусство со времени Джеймса в воспроизведении человеческих отношений и сферы любви. Сегодня легко обнаружить у Джеймса многословие, недостаточный драматизм, то, что писатель обходит плотскую сторону любви, а его герои, свободные от материальных забот, путешествующие и ведущие светские беседы в гостиных, даже в своей порочности остаются «благопристойными». Все это так. Но для своего времени Джеймс был во многом новатором, он прокладывал путь развитию психологической прозы, обогащению литературной техники. Это объясняет пусть и завышенную характеристику Грэма Грина, писавшего, что Джеймс был «таким же великим в истории романа, как Шекспир в истории поэзии».

Для произведений Джеймса позднего периода характерны усложненная форма, стилевые эксперименты, символика и аллегории, напряженный интерес к тончайшим движениям человеческой души. Предмет внимания Джеймса не столько окружающая героев жизнь, материальная среда, сколько ее преломление, отражение в индивидуальном сознании, восприятии. Правда, иногда поиски новых форм и средств выражения становились у позднего Джеймса самоцелью при достаточно

узком, камерном содержании. Это, конечно, делало его книги несколько «элитарными» «литературными». Тем не менее в глазах современников он являл собой мастера, «мэтра», владеющего всеми тайнами повествовательного искусства. Джеймс считал, что проникновение в психологию человеческой души — главная писательская цель. Но если в творчестве великих мастеров XIX в. эта задача решалась через открыто осуществленный психологический анализ, если создатель романов и повестей выступал в роли «всеведущего автора», который прямым текстом все объяснял читателю о своих героях, то Генри Джеймс сделал шаг вперед в своей художественной методологии. От рассказа-комментария он перешел к показу, к тому, что называют драматургическим методом (которым блестяще владел Тургенев).

Джеймс стремился через внешнее – через поступки, манеру, высказываний, выражение лица – сказать о внутреннем состоянии героя. Его поиски в области психологического романа оказали влияние на развитие этого жанра в XX в., на литературную технику многих писателей.

И в процессе написания романа, и во время последующей его публикации Джеймс не раз называл «Женский портрет» то своим «большим», то «грандиозным», то «значительным» романом, а однажды даже в шутку сообщал одной из своих корреспонденток: «он меня обессмертит» [10]. По объему содержания, законченности художественной структуры, тщательности стилистической отделки «Женский портрет» должен был превзойти все написанное им ранее, должен был встать в один ряд с теми произведениями «большой литературы», к каковой Джеймс прежде всего относил романы Джордж Элиот и И. С. Тургенева [11]. Неудивительно поэтому, что в его суждениях об этих писателях приоткрываются те требования, которые он предъявлял к собственному творчеству и из которых исходил, создавая свой «большой роман» – «Женский портрет».

В создание национального американского характера внесли свою колоссальную лепту многие американские писатели, и творчество Генри Джеймса является богатейшим источником для рассмотрения и изучения целого культурного пласта эпохи. Писатель аккумулировал качества, имевшие отношения к далеким предкам, выходцам из Старого Света, с теми, что появились в американцах под влиянием жизни на новой родине, качества, которые могли сделать американца узнаваемым в любой среде. Джеймс подходит к созданию характера без идеализации, но нет в нем и сарказма. Пожалуй, в некоторых случаях не обходится без иронии, но лишь для того, чтобы показать, как герой или героиня, оказавшиеся перед проблемой нравственного выбора, преодолевают трудности жизни, а самое главное – недостатки в самих

себе. Это, на наш взгляд, очень важный элемент в более полном представлении сути национального американского характера.

Таким образом, творчество Генри Джеймса, представившего миру новые грани американского характера, в этом плане можно рассматривать как большой вклад в историю американской культуры.

Литература

1. *Ceismar M.* Henry James and the Jacobites. N. Y., 1963. P. 45–47.
2. *Chase R.* American novel and its tradition. N. Y., 1957. P. 117.
3. *Leavis F. R.* The great tradition. L., 1955. P. 159.
4. *Ibid.* P. 126.
5. *Foley R. N.* Criticism in American periodicals of the works of Henry James from 1866 to 1916. Washington, 1944. P. 26–30; *Murry D. M.* The critical reception of Henry James in English periodicals. N. Y., 1950. P. 45–49.
6. «The Portrait of a Lady». «The Athenaeum», Nov. 26, 1881. Цит. по: *Perspectives on James's «The Portrait of a Lady»: A collection of critical essays* / ed. W. T. Stafford. N. Y., 1967. P. 39.
7. *Brownell W. C.* James's «The Portrait of a Lady» // *Nation*. 1882. Vol. XXXIV (Feb. 2). P. 103.
8. *Henry James letters* / ed. L. Edel. Vol. II. P. 96–97.
9. *James H.* The notebooks of Henry James. P. 29.
10. *Henry James letters* / ed. L. Edel. Vol. II. P. 265.
11. Рецензия Джеймса на «Новь» Тургенева (1877) начиналась со слов: «Только о двух ныне здравствующих романистах можно сказать, что каждое их произведение всегда оказывается событием в литературе», и далее назывались имена Джордж Элиот и Тургенева (см. настоящее издание, с. 502).
12. *Chase R.* American novel and its tradition. – New York: Doubleday, 1957. P. 117.
13. *The selected letters of Henry James* / ed. with an introduction by L. Edel. New York: Farrar, Straus and Cudhay, 1955. P. 267.
14. *Еникеева Л. М.* Психология «новой» женщины в творчестве Генри Джеймса (на примере повести «Дейзи Миллер») // *Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых: сборник статей молодых ученых*. Казань: ДАС, 2003. URL: <http://www.ksu.ru/fil/kn2/index.php?sod=26>.

Н. М. Миркурбанов

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Тема памяти в рассказе В. Тена «Прощание»

А н н о т а ц и я . В статье, на примере рассказа узбекистанского журналиста и писателя Владимира Тена «Прощание», исследуется знаковая для любой национальной литературы – тема памяти. Утверждается, что проникнутый глубоким лиризмом рассказ представляет собой высокохудожественное исследование темы бессмертия человека в памяти потомков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : бессмертие; память; генетика; предки; корё сарам; настоящее и прошлое.

Рассказ Владимира Тена «Прощание», написанный еще в прошлом веке, так по сей день и не попал в «бумажные формы» типографской печати, «постоянное место прописки» его пока еще – Интернет. Однако, этот факт ни в коей мере не снижает художественных достоинств произведения в прошлом узбекистанского, а ныне – российского журналиста и писателя, корейца по национальности. В своем рассказе «Прощание» он обращается к чрезвычайно знаковой для любой национальной литературы – темы памяти.

В произведениях же русскоязычных корейских авторов чаще всего это страдальческий, иногда несколько гипертрофированный выплеск болезненного излома, вызванный совершенно несправедливым перемещением целого народа со своей исторической родины, каковой была для советских корейцев земля дальневосточная. В некоторых случаях переосмысление места и роли корё сарам в современном мире, сопровождается несколько показным самоуничтожением и некой рефлексией. И это совершенно неслучайно, так как в подсознании молодого поколения корейцев, уже родившихся за пределами Корейского полуострова генетически заложена боль и обида за те унижения и страдания, которые перенесли когда-то их предки.

Ученые уже доказали, что гены, которые передают своим детям родители, несут не только информацию о физических данных организма, но и о жизни предков по прямой линии, имеющих непосредственную генетическую связь с нами. Именно отсюда, по-видимому, эти болезненные рефлексии, связанные с осмыслением прошлого, настоящего и будущего своего народа. Но память – это и способность к воспроизведению собственного прошлого опыта и необходимость некоего отстраненного «взгляда назад», в прошлое. Согласно теории памяти, она активизируется чаще всего в том случае, когда создается

связь между следом, оставленным прошлыми переживаниями и новым чувствованием ситуаций и событий прошлого.

«Прощание» В. Тена – это внешне традиционное и, вместе с тем, пронзительное повествование о деде, навевающее грусть и легкую горечь сожалений: «И сейчас мне обидно, – горько замечает повествователь, – что все, о чем он тогда думал, что вспоминал, ушло безвозвратно в землю вместе с его сухоньким легким телом»[1]. По жанру это рассказ-исповедь, эскизный этюд-воспоминание, проникнутый глубоким лиризмом. Легкие, почти акварельные штрихи событий, густо представленных в небольшом по объему рассказе, вырисовывают очень рельефно образы престарелого деда и малолетнего сорванца внука. Пресловутая проблема «отцов и детей» причудливо преобразилась под пером корейского писателя в метафору бытия.

Малолетний внук, только-только начинающий жить и престарелый дед, на пороге смерти, как ни странно, единое целое, дополняющее друг друга. Внук – это генетическое продолжение деда и может быть, самое значительное, что оставит он на земле после себя. Не потому ли прощаются озорнику, иногда совсем не безобидные шалости «...развлекаясь пусканием зайчиков ему в глаза маленьким осколком зеркала, подобранным где-то на улице, я считал свое занятие достойным и веселым. Дед, сильно ослабевший, после болезни <...> тихо укорял меня, полусидя, полулежа в постели, и отворачивался от солнечных бликов... Он сердился. А я заливался смехом, глядя на его бороду. И был я тогда раз в двадцать моложе его. Дед, в конце концов, глядя на мою хохочущую рожицу, сам заливался дробным старческим смешком» [1].

Покидает этот мир старик тихо и до ужаса обыденно. Наверное, трудно представить себе, что маленький росточком дед, «своротивший гору дел» за свою долгую жизнь и в конце земного пути покидающий мир под тихое беззлобное ворчание жены-старушки «в саманном домике, больше похожем на сарай с маленькими подслеповатыми окнами», прошел долгий и тернистый путь в поисках истины. Путь этот пролегал через унижительные годы, когда он мальчишкой батрачил на своего старшего брата. Настолько унижительный, что всегда покорный и смиренный корейский юноша вдруг взял, да и поджег хозяйский сарай с курами, заметьте, не дом, с людьми, а сарай с курами. Революция на Дальнем Востоке и партизанская борьба против японских оккупантов в Корее – это всё тот же поиск истины и своего места на земле. Несмотря на изгибы судьбы и пронизывающий ветер лихих годин, старик уберег семью, детей, свое продолжение. Он не озлобился на мир, на людей, на власти, хотя основания для этого у деда по имени Сан Чир, ставшим для удобства чиновников Сергеем, безусловно, были.

Автор раз за разом возвращает читателя в прошлое старика, перемещая картины минувшего с настоящим, где настоящее – уже тоже прошедшее – юность лирического героя. Временная и композиционная нелинейность повествования создает особую доверительность исповеди и придает рассказу художественную достоверность. В памяти героя эпизоды из детства, связанные с дедом, возникают не в хронологическом порядке, а как бы спонтанно, порой даже без видимой связи с тем или иным событием в жизни мальчика, но это только на первый взгляд. На самом деле писатель оттеняет прозаическую неказистость и старческую немощь старика в настоящем картинами из прошлого, возвышающими его в глазах читателя. Взять хотя бы сравнение мальчиком, пусть и внешне, своего деда с великим русским писателем: «Позже, уже после его смерти, учась в школе, я где-то увидел фотографию Льва Толстого, и поразился тому, что великий писатель одевался так же, как мой покойный дед. Только одежда деда была сплошь белой. Национальный, так сказать, колорит». Особой теплотой и печалью наполнен небольшой штрих-воспоминание о последних днях деда: «Он сидел, прислонившись спиной и затылком к выбеленной стене, прикрыв глаза. Не спал и не дремал, просто сидел, закрыв глаза. Может, думал. Так он сидел в последние месяцы жизни. Наверное, он чувствовал скорый конец и вспоминал прожитое и пережитое. И, наверно, ему было что вспомнить» [1]. Это ведь увиделось не тогда маленькому мальчику-озорнику, а теперь внуку уже давно умершего деда, серьезному взрослому человеку, которому тоже настал срок вспоминать «прожитое и пережитое». Писатель умело пользуется языковой палитрой и в полном соответствии с жанровыми канонами рассказа, очень экономным словесным мазком, создает образ, объемную картину. Отношения мужа и жены в корейских семьях более чем столетия назад чрезвычайно отличались от современных, и писатель убедительно показал это на примере внешних отношений деда и бабушки. После ночного инцидента, связанного с падением старика и мальчишки в неглубокий погреб, бабушка наутро «ходила вокруг ямы и ехидно спрашивала деда, зачем ему понадобилось ночью прыгать на крыше погреба. Дед гордо смотрел в сторону, всем своим видом показывая, что не собирается вступать в пререкания с этим суетным и мелким существом, коим, по его мнению, была бабушка...» [1]. Но чуть позже внук вспомнит, что «Бабушка была много моложе его. Лет на пятнадцать. И была еще совсем бодрой. И ничем тогда не болела. Но после смерти деда не прожила и года» [1]. Вот уж воистину: словам тесно, а мыслям просторно. Не получилось: жили счастливо и умерли в один день. Жили трудно, по-разному, иногда счастливо, но любовь пронесли через всю жизнь. Неброскую внешне, на людях прячущуюся

в незлобивых и показательно надменных перебранках между собой, но глубоко искреннюю любовь, основательную и надежную как крестьянский труд. Анатолий Ким в своем известном романе «Остров Ионы» пытался осмыслить бессмертие в составе человеческой сущности – «физической и духовной» [3, с. 52]. Владимир Тен, на мой взгляд, в своем рассказе пытается осмыслить бессмертие человека в памяти потомков. Завершает рассказ писатель эпизодом прощания родных с умершим дедом: «И мы – самые младшие внуки – осыпали его, умершего белыми листочками бумаги, на которых таинственными иероглифами были начертаны какие-то заклинания, обещания и пророчества. И листочки эти с сухим, чуть слышным, но рвущим душу шелестом падали на белую постель, на подушку, на простыни. На деду. И укрывали его, как снегом. Как землей...»[1]. По восточным поверьям, ритуал, описанный выше, поможет душе усопшего благополучно миновать препоны и ловушки загробного мира на пути к небесному блаженству, а земная память о нем будет передаваться из поколения в поколение, пока жив на свете хотя бы один потомок доброго старика Сан Чира.

Литература

1. Тен В. Прощание. URL: http://lit.lib.ru/t/ten_w_k.
 2. Долги предков: что такое генетическая память (и как она влияет на наше будущее). URL: <https://www.marieclaire.ru/psychology/dolgi-predkov-что-такое-geneticheskaya-pamyat-i-kak-ona-vliyaet-na-nashe-budushee>.
- Ким А. Остров Ионы. М.: Центрполиграф, 2002.

Ю. У. Матенова

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами
(г. Ташкент, Узбекистан)

Современная модификация образа Дон Жуана в пьесе французского писателя и драматурга Э.-Э. Шмитта

Аннотация. В статье рассматривается современная модификация образа Дон Жуана, который построен на косвенных взаимосвязях мотивов, тем, образов, явлений.

Ключевые слова: традиционные жанровые формы; вечные образы; модификация,

В современной французской литературе (рубеж XX–XIX веков) наметилась тенденция возврата к традиционным эпическим и драматургическим жанровым формам, манере повествования, распределению

материала, что дало основание исследователям называть этот период «временем отлива». Но возвращается не только формальная сторона произведений, но и содержательная. Наблюдается большой интерес к интерпретации известных или «вечных» образов мировой литературы и создается ряд произведений, где центральными персонажами стали Фауст, Дон Жуан, Шерлок Холмс. Н. Т. Пасхарьян в очерке о современной французской литературе указывала: «Речь в данном случае идет о таких произведениях, где герой – известный литературный образ, созданный в одном или нескольких канонических сочинениях и ставших затем объектом разнообразных художественных воплощений – интерпретаций, трансформаций. А его история – не повторение или вариация, даже не продолжение старой истории, а история новая, вырастающая в то же время из характера известного персонажа» [1, с. 67].

В ряду этих явлений можно рассматривать и пьесу современного французского писателя и драматурга Эрика-Эммануэля Шмитта «Последняя ночь Дон Жуана» (1999), где представлена новая модификация «вечного образа».

Это совсем новая история о великом соблазнителе и распутнике, ранее о котором создан не один десяток произведений. Но пьеса все же ассоциируется в отдельных моментах, прежде всего, с классической пьесой Мольера, что обуславливается, видимо, увлеченностью и духовной близостью французской литературной традиции. К тому же действие пьесы происходит во Франции, в Нормандии.

Престарелая герцогиня в своем давно необитаемом родовом замке собирает четверых экс-любовниц Дон Жуана, некогда соблазненных им, чтобы устроить суд над ним и заставить его жениться на своей крестнице Анжелике (Малышке), очередной жертве Дон Жуана, под угрозой заключения в тюрьму.

Казалось бы, Дон Жуан все тот же: огромное количество соблазненных и покинутых женщин, подробный счет которым в записной книжке ведет преданный слуга Сганарель. Причем, любопытная деталь – во Франции их список наиболее короткий, так как соблазнить француженку, по мнению Дон Жуана, не стоит большого труда, что утрачивает для него привлекательность. Ведь он игрок, и чем труднее достанется победа, тем больше от нее для Дон Жуана удовлетворения. Так же традиционно безразличие к социальному положению избранниц. Приехавшие дамы принадлежали к разным слоям общества и роду своей деятельности: светская львица, писательница, монахиня, жена торговца-ювелира.

Привлекает собравшихся в замке герцогини портрет на стене. Казалось бы, должно последовать описание хотя бы отдельных черт изображенного на портрете человека, что заставляет читателя вспом-

нить яркий портрет Дон Жуана в одноименной новелле Гофмана. Но ожидания читателя и зрителя не оправдываются. У Шмитта это лишь деталь, объединяющая всех дам и их воспоминания. Каждая из дам думает, что Дон Жуан не забыл ее, когда тот начинает вспоминать миг сближения и блаженства. Происходит это потому, что каждый раз, по его собственному признанию, все было стандартно, тривиально, по шаблону, согласно «рутинной механике достижения блаженства», а сам он при этом оставался безразличен. И в этом первопричина его распутства, раскрываемая в его монологе: «Я полагал, что смакую наслаждение, а знал лишь возбуждение. Мне нравилось побеждать, просто побеждать... Я занимался любовью как бухгалтер, по обязанности, с пренебрежением относясь к их наслаждению... Я ничего не чувствовал, а когда они выпускали вопль, мне казалось, что я их раб. Поэтому я бросал их и всегда мог уйти» [2, с. 94].

Дальнейшее действие и своеобразный финал пьесы показывают необычный поворот судьбы и изменение привычного героя, его перевоплощение, «желание выйти из роли» и стремление к новой жизни. Только необычное по своему накалу и направленности чувство Шевалье де Шифрила, брата Малышки, приведшее его к гибели, заставило Дон Жуана выйти из приевшейся ему роли распутника и покорителя женских сердец. Он готов любить, он хочет любить, готов идти навстречу неведомым ранее потрясениям и переживаниям. Он готов даже жениться на Малышке и постараться ее полюбить. Но такой изменившийся Дон Жуан ей не нужен, она любит другого, прежнего Дон Жуана.

Э.-Э. Шмитт не повторяет в своей пьесе ситуаций, коллизий, известных по многочисленным предыдущим драматургическим версиям о Дон Жуане, начиная с Тирсо де Молина. Но автор щедро разбрасывает детали, намеки, связанные с реминисценциями этого «вечного образа». Авторские намеки вызывают естественные, известные ожидания читателя, которые не оправдываются по ходу развития действия пьесы. Так, сцена 6 действие 1 начинается с грозы. Молния пересекает сцену, раздается жуткий удар грома. Можно ожидать нечто ужасное. Но нет, этот небесный катаклизм, в отличие от комедии Мольера, предшествует появлению Дон Жуана, а не его исчезновению в преисподнюю.

Дон Жуан, рассказывая своим пути через кладбище и не скупясь делиться ужасными подробностями, как бы подводит к неким страшным событиям, которые должны совершиться. К тому же он описывает надгробную статую прапрадеда герцогини: «неподвижный взгляд, неприступный вид, высокий лоб, рука опирается на меч» [2, с. 26]. Как это наводит на мысль о статуе Командора. Но ничего не происходит. А ироничное замечание Дон Жуана в конце длинной реплики – «В его

глазах угнездились прелестные птички... Хотя на что-то сгодился...» [2, с. 26] – плавно переводит разговор в русло колкой светской беседы.

Но особенно важен финал и, в частности, концовка пьесы, показывающие совершенно отличный от классического смысл произведения и иную трактовку образа Дон Жуана. Весьма важно время изображаемого на сцене. Наступает рассвет, Дон Жуан собирается покинуть замок. На вопрос о том, куда он отправляется, тот отвечает: «Не знаю, подальше от себя самого» [2, с. 100].

Если в начале 1 действия ремарка подчеркивает, что уже стемнело (можно предположить, что и душа главного героя смутна и мрачна), то финал при этом связан с восходом солнца, с рождением нового дня и рождением нового человека в главном персонаже. Герцогиня возвещает: «Но вот Дон Жуан выходит навстречу дню, и рождается человек» [2, с. 100].

В этом смысле финал пьесы Шмитта можно считать открытым. Герой оставлен на пороге нового этапа его жизни, в начале следующего этапа его развития. Что его ждет в дальнейшем, читатель и зритель может только догадываться.

Современное литературоведение во многом сосредотачивает свое внимание на диалоге читателя и писателя в процессе восприятия первым текста художественного произведения. Диалог в данном случае можно рассматривать как постоянный «розыгрыш» читателя, авторскую игру с ним. Причем, обман ожиданий читателя происходит не только на уровне реминисценций, но и в бытовом плане. Так смерть павлина, о котором говорит герцогиня, ассоциируется со смертью Дон Жуана (сцена 1, действие 3). Постоянный «розыгрыш» обуславливает понимание того, что все зыбко, двойственно, неопределенно, многозначно и взаимосвязано в этом мире экзистенциальных реалий и приводит к мысли, что художественный текст, в постмодернистской терминологии – интертекст, построен на косвенных и не всегда близких взаимосвязях мотивов, тем, образов, явлений.

Литература

1. *Новейшая зарубежная литература*. Алматы: Жибек Жолы, 2011.
2. *Шмитт Э.-Э. Последняя ночь Дон Жуана*. СПб.: Азбука, 2011.

М. Н. Низамова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Творчество Йена Макьюэна в зеркале литературной критики

Аннотация. В статье дается обзор критических исследований англоязычных и российских литературоведов о творчестве британского писателя Йена Макьюэна. Делается попытка систематизировать основные проблемы творчества писателя, получившие отражение в критической литературе.

Ключевые слова: поэтика; реализм; этическая проблематика; постмодернистские элементы; интертекстуальные параллели.

В поколении британских писателей, пришедших в литературу в конце XX века – М. Эмиса, Г. Свифта, Д. Барнса, П. Акройда – творчество которых ознаменовало начало новой литературной эпохи, Йен Макьюэн занимает особое место. Лауреат литературных премий С. Мозма и Букера, член Королевского литературного общества, Американской академии искусств и наук, Британской гуманистической ассоциации, Макьюэн успешно сочетает литературную, преподавательскую и общественную деятельность.

Творчеству Макьюэна посвящено более десяти монографий, очерки и критические статьи, в которых рассматриваются творческий метод и мировоззренческая позиция писателя, жанровая природа и поэтика его произведений. Первые исследования, появившиеся в 1990-е годы, содержат анализ отдельных аспектов ранних произведений писателя и являются своеобразным введением в его творчество. Это монография К. Райана «Писатель и творчество: Йен Макьюэн» (1994), в которой представлен анализ рассказов и романов конца 1970–1980-х годов с целью проследить творческую эволюцию писателя [12]. Тематическое многообразие ранней прозы Макьюэна рассмотрено в монографии Д. Слэя «Йен Макьюэн» (1996) [14].

Критические исследования начала 2000-х годов отличаются глубиной анализа, охватом большего числа произведений: писатель вступил в пору творческой зрелости, расширился круг тем, стала определенной эстетическая программа. В книге американского критика Д. Малкольма «Постигая Йена Макьюэна» (2002) сделана попытка раскрыть концепцию творчества писателя. Критик выделяет концепты «самопознание, познание «другого», рационализм, наука, нравственные перспективы...», составляющие основу этики писателя, определяющие его творчество [11, р. 69]. Действительно, уже в первом ро-

мане «Цементный сад» (1979) Макьюэн выдвинул на первый план вопросы, к которым вновь возвращался в последующих произведениях: что значит человеческая индивидуальность, что нравственно, может ли человек понять другого, разделить его боль? Истинной моралью, подчеркивал Макьюэн в интервью К. Райану, становится «признание чужого опыта, опыта, который ты понял и признал. Задача литературы – донести это знание» [12, р. 60].

Обращаясь в вопросу о художественном методе писателя, которого, как и его современников М. Эмиса, П. Акройда, Д. Барнса, традиционно относят к писателям-постмодернистам, Малкольм отмечает сочетание в его книгах элементов реалистического и постмодернистского письма [11, р. 101].

Вопрос о нравственной направленности романов Макьюэна – центральный и в монографии британского критика Д. Хэда [10]. Связывая творчество писателя с эпохой, «временем поколения свидетелей прогрессирующего падения нравов, ставшего закономерным следствием политики М. Тэтчер», ученый оспаривает сложившееся в критике утверждение, что книги Макьюэна «возрождают связи между моралью и романом» [10, р. 11]. Д. Хэд исходит из убеждения, что попытки ведущих британских писателей молодого поколения возродить моральную тенденцию в английском романе была заранее обречена на неудачу, и связывает этот вывод с тяготением писателей к постмодернистскому восприятию мира как хаоса. В творчестве Макьюэна, Грэма Свифта, Мартина Эмиса и Казуо Исигуро Д. Хэд видит «возвращение к традиции вкладывать моральное содержание в прозу, разрушенную идеями постструктурализма» [10, р. 31].

Д. Сибойр, автор статьи «Йен Макьюэн: Современный реализм и роман идей» (2005), относит Макьюэна к писателям, продолжающим и развивающим традицию классического английского реалистического романа. В отличие от Д. Хэда, критик считает свидетельством принадлежности писателя к «великой традиции» именно преобладающую роль в его книгах этической проблематики [13].

Новым словом в критической литературе о творчестве Макьюэна стала публикация работ английского критика П. Чайлдса. В фундаментальном исследовании «Романы Йена Макьюэна: Литературный гид для читателя» (2006) прослежены этапы творчества Макьюэна, дан детальный анализ его произведений, систематизирована и дополнена подробными комментариям и англоязычная литературная критика, посвященная творчеству писателя [7]. На сегодняшний день эта работа остается наиболее полным собранием критической литературы о творчестве Макьюэна.

Вторая работа П. Чайлдса посвящена рассмотрению одного из самых сложных и противоречивых романов Макьюэна «Невыносимая любовь» [8]. Критик исследует особенности поэтики романиста, выявляет литературные и внелитературные источники романа, устанавливает интертекстуальные параллели в сюжете, в системе персонажей с произведениями английской литературы XVIII–XIX веков.

Важным для Макьюэна стало обращение к трагедии еврейского народа в годы второй мировой войны в романе «Черные собаки» (1992). Решению писателем проблемы вины и ответственности за судьбы еврейского народа и связанной с ней проблемы «искупления» посвящена глава «„Черные собаки“: Тревога о мире после Холокоста» в монографии французского литературоведа Т. Готье [9]. Рассматривая роман в контексте развития английского постмодернистского историографического метаромана, проводя параллели с произведениями А. С. Байетт и С. Рушди, критик делает акцент на морально-этическом подходе писателя к проблеме. Тенденция обращения к актуальным общественным и политическим проблемам в сочетании с обязательной постановкой морально-этических вопросов получила дальнейшее развитие в романах Макьюэна 2000-х годов «Искупление» (2001), «Суббота» (2005), «Сластена» (2012), «Солнечная» (2010).

В работе Линн Уэллс «Йен Макьюэн» (2010), как и в большинстве критических исследований, анализ наиболее популярных романов писателя («Дитя во времени», «Искупление», «Суббота», «Невыносимая любовь») выявляет теснейшую связь между нравственной позицией писателя и воплощением ее в художественных образах [15]. Для раскрытия морально-философской основы романов Макьюэна исследовательница обращается к трудам французского философа Э. Левинаса, оказавшего, по ее мнению, серьезное влияние на взгляды писателя.

Переводы романов и рассказов Макьюэна на русский язык (в настоящее время переведены почти все его художественные произведения) привлекли внимание российских исследователей. Общая характеристика творчества английского писателя содержится в работах, посвященных теории и практике современного литературного процесса [2]. Чаще всего в работах российских литературоведов поднимаются вопросы поэтики прозы и своеобразия художественного метода писателя. Анализ категории времени и пространства в романах Макьюэна, проведенный в диссертации А. В. Кочергиной, позволил раскрыть особенности художественного метода писателя: «Его отличает... синтез реалистических, модернистских и постмодернистских приемов. Реализм помогает создать писателю глубокие психологические описания героев. Субъективность времени, использование приема потока сознания, мироощущение человека в мире имеют модернистский характер.

В то же время форма произведений, жанровая полифония близка постмодернизму» [4, с. 20]. Эту особенность отмечает и Л. Г. Андреев: «...именно в Англии появился роман, в котором есть и типический характер, и типические обстоятельства – „образ постмодерниста в постмодернистскую эпоху, за которым стоит тип, характерное социальное явление, объект сатирического изобличения“» [3, с. 9].

Творческий метод Макьюэна «с позиций его интертекстуальной включенности в контекст литературы британского модернизма» рассматривается в статье М. В. Цховребовой «Суббота» Иена Макьюэна в контексте литературы британского постмодернизма» [6]. Представленный в статье сравнительный анализ романа Макьюэна и классики модернизма – «Миссис Дэллоуэй» В. Вулф и «Улисс» Д. Джойса – открывает новые перспективы в изучении феномена интертекстуальности в романах писателя.

Исследование особенностей идейно-тематического содержания романа Макьюэна «Дитя во времени» на уровне пространственно-временной организации текста в статье А. В. Шушиной позволило автору прийти к выводу: «...посредством различных хронотопов Йен Макьюэн воспроизводит в своем романе циклы человеческой жизни» [5, с. 135].

Преобладание в произведениях Макьюэна нравственной проблематики, озабоченность писателя усиливающимся состоянием отчужденности личности отмечает О. Джумайло: «Иэн Макьюэн – один из немногих современных писателей, чьи книги популярны у широкой публики и читаются всерьез серьезными критиками. Без пафоса и занудства, с отвращением к узколобой морали ему удается говорить о вроде бы давно немодном: об этике понимания, о человеческой рафинированности и о насилии „общих слов“» [1, с. 242].

Литература

1. *Джумайло О.* Против сентиментальности. Иен Макьюэн // Вопросы литературы. 2010. № 6.
2. *Красавченко Т. Н.* Реальность, традиции, вымысел в современном английском романе // Современный роман: опыт исследования / отв. ред. Е. А. Цурганова. М.: Наука, 1990; *Джумайло О. А.* Английский исповедально-философский роман 1980–2000. Ростов н/Д: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2011.
3. *Зарубежная литература XX века* / под ред. Л. Андреева. М., 2003.
4. *Кочергина А. В.* Художественное пространство и время в романах Й. Макьюэна: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
5. *Шушина А. В.* Художественное пространство и время в романе Йена Макьюэна «Дитя во времени» // Гуманитарные науки. 2013. № 2.
6. *Цховребова М. В.* «Суббота» Иена Макьюэна в контексте литературы британского постмодернизма. Цхинвал, 2014.

7. *Childs P.* Ian McEwan's Enduring Love. London: Routledge, 2007.
8. *Childs P.* The Fiction of Ian McEwan. Basingstoke: Palgrave, 2006.
9. *Gaughier T.* Black dogs: Ian McEwan's Post-Holocaust Anxiety // Narrative Desire and Historical Reparations: A. S. Byatt, Ian McEwan, Salman Rushdie. London: Routledge, 2006.
10. *Head D.* Ian McEwan. Manchester: Manchester University Press, 2007.
11. *Malcolm D.* Understanding Ian McEwan. Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 2002.
12. *Ryan K.* Writers and their Work: Ian McEwan. Exeter: Northcote House, 1994.
13. *Seaboyer J.* Ian McEwan: Contemporary Realism and the Novel of Ideas // Acheson J., Ross S. The Contemporary British Novel. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005.
14. *Slay J.* Ian McEwan. N.Y.: Twayne Publishers, 1996.
15. *Wells L.* Ian McEwan. Basingstoke: Palgrave, 2010.

А. В. Осипова

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

К вопросу «условного» авторского начала в художественном тексте

Аннотация. В статье анализируется вопрос условного авторского начала в структуре художественного текста. Особое внимание уделено вопросу разграничения позиций «авторского начала» и «образа автора» в художественном произведении.

Ключевые слова: проблема автора и героя; авторское начало; речевая структура.

В современном литературоведении одна из ключевых проблем обусловлена позицией автора в художественном произведении. Несмотря на большое количество научных работ посвященных этому вопросу, конкретность дифференциации «авторского начала» и «образа автора» до конца не прояснена. «Образ автора – это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [1, с. 175]. Являясь фокусом целого, «образ автора» зиждется на специфике стилистики, структуры и идеи художественного произведения. Наличие образа автора в художественном пространстве структурирует текст. Авторское «я» в художественном произведении соотносится не только с лично-

стью самого автора, но и такими категориями как автор-повествователь, автор-персонаж. Однако, именно авторское «я» соотносится с аксиологическими авторскими ориентирами, которые формируют идейное ядро произведения, сюжетную мотивацию, специфику конфликта, по существу являясь фундаментом художественного произведения.

Исследователь Т. В. Шмелёва считает, что авторское начало соотносится со: «смысловой частью текста, в которой проявляется речевое поведение автора и его рефлексия по поводу своего текста» [2]. По нашему мнению, понятие авторского начала стоит понимать шире, т. е. оно может быть глубоко скрытым, неявным (не только в речи прямого авторского способа изложения: «я, мне, по-моему...» и т. д., но и заключаться в языковой игре, особой образности, намеренном искажении голоса автора посредством противоречивых реплик персонажей и т. д.). Следовательно, авторское начало правомерно считать «собранием» всех зашифрованных и очевидных проявлений автора в тексте.

Необходимо учитывать дифференциацию понятия «образ автора» и «авторское начало», где последнее отражает не только формальное присутствие реального автора в тексте, но и любые проявления авторской воли (порой скрытые).

Авторское начало понимается нами как авторское отношение к изображаемому, т.е. оно выражается на содержательном уровне посредством смысловых доминант и специфики мотивной структуры. Авторское начало всегда присутствует в номинации произведения, выборе заглавия произведения, деталях, ключевых фразах, именах героев, ремарках и т. п. и соотносится с особенностями его идиостилия. С понятием авторского начала некоторые ученые соотносят и такие термины как авторская позиция, авторская модальность, авторская оценка. В исследуемом нами понятии художественный текст выступает как «метафора авторского видения мира и человека в его эмоциональной оценке» [3, с. 36].

Авторское начало лежит в основе любого художественного произведения, так как каждый вид литературного самовыражения предвещает авторская идея, оригинальная и неповторимая мысль. Говоря об «условности» и «реальности» авторского начала в художественном тексте, следует пояснить, что существующий в произведении автор не одно и то же лицо с автором реальным (они могут иметь расхождения и несоответствия между художественной субъективностью и жизненной позицией, поведением творца), хотя связаны теснейшим образом.

Сущность «реального» авторского начала определяется его особым отношением к формально-содержательному целому произведения, к изначальной реальности (событийной, общественной, повсе-

дневной и т. п.), ориентируясь на которую автор создает выдуманный поэтический мир. Реальное авторское начало является доминантным, главной основой другой эстетической реальности. Автор представляется в качестве созидателя полизначного экспрессивно-смыслового единства художественного текста. Реальное авторское начало основывается на воплощении произведения как особого художественного мира, им скомпилированного. В ходе творчества по мере создания произведения в его внутренней структуре так или иначе наблюдаются различные авторские интонации, убеждения, позиция и т. п. Функционирование условного авторского начала – одна из сложнейших проблема литературоведения. Условное авторское начало позволяет автору отстраниться от собственного «я» и полнее сосредоточиться на решении художественных задач. Он проявляется не через субъективную организацию текста, а через детали, речевой портрет, предисловие/послесловие, авторское примечание и т. п. Это некий субъект в тексте, участвующий в фабульном развитии действия и выполняющий миссию авторского голоса, не позиционирующийся как биографически реальное лицо; это некий рассказчик-повествователь. Например, «условное» авторское начало выражается в творчестве В. Токаревой, а именно в ее стиле, особой иронии, динамике сюжета, афористичности, интертекстуальной игре, композиции. «Условное» авторское начало способствует более верному и точному толкованию произведений с «двойным дном». Такое отстраненное авторское начало в них передается через непричастность ко всему происходящему. В рассказе В. Пелевина «Ника» наблюдается авторская игра, заключенная во введении читателя в заблуждение (подразумевая кошку, повествователь описывает «девушку») и только в конце повествования проясняется ситуация с главной героиней. Такого эффекта В. Пелевин добивается при помощи описательной лексики, подходящей и кошке, и женщине, а также благодаря большому количеству отсылок к русской классической литературе. Интересно, что при построении постмодернистской неоднозначной действительности (взаимоотношения полов, параллели между различным миропониманием), осознание которой во многом зависит от самого читателя, основная задача стоит именно перед создателем художественного текста, а не перед рассказчиком. Особенность повествователя заключается в том, что он выступает не только как герой, но и как герой-автор, желающий постичь внутренний мир Ники, перенять от нее ряд определенных характерных качеств и научить читателя использовать эти качества при мировосприятии.

Разгадкой к полноценному восприятию пелевинского рассказа может стать соотношение героя, рассказчика и условного авторского начала в тексте. Разница между ними очевидна, поскольку каждый их

них имеет свою цель и оценочную точку зрения. Однако нельзя говорить о том, что герои, повествователь и условный, отстраненный автор в тексте не равны друг другу. В отдельных местах текста грань между героем и повествователем, а также автором и героем становится невидимой. Игра с читателем реализуется не только на уровне автора текста, в котором повествователь вспоминает свое домашнее животное кошку, описывая ее как девушку. Игра осуществляется и на уровне повествователя, специально путающего читателя, излагая текст как загадку с подсказками. Это говорит о том, что повествователь не идентичен герою, который не руководствуется впечатлением читателя.

Герой мучается своей ограниченностью относительно видения мира, которая строится по модели поведения персонажей классической русской литературы, а повествователь осознает свою ограниченность этой традицией и пытается ее изменить. Поэтому текст повествователя автокоммуникативен, т. е. замкнут на повествователе и читателе. Для героя главный объект познания – кошка, для повествователя – сама литературная традиция. От автора повествователь же отличается тем, что не располагает истиной, которой он хотел бы поделиться с читателем: он сам ее должен познать и как следствие изменить себя. Можно заключить, что каждая из трех фигур (герой, повествователь и условный автор либо авторское начало) преследует свои интересы. Герой напрасно пытается проникнуть во внутренний мир своей кошки, чтобы с целью открыть для себя новое видение мира, повествователь тоже хочет изменить свое мировидение, но осознавая ограниченность своего взгляда традицией русской литературы, отрицает эту традицию. Автор, герой и повествователь сталкиваются с определенным коммуникативным барьером, однако сам автор не пытается его преодолеть, наоборот, автор понимает его неизбежность, так как признает равноправие разных точек зрения на мир.

Литература

1. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Просвещение, 1971.
2. *Шмелева Т. В.* Текст как объект грамматического анализа. Красноярск, 2006.
3. *Широкова И. А.* Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352).

Е. А. Орлова

Калмыцкий государственный университет (г. Элиста, Россия)

И. В. Родина

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Этнографические мотивы в повести Е. Ган «Утбалла»

Аннотация. В статье рассматриваются этнографические мотивы в повести «Утбалла» русской писательницы 30-х годов XIX века Елены Андреевны Ган, одной из первых изобразившей в романтическом произведении образ калмычки и использовавшей этнографические мотивы для создания инонациональной картины мира.

Ключевые слова: этнография; мотив; повесть; романтизм; инонациональный.

Жизнь, быт и нравы разных стран и народов отразились в творчестве многих писателей-романтиков. Этнографический материал «восточной» повести Е. Ган «Утбалла» (1838) отличается богатством и разнообразием: произведение содержит многочисленные сведения о жизни, обычаях и традициях калмыцкого народа, этнографических деталях народного быта.

Композиционно повесть можно разделить на две части: в первой рассказывается о жизни Утбаллы в светском обществе, тяжелом положении девушки-полукровки. Действие второй части, когда героиню после смерти отца-старовера отправляют к матери-калмычке, переносится в Астраханскую губернию, которая «населена калмыками, они кочуют целыми ордами в степях, а бедные нанимаются иногда в городах работниками» [5, с. 7]. Именно вторая часть содержит многочисленные этнографические подробности жизни и быта калмыков.

Героиня повести живет в улусе, владельцем которого был старый нойон Джиргал, занимавший «высшую ступень социальной лестницы калмыцкого общества» [3, с. 199]. Судя по тому, что улус нойона кочевал самостоятельно, не примыкая к другому, можно сделать вывод о достаточно крупном статусе его хозяина. Улус был разбросан «верст на триста» [5, с. 51] и периодически перекочевывал на новые пастбища.

Автор в целях создания этнографической картины жизни улуса изображает кибитки (по-калмыцки «ишкэ гер» – «войлочный дом»), которые было принято представлять особым образом: «Около ста кибиток были расположены правильным кругом, посреди возвышались хурулы-храмы богов и кибитки владельцев» [5, с. 39]. Как указывает современный исследователь, «сакральное пространство каждого кон-

кретного рода связывалось с местом его кочевий, а центр – с поселением. Все кибитки в хотоне располагались по кругу, центром которого являлось жилище старшего в роду...» [1, с. 16].

Ган дает достаточно подробное описание княжеской кибитки нойона Джиргала, за которого, несмотря на нежелание, вышла замуж Утбалла, детализируя особенности интерьера: «богатые ковры», «узорчатые циновки», «кровать под балдахином», «сундуки», «изображение Будды», «тибетские благовонные свечи», «чашки с цветами, яствами и питием», «портрет Далай-ламы». Автор акцентирует внимание на ключевой детали – очаге, который находился в центре жилища и дым от него «клубился в отверстия, проделанные вверх кибиток» [5, с. 39]. Далее автор останавливает свой взгляд на стене, увешанной ружьями, кинжалами, шашками. Ган отмечает, что «у калмыков оружие переходит от деда к внуку и всякий зубец на лезвии имеет свое предание, которое восходит иногда до времени самого Чингис-хана» [5, с. 39]. Описание внутреннего убранства кибитки у Ган очень схоже с описанием, данным в конце XIX века попечителем Малодербетовского улуса В. А. Хлебниковым, но содержит меньше подробностей, что связано, прежде всего, с разными задачами жанров повести и очерка (см. подробнее: [7, с. 29–30]).

Когда двое путешественников, в одном из которых мы узнаем возлюбленного Утбаллы Бориса, подъезжают к кибитке нойона Джиргала, он встречает их «у порога кибитки», приветствуя «Менды, менды!» («Здравствуйте, здравствуйте!»), приглашает внутрь и усаживает на самое почетное место – на ступени кровати, устланные коврами и бархатными подушками.

По калмыцкому обычаю гостей всегда встречают свежеприготовленным чаем. Нойон Джиргал также выказывает свое гостеприимство, подавая господину Зеркову и Борису Снежину искусно выточенные из древесного корня чашечки, наполненные чаем, сваренным с маслом, молоком и солью. Но прежде, как отмечает Ган, два калмыка, принесшие чай, «выплеснули немного чаю за дверь кибитки для нечистого духа» [5, с. 40]. Выражение «для нечистого духа» вызывает сомнения. Никто из исследователей не описывает подобный обряд. Как правило, первая порция свежесваренного калмыцкого чая (дееджи) ставилась на алтарь перед бурханами. Свежесваренный чай калмыки считали священным напитком, им благословляли дальнюю дорогу, новую стоянку, новое жилище, рождение ребенка, таким образом «разделяя важные периоды в повседневной жизни человека» [4, с. 368]. Также отмечается, что чаем кропили землю в поминальных обрядах, небо, кормили души умерших. Чай, молоко не разрешалось разливать, наступать на них. Подношение чаем может быть сделано только богам.

Кроме чая, путешественникам предлагают и трубки: «Началось угощение чаем, трубками» [5, с. 46]. У калмыков строго соблюдались правила застольного этикета, согласно которым «гостей угощали свежесваренным молочным чаем и подносили раскуренные трубки» [10, с. 88]. Как отмечает литературовед Р. М. Ханинова, «это – трубка мира, знакомящая с одной из традиций калмыцкой культуры, когда женщине полагалось для гостя раскурить трубку и подать ему в знак уважения» [9, с. 148]. Утбалла не раскуривает трубку гостям, тем самым не соблюдая установленный обычай.

В повести трубка во рту становится неотъемлемой частью образа жизни калмыков: «...мужья, вечно праздные, только охотились в поле или лежали на солнце с трубкой во рту» [5, с. 31]; «...старые калмычки курили трубки» [5, с. 39]. Русский этнограф Я. П. Дуброва, изучая быт калмыков Ставропольской губернии, обращает внимание на «сильно развитую привычку табакокурения, которому предаются положительно все калмыки от мала и до велика. Если нет табаку, то сосут чубук. Женщины курят гораздо более мужчин...» [6, с. 59].

Два русских путешественника наблюдают празднование калмыцкого национального праздника наступления лета «Урюссар», который «представляет собой многообразный обрядово-праздничный комплекс, имеющий у кочевого народа магический смысл и направленный на увеличение и приумножение главного богатства калмыков – скота» [4, с. 327]. Калмыцкое название праздника Ган, вероятно, по незнанию не упоминает. Очень подробно автор описывает главный хурул в день праздника; гелюнгов в красных халатах с желтыми «перевязями» через плечо, головы которых были обриты, а руки обнажены до плеч; различные виды игр – калмыцкую борьбу, стрельбу в цель, карты, шахматы и др.

Ган останавливает свое внимание на праздничной одежде калмыков, отмечая «широкие шаровары, длинные, большей частью синие, кафтаны и на головах четырехугольные желтые шапки <...> с красной кистью наверху» [5, с. 44]. Автор не видит особых отличий женской одежды от мужской. О том, что девичий костюм имел мало отличий от мужского, свидетельствуют многие авторы, начиная от П. Карпини, утверждавшего, что «девушек и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины», и В. Рубрука, подчеркнувшего единственное отличие их одежды: «платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее» (цит. по: [2, с. 65]). Создавая портрет главной героини, Ган описывает «две косы, зашитых в черную ленту и висящие по обеим сторонам головы», но не называет наконечники шиврлг и подвешивавшиеся к ним металлические токуги, возмож-

но, не зная их калмыцкого названия. Шиврлг и токуги были обязательной принадлежностью замужних женщин и «выполняли функцию магической охраны волос – вместилища жизненной силы» [7, с. 189].

Писательница подчеркивает такую особенность быта калмыцкой женщины, как «полная свобода»: «Женщины здесь пользуются полной свободой: противоположно обычаям кочевых сынов Магомета, супруги и дочери поклонников Будды, исполнив домашние обязанности, участвуют во всех играх» [5, с. 31].

Историк У. Э. Эрдниев, описывая семейный и общественный быт калмыков, также упоминает об «известной свободе и самостоятельности в домашнем хозяйстве» женщины-калмычки [11, с. 300]. П. И. Небольсин пишет: «Калмыки тем разнятся от племен, исповедующих ислам, что у них женщина имеет человеческое, а не рабское значение. У многих мухаммедан <...> она исключена из общения с мужским полом не только в забавах, но даже и в молениях. У калмыков права женщины уравновешены и в том, и в другом случае с правами мужчины» (цит. по: [11, с. 300]).

Своеобразие инонациональной культуры подчеркивается автором повести и через использование экзотической лексики, передающей национальный колорит: бурханы, хурул, Эрлик-хан, бакши-гелюнг, нойон, зайсанги др. Имена собственные, использованные в повести (Утбалла, Джиргал, Харцыг, Джала), также являются «своеобразным компонентом национальной культуры» калмыцкого народа [8, с. 3].

Таки образом, в «восточной» повести Елены Ган «Утбалла» дана этнография калмыцкого улуса, раскрыты социальные отношения, показаны обычаи и обряды, верования, праздники, быт калмыков начала XIX века.

Литература

1. Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: Традиции и символика. Элиста: Герел, 2008.
2. Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009.
3. Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993.
4. Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2007.
5. Ган Е. А. Утбалла // Ган Е. А. Утбалла; Корженевская И. В. Девочка Царцаха. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1990.
6. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1998.
7. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Герел, 2009. Т. III.

8. *Монраев М.* Калмыцкие личные имена: семантика. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2007.

9. *Ханинова Р. М.* Портрет калмыки с трубкой в аспекте имагологии: лирика Михаила Хонинова // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 1.

10. *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XXI в. Элиста: Джангар, 2011.

11. *Эрдниева У. Э., Максимов К. Н.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Изд. 4-е, перераб. И доп. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2007.

Н. М. Петрухина

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

«Этика отчаяния» Ф. М. Достоевского в прозе XX века

Аннотация. В статье рассматриваются художественное воплощение философских вопросов – этика отчаяния – в творчестве Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: абсолютное добро; абсолютное зло; нравственность; игровое начало; катарсис; пороговое пространство.

Принято считать, что этическая жизнь человека в основном сопряжена с нравственностью мировоззрения (система положительных понятий или состояний), но при этом совокупность поведенческих координат часто соотносится с понятием ЭГО, с эгоистическими тенденциями человеческого характера. Одной из составляющих проявлений человеческого характера в кризисные моменты существования является категория отчаяния. У Ф. М. Достоевского этика отчаяния выстраивается в ракурсе его философии «абсолютного добра и абсолютного зла». Н. О. Лосский видел в трактовке отчаяния Достоевского «высокий целительный смысл», считая, что естественное возмездие за нравственное зло есть всегда вместе с тем и средство исцеления от него» [3, с. 286].

Соотнося мировоззренческую концепцию писателя с ее художественной воплощенностью, Н. О. Лосский отмечает, что «человек, столь чуткий к злу и столь добрый, как Достоевский, приходил в отчаяние от «подполья», найденного им в своей душе и в душе других людей» [3, с. 33]. Это обуславливает ключевой определитель ситуации вечного поиска – герои писателя постоянно находятся в поисках некой очистительной силы, способной осуществить переход от зла к добру, от преступления, через страдание и отчаяние к наказанию.

Достоевский обращается к отчаянию, как пограничному состоянию между страданием и раскаянием человека, в котором произошел «распад души», заглушивший в себе очистительный голос Создателя.

Еще в «Записках из подполья» ярко отразилось пограничное состояние отчаяния и осознание, что это точка, с которой начинается преображение души и происходит очищение от скверны.

Как «поговое» пространство Подполье смыкает в себе отчаяние как полувверу, как потерю высшего смысла жизни и отчаяние как веру в возможность обретения иной разумной цели своего существования на земле. Предчувствие раскаяния как очищения от внутреннего нравственного зла обуславливает дихотомию наслаждения от отчаяния.

В романе «Братья Карамазовы» двойственная природа отчаяния определяет двойственность пути героя – если Дмитрий Карамазов воплощает отчаяние, возникающее в результате угрызений совести, что приводит героя к внутриличностному перевороту, именуемому раскаянием, которое сопровождается глубокими страданиями, разрешающимися духовным воскресением и перерождением личности, то у Смердякова присутствует процесс наслаждения от отчаяния. Итог жизни – самоубийство, как высшее, конечное проявление «абсолютного зла» – отрешение от Бога.

Сёрен Кьеркегор точно улавливает подтекст состояния отчаяния, считая, что отчаяние – это путь к очищению, к вере, к обретению себя как существа абсолютного, но при этом – это и путь к смерти. Отчаяние по Кьеркегору, это этическое и глубоко нравственное чувство, поскольку помогает раскрыть внутреннюю духовную природу человека: «Предайся отчаянию и легкомыслие уже не сможет довести тебя до того, чтобы ты стал бродить как не находящий себе покоя дух среди развалин потерянного для него мира; предайся отчаянию, и мир приобретет в твоих глазах новую прелесть и красоту, твой дух не будет более изнывать в оковах меланхолии и воспарит в мир вечной свободы» [2, с. 58]. При этом философ считает, что отчаяние не приводит к высшему уровню развития человека, а лишь к осознанию религиозного значения своей личности.

В литературе XX века отчаяние как одно из важных психологических состояний человека, определяет возможность обретения существования в духовном бытии или небытии. В этике отчаяния Сартра отразилась и концепция Достоевского и Кьеркегора, для него отчаяние – это признак не столько «бытия-в-себе» (экзистенциальный термин), сколько Бытия во вне, реальность видимой, внешней жизни. Ведь не случайно Рокантен, герой романа «Тошнота», мучающийся в поисках своего пространства бытия, став перед проблемой спасения Анни, говорит: «...что я могу ей сказать? Разве я знаю причины, побуждающие жить? В отличии от нее я не впадаю в отчаяние, потому что я ничего особенного не ждал. Я скорее...удивленно стою перед жизнью, которая дана мне ни для чего» [5, с. 43]. Отчаяние, по Сартру, признак жиз-

ни, бытия во вне, а не только в себе, а поскольку это путь к духовности, к обретению смысла своей жизни – это способ преодоления «темноты» жизни.

Несколько иной «этика отчаяния» реализуется в прозе В. Набокова, у которого отчаяние ведет к дискретности микромиров «Я» человека, к потере цельности личности. Если у Сартра синтагма «отчаяние – страдание» – путь к жизни, то у Набокова синтагма иная – «сомнение – отчаяние» определяет путь к духовной смерти. В романе «Отчаяние», герой, пребывая в состоянии сомнения, начинает испытывать влечение к «идеальному» преступлению, лишь в нем видя возможность избавления от гнетущего его страдания сомнением-отчаянием от существования в мире подобного ему двойника (Феликса). «Да, я усомнился во всем, усомнился в главном, – и понял, что весь большой остаток жизни будет посвящен одной лишь бесплодной борьбе с этим сомнением, и я улыбнулся улыбкой смертника и тупым кричащим от боли карандашом быстро и твердо написал на первой странице слово «Отчаяние» – лучшего заглавия не сыскать» [4, с. 1]. Пространство жизни для В. Набокова заключено в пространстве романа, смысл которого сам герой определяет словом «отчаяние», чем определяет внутреннее состояние «смертника». Однако «отчаяние» не есть отрицательное качество «я». Не случайно, В. Ерофеев замечает, что «здесь, в отрицании, на дне Набоков достигает страсти «подпольного человека» Ф. Достоевского, и вопль набоковского повествователя, послушника своего рационалистического «я», не приглушен никаким «эстетизмом», не тонет в «стиле». И все-таки присутствует важное добавление: «несмотря на мое отчаяние, я по природе своей не уныл и не зол» [4, с. 85]. Повествователь «Отчаяния» не допускает прямой связи между злобой и метафизическим отрицанием». Отчаяние по В. Набокову не является злом и всеобщим отрицанием жизни, хотя и приводит к смерти, – оно является чувством одинокого человека, погруженного в свое «эго», раздвоенного и опустошенного – оно порождает эгоистическое восприятие своего «я» как единственности в мире. Подобную систему психологических соответствий мы наблюдаем в романе А. Битова «Улетающий Монахов». Эгоизм, присущий Алексею Монахову, порождает опыт внутренней пустоты и одиночества и приводит к тому, что и остатки чувств теряются, исчезают в состоянии «нелюбви» (порожденной эгоизмом и порождающей отчаяние), превращаются в остатки былого. Мальчик, безумно влюбленный в Асю, в юности способный испытывать лишь подобие любви, к зрелости утрачивает и эти остатки чувства, а потом и вообще перестает понимать любовь, приобретает жуткий опыт нелюбви ко всему – к миру, к женщине, к будущему сыну, к родителям. «И ему хотелось плакать – знал бы он, что

над утратой своей любви. Он это понимал, однако, так что как же он все-таки любит и как нечего с этим делать, как и ничего не поделать, и какое же это глубокое и нетребовательное отчаяние – любовь. Оттого казалось ему это отчаяние – прекрасным. Господи, каким же я стал черствым!.. – сетовал он на себя в этой связи» [1, с. 5].

Для Битова, как и для Ж.-П. Сартра, отчаяние определяется страданием, но синтагматический ряд иной – «отчаяние – любовь – вера». Отчаяние, в принципе, может быть испытываемо любимым человеком, даже с высокой духовностью, но в Монахове оно приобретает вселенские размеры, заполняя все пространство жизни (как и для набоковского Германа), переходя к отчаянию от жизни, когда уже и любовь воспринимается как форма отчаяния, но которая оценивается Битовым одновременно и как единственная возможность прорыва к Богу, и через это – обретение Веры.

Таким образом, этика веры основным принципом которой является определение Бога как источника доброты и любви в мире, соотносится с особым состоянием «отчаяния-слабости», порождает желание избавиться от собственного проблемного «я», однако, герой приобретает иное – игровое начало, именуемое Жизнью.

Литература

1. *Битов А. Г.* Улетающий Монахов // Собр. соч.: в 3 т. М.: Мол. гвардия, 1991. Т. 1.
2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
3. *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.
4. *Набоков В. В.* Отчаяние // Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 3.
5. *Сартр Ж.-П.* Тошнота. М.: АСТ, 2017.

С. Л. Скопкарева

Филиал Глазовского государственного педагогического
института им. В. Г. Короленко в г. Ижевске
(г. Ижевск, Россия)

Стиль как автопортрет писателя

Аннотация. В статье представлены стилевые особенности текстов классика отечественной литературы В. Г. Короленко. Внимание обращено на сочетание публицистического и художественного начала в текстах писателя.

Ключевые слова: стиль писателя; текст; произведения В. Г. Короленко; автопортрет.

Стилевая доминанта – отличительное качество любого художественного произведения, которое позволяет и читателям, и специали-

стам-филологам отличать одну художественную манеру повествования от другой. В этой связи представляет интерес автопортрет писателя, позволяющий увидеть стилевую оригинальность мастера художественного слова. Как известно, автопортрет – портрет самого себя. Обычно имеется в виду живописное изображение (автопортреты бывают скульптурные, литературные, фото- и кинематографические и т. д.). Автопортрет писателя – это своеобразный взгляд со стороны на собственное «я». Попытаемся рассмотреть этот ракурс на материале творчества В. Г. Короленко.

Обращаясь к текстам писателя-гуманиста, мы погружаемся в удивительную атмосферу документально-художественной исповеди главного героя, в облик и биографических фактах которого проступает автобиографическое начало. Так от страницы к странице «Истории моего современника» всё явственнее проявляется масштабность личности самого В. Г. Короленко. Подкупает его правдивость, предельная честность и откровение, которое он представляет на суд своему читателю, доверяя ему.

Публицистический пафос, усиливающий эмоциональный накал произведения, служит своеобразным средством экспрессии в короленьковском тексте. При этом богатой остается художественная составляющая произведения. В пятой части «Истории моего современника» (том второй, «Ссылные скитания») используются элементы жанра хождения, представленные в виде путевых заметок, наглядно воспроизводящих маршрут передвижения главного героя по местам ссылки. Не утратил герой жизненного оптимизма, что представлено в пейзажных зарисовках, наполненных сочными красками. Например: «После Спасской одиночной тюрьмы и Литовского замка всё казалось мне по дороге замечательным, всё вызывало яркие и сильные впечатления», «погода была чудесная, время праздничное (троица и духов день), и все встречные деревни тоже водили хороводы и звенели песнями».

Великолепный слог автора запечатлевается и в визуальных образах: «Я зарисовал в свою книжечку характерные фигуры этих мушкетеров», «...это была волжская вольница и бурлаки Репина, которых я с большой любовью скопировал тушью с гравюры и повесил на стенке своей петербургской комнаты» [1, с. 195] и др. «Удвоенный» реализм, воплощенный в художественных и графических образах, определяет индивидуальный стиль произведения В. Г. Короленко. Художественный стиль писателя выражает его мировоззрение, воплощенное в образах языковыми средствами. Умело использованная писателем ирония граничит с уместным в данном случае юмором. Вот один из характерных примеров: «...заявшись тщательным обозрением *стенной лите-*

ратуры (выделено мною. – С. Л.) в своей камере...». Так предельно иронично автор характеризует настенные надписи в тюремной камере, которые несут большую информационную нагрузку. Пожалуй, для ссыльных они являются одним из главных, а может быть, и самым оперативным источником информации о перемещении заключенных, да и не только.

С особым трепетом герой сообщает о каждой возможности зафиксировать происходящее либо пером, либо словом. Вот одно из свидетельств: «...я вытащил свою книжечку и стал свободно записывать свои впечатления». Для него это, прежде всего, свобода. Более того, это возможность запечатлеть каждый миг своего пути. Умелое сочетание фактографичности и литературного дара – вот отличительная черта короленьковской манеры повествования. Так, описывая встречу в доме губернатора, у героя возникают ассоциативные сопоставления с героями И. С. Тургенева: «Обе фигуры были интеллигентные и приятные и напоминали мне почему-то героев Тургенева», «Господин, которого я мысленно назвал Лаврецким (из «Дворянского гнезда»), небрежно взял ее, прочел и сказал с выражением равнодушия и скуки: «Ну что ж!.. Везите в тюрьму...». Так, преодолев длительный путь, герой оказался в уездном городе Глазове, Вятской губернии.

Глазовский период в жизни В. Г. Короленко оставил достаточно благоприятные воспоминания. Занимаясь сапожным ремеслом, он много времени уделяет самообразованию. Выписывает литературу, знакомит с нею жителей рабочей слободки. Среди выписанных им книг следует назвать такие произведения, как «Как мужик двух генералов прокормил» Н. Щедрина, «Сказка о купце Калашникове» М. Лермонтова, несколько брошюр И. Тургенева, А. Пушкина. Ориентируясь на классические образцы художественного слова, писатель пытается выстроить иную логику взаимоотношений с местными жителями. Так, демонстрируя праведное поведение, ссыльные начинают представлять опасность для власти имущих, поскольку вызывают удивление со стороны местного населения по поводу того, почему таких хороших людей сослали. В этой связи вызывает особое уважение позиция героя, раскрывающая предельно объективное отношение к себе: «...я прослыл беспокойным и вредным человеком...» [1, с. 197]. Он относился к тем ссыльным, о которых подробно писал в своем циркуляре министр Маков. «Он разъясняет, что те политические ссыльные, которые не пьянствуют и не дебоширят, а ведут себя по наружности прилично, – они-то и являются особенно опасными, потому что, привлекая симпатии общества, пользуются этим для распространения вредных идей».

В результате ссыльных скитаний герой В. Г. Короленко не только расширяет познания о реалиях современной ему действительности, но

еще более укрепляется в правильности собственной гуманистической гражданской позиции. Несомненно, глазовская ссылка явилась важным этапом в формировании мировоззрения писателя и его творческого самоопределения. Именно здесь автор принимает решение посвятить себя писательскому делу. Погружаясь в его художественные искания, в очередной раз убеждаешься в самобытной стиливой манере созданных им произведений.

Стилевые особенности «Истории моего современника» находятся в прямом соответствии с содержанием произведения, сущностью героя и обуславливаются ими непосредственно. Принимая во внимание то, что рассказчиком в «Истории моего современника» является сам автор, стиль произведения выражает структуру мировосприятия главного героя, для которого существует лишь настоящее, полноценно воспринимаемое всеми чувствами. В этом и проявляется своеобразие авторского письма, индивидуальная манера построения фразы, интонационные особенности, характерные черты языка писателя. Стиль подчеркивает индивидуальную манеру письма, позволяющую говорить о специфике строения фразы, выборе изобразительных средств языка. Она складывается из лексики и тех художественных приемов, которые автор использует в своем творчестве. У В. Г. Короленко язык очень простой, что делает его произведения трогательными, душевными и в то же время фактографичными. Чтобы манера стала узнаваемой, она должна проследиваться от произведения к произведению, в чем мы можем убедиться, обратившись к творческому наследию писателя.

Всё это еще более убеждает в том, что художественное наследие В. Г. Короленко отличает стиливая оригинальность, олицетворяющая собою оригинальный автопортрет писателя, чье творчество представляет интерес и для современного читателя XXI столетия.

Литература

1. *Короленко В. Г.* Истории моего современника // Собр. соч.: в 5 т. Т. 4.
2. *Скопкарёва С. Л.* Диалог творчества: литературные очерки о В. Короленко и Д. Гранине. Ижевск, 2012.

С. В. Уралова

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Тип «русской леди» в повести «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова

Аннотация. В статье анализируется специфика нравственного конфликта в повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда».

Ключевые слова: тип; характер; психологическая мотивированность.

Героиню «Леди Макбет» Катерину Измайлову можно сравнить с Катериной из «Грозы» Островского. В обоих произведениях высокий нравственный идеал вступает в конфликт с «бытовой» моралью купеческой среды, и «любовная драма» с трагическим исходом начинается с того момента, когда роковая страсть овладеет героинями, разрывая связь с этим идеалом. И там и здесь страшные последствия такой любви во многом предопределены застывшим, неживым укладом русской купеческой семьи: «обе молодые купеческие жёны тяготятся неволей и мечтают о „деточке“ как избавлении от скуки русского купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться» [1, с. 239].

Высокое и светлое нравственное начало органически присуще «горячей» Катерине Кабановой с ее «райским», «ангельским» идеалом, и измена ему неизбежно приводит к духовному раздвоению, мучающему героиню Островского с первого появления на сцене: «...ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?»

«Любовная драма» перерастает в трагедию высокого духа. Эта трагедия разворачивается в постоянном диалоге со всем мирозданием, которое настойчиво напоминает о себе и неуклонно ведет заблудшую душу к катастрофическому и в тоже время просветленному концу.

Иначе всё разыгрывается у Лескова. Страсть Катерины, подобно любви героини Островского, сразу же перерастает установленные «бытовой изменой» пределы: «...развернулась она вдруг во всю ширь своей проснувшейся натуры, и такая стала решительная, что и унять ее нельзя» [4, с. 242]. Полностью возвращается к героине и та самая «хваленная сила», которая окажется столь необходимой для ее преступлений. В отличие от возвышенно-легкой героини «Грозы», Катерина Измайлова «...в девках страсть сильна была, даже мужчина не всякий одолевал», а ее непомерная по виду, «диковинная» по словам Сергея, земная тяжесть означает всю ту же чудовищную, но пока еще скрытую силу. Неслучайно «ссыпавший мужичок», глядя на сцену «взвешивания» Катерины Львовны и видя удивление Сергея, комментирует про-

исходящее так: «Что есть такое в нас тяжесть? Разве тело наше тянет? Тело наше, милый человек, на веку ничего не значит: сила наша, сила тянет – не тело!» [4, с. 237].

Силой и духовной и физической бог Катерину Львовну не обидел, а испив сладкого да хмельного «мёда любви», эта сила (по определению Лескова) разрастается в ней «чрезмерно». «Чрезмерность» Катерины прямо контрастирует с упорно остающимся в рамках своего бытового мирка приказчиком, который даже будучи пойманным на месте любовного «преступления», легко находит общий язык со свёкром:

«– Сказывай, – говорит Борис Тимофеевич, где был, вор ты этойкой?

– А где был, – говорит, – там меня, Борис Тимофеевич, сударь, уж нету, – отвечай Сергей.

– У невестки ночевал?

– Про то, хозяин, опять-таки я знаю, где ночевал; а ты вот что, Борис Тимофеевич, ты моего слова послушай: что, отец, было, того назад не воротишь; не клади ж ты по крайности позору на свой купеческий дом. Сказывай, чего ты от меня теперь хочешь? Какого убогствования желаешь?

– Желаю я тебе, аспиду, пятьсот плетей закатить, – отвечал Борис Тимофеевич.

– Моя вина – твоя воля, – согласился молодец. – Говори, куда идти за тобой, и тешься, пей мою морковь» [4, с. 237].

И оба, вполне понимая друг друга, «без шума» совершают соответствующий «обычаю» обряд наказания молодца – аспиды.

Но уже «невозмогу» Катерине Львовне: для ее проснувшейся нечеловеческой силы – страсти, легко престапующей любые установления, не может существовать никакого противодействия.

Просто (как «крысы в амбаре»), умирает свёкор, попытавшийся было пригрозить наказанием. [4, с. 243]. И даже обратившись в толстого пушистого кота, ставодним из кошмаров Мценской «Леди Макбет», он может только способствовать неизбежной гибели своего сына, «кстати» пробудив спящую с любовником «невестушку».

«Заснула Катерина Львовна, наигравшись и натешившись, так крепко, что и нога ее спит и рука спит; но опять слышит сквозь сон, будто опять дверь отворилась и на постель тяжелым осметком упал давишний кот.

– Да что же это в самом деле за наказание с этим котом? – рассуждает усталая Катерина Львовна...

А кот курны – мурны у нее над ухом... да и выговаривает: «Какой же, говорит, – я кот! С какой стати!.. я именитый купец Борис Тимофеевич...»

Катерина Львовна глянула и закричала благим матом. Между ней и Сергеем лежит кот, а голова у того кота Бориса Тимофеича во всю величину, как была у покойника, а вместо глаз по огненному кружку в разные стороны так и вертится, так и вертится!

Проснулся Сергей, успокоил Катерину Львовну и опять заснул; но у нее весь сон прошел – и кстати» [4, с. 242].

Потому и прошел «кстати», что услышала она, как ее муж лезет через забор, да и потихоньку в комнату пробирается. И решила она на «страшное». Второе убийство совершается Катериной Львовной с тем же спокойствием, даже с дерзкой гордостью за свою неодолимость – ведь не может же в самом деле ничего жизненно сильного противопоставить ее муж той, золотой ночи в цветущем саду («Посмотри, Сергей, рай – то, рай – то какой!»), когда под «полным погожим месяцем», «плескаясь в лунном свете да и покатываясь по мягкому ковру, резвилась и играла Катерина Львовна с молодым мужниным приказчиком» [4, с. 250].

Это сказочно жуткий, звериный «рай», где «дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге и к темным желаниям» [4, с. 247], (вот что встало на место райского сада героини Островского!) и откуда Катерина Львовна, «замыв мочалкою с мылом кровавое пятно, оставленное Зеновием Борисычем на полу опочивальни» [4, с. 258], вышла царствовать со своим «купцом» Серёженькой и с долгожданным младенцем в чреве, – предел и исполнение всех желаний Лесковской героини, ее осуществившийся языческий идеал: его она, по сути дела, и защищает от посягательства любого «вора». После убийства мужа Катерина Львовна по-детски зловеще говорит: «Вот тебе, не лазь к жене вором, не подкарауливай!» [4, с. 259].

Этот идеал по всей логике повести неизбежно должен столкнуться с тем высоким христианским идеалом, которому нет места в душе Катерины Львовны и к которому до последней минуты, даже совершая грех самоубийства, была страстно верна героиня Островского.

«Новая напасть» неожиданно является в лице «небольшого мальчика» – племянника и «сонаследника» убитого мужа, «безмятежно» перешедшего дорогу корыстным устремлениям бывшего приказчика, вновь толкающего Катерину на преступление.

Сцена удушения ни в чем не повинного ребенка – своего рода «бытовая» мистерия, наполненная символическими деталями. Бабушка просит поухаживать за больным внуком: «Потрудись... Катеринушка, – ты, мать, сама человек грузный, сама суда божьего ждешь; потрудись» [4, с. 262]. И та «потрудились» в ночь «под праздник введения» во храм (21 ноября). Во время разговора уже с обреченной жертвой, когда Федя сказал, что ждет «благословенного хлебца от всенощной», «собствен-

ный ребенок у нее впервые повернулся под сердцем, в груди у нее потянуло холодом» [4, с. 264].

В самый момент убийства мальчик предлагает почитать «тётеньке» «Житие своего ангела, святого Федора Стратилата» – одного из наиболее почитаемых великомучеников православной церкви, кротко принявшим страдания и смерть за проповедование христианства и разумение языческих идолов. И конечно, совсем не случаен в связи с этим «белый атласный венчик» (лесковский знак мученического венца) на лбу лежащего в гробу Феди, «которым был закрыт красный рубчик, оставшийся после вскрытия черепа», так же как не случайно и то, что день памяти Федора Стратилата приходится на 8 (21) февраля, – судя по всему, именно в это время партия каторжан «под мокрыми хлопьями снега» подойдет к «темной свинцовой» полосе Волги, в волнах которой совершится последнее преступление Катерины Измайловой.

Страшный каторжный путь предстоит проделать Измайловой, и на этом пути ждет ее нравственная катастрофа и гибель. Ее любовь оказывается гнусно униженной, в буквальном смысле втопанной в грязь этапа ногами «девочки» Сонетки в «хорошо знакомых... синих шерстяных чулках с яркими стрелками» – «в последних чулках» «купчихи», своими руками безропотно отданных в подарок любимому «приказчику». Это нечто большее, чем измена, оскорбление, надругательство, это намеренное духовное убийство, не без наслаждения совершенное бывшим «соучастником». Знаменательно то, что новая возлюбленная Сергея, «оскорбительница» не имеет даже имени, а только сладострастную кличку – Сонетка и такую же мелко собачью характеристику – «вьюн».

Спасти Сонетку от мести Измайловой уже ничто не может. Вместе с ней бросается она в свинцовые волны Волги: «Сонетки опять не стало видно. Через две секунды, быстро уносимая течением от парома она снова вскинула руками; но в это время из другой волны почти по пояс поднялась над водою Катерина Львовна, бросилась на Сонетку, как сильная щука на мягкоперую плотицу, и обе более уже не показывались» [4, с. 281].

Финальная сцена «с Волгой» заставляет вновь вспомнить судьбу героини «Грозы», смерть которой столь разительно отличается от гибели Катерины Измайловой.

«Катерина Кабанова, – пишут в своей статье П. Громов и Б. Эйхенбаум, – явление в своей среде инородное. Луч света, пробившийся извне и озаривший на мгновение всю неприглядность темного царства. Гибель же Катерины Измайловой – это разряд молнии, который родился в темных, густых недрах самой среды» [2, с. 164].

Ту же самую мысль выражает в своей книге В. Гебель: «О Катерине Измайловой можно было бы сказать, что она не луч солнца, пада-

ющий в темноту, а молния, порожденная самим мраком и лишь ярче подчеркивающая непроглядную темень купеческого быта» [3, с. 20].

«Леди Макбет Мценского уезда» принадлежит к лучшим произведениям Лескова по обрисовке характеров, по точности психологических мотивировок, по строгой лапидарности, по контрасту между резкой трагичностью сюжета и спокойным тоном повествования.

Литература

1. Григорьев А. Литературная критика. Цит. по: В мире Лескова. М., 1983.
2. Громов П., Эйхенбаум Б. Н. С. Лесков (очерк творчества). М.: 1956.
3. Гебель В. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1965.
4. Лесков Н. Леди Макбет Мценского уезда // Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1973.

О. Ч. Хегай

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Корейский текст в русском культурном пространстве

Аннотация. Статья посвящена анализу «Корейских сказок» Н. Гарина-Михайловского и баек А. Кима «Собачонка Оори». Этот анализ связан с литературным дискурсом, в котором актуализируется проблема локального текста как семиосферической системы. Показано, что корейский локус характеризуется как культурная семиосфера, аккумулирующая и одновременно генерирующая мифологические, ментальные и культурные представления о Корее и ее народе. Исследование «Корейских сказок» выявляет константные «сигнатуры», определяющие бытование Корейского текста в современном русском культурном пространстве.

Ключевые слова: корейский текст; локальный; семиосфера; локус; сказка.

В современной филологической науке весьма интенсивно развивается изучение локального текста как семиосферической системы, отражающей специфику локуса и выступающей знаковой его манифестацией.

Исходным моментом в данном направлении явились труды ученых тартуско-московской семиотической школы: Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и др. [5; 6; 7], заложивших базовые стратегии концепции семиосферы как знаковой системы культурного пространства. По мнению Ю. М. Лотмана, любой географический регион как локус представляет семиотический механизм, генерирующий культуру как «котел текстов и кодов» [5].

Впоследствии В. Н. Топоров на основе семиотической концепции провел анализ локального литературного сверткста Петербурга [6],

что и явилось началом изучения феномена локальных текстов в литературе. По мнению Е. Ш. Галимовой, исследователя Северного текста, открытие Петербургского текста привело к тому, что «...оно оказалось «заряженным» таким мощным научным потенциалом, что стало катализатором гуманитарной мысли на несколько десятилетий, обозначив вектор изучения локальных свертхтекстов» [2]. Эту концепцию поддерживает также исследователь Пермского текста, которого «интересует не Пермь, физически существующий город и земля, а *‘Пермь’* – структурно-семантическое образование», дающее «представление о конструирующей реальность энергии культуры» [1].

Весьма большой научный интерес вызвали исследования, посвященные нероссийским локусам. Так, в частности, исследование Э. Ф. Шафранской, посвященное Ташкентскому локусу, в котором на большом литературном материале (произведения Н. С. Лескова, М. Салтыкова-Щедрина, современных писателей: А. Солженицына, Дины Рубиной, Евгения Абдуллаева, Тимура Пулатова и др.) раскрываются среднеазиатские топонимические реалии, на основании которых Ташкент репрезентирует себя как локальный текст [9].

В контексте вышеизложенного представляется весьма своевременной попытка рассмотреть Корейский текст в аспекте семиосферической системы.

Отправной точкой в изучении Корейского локального текста послужили «Корейские сказки, записанные осенью 1898 года» Н. Гарина Михайловского, которые раскрывают запредельные мечты корейцев о счастливой жизни и содержат разнообразные «сигнатуры» (термин Т. В. Цивьян) локуса [8, с. 67].

Во время путешествия в 1898 году писатель «...фраза за фразой, записывал корейские сказки, стараясь сохранить простоту речи...», в которых отразилось все духовное богатство этнобытования корейского народа[3].

Пропитанный духом народного творчества, писатель на ходу сочинил сказку, которая переключается с народной сказкой «Художник».

Герой сказки – знаменитый художник Ким-тон-чуни (так записано у Н. Гарина Михайловского. – О. Х.), мечтал о счастье Кореи. И как-то ему приснился сон, в котором излюбленный традиционный персонаж корейского фольклора волшебник-мудрец хенин, принявший облик восьмидесятилетнего белого старика, сказал ему: «Есть небесная река. Она нежнее неба и светлее земной самой чистой воды. ... и цвет, который начинается за тем местом, где падает красноватый отблеск Ориона, и есть цвет той реки. Срисуй ее, и такая картина даст счастье всей Корее. Но она будет тебе стоить жизни» [3].

В этой сказке передается мечта народа о счастье, которое «уплыло» из-за ханжества и глупости ученых министров, приближенных корейского императора, не способных, как оказалось, увидеть глубокое содержание картины, нарисованной художником, который ценой своей жизни проник в самую глубину ночи и увидел движение жизни корейского счастья: «И он изошрился свое зрение до того, что мог видеть в небе то, чего никто из смертных не видел еще. И когда так неподвижно сидел Ким, душа его отделялась от его тела и уходила гулять на небо...» [3]. Картину, заброшенную в архиве невежественными корейскими министрами, по совету мудреца, выкупил китайский богдыхан: «На что вам эта дрянь? – спросили корейские министры, пряча деньги в свои карманы. – На что? А дайте-ка сюда удочку. И когда удочку поднесли к картине, из нее выскочила живая рыбка. – Видели? – спросили китайцы. – Вы продали счастье вашей страны» [3].

В аспекте заданной проблемы байки А. Кима «Собачонка Оори», записанные им со слов старых корейцев-сказителей, представляют уникальный материал, маркирующий Корейский локальный текст как корейскую «матрицу» (В. Абашев) [1]. Не случайно писатель определяет их жанровую природу как «байки», «...*еммар*, старинные корейские байки – фантастические истории на житейском материале...» [4].

Корейские байки «Собачонка Оори» А. Кима иллюстрируют наполненность лексико-семиотического пространства Корейского текста, сформированного уже на территории России, когда в бытовом нарративе практиковалось смешение слов корейского и русского языков. Такое явление зачастую наблюдается в условиях ситуации би- и полилингвизма, когда, отдельные слова одного языка вкраплены в речевое поле другого и контекст от этого не искажается, но приобретает специфическое звучание. Так, корейские байки «Собачонка Оори», написанные на русском языке, содержат корейские слова и выражения, обозначающие разные «сигнатуры» корейского текста: (имена собственные: Пак, Со, Цай; названия гор, рек, городов: Сеул, Сораксан, река Тэдонган; названия кулинарных блюд: кукси (русский вариант кукусу), различные артефакты: рисовая водка, вычищенная тыква-багади, дом с загнутыми углами крыши, многоэтажная шляпа из конского волоса; социальные уровни: янбань, адюмани; денежные единицы: 150 вонов и т. д.

Особый лексико-семантический колорит в рецепцию идейно-смыслового содержания вносят так называемые ментальные «сигнатуры», передающие тонкости национального мышления: «Отцовское подворье и земля по смерти родителя достались, как это было положено, старшему», «сам на спине перенес мать в свой дом – чтобы допокоить ее в почете и уважении».

В советскую эпоху, отличающуюся как минимум билингвизмом (русский/узбекский, русский/казахский, русский/корейский и т. д.), русская речь содержала слова, речевые обороты других языков, в частности, корейского – у русскоязычных корейцев. Их наличие в литературном или фольклорном тексте не может маркироваться как ориентальный экзотизм или этнографические элементы; это одна из составляющих собственно корейского локального текста. Некоторые подобные явления, встречаемые в «Корейских байках» А. Кима, присутствуют как глоссы. Комментарии, разъясняющие то или иное понятие, даны непосредственно в тексте в разных формах: близко к переводу с разъяснением – «*е м м а р*, старинные корейские байки – фантастические истории на житейском материале...», «делают *кукси*, лапшу корейскую», «женщины, веселые *адюмани*»; или выражение, значение которого становится понятным непосредственно в данном контексте, как, например: «*Айгу*, все ясно мне! *Айгу*, беда какая!», иногда пояснение дается как приложение: чертик-*токеби*, бесы-токеби, *адяси*-мужик, барин-*янбань*.

Таким образом, подведем итоги:

1. Изучение состояния и развития теории локального текста в современной филологии позволило выявить некоторые аспекты этого направления и рассмотреть их применительно к Корейскому тексту.

2. Корейский локус рассматривается как семиотически насыщенная среда человеческого обитания, где имеется собственная мифология, фольклор, этнобытование. Это не только геополитическая область, но и культурная семиосфера, аккумулирующая и одновременно генерирующая мифологические, ментальные представления о Корее и ее народе.

3. «Корейские сказки» Н. Гарина-Михайловского, «Собачонка Оори» А. Кима выявляют константные «сигнатуры» как знаки, свидетельствующие о бытовании Корейского текста в русском культурном пространстве.

Литература

1. *Абашев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008.

2. *Галимова Е. Ш.* Северный текст в системе локальных (городских и региональных) свертхтекстов русской литературы. URL: https://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf.

3. *Гарин-Михайловский Н.* Корейский сказки, записанные осенью 1898 года. URL: <http://bukvaed.net/classics/27156-nikolay-garin-mihaylovskiy-sbornik-proizvedeniy-25-knig-fb2mobi.html>.

4. *Ким А.* Собачонка Оори. Корейские байки. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=17744>.

5. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.

6. *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. URL: http://imwerden.de/pdf/toporov_peterburgsky_tekst_russkoj_literatury_2003_text.pdf.

7. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

8. *Цивьян Т. В.* Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 248 с.

9. *Шафранская Э. Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.

О. Б. Юлдашева

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

Формирование русскоязычной литературы

Аннотация. В статье дается обзор становления русскоязычного современного литературного процесса в Узбекистане. Выявляется, насколько изменились за последние десятилетия в регионе положение и роль литературы, создаваемой на русском языке, как выражается на нем иная идентичность, менталитет иной культуры и как эта культура, в свою очередь, воздействует на русскоязычные тексты.

Ключевые слова: русскоязычная литература; диалог культур; поэзия; проза; литературный процесс.

В условиях современной научной парадигмы одной из актуальных задач является исследование такого феномена, как «русскоязычная литература», поскольку «русскоязычие – это осознанный выбор языка самовыражения независимо от того, родной он или нет» [6, с. 156]. Для произведений русскоязычных писателей характерен диалог культур, который значительно усложняет, трансформирует, обогащает русскую литературу. В процессе создания русскоязычного текста происходит некое слияние культур, так как с помощью языка одного народа передаются обычаи, традиции и сокровенные знания другого. Так случилось и с русской литературой в Узбекистане. Обогатившись впечатлениями и знаниями о Средней Азии, русские писатели создают оригинальные произведения, посредством художественного слова и погружают читателей в мир, который им до конца неизвестен.

Русскоязычная литература Узбекистана – литература, написанная на русском языке, и, в силу этого, являющаяся частью русской литературы, развивающаяся на территории Узбекистана как в период ее вхождения в состав метрополии, так и после обретения ей независимости в 1991 году.

Наиболее изученным с научной точки зрения явлением стала на сегодняшний день русскоязычная поэзия Узбекистана. Так, А. Иванов отмечает: «Значительным художественным явлением стала русскоязычная узбекская поэзия. «Ферганская школа», которая получила широкую известность в середине 1990-х годов. Это было объединение русскоязычных поэтов, возникшее в 1980-е годы в узбекском городе Фергана. Сейчас участники этой поэтической группы почти все разъехались из Узбекистана, обосновавшись в России, Америке, Израиле, Финляндии. Заявила о себе в Узбекистане и Ташкентская поэтическая школа, включающая русскоязычных поэтов. Их объединяет обостренное чувство прошлого, поэтизация детства, обращение к традициям философской лирики. Совместно они выпустили пять номеров поэтического альманаха «Малый шелковый путь». С советских времен издается в Узбекистане русскоязычный литературный журнал «Звезда Востока» [3, с. 95].

В литературоведении Узбекистана активно исследуются основные закономерности русскоязычной прозы [1], современный литературный процесс в Узбекистане [4] и проблемы перевода художественной прозы с узбекского на русский язык [2]. Новейший литературный процесс в Узбекистане представляет собой явление разнообразное и сложное, не исключение и та его часть, которая касается авторов с русской идентичностью и людей других наций, предпочитающих писать по-русски в ситуации, когда русский язык утратил статус государственного.

Сегодня русская литература существует и развивается в окружении литературы на других различных языках, при нарастающем присутствии английского языка в жизни страны, что, разумеется, привносит свой колорит в формирование общего литературного процесса. В стране действуют разнообразные русскоязычные издания – как толстые литературные журналы, так и популярные интернет-издания. «В течение последних десятилетий после распада СССР русскоязычная литература Узбекистана переживает заметный подъем и обновление в области стилистики, жанров и выбора литературных направлений» [5, с. 235].

Русскоязычные писатели более не ограничиваются заданными в Европе жанровыми канонами, а органично сочетают их с типично восточными формами поэзии и прозы, связанными с культурой Средней Азии исторически.

Важно в этом контексте условиться о различении работающих в одном культурном пространстве русских и русскоязычных писателей, которого придерживается большинство литературоведов и критиков: к русскоязычным относятся писатели-билингвы, то есть этнические узбеки или люди других наций, пишущие на русском языке, а к русским –

этнические русские, пишущие на своем родном языке. Подобное разделение актуально по ряду причин: русская и русскоязычная литература различаются стилистически и тематически, нередко отражают описываемую реальность под разными углами зрения, используя различающиеся формы рефлексии. Например, темой творчества становится не только современная жизнь, но и воспоминания о советском прошлом, на которое приходится молодость и становление личности литературного героя того или иного произведения.

Русская литература Узбекистана – это одна из ветвей русской литературы в ее множестве. Она отличается от классической русской литературы неповторимым, оригинальным колоритом, связанным с взаимопроникновением культур – среднеазиатской и славянской, богатством традиций, сформировавшихся за два столетия развития русского литературного языка в Средней Азии. Сохранение русской литературы в Узбекистане – это сохранение целого пласта культуры двух народов. Его потеря может стать невосполнимой утратой. Мы должны не только беречь золотое наследие прошлого, но и делать все для развития русской литературы в современном мире. Не только от воли государств – Узбекистана и России – зависит будущее русской литературы в Узбекистане. Оно зависит от воли каждого писателя, от нашего желания развиваться и развивать, от нашей активной позиции. Есть, над чем задуматься. Есть, к чему приложить силы. Надежда есть! Пока есть...

В целом можно сказать, что русская и русскоязычная литература Узбекистана наследует традиции русской и мировой классики и стремится в разных формах вписать себя в современный контекст. В последние годы она сделала значительный рывок в пространство мировой литературы, о чем свидетельствуют интересные поиски авторов в содержательно-формальной сфере, смелые творческие эксперименты.

Литература

1. *Гибралтарская О. Н.* Аксиосфера современной русскоязычной литературы // Polish Journal of Science. 2021. № 36-2.

2. *Гибралтарская О. Н., Камилова С. Э.* Специфика передачи индивидуального стиля писателя при переводе художественной прозы с узбекского на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 12 (805).

3. *Иванов А.* Литература на русском языке в постсоветских странах как фактор самоидентификации славянских народов // Пространство литературы. 2013.

4. *Камилова С. Э.* Проблема перевода и современный литературный процесс в Узбекистане // XIV Виноградовские чтения. 2018.

5. *Овчеренко У. В., Монисова И. В.* Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25, № 2.

СЕКЦИЯ III

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Л. Т. Ахмедова

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Технология организации внеаудиторной работы по русскому языку и литературе в вузе

Аннотация. Рассматривается технология организации внеаудиторной и самостоятельной работы по русскому языку и литературе для вузовской аудитории.

Ключевые слова: учебно-познавательная деятельность; самостоятельная работа; внеаудиторная работа.

Прочное владение русским языком (наряду с другими мировыми языками) одно из условий повышения качества подготовки высококвалифицированных специалистов, потребность в которых возрастает в современных условиях ускорения научно-технического прогресса (цифровизации общества), интеграции, обогащения интеллектуального потенциала, реализации крупномасштабных комплексных социально-экономических программ, ключ к достижениям отечественной и мировой культуры, науки, литературы и искусства [1].

И в этом плане внеаудиторная работа студентов по русскому языку и литературе является важным компонентом системы подготовки будущих учителей-словесников. Вузы призваны добиваться активизации учебно-познавательной деятельности студентов, развивая их творческие способности и культуру мышления, умение самостоятельно ориентироваться в потоке информации, а также научить студента стремиться к постоянному обновлению своих знаний, к постоянному самообучению. И основной сферой в решении обозначенных задач, на наш взгляд, должна стать внеаудиторная самостоятельная работа студентов. Это сложный, качественно иной по сравнению с аудиторными занятиями вид обучения. В ходе внеаудиторной самостоятельной работы сту-

дент оказывается поставленным перед необходимостью мобилизовать свою способность обобщать полученную информацию, превращая ее в знание. Но еще более важен психологический результат, так как в процессе самостоятельной работы студент постоянно ощущает себя личностью, самостоятельно принимающей решения, несущей за них ответственность и в принципе становится такой личностью.

Самостоятельная работа обязательно предполагает умение самоорганизации своей деятельности, причем сугубо индивидуальной. У большинства же сегодняшних студентов принимаемые решения далеко не оптимальны. Как показывает, опыт работы в вузе, значительная часть обучающихся выполняет задания не в срок, с большим опозданием, качество работы при этом нередко лишь удовлетворительное. Именно поэтому включение внеаудиторной самостоятельной работы в учебные планы, то есть регламентация ее как особого вида учебной деятельности, характеризует ее как один из этапов в организации учебного процесса в вузе. Учебный процесс в вузе предусматривает обязательную внеаудиторную самостоятельную работу студентов, так как только в процессе активной самостоятельной деятельности может эффективно и плодотворно осуществляться учение и познание, т. е. усваиваться знания, приобретаться умения и навыки в определенной области знания.

Самостоятельная работа способствует формированию таких важных качеств личности как трудолюбие, организованность и дисциплинированность, развивает память, мышление, внимание. Следствием сказанного является необходимость перехода от эмпирического решения проблемы организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов в вузе к разработке вопросов практики и технологии организации этого вида деятельности.

Многолетняя практика преподавания методики русского языка и литературы и исследования психологов показывают, что помимо работы на занятиях преподавателю важно организовывать и внеаудиторную работу, которая предусматривает следующие виды деятельности студентов:

- внеаудиторное мероприятие по специальности;
- проведение диспутов, викторин;
- работа кружков выразительного чтения, литературных, лингвистических, драматических, литературно-творческих;
- проведение литературно-художественных, литературно-музыкальных вечеров, а также тематических вечеров;
- ознакомление с произведениями музыки, живописи, скульптуры, с театральными постановками, близкими по тематике к изучаемым литературным произведениям;

- просмотры экранизаций изучаемых произведений с предварительной подготовкой и последующим их обсуждением;
- работа по литературному и лингвистическому краеведению;
- работа со словарями русского языка и литературы и др.

Следует отметить, что каждый вид внеаудиторной работы при умелом отборе технологий, методов, приемов и стратегий его проведения, представляет интерес и педагогическую ценность.

Поскольку статья не позволяет рассмотреть подробно все виды внеаудиторной самостоятельной работы студентов, то остановимся на практической части проведения мероприятия по специальности по русскому языку и литературе. Отметим, что в период прохождения квалификационной практики студенты четвертых курсов, будущие учителя русского языка и литературы, обязаны проводить внеаудиторные мероприятия с учащимися школ. Часто у студентов-практикантов возникают затруднения в плане подготовки сценариев внеаудиторных мероприятий, думаем предлагаемая нами далее практическая разработка внеаудиторного мероприятия по специальности по теме «Деловая игра: Имидж молодого лидера» с использованием инновационных технологий обучения, будет полезна будущим специалистам словесникам.

Деловая игра: Имидж молодого лидера

Цель: формирование творческой личности, способной высказать свою точку зрения.

1. «Мозговой штурм»

Дайте как можно больше ассоциаций со словом «имидж». Все варианты запишите в таблице:

Внешний облик	Поступки, манера поведения	Наше субъективное восприятие
Возраст Пол Физические данные Одежда Прическа		

2. Работа в малых группах

Задание: вжиться в усредненный образ той или иной возрастной или социальной группы населения и представить, что может нравиться, а что нет в имидже лидера с точки зрения этих групп населения.

- 1-я группа – молодежь 16–18 лет;
- 2-я группа – старшее поколение 40–50 лет;
- 3-я группа – богатые предприниматели;
- 4-я группа – бедное сословие;

- 5-я группа – деловые женщины.

3. Презентация наработанного, вопросы и комментарии.

4. Эвристическая беседа. *Задача:* организовать дискуссию/беседу участников об общечеловеческих ценностях.

- Назовите общие черты у всех групп (см. задание работы в малых группах).

- Существуют ли различия в восприятии западного и восточного человека?

- Можно ли нравиться всем?

- Как этого добиться? Надо ли этого добиваться?

- Какую выбрать тактику и стратегию в зависимости от симпатии граждан?

Вывод: за лидером должно быть реальное, полезное дело, оно – опора имиджа.

5. Дискуссия на тему: «Что или кто создает имидж? Что или кто его разрушает?»

6. Практическая часть: приемы формирования положительного имиджа.

Прием «Имя собственное»

- Произнесите свои имена так, как вам нравится, чтобы вас называли.

- Придумайте прилагательные к своему имени, начинающиеся с той же буквы, что и имя.

- Вам предстоит выступить перед большой незнакомой аудиторией. Выберите обращение: Дамы и господа! Коллеги! Соотечественники! Единомышленники! Граждане! Братья и сестры!

Прием «Золотые слова»

1. Сделайте по желанию комплимент кому-нибудь.

2. Работа с плакатом «Психологический механизм приема „Имя собственное“»:

- обращение к человеку по имени;
- внимание к данной личности;
- утверждение человека как личности;
- образование положительных эмоций;
- расположенность к источнику этих эмоций;
- эффект внушения.

7. Заключительная часть «Изучение существующих стереотипов граждан и способы их разрушения». Способ разрушения стереотипов – «Докажи обратное».

- «Все продается и все покупается».
- «Всё равно ничего не изменишь».
- «Все только обещают, но ничего не делают».

Таким образом, проведение внеаудиторной работы в вузе расширяет кругозор обучающихся, формирует мотивацию к изучению русского языка и литературы, развивает и совершенствует профессиональную речь будущих учителей-словесников, а также способствует повышению качества образования, что выступает основой формирования социально зрелой творческой личности.

Литература

1. *Государственный образовательный стандарт системы высшего образования*. Ташкент, 2018.

А. А. Ашуров

Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

А н н о т а ц и я . Статья посвящена информационно-коммуникационным технологиям в образовании. Особый интерес для автора представляют вопросы, связанные с применением информационных технологий в образовании, так как в настоящее время обычными методами обучения удовлетворить индивидуальные запросы обучающихся становится труднее.

К л ю ч е в ы е с л о в а : технология; образование; обучение; методы обучения; электронные библиотеки; информационно-коммуникационные технологии.

В наши дни тема информационных технологий в образовании является одной из самых актуальных, вторая половина XX века стала периодом перехода к информационному обществу. Из-за огромного количества информации появилось множество проблем, важнейшей из которых является проблема обучения. Одним из самых доступных средств в данном случае является использование компьютерной техники и сети Интернет. Средства информационных и компьютерных технологий позволяют автоматизировать, а тем самым упростить ту сложную процедуру, которую используют педагоги дополнительного образования и методисты при создании методических пособий.

Тем самым, представление различного рода электронных учебников, методических пособий на компьютере имеет ряд важных преимуществ. Во-первых, это автоматизация, как самого процесса создания таковых, так и хранения данных в любой необходимой форме. Во-вторых, это работа с практически неограниченным объемом данных. В-третьих, в создании таковых участвуют воспитанники творческих

объединений, приобретая для себя немало новых навыков и принося этим самым пользу не только себе, но и учреждению дополнительного образования учащихся.

При использовании информационных технологий и услуг сети Internet, у обучающихся повышается кругозор знаний, также они получают практические навыки работы с персональным компьютером и сетью Internet, что обязательно пригодится им в дальнейшей жизни. Сеть Internet позволяет обучающимся не только получать нужную информацию, но и самим опубликовывать свои работы, что является отличным стимулом в обучении.

Использование сети Internet дает доступ к различным библиотекам, позволяет участвовать, как обучающимся, так и педагогам дополнительного образования и методистам в видеоконференциях и дискуссиях. Сеть Internet позволяет всем участникам воспитательно-образовательного процесса легко и быстро обмениваться информацией. Большую популярность в последнее время получили сетевые сообщества педагогов. Уже сейчас в сети Internet существует большое количество ресурсов, созданных и поддерживаемых обучающимися учреждений дополнительного образования учащихся, а также педагогами. Такие проекты развивают самостоятельность, коллективизм (так как поддерживаются данные проекты обычно группой обучающихся), целеустремленность.

Одной из разновидностей образовательных услуг сети Internet являются электронные газеты и журналы. С помощью электронных газет и журналов, можно узнать различные новости, интервью, события, анонсы и другую полезную информацию о происходящем в мире.

В последние годы большую популярность приобретают идеи дистанционного образования с использованием передовых средств информационных технологий. Дистанционное образование помогает решать задачи обучения людей, которые не могут присутствовать на занятиях в учебном заведении. В связи с бурным развитием информационных технологий, технических средств и стремительным ростом объема необходимой для успешной деятельности информации, дистанционное образование становится очень актуальным в наше время.

Современному обществу требуется не только информационно грамотный человек, но и творчески самостоятельная личность. Поэтому необходимо развивать самостоятельность и творческие способности обучающихся. Данную задачу можно реализовать средствами информационных технологий, вовлекая обучающихся в создание электронных учебников для образовательного учреждения.

Важность и необходимость внедрения ИКТ в процесс обучения отмечаются международными экспертами во «Всемирном докладе по

коммуникации и информации 1999–2000 годы», подготовленном ЮНЕСКО и изданным в конце прошлого тысячелетия агентством «Бизнес-Пресс». В предисловии к докладу Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор пишет, что новые технологии должны способствовать «созданию лучшего мира, в котором каждый человек будет получать пользу от достижений образования, науки, культуры и связи». ИКТ затрагивают все названные сферы, но, пожалуй, наиболее сильное позитивное воздействие они оказывают на образование, так как «открывают возможности совершенно новых методов преподавания и обучения» [1].

Глобальное внедрение компьютерных технологий во все сферы деятельности, формирование новых коммуникаций и высокоавтоматизированной информационной среды стали не только началом преобразования традиционной системы образования, но и первым шагом к формированию информационного общества.

Примером успешной реализации ИКТ стало появление интернета – глобальной компьютерной сети с ее практически неограниченными возможностями сбора и хранения информации, передачи ее индивидуально каждому пользователю [5].

ИКТ оказывают активное влияние на процесс обучения и воспитания обучаемого, так как изменяют схему передачи знаний и методы обучения. Вместе с тем внедрение ИКТ в систему образования не только воздействует на образовательные технологии, но и вводит в процесс образования новые. Они связаны с применением компьютеров и телекоммуникаций, специального оборудования, программных и аппаратных средств, систем обработки информации. Они связаны также с созданием новых средств обучения и хранения знаний, к которым относятся электронные учебники и мультимедиа; электронные библиотеки и архивы, глобальные и локальные образовательные сети; информационно-поисковые и информационно-справочные системы и т. п. Модели ИКТ в настоящее время разрабатываются, а часть из них успешно применяется при исследовании систем образования.

«Применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере образования способствует совершенствованию образовательных технологий, появлению новых форм обучения и средств информационной поддержки для доступа широкого круга к электронным образовательным ресурсам с использованием сети Интернет» [3], «появлению широкого спектра дистанционных образовательных технологий» [2].

ИКТ оказали огромное влияние и на сферу обучения языкам. Интернет-технологии являются важнейшей составной частью ИКТ.

При подготовке к уроку с использованием ИКТ преподаватель не должен забывать, что это урок, а значит, составляет план урока исходя из его целей, при отборе учебного материала он должен соблюдать основные дидактические принципы: систематичности и последовательности, доступности, дифференцированного подхода, научности и др. [5] При этом компьютер не заменяет преподавателя, а только дополняет его.

Компьютер может использоваться на всех этапах: как при подготовке урока, так и в процессе обучения: при объяснении нового материала, закреплении, повторении, контроле ЗУН.

Достоинства использования ИТ заключаются в том, что повышается эффективность обучения учащихся за счет повышения уровня его индивидуализации и дифференциации, использования дополнительных мотивационных рычагов; организуются новые формы взаимодействия в процессе обучения и изменения содержания и характера деятельности преподавателя и обучающего; совершенствуются методы и технологии отбора и формирования содержания общего среднего образования; вводятся и развиваются новые специализированные учебные дисциплины и направления обучения, связанные с информатикой и информационными технологиями; вносятся изменения в обучение большинству традиционных школьных дисциплин, напрямую не связанных с информатикой [4]; повышается уровень активности обучаемого, развитие способности альтернативного мышления, формирование умения разрабатывать стратегию поиска решений как учебных, так и практических задач; приобретение умения познавать закономерности предметных областей и окружающей среды интеграционно, во всей взаимосвязи и зависимости; возможность прогнозировать результаты реализации принятых решений на основе моделирования изучаемых объектов, процессов и взаимосвязей между ними.

Недостатки использования ИТ заключаются в том, что сводится к минимуму ограниченное в учебном процессе живое общение преподавателей и обучающихся, учащихся между собой, предлагая им общение в виде «диалога с компьютером»; сокращается практика социального взаимодействия и общения, индивидуализм; трудность перехода от информации, циркулирующей в системе обучения, к самостоятельным профессиональным действиям, иначе говоря, от знаковой системы как формы представления знания на страницах учебника, экране дисплея и т. п. к системе практических действий, имеющих принципиально иную логику, нежели логика организации системы знаков; отвлечение внимания обучающегося в процессе обучения в связи с колоссальными объемами информации, представляемыми некоторыми средствами информатизации, такими как электронные спра-

вочники, энциклопедии, интернет-порталы; снижение эффективности обучения и воспитания обучающихся вследствие использование информационных ресурсов, опубликованных в сети Интернет часто срывает принцип экономии сил: заимствованные из сети Интернет готовые проекты, рефераты, доклады и решения задач из школьных учебников сегодня в школе – уже привычный факт; негативное влияние чрезмерного и неоправданного использования средств информатизации на здоровье всех участников образовательного процесса.

Литература

1. *Всемирный доклад ЮНЕСКО по коммуникации и информации*, 1999–2000 гг. М., 2000.
2. *Образование и XXI век: информационные и коммуникационные технологии*. М.: Наука, 1999.
3. *Открытое образование – объективная парадигма XXI века* / под общ. ред. В. П. Тихонова. М.: МЭСИ, 2000.
4. *Романов А. Н., Торопцов В. С., Григорович Д. Б.* Технология дистанционного обучения в системе заочного экономического образования. М.: Юнити-Дана, 2000.
5. <https://www.prodenka.ru>.

М. А. Батырова

Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации
сельского хозяйства (г. Ташкент, Узбекистан)

Подготовка будущих специалистов на новом этапе развития Узбекистана

Аннотация. В статье рассматривается роль высшей школы в системе непрерывного образования в Республике Узбекистан, идея непрерывности образовательного процесса выступает в качестве новой парадигмы мышления современного человека.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование; непрерывность системы образования в Узбекистане; личностный потенциал.

Высшая школа занимает ведущее место в системе непрерывного образования и связана с экономикой, наукой, технологией и культурой общества в целом. Поэтому ее развитие является важной составной частью стратегии общенационального развития Узбекистана.

На новом этапе развития нашей республики необходимо четко и осознанно представлять, каким должно быть высшее профессиональное образование и какими должны быть специалисты, выпускаемые вузом в ближайшее будущее. Требования к подготовке квалифи-

цированных специалистов формулируются исходя из общих экономических и общественных целей государства.

Умение предвосхищать и предвидеть развитие высшего профессионального образования является одним из важнейших условий успешности его функционирования. Такое научное предвидение возможно постольку, поскольку будущее рассматривается как продолжение прошлого. Но требования к современному специалисту, содержанию и процессу его подготовки должны носить опережающий характер по сравнению со сложившейся теорией и практикой обучения в вузе. При этом главная цель проектирования опережающих квалификационных требований – это обеспечение соответствия между изменениями личностных, общественных потребностей и перспективами развития науки, техники, экономики, культуры и отражением их в целях и содержании подготовки будущих специалистов.

В вузовском образовании в связи с повышенной динамичностью образовательной среды феномен непрерывности приобретает сегодня еще более актуальное звучание, что обязывает каждого преподавателя работать над своим образованием в процессе всей своей профессиональной деятельности.

Идея непрерывности выступает как новая парадигма мышления человека, утверждающая его стремление к постоянному обогащению личностного потенциала, профессиональных возможностей в соответствии с идеалами культуры, нравственности, профессионализма, полноценной самореализации в жизни. Вузовская часть системы непрерывного образования представлена, в первую очередь, стандартными учебными планами и программами, связанными с освоением русского языка как языка межнационального общения. В связи с этим необходимо формировать у студентов вузов культуру самостоятельной деятельности, потребность в личностном и профессиональном росте, поскольку именно личное стремление специалиста к совершенствованию своего мастерства позволит достичь профессиональных успехов. В значительной мере эта задача в вузе решается путем выполнения различных творческих проектов, курсовых и дипломных работ.

Идеи гуманизма, воспитания гражданина, которые пропагандировали еще великие мыслители Востока, пробудили на новом этапе развития Узбекистана стратегические цели в сфере образования, ориентировали на новые задачи и условия обучения личности с учетом всестороннего развития человеческих способностей. Функции практического анализа заключаются в обосновании актуальности проблемы, ее подготовленности предшествующим развитием теории и практики образования, оценке исторического опыта решения исследуемой проблемы, выявлении тенденций и прогнозе развития теории и практики

непрерывного образования каждого специалиста. Развитие этой идеи связано с гуманистической парадигмой образования, когда в центр внимания попадает личность, ее желания и способности, ее разностороннее развитие. Во многом эти идеи сохраняют смысл, ценность и для современного общества, хотя их интерпретации должны учитывать реалии сегодняшней жизни.

Взаимосвязь, единство теоретических и практических аспектов образования составляют суть стадии практического содержания концепции непрерывного образования, продолжающейся по настоящее время в мире. Здесь уточняется и само представление о принципе непрерывного образования, определение этого понятия. ЮНЕСКО предложила следующую трактовку данному понятию: «Непрерывное образование означает всякого рода сознательные действия, которые взаимно дополняют друг друга и протекают как в рамках системы образования, так и за ее пределами в разные периоды жизни; эта деятельность ориентирована на приобретение знаний, развитие всех сторон и способностей личности, включая умение учиться и подготовку к исполнению разнообразных социальных и профессиональных обязанностей, а также к участию в социальном развитии, как в масштабе страны, так и в масштабе всего мира» [1, с. 168].

Использование в системе образования таких ключевых понятий, как единство, координация, преемственность, последовательность, взаимосвязь общего и профессионального образования, потребностей общества и личности позволяет сформулировать определение системы непрерывного образования. Достоинством ее является способность служить для дальнейшего углубления сущностной характеристики системы непрерывного образования, в которой выделены и содержательно интерпретированы такие ее свойства, как целостность, преемственность, прогностичность, адаптивность, поступательность, интегративность, целенаправленность, гибкость и динамичность.

Следующая важная веточка непрерывного образования связана с согласованием образовательных программ вуза, дающая возможность специалистам со средним профессиональным образованием получить со значительно меньшими издержками для себя и государства высшее образование. Кроме того, непрерывное развитие личности ориентировано на непреходящие духовно-нравственные ценности: свободного творца, субъекта целеполагания и целеосуществления на протяжении всей жизни.

Непрерывность образовательного процесса как характеристика, как организационный принцип регулирует взаимоотношения, взаимосвязь различных этапов и ступеней общего и профессионального образования человека. Образование как единый комплекс государствен-

ных и негосударственных образовательных институтов различного уровня и назначения, различных институциональных и процессуальных характеристик вместе с тем характеризуется организационным и содержательным единством, преемственной взаимосвязью, дающем в совокупности каждому человеку реальную возможность получить и постоянно совершенствовать общее, среднее специальное и высшее профессиональное образование, удовлетворять познавательные и духовные потребности, успешно проходить свой образовательный цикл.

Успешность личностного и профессионального развития специалиста определяют уровень его творческой деятельности, особенности образовательной среды, направленности и мотивированности. Поэтому в Ташкентском институте ирригации и механизации сельского хозяйства уделяется особое внимание поиску одаренных студентов для подготовки их к творческому производительному труду на основе мотивированности и теоретико-практической направленности. Решению этой задачи способствовала также целенаправленная работа кафедр нашего вуза, сотрудничество с образовательными учреждениями. В результате проведенной работы удалось повысить уровень мотивированности и направленности студентов нашего вуза на 19 %. Такой показатель свидетельствует о желании молодых людей обрести свое достойное место в жизни, доказать своим каждодневным трудом нацеленность на успех в профессиональной деятельности. Каждый студент осознанно относится к тому, что в нашей стране все делается для достижения молодежью своих целей. Именно на это была нацелена и речь главы государства. Выступая перед парламентом Республики Узбекистан Президент Ш. М. Мирзиёев подчеркнул, что «Мы должны сделать все во имя процветания нашей страны и народом, чтобы жизнь наших дорогих детей и внуков была счастливой» [2, с. 4]. Но для этого необходимо единого языка с целью сохранения общества, способного решать кардинальные задачи. История не знает ни одного народа, который бы не пользовался языком. Это естественно, так как средством, с помощью которого люди общаются друг с другом, передают свои мысли, желания, чувства, и является язык. Для овладения им на должном уровне необходимо научиться понимать друг друга, несмотря на то, что говорят они на разных языках, одним из которых является русский язык. Русский язык сложился в условиях многонациональности, впитав в себя особенности произношения, оригинальные речевые обороты и выражения многих национальных языков. Именно это живое общение национальных культур и языков сделало русский язык одним из самых выразительных, тонких и живых языков мира. По оценке лингвистов, русский язык очень гибкий, образный, изобретательный язык, легко впитывающий заимствования, но не теряющий самобыт-

ности, имеющий колоссальный словарь – более 150 тысяч слов, с четкой и ясной грамматикой, благозвучной фонетикой.

Язык – величайшее достояние и неотъемлемая принадлежность нации, основное средство общения и интеграции ее. Он является необходимым элементом любой национальной культуры. Язык даже самого малочисленного народа отражает историческое прошлое и настоящее его носителей. На нем во многом основываются патриотические чувства и этническое самосознание народа. Не зря родной язык называют материнским, пронося сыновнюю любовь через всю жизнь, как любовь к матери, к Родине.

Вклад русского языка в мировую культуру уникален, так же как и всех языков человечества в историю своей страны, в культурное наследие человечества.

Литература

1. Колотова О. М. Тенденции реализации непрерывного профессионального образования // Молодой ученый. 2009. № 8.
2. 2019 – год активных инвестиций и социального развития // Народное слово. 2018. 29 дек.

М. А. Бердиева

Технический институт Ёджу (г. Ташкент, Узбекистан)

Использование терминов по специальности в образовательном процессе

Аннотация. В статье рассмотрены принципы отбора лексики при составлении учебника РКИ и использование основных приемов семантизации в процессе обучения, помогающих быстрее и эффективнее овладеть новым материалом и использовать его на практике. Вместе с тем описаны рецептивное и продуктивное владение лексикой, способствующие усвоению лексики и формирующие навыки правильного употребления слова и словосочетания при самостоятельном выражении мыслей на русском языке.

Ключевые слова: лексика; коммуникативно значимая лексика; приемы семантизации; семантическое гнездо; дефиниция; контекст; иллюстративная наглядность; этимологический анализ; рецептивное и продуктивное усвоение лексики.

Коренные изменения, произошедшие в экономике в XX – начале XXI в. сказались и на словарном составе русского языка. Произошел стремительный рост словаря; ведь для каждого нового понятия нужно новое обозначение, так как в стране произошли большие перемены в экономике. Это не могло не отразиться в лексике. К тому же в ходе

языковой эволюции используется и содержательно-смысловой потенциал, заложенный в самом словарном составе: изменение значений слов, переосмысление, наращение новой семантики, стилистические переоценки слов – все это, наряду с рождением новых слов, значительно расширяет и обогащает словарь языка, усиливает его потенциал. Но в связи с идейной и материальной дифференциальной общества одни и те же слова приобретают для разных групп людей разные оценочные коннотации. Здесь действуют глубинные процессы в обществе – социальное расслоение общества по имущественному принципу. Для новых русских эти слова (бизнес, предприниматель и др.) звучат безусловно положительно, это неотъемлемая часть их имиджа. Для тех, кто в результате новых экономических преобразований пострадал и попросту обнищал, слова эти воспринимаются резко отрицательно. Это те слои населения, которые утратили свою социальную защищенность. Например, рыночники любят приватизацию, а в народе дают ей оценку соответствующей перефразировкой – прихватизация, нью-воришки). Создается новая фразеология: новые русские, шоковая терапия, теневая экономика, отмывание денег, потребительская корзина, размер минимальной зарплаты. Новым в таких клише является именно сочетание слов, а не слова как таковые. Каждое время имеет некоторый набор слов, которые, в силу сложившихся обстоятельств, становятся модными, широко и разнообразно употребляемыми. Это своеобразные «знаковые» слова эпохи. Большую роль в их распространении играют СМИ, создавая речевую среду, в которой задаются эталоны нормы.

Слово «обвал» (с прямым значением «оползень») приобрело переносное значение и стало употребляться при обозначении экономических явлений: обвальная приватизация, обвальная фермеризация, обвальное падение рубля.

Лексические процессы, как правило, сопровождаются трансформацией в семантике слова, его сочетаемости, а также в его стилистической переориентации. Наряду с этим известны благодаря своей широкой употребительности и заново созданные слова: комки (комиссионные палатки), наезд (рэкет), в улет («моментально» – товар уходит в улет).

Семантические преобразования в лексике, наряду с номинацией новых реалий, способствует расширению и обогащению словарного состава. Приобретение словом нового значения может привести к рождению нового слова, усилив тем самым языковую омонимию. Среди семантических процессов выделяются три основных: расширение значения, сужение значения и переосмысление. Расширило сферу своего употребления слово «дом». До недавнего времени мы знали формулы «дом + род. п.» – Дом обуви, Дом ткачей, т. е. специализированные ма-

газины. Сегодня появились названия торговых и коммерческих фирм: Торговый Дом ГУМ, Страховой Дом, Торговый Дом «Библио-Глобус».

Экономические процессы последних лет обусловили многие языковые преобразования. Активнее всего новые формы общественных отношений проявились в разнообразных семантических изменениях.

Слово «застой» как термин, обозначающий «время замедленного развития экономики», также оторвалось от своего первичного употребления (застой в крови, застойные явления в легких) и переместилось в сферу экономической жизни.

Изменения в значении слов происходит в речи, которая основывается на отборе и сочетании языковых единиц. Отбор определяется парадигматическими отношениями данных языковых единиц, сочетании их – синтагматическими отношениями.

Одним из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современном русском языке – процесс активизации употребления иноязычных слов. Надо говорить об активизации употребления этих слов, а не только о новых заимствованиях, поскольку наряду с появлением неологизмов наблюдается расширение сфер использования экономической терминологии.

По мнению Л. П. Крысина, условиями заимствования считается двуязычие, т. е. результат территориального контакта двух народов. Сюда относятся также такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод, комментирование иностранной прессы, участие в международных конференциях, конгрессах. Другим условием заимствования может служить то, что в обществе возникает предрасположенность к принятию новой иноязычной лексики: бартер, ваучер, дилер, дистрибьютор, инвестор, клиринг, лизинг, фьючерсные кредиты. Это заимствование произошло благодаря ориентации на западную экономическую и банковскую систему и приобщению русских финансистов к интернациональной терминологии. А ввиду острой общественной актуальности обозначаемых этими терминами явлений и сами термины выходят за пределы профессионального словоупотребления и широко используются в печати, на радио и телевидении. Так появившееся в середине 80-х годов слово «спонсор» вошло в ряд по происхождению наименований, имеющих сходное значение: меценат – импресарио – антрепренер – продюсер.

Спонсором первоначально обозначали лицо или организацию, которые оказывают финансовую поддержку творческой деятельности артистов, музыкантов, художников, затем объект спонсорской деятельности стал пониматься более широко, но компонент «оказывает финансовую поддержку» сохранился.

Однако на этой волне удовлетворения потребностей языка всплыло много словесного хлама, засоряющего язык. Иностранное слово стало не только не обходимым, но и престижным. В таком случае мера и избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Побеждает общий настрой, мода. Вот некоторые лексические параллели, свидетельствующие об отсутствии необходимости в заимствовании, поскольку существуют лексические эквиваленты: конверсия – преобразование, стагнация – застой, консенсус – согласие, реклама (фр.) – паблисити.

О чрезмерной тяге к «чужому» слову свидетельствует современная тенденция к использованию вместо русского слова иноязычного.

Обычный магазин сменили названия супермаркет, мини-маркет, активно представлено и название бутик (фр. – торговая лавочка), которое в русском употреблении «повысилось в ранге» – это обозначение модного, элитного салона – магазина, где предлагаются дорогие товары.

При более дифференцированном подходе к определению причин заимствования выделяют обычно следующее: потребность в наименовании новых явлений, понятий: инфляция, бизнес, приватизация; необходимость в специализации понятий: маркетинг (рынок), менеджмент (управление), аудит (ревизия), лизинг (арендная сдача с выкупом по мере дохода).

Специализация наименований может быть дифференцированной. Например: спонсор – лицо, оказывающее финансовую поддержку, импресарио – предприниматель, устроитель зрелищ; антрепренер – частный театральный предприниматель; промоутер – тот, кто способствует продвижению на рынке, покровитель.

Наличие в международном употреблении сложившихся систем экономических терминов на базе английского языка: лэй-эвэй (практика продажи, основанная на предварительной выплате всей цены), лэндинг (плата за разгрузку товара), релл-овер (возобновление).

Стремление к модному, более современному слову. На общем фоне широкого заимствования «заморское слово» оказывается престижным, звучащим красиво. В таком случае и само понимание слова оказывается приподнятым. Например: офис (контора), аудитор (ревизор), франчайза (предприниматель).

Иноязычная лексика проникает во все сферы жизни современного российского общества, входит в повседневный быт, заменяет русские привычные слова, включает в себя наименования, обозначающие понятия, прежде считавшиеся принадлежностью капиталистического мира.

Иноязычное слово не только грамматически вживается в русское словесное окружение, но и подчас приспосабливается к русскому сло-

воупотреблению. Так слово «ферма» уже давно приобрело одно из новых значений – «частное хозяйство или сельскохозяйственное предприятие на собственном или арендуемом земельном участке. Отсюда фермер – «владелец такого предприятия». Но в современном русском языковом сознании фермер – это житель деревни, часто ново – приезжий, финансово самостоятельный.

Приведенные примеры могут создать впечатление перенасыщенности современной русской речи иноязычными словами. На первый взгляд это так, на самом деле здесь надо говорить об известной распределенности иноязычных слов. В наибольшей степени экономическими терминами насыщены газетные и журнальные тексты, касающиеся экономики.

В процессе распространения новых заимствований заслуга принадлежит политическим деятелям, экономистам, журналистам, прессе, радио, телевидению.

Представленные здесь процессы в современной лексике иллюстрируют активную социальных факторов в экономической терминологии – и в области семантики и в стилистических сдвигах, и в активизации иноязычных заимствований. Современная лексика отражает время становления новой экономики.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 2004.
2. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Аббревиация в терминологии // Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
3. Alred J., Brusaw C., Oliu W. Handbook of technical writing. New York, 2003.
4. Bailey S. Academic writing. Handbook for international student's. London, 2015.

Д. Ю. Елькин
Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)
Л. В. Шим, И. С. Львова
Государственный центр тестирования
при Кабинете Министров Республики Узбекистан
(г. Ташкент, Узбекистан)

Использование инновационных технологий в обучении русскому языку

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования цели обучения русскому языку как иностранному, в том числе традиционным и инновационным методом. Особое внимание уделяется развитию как интеллектуальных, так и творческих способностей обучаемых, а также принципу коммуникативности как в обучении, так и в построении используемых учебных материалов и учебных пособий.

Ключевые слова: образовательный процесс; информатизация; творческие способности; модель обучения; обучающие технологии; коммуникация.

К образовательному процессу XXI века в условиях глобализации и информатизации современного общества предъявляются новые требования. Особое внимание необходимо уделять развитию как интеллектуальных, так и творческих способностей обучаемых. Практика преподавания в процессе обучения русскому языку подтверждает, что позитивные преобразования в обществе не могут быть достигнуты в рамках традиционной модели обучения. Для осуществления целей образования необходима смена фундаментальных основ обучения, разработка эффективных обучающих технологий [2; 4].

Принято считать, что общение в процессе обучения может быть «односторонним» и «многосторонним». В первом случае имеется в виду организация учебного процесса, при которой преподаватель побуждает обучаемого к речевой деятельности. «Одностороннее» общение строится по схеме «стимул – реакция». Для такой обучающей парадигмы характерно широкое использование так называемых фронтальных форм работы.

Что касается «многостороннего» общения, то для него типичными формами работы являются коллективные, в которых каждый обучаемый имеет возможность проявить себя как самостоятельный и полноправный участник речевой деятельности. Модель «многостороннего» общения на занятии имеет сложную структуру взаимоотношений и взаимосвязей между участниками образовательного процесса. Она

представляет обучение как «свободное раскрытие личностных возможностей» [3; 4].

Определяя проблемы обучения русскому языку, представляется целесообразным проанализировать принципы использования коммуникативных моделей. Сочетая традиционные и инновационные методы, но особое внимание, уделяя принципу коммуникативности как в обучении, так и в построении используемых учебных материалов и учебных пособий. Изучение особенностей устной речи должно учитывать данные психологии и педагогики с одной стороны и коммуникативные особенности языка – с другой.

Традиционно обучение русскому языку было ориентировано на чтение, понимание и перевод специальных текстов, а также изучение проблем синтаксиса функциональных стилей. Однако особое внимание следует уделять развитию навыков речевого общения на профессиональные темы, ведения научных дискуссий, тем более что этот вид деятельности способствует развитию знаний, умений и навыков. Устная речь в учебном процессе должна пониматься как слушание и чтение, понимание и репродуктивное воспроизведение прослушанного или прочитанного.

Следовательно, предполагается реализация речевого акта говорения в процессе устной коммуникации. Запись прослушанного и использование написанного текста как источника устного речевого общения легко осуществимы в учебных условиях.

Система обучения русской устной речи может строиться с учетом следующих положений:

- определение коммуникативных признаков для большинства типов текстов конкретной специальности;
- определение коммуникативных признаков устной речи и средств выражения этих признаков;
- сопоставление средств выражения и отбор речевых моделей для активного их использования;
- определение наиболее полного перечня коммуникативных признаков, моделей устной речи и формирование системы упражнений;
- анализ различных коммуникативно-ориентированных видов текстов, отбор лингвокультурологического материала в учебных целях, определение их основных коммуникативных особенностей, моделей и разработка эффективной системы упражнений для «тренировки» отобранных структурных единиц;
- создание базы заданий, в том числе тестовых, для выработки речевых умений и навыков, т. е. отбор лексических, фонетических, словообразовательных и грамматических структур, необходимых для чтения, понимания, аудирования и говорения;

- доведение до «автоматизма» учебных алгоритмов по всем видам речевой деятельности;

- устная коммуникация от монолога к диалогу и полилогу с применением задач и игр проблемно-поискового характера.

Причем в обучении широко используются современные дидактические принципы суггестивности, наглядности, аудио- и мультимедийные средства и т. д.

При разработке системы упражнений, предваряющей устное общение, преподавателю необходимо иметь в виду их общее построение и «дозированность» трудностей.

Преподаватель русского языка должен производить отбор текстов с учетом особенностей аудитории: уровня подготовленности и профессиональной направленности.

Научные, научно-популярные и художественные тексты содержат конкретные языковые особенности, так, например, научные тексты характеризуются экономией, выражающейся в номинативном характере предложения, особенностях терминологических систем, специальных языковых штампах; своеобразной наглядностью (графические средства членения текста и абзаца); обстоятельностью изложения (схемы, таблицы, повторы, замена одних структурных единиц другими). В качестве примеров научного стиля можно использовать фрагменты из терминологических словарей, в частности «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой о понятии часте-речной принадлежности лингвистических терминов: «Очень важным вопросом является вопрос о том, к каким частям речи принадлежат или должны принадлежать лингвистические термины: ограничивается терминология данной области знания существительными или же в нее входят также прилагательные, глаголы и другие части речи...» [1].

Необходимо подчеркнуть, что работа по созданию базовых знаний должна проходить, особенно на начальном этапе, по четким алгоритмам с озвучиванием всего материала.

Поставленной цели можно добиться только на основе коммуникативно-ориентированных учебных пособий и учебников.

Таким образом, инновационные технологии преподавания русского языка заключаются в свободном взаимодействии традиционных и интенсивных методов обучения, основанных на функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, и разработке целостной системы обучения речевому общению на профессиональные темы.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2020.
2. *Гараева Р. С., Васильева А. А.* Дидактическая модель развития творческих способностей студентов средствами интерактивных технологий обучения // Научный диалог. 2016. № 2 (50).
3. *Тлеугалиева А. Т.* Особенности преподавания иностранных языков при помощи интерактивных форм и методов обучения // Архивариус. 2019. № 11.
4. *Шим Л. В., Львова И. С.* Использование интерактивных форм при изучении русского языка // Материалы Республиканского семинара-совещания «Лингвометодические проблемы обучения языкам и литературе» (30 апреля 2009 г.). Ташкент: ТГЮИ, 2009.

Н. Н. Закирова, Я. А. Чиговская-Назарова

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко
(г. Глазов, Россия)

Художественное своеобразие «глазовского цикла В. Г. Короленко

Аннотация. В статье представлен «глазовский цикл» русского писателя В. Г. Короленко, биографически и творчески связанного с Удмуртией. Анализируется реально-бытовая основа художественных и эпистолярных текстов (их экстралингвистические стороны и стиливые особенности), содержащих лингвокраеведческий материал о жителях Удмуртии позапрошлого века и о причинах мировоззренческой эволюции автора «глазовских страниц».

Ключевые слова: русская литература; литературное краеведение; В. Г. Короленко; Глазов; регионалистика.

Особое место в «художественном краеведении» В. Г. Короленко занимает уездный город Глазов, исторически входивший в состав Вятской губернии и бывший в числе мест политической ссылки. Братья Владимир и Илларион Короленко были сосланы в Глазов с формулировкой: «В виду знакомства с лицами, принадлежащими к социально-революционной партии и указаний на участие в печатании и распространении революционных изданий вольной типографии» [4, с. 61]. Глазовская ссылка продлилась с 3 июня по 25 октября 1879 года и оставила след в наследии писателя.

В состав «глазовского цикла» входит целый комплекс разножанровых и разновременных источников. Это – пометы в записных книжках, многостраничная переписка, ряд автобиографий, обращения с жалобами на глазовского исправника к вятскому губернатору и на вятскую администрацию к министру внутренних дел, это «жалобные

письма» к начальству от лица глазовчан и неграмотных крестьян, это письменный ответ на критическую статью Буренина об «Эпизодах из жизни искателя», это черновики и наброски (например, «Полоса»), наконец, это художественные тексты: очерки «Собор с зарокom» и «Ненастоящий город», повесть «Глушь» и мемуарный роман «История моего современника».

Показателен «путь» в наследии писателя хотя бы одного, но достаточно нетривиального факта глазовской ссылки: разрушение в октябре 1879 г. недостроенного храма. По этому поводу В. Короленко по горячим следам событий отправляет родным подробное письмо, которое является явным протографом очерка «Собор с зарокom». Совпадающие по содержанию и стилю изложения тексты письма и очерка, созданных в одно время, свидетельствуют о документальной точности отражения реального факта, а также о явных признаках художественности начинающего автора, запечатлевшего пейзажные зарисовки, удачно передавшего живые интонации и особенности местного говора в диалогах горожан.

Падение глазовского собора упоминается и в очерке «Ненастоящий город». В повести «Глушь» оно является одним из ключевых сюжетообразующих событий, которого начинается и завершается повесть. Автор пошагово описывает этапы строительства, вскрывает причины архитектурного фиаско, прибегает к образной символике в описании катастрофы. Развалины рухнувшего храма сравниваются с только что остывшим трупом, а само Пустолесье (художественный топоним для обозначения Глазова) ассоциируется с разгромленным неприятелем городом.

В. Короленко в рукописи очерка «Ненастоящий город» (1879) делает «маленькое предположение» о том, «что было бы, если бы какая-либо сила, все равно какая, – уничтожила бы вдруг описанный город, предоставив всем «путавшимся» в нем «ненастоящим» разбрестись, кто куда захочет... Да ничего бы не произошло особенного... деревня всосала бы город без остатка не без пользы для «ненастоящих» (которые могли бы превратиться в ней в настоящих <...> и с ближайшей для себя пользой)» [Отдел рукописей РГБ. Кор. 4. 165].

Так, в 1879 г. для народника В. Короленко слияние города с деревней воспринималось как желательное! Но социально-политические взгляды студента эволюционировали именно под воздействием пережитого в нашем регионе, о чем свидетельствует следующее самопризнание В. Короленко: «Когда-то, до своей ссылки в Вятскую губернию, я мечтал вместе с братом и Григорьевым, что мы все перейдем на физический труд, чтобы жить общей жизнью с народом. Теперь, – после того, что я видел в Глазове, и особенно в Починках, –

цельность этого настроения сильно нарушилась... Я уже видел и пережил много такого, что сильно подточило мои недавние наивно-народнические настроения» [1, с. 520–521].

Эта мировоззренческая переориентация сказалась на смене идейной направленности очерка, имеющего три редакции: черновую рукопись (1879), журнальную публикацию (1880) и текст 1914 г., подготовительный автором для полного собрания сочинений. В последней редакции вместо возвращения города к деревенскому началу Короленко предрекает иной вариант: «злую долю», имея в виду капиталистический путь развития города.

Материалы архива убеждают в документальности произведения, в стремлении автора «максимально приблизить описание в очерке к действительности. Город образца 1879 г., его архитектура и состав жителей соответствуют реальной действительности: «Два-три каменных здания, остальное все деревянное. В центре полукруглая площадь, лавки, навесы, старенькая церковка, очевидно пришедшая в негодность, и рядом огромное недостроенное здание нового храма, окруженное деревянными лесами. Он поднялся в центре города, подавляя его своей величиной, но не дорос до конца и остановился» [1, с. 32]. В примыкающей к городу слободке, где жил сам В. Короленко, обитал трудовой народ, почти все ремесленные силы которого «устремляются роковым образом к сапогу». А во всем городе проживало всего 2 слесаря и 1 столяр, у которых не было конкурентов.

Корректность и адекватность очерковых сведений об архитектуре, национальном и профессиональном составе горожан подтверждается архивными данными. На реальной основе зиждется и описание свадьбы в слободке, нашедшее подтверждение в метрической книге 1879 г.: оказалось, что сам В. Г. Короленко был на ней поручителем со стороны невесты – солдатской дочери Анны Косолаповой. Архивными данными подтверждается и эпизод со смертью крестьянина (крестьянин Ф. Н. Богданов был убит 23 октября 1879 г.).

Итак, архивные материалы подтверждают документальную точность информации в глазовских текстах В. Г. Короленко. Вместе с тем его произведения не лишены элементов беллетризации и художественности.

Выразительностью отличается начало описания местности российской провинции, ее тишины, контрастирующей со столичным шумом: «Как тихо! – вот первое впечатление от этого города. Невольно вспоминалось некрасовское: „В столицах шум, гремят витии / Кипит словесная война...“. А здесь стояла действительно тишина... непробудная, вековая, стихийная... Ветер качал жидкие березки на берегу быстрой речки, которая крутой излучиной врезалась в обширную площадь, к са-

тому центру города. И тут же за речкой на другом берегугнулись и тихо волновались под ветром созревающие хлеба...» [1, с. 32].

Рельефными эскизами выписаны образы горожан, например: мудрого чеботного мастера Нестора Семеновича с семьей, ростовщика Мордхеля и др. (их прототипы – семейство сапожника Семена Нестеровича Микрюкова, Мордок Гольчинский). Будучи тонким стилистом, автор активно прибегает к диалектизмам удмуртского и вятского говора, к просторечной лексике, грамматическим формам, характерным для разговорной народной речи. Использование лексики вятского края свидетельствует об этнографическом характере произведения.

Этнографическую определенность ему придают и отдельные эпизоды очерка, запечатлевшие такие национальные особенности местного населения, как скромность, совестливость, верность устоям и традициям, зависимость от общественного мнения.

Размышляя над судьбами российской провинции на примере Глазова, называя его городом, «недоумевающим над загадкой собственного существования», писатель прибегает к следующим номинациям: город N., уездный город Вятской губернии, типичный городок северо-востока, «город», город-село, город-амфибия, «лишний город», «город, который «не вполне отделился от деревни», «заштатный» город, маленькое городишко, городишко плохенький, серый городишко, уголок. Но до 40 раз повторенным и многообразно семантически обыгранным В. Г. Короленко стал эпитет «ненастоящий». В очерке «Ненастоящий город» он наделен массой значений и стилистических оттенков.

Идя по следам герценовско-щедринской традиции изображать Вятский край сатирически, и В. Короленко сгущал краски, описывая неприглядные стороны жизни Глазова и его обитателей (неприглядные картины пьянства, драк, воровства). Но в то же время он удержался от действительно «обидных» определений (типа город «Глупов»).

Ссылный студент подобрал для Глазова и добрые характеристики, лестные слова. Именно здесь лаврист-народник смог встать лицом к лицу с настоящим, не книжным мужиком и не разочаровался, рассматривая за порицаемыми брюховыми интересами и перспективными огоньками талантов и здравого смысла, естественности и неподдельной органики народной жизни.

«Я твердо знал, что не найду здесь своего счастья» – такова была установка повествователя, только приехавшего в город N., а покидая его, он испытывает „жуткую радость“. Этот оксюморон не случаен. В последней главе очерка красноречиво соседствуют взаимоисключающие: „ненастоящий, ненастоящий“ Мне пришло в голову это слово и пожелание городу „настоящей“ доли, не этого прозябания» [1, с. 50].

Эта же основная идея проводится и в написанной в форме дневника учителя повести «Глушь». Подобно спившемуся и погибшему предшественнику Иванову новый учитель с горечью вынужден признать свою ненужность, невостребованность в этом медвежьем углу.

Среди причин такого «интеллигентного одиночества» и экономическая отсталость провинции, и потеря доверия к интеллигенции, и суеверия и предрассудки горожан. «Явись в Пустолесье <...> новый промысел, или хотя бы фабрика, наконец, – железная дорога, – <...> раз и навсегда кончалось бы теперешнее прозябание, ворвалась бы культурная струя. И я получил бы право на существование; на меня немедленно явился бы спрос» [1, с. 110], – полагает автор дневника и сам писатель.

В мемуарной «Истории моего современника» глазовские впечатления представлены достаточно скромно: всего тремя главами в пятой части «Ссылные скитания» (том 2), созданными в 1918 году. Отсутствии цензуры позволило мемуаристу детально описать процесс своего подконвойного этапирования из Москвы в Глазов. И если в очерке о Глазове полицейский исправник именовался «Лукой Сидоровичем», то во II главе «Истории моего современника» автор открыто приводит и его фамилию – Петров, и все перипетии конфликта с ним, описывает колоритный портрет «царского ангела», с иронией реконструирует его «поучения», «ошибки» и «прозрения».

В неподцензурном романе В. Г. Короленко смог в деталях описать свою с братом жизнь в изгнании, и конкретно назвать имена других политических ссыльных (И. Кузьмин и К. Стольберг). Мемуарист также открыто сообщает о своей просветительской деятельности [18, с. 121]. К глазовским можно отнести также III и V главы.

Короленковское определение «ненастоящий город» с легкой руки писателя «беглых наблюдений и заметок» (это авторская жанровая спецификация – подзаголовок очерка), превратилось в символ понятия «провинция». Глазовский цикл В. Г. Короленко содержит бесценную информацию о регионе конца семидесятых годов позапрошлого века: о природе и архитектуре, о социальном и национальном составе, об экономике, торговле, местных традициях, нравах, обычаях и верованиях местного населения.

Увиденное и пережитое лично ссылкой студентом в Глазове и Берёзовских починках, не прошли бесследно для разочаровавшегося в народнических иллюзиях начинающего писателя. А поставленные им вечные вопросы и проблемы воспитания и образования, взаимодействия центра и регионов, мысли-предостережения о деструктивных явлениях: пьянстве, воровстве, убийствах, проституции – актуальны до сих пор и не только для Глазова.

Случилось так, что В. Г. Короленко пришлось вернуться в наш регион. Участие писателя в 1890-е годы в Мултанском процессе – новая страница в его биографии и важный факт в судьбе всего удмуртского народа. Эти факты, связанные с Удмуртией, имеют колоссальный воспитательный потенциал.

Литература

1. *Глазов* в жизни и творчестве В. Г. Короленко / сост. и науч. ред. А. Г. Татаринцев. Ижевск, 1988.
2. *Горизонты* короленьковедения: монография / Н. Н. Закирова, В. В. Захаров, А. Ю. Мусихина, С. И. Софронова; под ред. Н. Н. Закировой. Глазов: Глазовская типография, 2011.
3. *Гущина-Закирова Н. Н., Труханенко А. В.* Этюды о жизни и творчестве В. Г. Короленко: к 130-летию ссылки В. Г. Короленко в г. Глазов: монография. Львов–Глазов: Сполом, 2009.
4. *Документы* о вятской ссылке В. Г. Короленко // Каторга и ссылка. 1933. № 1.
5. *Закирова Н. Н.* «Глазовский цикл» В. Г. Короленко: парадоксы и закономерности (исследовательская альтернатива) // Седьмые Короленковские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Глазов: ГГПИ, 2006. С. 9–13.
6. *Закирова Н.* О провинциализме Короленко // Третьи Стахеевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Елабуга: Современная наука, 2008. Т. 1.
7. *Закирова Н. Н.* Очерк В. Короленко «Ненастоящий город»: от замысла к воплощению // Творческая история произведения как историко-литературная и теоретическая проблема: фольклорный, биографический, социокультурный, текстологический аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МПГУ, 2016.

И. Н. Кузнецова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(г. Алматы, Казахстан)

Проявление глобализации в педагогическом дискурсе

Аннотация. В настоящей статье предложен анализ проникновения заимствования-англицизмов и возникновение новых понятий в педагогическом дискурсе вызванных глобальной проблемой пандемии. Автор попытался разобраться в положительных и отрицательных сторонах данного явления. Материал для статьи подобран приемом сплошной выборки из различных источников, в частности фиксации речи преподавателей и студентов, интерфейс обучающих платформ, интернет общение (соцсети университетов, мессенджеры, форумы, блоги и т. п.)

Ключевые слова: глобализация; концепт; пандемия; коронавирус; заимствование; педагогический дискурс.

Новое десятилетие XXI века ознаменовано всеобъемлющей, глобальной проблемой пандемии. Пандемия COVID-19, за всю историю человечества привела к крупнейшему сбою во всех сферах жизни человечества, способствовало переосмыслению ценностей, явилось переломом в научно-технической деятельности.

Существуют разные толкования концепта «глобализация», наиболее распространенная версия была предложена американским социологом Р. Робертсоном в 1985 году. Согласно Р. Робертсону *глобализация* – это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах [1, с. 78].

В сознании общественности это понятие закрепилось только в 90-х годах, а именно в 1996 году после проведения 25 сессии Всемирного экономического форума в Давосе. Подтверждением этого является выдержка из московского еженедельного вестника «Эксперт»: ««Глобализация»: – мировой терминологический хит этого года, перепеваемый на всех языках на все лады...» [2, с. 77].

Кофи Аннан рассуждая о глобализации в 1988 году отмечал следующее: «Для многих наша эпоха отличается от всех предыдущих явлением глобализации. Глобализация... перестраивает не только наши способы освоения мира, но и способы нашего общения друг с другом» [3, с. 7].

Самым точным, по нашему мнению, следует считать определение М. Делягина: «глобализация – это процесс формирования единого (мирового, но одновременно – имеющего четкие и достаточно узкие границы) военно-политического, финансово-экономического и информационного пространства, функционирующего почти исключительно на основе высоких и компьютерных технологий» [4, с. 321].

Глобализация – это процесс, который определяет качественные изменения в глобальном пространстве. Центральная идея глобализации, заключается в целенаправленном объединении стран во всех сферах их деятельности, так как многие проблемы невозможно адекватно решить на уровне одного национального государства, т. е. на уровне отдельной страны и ее международных отношений с другими странами.

Глобализация не зависит от человечества, она не избежна. Одни возлагают на глобализацию огромные надежды как на панацею от различных перекосов экономики, вызванных сегодня пандемией. Другие, а именно – антиглобалисты наоборот – ненавидят и отрицают все, что с ней связано.

Тенденция глобализации охватывает всё больше сфер нашей жизни является причиной жарких дебатов основной темы обсуждения

которых является ли глобализация феноменом нескольких последних десятилетий, или же глобализация возникла уже тогда, когда один народ мог устанавливать контакты с другими народами, находящимися на противоположной стороне земного шара. Человечество волнует так же и то, как глобализация соотносится с другими процессами в общественной жизни, каковы ее ближайшие и отдаленные последствия. И что можно назвать глобализацией, а что нет.

С каждым днем глобализация проникает во все сферы нашей жизни в хорошем и плохом смысле. В хорошем, это конечно развитие и совершенствование всех сфер жизнедеятельности человечества. Но а в плохом, например, распространение вируса. Хотя, необходимо отметить, и положительную роль глобализации в решении возникшей проблемы. Так, путем глобального поиска способов создания спасительной вакцины она была создана усилиями международных ассоциаций ученых.

Проблема глобализации не могла не затронуть и научный мир. Пандемия корона вируса, на глобальном уровне сегодня является объектом пристального внимания и предметом дискуссий не только средств массовой информации, но и филологов. Все изменения, происходящие в экономической, политической, культурной и иных сферах жизни находят свое отражение в трудах ученых. Проблемой языка в условиях глобализации занимается ряд российских ученых – Н. А. Ефремов, С. С. Ковалёва, Д. С. Лихачёв, В. Ю. Михальченко, П. Б. Паршин, Е. И. Убрятова. Среди казахстанских ученых это Р. Абсатаров, Г. А. Бейсенова, К. Г. Нигметжанов и др.

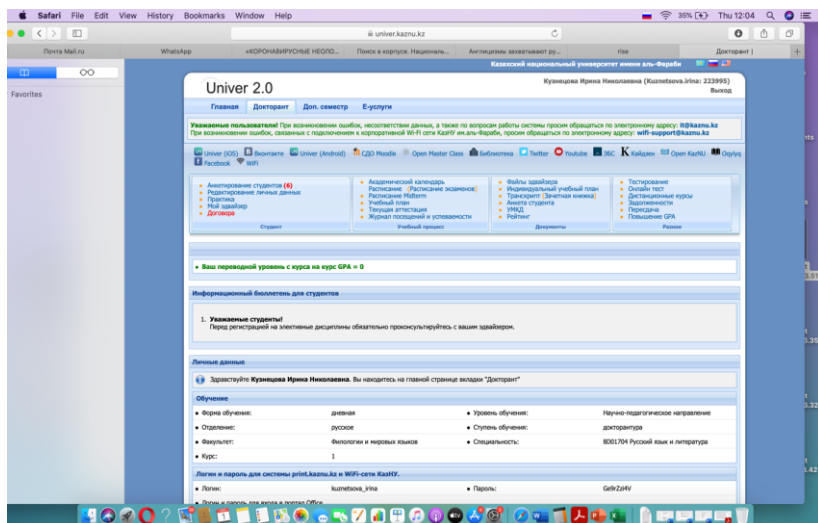
Язык, как лакмусовая бумажка, реагирующий на малейшие изменения в глобальном мире, отражает текущие реалии нашей жизни, фиксируя их на вербальном – лингвистическом и невербальном – экстралингвистическом уровнях. Главным событием на сегодняшний день остается не прекращающийся, сохраняющийся волнообразный эффект эпидемии корона вируса. Такое глобальное событие не могло не найти отражение в лексическом составе языка, так же как и отражение на коммуникативном поведении в определенных речевых ситуациях в целях выражения чувств и эмоций. Отражение реалий пандемии вылилось в появление терминов и полу терминов в формальном дискурсе, неологизмов и фразеологизмов в разговорном дискурсе, и интернет коммуникации.

Степень влияния пандемии на ту или иную область жизнедеятельности человечества трудно четко определить ввиду глобального характера возникшей проблемы. Данное явление особенно заметно в области образования, так как данная сфера, как никакая другая, оказалась подвержена изменениям в результате стремительного распростра-

нения инфекции, причем в худшую сторону. Почти 1,6 миллиард учащихся более чем в 200 странах обучаются большую долю учебного года онлайн [7]. Закрытие школ и других образовательных учреждений достигает 90 %. Соответственно, в виду глобального характера возникшей проблемы, скорость проникновения заимствований-англицизмов, значительно растёт. Так, речь преподавателей и студентов всё больше «пестрит» следующими из них: «диджитал», вместо «цифровой», «дедлайн», вместо «крайний срок сдачи проекта, домашнего задания», «силабус», вместо «учебная программа», «прокторинг», вместо «контроль или экзамен», «активити», вместо «занятие чем-либо, деятельность», «батл» – «соревнование, дискуссия», «инсайт обучения» – «основные цели и наполнение курса обучения», «прокрастинация» – «промедление», «мидтёрм» – «семестровый экзамен», «рандомное деление» – «деление в случайном порядке», «скил» – «навык», «фейковый» – «списанный у кого-либо», «хейтер» – «противник чего-либо», «эдвайзерский час» – «кураторский час» и многие другие.

Тенденция проникновения заимствований и появление новых понятий в педагогический дискурс в период пандемии подтверждена наличием таковых на учебной платформе Казахского Национального Университета имени аль-Фараби. Так это: мой эдвайзер, файлы эдвайзера, и даже куратор-адвайзер, что как нам кажется является одним и тем же понятием. Это и многочисленные термины и сочетания с лексемой *онлайн* – *онлайн* тест, *онлайн* лекция, *онлайн* платформа, *онлайн* открытое мероприятие, *онлайн* формат и новые понятия – идентификатор конференции, код доступа, локдаун. В ходе анализа выявлены лексемы с содержанием слов на латинице, без перевода: расписание Midterm, Е-услуги, OpenMasterClass, OpenKazNU, СДО Moodle, Zoom, WiFi. Необходимо отметить, что название платформы – «Unver», написано тоже на латинице. Информация на платформе изложена на трех языках: русском, казахском и английском (*все три языка в Казахстане, в соответствии с законодательством, являются полноправными языками коммуникации*).

Анализ пополнения лексики педагогического дискурса в условиях пандемии заимствованиями-англицизмами и новыми понятиями подтверждает тенденцию их глобального роста. Данная тенденция, как и процесс заимствования всегда имеет свои положительные и отрицательные качества. Нельзя не отметить, что кризис, вызванный распространением инфекции, послужил так же и стимулом в сфере образования. Так, для обеспечения качественного и не прерывного обучения применяют новаторские подходы в виде радио- и телетрансляций, обеспечение учащихся необходимыми учебными материалами для их комфортного освоения на дому.

Интерфейс учебной платформы КазНУ им. аль-Фараби

Крупнейшие IT-компании, под эгидой ЮНЕСКО, оперативно разработали (GetCourse, iSpring, Mrmemberlux, Moodle, Teams, Teachbase, WebTutor, Zoom), продолжают совершенствовать прежние и создают новые учебные платформы, позволяющие учиться онлайн как в своей школе или другом образовательном учреждении, так и дополнительно, в любом уголке мира. Наиболее успешные университеты, дополнительно, к учебным платформам и применению современных подходов онлайн образования создают онлайн сообщества студентов, преподавателей, административного персонала, что способствует повышению качества образования и снижению стресса от социальной изоляции [5, с. 23].

Из всех видов деятельности профессия учителя наиболее органично вписалась в сложившуюся схему современного образования, вызванного сложившимися обстоятельствами, напомнив, на правилительственном уровне, о важности своей деятельности и необходимости заботиться о работниках сферы образования. Так, в соответствии с указом Президента Республики Казахстан Касым Жомарта Токаева от 1 сентября марта 2020 г. заработная плата учителей и преподавателей увеличивается в среднем на 25 % с 1 января 2021 г.

Для обучающегося, так же как и для учителя, Интернет – это, прежде всего, уникальная возможность выхода на мировой рынок. Возможность пользоваться неограниченной базой данных, что дает возможность постоянного профессионального совершенствования, ка-

рьерного роста, активно участвовать в международных конференциях, симпозиумах, встречах на высшем уровне и постоянного заработка, т. е. возможность иметь учащихся по всему миру.

Эти перемены не только наложили отпечаток на стиль жизни казахстанского общества, способствовали внесению поправок в законодательство, разработке новой стратегии и тактики ведения бизнеса, но и создали необходимость в хорошем владении иностранными языками, в большей степени это английский язык.

Возрастает интерес к изучению документации, литературы, периодики на английском языке для знакомства с достижениями зарубежных коллег в различных областях. В создавшихся условиях развитие цифровых обучающих технологий «является вполне закономерным отражением того развития, которое характерно для человеческой цивилизации и культуры в целом» [6, с. 158].

Несмотря на основную задачу глобализации, заключающуюся в ускорении развития человечества она представляет собой непростой процесс, к которому нужно приспосабливаться и который создает серьезные проблемы и трудности. Такие быстрые темпы перемен могут принять угрожающий характер, и большинство стран пытается их контролировать или управлять ими. Это проявляется в выражении протестов против глобализации, т. е. в антиглобализационных действиях. В нынешних условиях необходимы срочные действия в целях предотвращения перехода кризиса образования в поколенческую катастрофу. Образование – это всеобщее мировое благо, самая мощная движущая сила прогресса в достижении всех целей в области устойчивого развития и основа для справедливого, равноправного, инклюзивного и мирного общества. Задача построения мира, и процветающего и продуктивного общества становится невыполнима в условиях разрушения системы образования [7, с. 10]. Всем странам, глобально, централизованно предстоит смягчать последствия эпидемии, но уже сегодня, спустя год, можно сделать вывод, что цифровизация обучения и академический обмен опытом набирает обороты. Вузы, на глобальном уровне выработывают новые формы сотрудничества, проводят ревизию накопившегося опыта и активно применяют всё это в своей практике.

В начале 90-х глобализация едва могла быть определена, как проблема. В конце 90-х она уже претендовала на лидерство во основных сферах нашей жизни. Сегодня термин «глобализация» можно считать наиболее частотным в названиях научных конференции, форумах и заголовках газет. Тем не менее, мнения и оценки глобализации расходятся. Нет точного утверждения и полной уверенности, в том, что это позитивное явление, либо наоборот негативное. Несет ли этот процесс перспективы развития или наоборот опасность последующего

глобального кризиса и застой. В чем ее сущность, нужно ли ей следовать или наоборот сопротивляться. Понятно одно – этот процесс необратим и остановить его невозможно. Хотя, углубившись в историю, нами были уже приведены факты о том, что глобализация возникла задолго до XX века и схожие процессы углубления международной интеграции были не раз остановлены в виду того или иного кризиса. Отсюда следует, что процесс глобализации контролируем и управляем, поощряется и предотвращается коллективной политической волей и именно поэтому является источником широких дискуссий.

Литература

1. *Papers in the Theory of Action*. М., 1994.
2. *Отчуждение человека в перспективе глобализации мира*: сб. филос. ст., вып. 1 / под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солониной, В. В. Парцвания. СПб., 2001.
3. Аннан К. Обновление ООН: программа реформ // *Международная жизнь*. 1998. № 4.
4. Делягин М. Г. Российская модернизация в контексте глобализации: прогноз и перспективы // *Свободное слово*. 2000.
5. *Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ*. URL: <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf>.
6. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
7. *Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период* / ООН. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf.
8. Темиргазина З. К. Вспышка, всплеск или волна: как и что мы говорим о коронавирусе // *Неофилология*. 2020. № 24.
9. *Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии* / ВШЭ. URL: [https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206\(36\)_электронный.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206(36)_электронный.pdf).

Вторичная языковая личность гражданина Узбекистана, изучающего русский язык для необразовательных целей

Аннотация. В статье анализируется формирование вторичной языковой личности, изучающих русский язык для необразовательных целей.

Ключевые слова: языковая картина мира; мигрант; вербально-семантический код.

Основной целью человека, изучающего иностранный язык, является формирование вторичной языковой личности, которая представляет собой способность человека к общению на межкультурном уровне и «складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, т. е. «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и «глобальной (концептуальной) картиной мира», позволяющей человеку понять новую для него социальную действительность» [1, с. 68].

Для мигранта, изучающего русский язык для неязыковых целей, а именно для осуществления трудовой деятельности на территории России, умение «познавать, описывать, оценивать, преобразовывать окружающую действительность средствами иностранного языка» [2] является жизненно важным. Мигранты являются социально исключенной группой по отношению к принимающему обществу. В случае если трудовой мигрант не сможет интегрировать себя в общество страны назначения, он попадет в ситуацию социальной эксклюзии [3].

Для оценки уровня подготовленности мигранта к жизни и осуществлению трудовой деятельности в стране пребывания с 2015 года на территории России реализуется комплексный экзамен, состоящий из трех блоков: «Русский язык как иностранный», «История России» и «Основы законодательства Российской Федерации». Прохождение данного экзамена является обязательным для иностранных граждан, не имеющих документ, подтверждающий владение русским языком. Данная мера необходима в первую очередь для выявления уровня коммуникативной компетенции мигранта. Таким образом, в соответствии с трехуровневой моделью формирования вторичной языковой личности трудовой мигрант должен представить умение реализовать свой языковой потенциал в коммуникативной ситуации реального межкультурного общения, т. е. находиться на прагматическом уровне формирования языковой личности (Ю. Н. Караулов, И. И. Халеева).

Целью данного доклада является формирование представления о лингвокультурном профиле мигранта, приезжающего в Россию для осуществления трудовой деятельности, и выявление частотных ошибок граждан Узбекистана, сдающих комплексный экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации.

Для аналитической работы были взяты статистические данные Тюменского государственного университета, реализующего комплексный экзамен на базе Центра адаптационных практик и тестирования с 2015 года.

Количество граждан Узбекистана, сдававших комплексный экзамен на уровень «Разрешение на работу или патент»

Год	Всего	Граждане Узбекистана	Процент
2015	5 288	1 212	22,9
2016	1 049	355	33,8
2017	3 310	1 606	48,5
2018	137	90	65,7
2019	61	21	34,4
2020	25	13	52,0
Итого	9 870	3 297	33,4

Количество граждан Узбекистана, сдававших региональный экзамен для получения патента на территории Тюменской области

Год	Всего	Граждане Узбекистана	Процент
2015	1 070	339	31,7
2016	374	88	23,5
2017	218	83	38,1
2018	66	13	19,7
2019	104	41	39,4
2020	263	61	23,2
Итого	2 095	625	29,8

По данным Центра адаптационных практик и тестирования треть иностранцев, сдававших комплексный экзамен для получения патента, являются гражданами Узбекистана. Это говорит о высоком миграционном потоке из Узбекистана в Россию, осуществлении на территории Российской Федерации трудовой деятельности значительного числа граждан Узбекистана.

Далее рассмотрим деление по возрастным группам граждан Узбекистана, сдававших комплексный экзамен для получения патента.

**Деление граждан Узбекистана, сдававших комплексный экзамен
на уровень «Разрешение на работу или патент», по возрастным группам**

Год	Всего	До 20 лет	20–35 лет	35–50 лет	От 50 лет
2015	1 212	70	806	288	48
2016	355	52	212	83	8
2017	1 606	84	995	474	53
2018	90	4	48	34	4
2019	21	4	10	5	2
2020	13	1	5	6	1
Итого	3 297	215	2 076	890	116

**Деление граждан Узбекистана, сдававших региональный экзамен
для получения патента на территории Тюменской области,
по возрастным группам**

Год	Всего	До 20 лет	20–35 лет	35–50 лет	От 50 лет
2015	339	27	184	101	27
2016	88	7	55	18	8
2017	83	1	46	31	5
2018	13	1	2	8	2
2019	41	3	22	14	2
2020	61	2	34	17	8
Итого	625	41	343	189	52

По данным Центра адаптационных практик и тестирования обширно представлена возрастная группа от 20 до 35 лет, как правило, это молодые граждане Узбекистана, приезжающие работать в Россию для обеспечения финансового благополучия своей семьи.

Рассмотрим процентное соотношение между мужчинами и женщинами, приезжающими в Россию для устройства на работу.

**Соотношение «мужчины/женщины» среди граждан Узбекистана,
сдававших комплексный экзамен на уровень
«Разрешение на работу или патент»**

Год	Всего	Мужчины	Женщины
2015	1 212	1 130 (93,2 %)	82 (6,8 %)
2016	355	342 (96,3 %)	13 (3,7 %)
2017	1 606	1 556 (96,8 %)	50 (3,2 %)
2018	90	90 (100 %)	–
2019	21	20 (95,2 %)	1 (4,8 %)
2020	13	13 (100 %)	–
Итого	3 297	3 151 (95,6 %)	146 (4,4 %)

Соотношение «мужчины/женщины» среди граждан Узбекистана, сдававших региональный экзамен для получения патента на территории Тюменской области

Год	Всего	Мужчины	Женщины
2015	339	322 (95,0 %)	17 (5,0 %)
2016	88	86 (97,7 %)	2 (2,3 %)
2017	83	77 (92,8 %)	6 (7,2 %)
2018	13	9 (69,2 %)	4 (30,8 %)
2019	41	41 (100 %)	–
2020	61	55 (90,2 %)	6 (9,8 %)
Итого	625	590 (94,4 %)	35 (5,6 %)

По данным Центра адаптационных практик и тестирования процент женщин, сдававших экзамен для получения патента, невелик на протяжении всего периода проведения комплексного экзамена в России. По нашему мнению, это связано с тем, что на заработки едет в первую очередь глава семейства.

Проанализировав статистические данные, мы можем сделать следующий вывод. Гражданин Узбекистана, приезжающий в Россию, это молодой мужчина, желающий получить работу.

Для формирования представления о лингвокультурном профиле мигранта нами были проанализированы результаты сдачи комплексного экзамена гражданами Узбекистана. Наиболее частотными ошибками, выявленными в процессе проверки письменных работ (заполнением анкеты на предложенную тему), являются:

1) фонематические ошибки, например: *хилиб (хлеб), полфабрика-ти (полуфабрикаты), рыс (рис), сахр (сахар)* и т. д.;

2) нарушение координации и согласования, например: *рекламный вывеска, улитса Луговой* и т. д.;

3) нарушение в управлении формой слова, например: *еду в магазин с машиной, узнал о магазине от рекламы, магазин рядом с дом* и т. д.;

4) лексические ошибки, например: *друг мне сказал* о вашем магазине и т. д.

Частым нарушением также является несоответствие ответа коммуникативной установке задания, то есть ошибки, связанные с логичностью речи, смысловой и синтаксической организацией высказывания. Например, на установку «Страна-производитель товара» зачастую следует ответ «*российский*», на установку «Когда вам удобно получить товар?» следует ответ «*быстрее*» и т. д.

Стоит отметить, что большинство ошибок, допускаемых иностранцами, не являются коммуникативно-значимыми, т. е. незначи-

тельно влияют на успешность коммуникации между тестором и тестируемым. Таким образом, можно сделать вывод, что мигранты, приезжающие в Россию для получения работы, осознают важность владения русским языком вне зависимости от цели въезда на территорию страны временного пребывания.

Литература

1. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Академия, 2006.
2. *Седова Е. А.* Теоретические предпосылки формирования вторичной языковой личности студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку // Молодой ученый. 2014. № 15 (74).
3. *Адаптация* и интеграция мигрантов: сборник эффективных практик / авт.-сост. А. Н. Якимов. СПб.: БФ «ПСП-фонд», 2018.

Т. Т. Кельдыев

Ташкентский государственный экономический университет
(г. Ташкент, Узбекистан)

Молодежный сленг и культура речи

Аннотация. В статье поднимается проблема молодежного сленга и его место в современном литературном языке. Автор подчеркивает необходимость избавления от слов, которые засоряют язык.

Ключевые слова: сленг; жаргон; слова-паразиты; демократизация речи; ненормированная лексика; вульгаризмы.

Выдающийся ученый, мыслитель, человек высочайшей культуры Д. С. Лихачёв писал: «Самая большая ценность народа – это язык, – язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения – только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формируются языком»[1, с. 65].

Речь современного человека подвержена разнообразным влияниям (жаргонизмам, вульгаризмам), что приводит к оскудению и засорению языка. Очень важно дать им объективную оценку и показать их отрицательное влияние на современный литературный язык.

В настоящее время в современном русском языке выделяют особый пласт лексики – молодежный жаргон, или, как часто его называют, сленг (слэнг).

Появление сленга – закономерный фактор. Это связано со стремлением молодежи как можно ярче и эмоциональнее выразить свое отношение к предмету или явлению, имеет распространение в устной речи и нередко отсутствуют в словарях. Например, такие оценочные слова: *обалденный, клёвый, шпора, ржать, тачка, ишачить, пахать, загорать* и т. д.

В речи молодежи сленги зачастую придают ей живость, а иногда ироническую окраску. Но сфера их использования узка, носит нелитературный характер. Однако несмотря на вульгарность этих слов, они проникают в литературную речь отдельных людей. Кроме того, некоторые жаргонные слова постепенно входят в общелитературную лексику, например такие слова, как *плавать, провалиться, хвост, левачить, баранка, сапожник* и др. Они характерны для разговорной речи, а также употребляются в языке художественной литературы как средство речевой характеристики персонажей.

Академик В. Г. Костомаров внедрение сленгов рассматривает как своего рода демократизацию речи, как закономерный и даже неизбежный процесс. «Общественный вкус нынешнего времени, несомненно, диктует демократизацию речи, что естественнее всего связывается с обновлением литературного канона за счет внутренних языковых ресурсов, за счет заимствований из вне- и нелитературных сфер общенародного языка. Через речь, которая по сегодняшней моде наводняется просторечием, диалектизмами и жаргонизмами, в систему литературного языка приходит много новшеств разного качества» [4, с. 78].

В сущности, все, что обреталось в раскованной бытовой речи (и многое сверх того!) сейчас допускается в письменные тексты, во всяком случае в сферу масс-медиа. Пуристически настроенные ревнители литературности говорят о «недопустимой вседозволенности». Однако история учит, что развитие любого национально-литературного, «стандартного» языка знает эпохи либерализации и консервации, в смене которых и достигается сбалансированное обновление».

Проблема демократизации языка в конце XX – начале XXI века достигла больших размеров. На страницах периодической печати потоком хлынули жаргонизмы и др. просторечные слова: *бабки, итука, кусок, стольник, лимон, баксы, бухать* и мн. др.

В официальной речи укоренились такие слова, как *тусовка, разборка, беспредел*. Слово *тусовка* В. Г. Костомаровым рассматривается как искажение корня, а именно переход А в У. Производные *тусовщик, тусовка* означают праздное времяпровождение. «Глагол *тасоваться* не чужд образцовым русским писателям: С тобою тасуюсь без чинов, Люблю тебя душою, Наполни кружку до краев... (А. С. Пушкин. Пирующие студенты, 1814 г.). «И рикша подхватил оглобли и по-

несся вперед, поминутно пощелкивая звонком, прикрепленным на конце оглобли и тасуясь с пешеходами, арбами и другими рикшами, бегущими взад и вперед» (А. И. Бунин. Братя). В форме тусоваться этот глагол приобрел сейчас весьма широкое значение «быть среди кого-чего-либо, проводить время, развлекаться, общаться, дружить, быть заодно: Тысячи людей... день-деньской тусуются на площадке размером меньше гектара (о рынке автодеталей. Изв., 7.7.92)». Разумеется, увлекаться сленгом не следует. Но в процессе преподавания языка необходимо показывать, что они далеко не украшают нашу речь, а наоборот снижают. Типичным примером молодежного сленга является пример из сборника анекдотов Ю. В. Никулина, тонкого ценителя и собирателя коротких остроумных рассказов.

«Старая бабка обращается к патлатому парню в джинсах:

– Молодой человек, как пройти на улицу Горького (сейчас Тверская)?

Он отвечает:

– Во-первых, не молодой человек, а чувак. Во-вторых, не пройти, а кинуть кости. В-третьих, не на улицу Горького, а на Пешков-стрит. А в-четвертых, вон у милиционера спроси.

Бабка подходит к милиционеру и спрашивает

– Чувак, как кинуть кости на Пешков-стрит?

– Хипуешь, клюшка?».

В речи школьников, студентов встречаются групповые сленги. Их можно назвать коллективными, так как появляются в определенном коллективе, особенно в речи, так называемой стилижной молодежи: *матеша, физра, литер* (уроки математики, физкультуры и литературы), *первачки, салажата, салабонки, промокашки* – первоклассники, *шпора* – шпаргалка, *сдуть, содрать, слизать, сфотографировать* – списать, *стипка, стипуха* – стипендия, *тачка* – машина, *истеричка* – учительница истории и т. д.

Приведем некоторые примеры молодежного тусовочного сленга, от употребления, которых, на мой взгляд, надо воздерживаться:

АтАс – опасность, тревога; БалдЕть – получить удовольствие; БортанУть – отвадить; БухАть, кирЯть – выпивать; Вынимать мозги – надоедать; Дурилка картонная – ласковое обращение к собеседнику; ЗалипУха – ошибка; Капуста – деньги; Лох – скромный; Медляк – медленная песня; Не нада мне ля-ля! – не дурите мне голову; НиштЯк – неплохо; ОтходнЯк – похмелье; ОфигЕть – прийти в восторг; ПлесЕнь – старость; Предки – родители; ПрикИд – одежда; ПрикОл – шутка; РаскрутА, раскручивать – пропаганда новой песни; РимЕйк – осовременивание песен прошлых лет; СовКИ – не врубающие в ситуацию люди, прозябающие по законам советского общества; СтЁб –

насмешка, ирония; ТуснЯ (туснЯк) – тусовка, место встречи по интересам; Упаковка – одежда; ФигнЯ – ерунда; Хайр – длинные волосы; ЧЁс – халтурные гастроли; ШизУха – ненормальное поведение.

Такие непристойные слова Д. С. Лихачёв называл «плевыми». «А ведь бывает и так, что человек не говорит, а „плюется словами“. Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения».

Всем известна нетерпимость Д. С. Лихачёва к ненормативной лексике. В одном из интервью 1976 года он сказал: «Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело». Он же в книге «Письма о добром и прекрасном», в 19-м письме «Как говорить?», писал: «Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влиянием среды, если она „затягивает“».

Как же научиться высокой культуре речи, как избежать сквернословия?

Для этого необходимо не только знать правила и нормы русского языка. И важно – читать и слушать тех, кто оставил нам высочайшие образцы русской словесности! Читая вслух лучшие произведения русской литературы, можно постепенно и самому научиться правильно писать и говорить чистым и красивым языком.

Таким образом, сленги могут отличаться большой выразительностью и образностью, придавать колорит языку. И в то же время они, как правило, обладают коротким сроком жизни. Их нужно знать, но нужно стараться не использовать, так как они придают вульгарность речи.

Так как жаргонизмы (сленги) представляют собой стилистически сниженную, нелитературную лексику, при их использовании следует соблюдать умеренность, иначе жаргонизмы не будут служить художественной стилизации. Необходимо, чтобы подобные слова не засоряли речь. Хорошо, если наше слово будет нести в мир радость, свет, добро и любовь. Так давайте же любить русский язык и охранять его!

Литература

1. *Лихачёв Д. С.* О языке устном и письменном, старом и новом // Русская культура. М.: Искусство, 2000.
2. *Голуб И. Б.* Русский язык и культура речи. М.: Логос, 2003.
3. *Современный словарь иностранных слов.* М.: Цитадель-трейд, 2003.
4. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.
5. *Таранов П. С.* Искусство риторики. М.: Эксмо, 2020.

О некоторых особенностях дистанционного обучения

Аннотация. В статье раскрываются особенности преподавания в условиях дистанционного обучения. Особое внимание автора направлено на раскрытие возможностей дистанционного обучения и некоторых трудностей обучения, которые возникают при работе со студентами в режиме онлайн-обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение; принципы дистанционного обучения; онлайн-инструмент; мультимедийный комплекс.

В последнее время в связи с расширением экономических, политических и культурных связей между странами, распространением средств массовой коммуникации активно идет интенсивный процесс информатизации образования, разрабатываются пути повышения его результативности и новые способы образовательной деятельности, в том числе не ограниченной пространством и временем. Поэтому сегодня, когда образовательный процесс в вузах нашей республики продолжает функционировать в экстраординарных условиях, проблема поиска новых форм, методов и приемов образования остается весьма актуальной.

Одним из возможных решений данной проблемы является внедрение дистанционного обучения (ДО) как инновационной формы образования, позволяющей обеспечить принципиально новый уровень доступности образования при сохранении его качества.

Под *дистанционным обучением* ученые-методисты подразумевают «систему обучения специфичными средствами ИКТ и интернет-технологий, основанную на взаимодействии учителя и учащихся, учащихся между собой на расстоянии, отражающую все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, организационные формы, средства обучения)» [1, с. 39].

Обозначим основные принципы дистанционного обучения.

Принцип интерактивности – ДО должно обеспечивать интерактивное взаимодействие между всеми его участниками.

Принцип открытости, т. е. любой желающий должен иметь доступ к получению дистанционного обучения по его выбору.

Принцип гибкости. В этом случае ход учебного процесса можно приспосабливать к индивидуальным особенностям обучаемого, выстраивается индивидуальная образовательная траектория и есть возможность обучаться в любое удобное время.

Принцип адаптивности реализуется при применении современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих

адаптировать дистанционный учебный процесс к особенностям студентов.

Принцип передаваемости заключается в возможности передачи учебной информации по всему миру.

Принцип идентификации, являющийся, бесспорно, одним из ключевых, так как это – часть общих мероприятий по безопасности. Каждый пользователь ДО имеет свой логин и пароль для доступа к обучению на курсе.

Принцип индивидуализации во многом перекликается с принципом гибкости и предполагает, что студент на курсе дистанционного обучения может обучаться в соответствии с индивидуальным темпом и индивидуальной образовательной траекторией.

Принцип регламентности обучения. Дистанционное обучение должно быть подчинено определенным временным регламентам, например, устанавливается последний срок сдачи студентами домашних или контрольных заданий, тестов и т. д.

Принцип педагогической целесообразности применения средств новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Применяемые в процессе дистанционного обучения средства ИКТ должны соответствовать целям обучения, способствовать наиболее эффективному их достижению [4, с. 27].

Дистанционное обучение должно быть максимально универсальным, т. е. необходимо учитывать возможность обучения студентов любой национальной принадлежности, разного уровня и степени мотивированности [3, с. 48]. В то же время процесс обучения должен быть максимально приближен к профессиональной или будущей профессиональной деятельности студента. При этом важна роль преподавателя, задача которого заключается в том, чтобы не только дать студентам знания, но и научить обучающихся искать нужный материал и осваивать его самостоятельно, ведь умение находить и обрабатывать информацию в настоящее время жизненно необходимо. Преподаватель должен не только дать учащемуся необходимый минимум знаний, но и усилить мотивацию обучающегося, заинтересовать в продолжении обучения, ведь обучение вообще и дистанционное обучение, в частности, в большой степени зависит от устойчивой мотивации к учебно-познавательной деятельности [2, с. 151]. Кроме познавательных мотивов, выражающихся в познавательном интересе, «у студентов должен возникать интерес к новым приемам приобретения знаний, к новым способам организации учебно-познавательной деятельности» [3, с. 46].

В дистанционном преподавании в качестве средства активного обучения используются компьютер, ноутбук либо мобильные устройства. Что касается программ/онлайн-инструментов подачи учебного

материала в дистанционном формате, то, как показала наша практика, самыми удобными и необходимыми оказались следующие:

- платформа LMS Moodle, позволяющая преподавателю динамично создавать свои курсы, программы обучения. На наш взгляд, весьма многофункциональный сервис, помогающий легко создавать тесты с выбором одного или нескольких ответов, различные задания, задания с использованием видео и др. и имеющий возможность автоматизированного тестирования;

- платформа Zoom для проведения групповых видеосвязей. Данная платформа удобна в применении, в ней можно включить демонстрацию экрана, чтобы студентам показывать, что именно нужно делать, можно включать аудио- и видеоматериалы и транслировать обучающимся;

- мессенджер Telegram как помощник, как некое «поле» в отсутствии языковой среды, социальной атмосферы общения на изучаемом языке в данных условиях. Группа в данном приложении создается преподавателем либо студентами, объединенными общими целями и задачами (например, изучением конкретной дисциплины) для обмена информацией о заданиях, для получения поддержки однокурсников по совместному изучению дисциплины.

Также возможно и целесообразно использование мультимедийных комплексов, обучающих аудио- и видеоматериалов. Опыт ДО подтверждает эффективность применения мультимедийных технологий, которые позволяют объединить в едином комплексе аудио-, видео-, текстовый и графический материал и повысить таким образом степень воздействия на студента и уровень усвоения материала.

В процессе обучения преподаватель должен организовать учебный процесс и гибко управлять работой студентов. Именно эффективная организация является условием результативности самостоятельной работы студентов и постепенного формирования их автономности.

При всех преимуществах дистанционного обучения нельзя не отметить и его недостатки: студенту необходимо правильно планировать собственное время, чтобы полноценно усваивать новый материал и получать новые навыки; необходимо наличие сильной личной мотивации, умения учиться самостоятельно; отсутствие прямого контакта с преподавателем и студентами группы; трудности в плане учета особенностей личности, ее способностей и возможностей и др.

Непременным условием эффективного использования технологических возможностей является высококачественное информационное наполнение, обеспечивающее поддержку дистанционного обучения и управления образовательным процессом, а также наличие мобильного устройства у студентов и качественная связь, дающая возможность

постоянного выхода в Интернет. Как показывают реалии современной жизни, данные вопросы еще ждут своего окончательного решения.

Таким образом, можно сказать, что в перспективе дистанционное обучение будет играть немаловажную роль в совершенствовании учебного процесса. Однако следует помнить, что никакие, даже самые современные технологии, не смогут заменить «живого человеческого» общения, включающего огромное количество невербальных кодов возможного значения, незнание которых может привести к коммуникативному провалу.

Литература

1. *Азимов Э. Г.* Использование компьютера в обучении русскому языку как иностранному. М., 1999.
2. *Гогоцаева О. У., Кочисов В. К., Тимошкина Н. В.* Использование дистанционных образовательных технологий в вузе // В мире научных открытий. 2002. № 11.
3. *Полат Е. С.* Организация дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций // Дистанционное образование. 1998. № 1.
4. *Старов М. И., Вислобокова М. В.* Психолого-педагогические проблемы общения при дистанционном обучении // Дистанционное образование. 1999. № 2.

Н. В. Лабунец, Е. Н. Эртнер

Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия)

Национально-гастрономические ценности в межкультурной коммуникации: лингвострановедческий подход

А н н о т а ц и я . В ситуации межкультурной коммуникации гастрономические номинации получают дополнительные национально-культурные смыслы, становятся маркером лингвокультурных кодов, этнической идентичности. Изучение иностранными студентами российских национально-гастрономических ценностей с позиций лингвострановедения повышает мотивацию к обучению, расширяет лингвокультурные, коммуникативные компетенции учащихся. На материале гастрономических номинаций, которые функционируют в ресторанном меню тюменской кухни, отразившей национальную специфику коренных народов Тюменского севера, исследуются лингвострановедческие подходы к обучению китайских студентов российской лингвокультуре – гастрономическая экскурсия, трэвел-текст.

Ключевые слова: Тюменский север; северная кухня; национально-гастрономические ценности; гастрономические номинации; межкультурная коммуникация; лингвострановедение; русский язык как иностранный.

Центром кросскультурных контактов всегда является слово, отражающее национальные миры «своего» и «чужого». Слово не только базисная единица языка, слово рассматривается и как воплощение культурного кода, как аксиологическая реализация представлений о жизни, о мироустройстве, о мировоззрении носителей языка, ибо, по справедливому утверждению А. Ф. Лосева, «мышление не существует без слов». Более того, «слово, и в частности имя, есть необходимый результат мысли», поэтому «в слове, в имени – все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков... В имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» [1, с. 42].

Одним из таких «пластов бытия» является феномен «еда/пища», рассматриваемый в современной гуманитаристике с позиций национальной культуры, ее аксиологических составляющих. Интерес к еде, потреблению пищи, кулинарии проявляется и с позиций межкультурных практик, способствуя познанию «чужой» повседневности на фоне «своей». Пища не только факт материального мира. Пищевые традиции, вкусовые предпочтения, гастрономический дискурс становятся маркером, определяющим национальный код культуры, ее этнические идентичности. «Обеденный стол» может стать не только разделяющим, но и сближающим фактором, сферой межкультурного диалога, где наглядно взаимодействуют различные составляющие как вербального, так и невербального характера. «За столом и вокруг него», то есть в гастрономическом дискурсе межкультурного общения, в полной мере задействуются семиотические стратегии и тактики, соотносящиеся с гапстикой, кинесикой, проксемикой, одорикой, гастикой. Особая роль в этом случае принадлежит гастике, которую исследователи рассматривают как раздел «невербалики, изучающий культурную роль вкусовых ощущений, ритуалов, традиций, связанных с едой, пищей, кухней как отражением национального менталитета» [2, с. 20].

«Еда/пища» как основа жизни универсальна для всего человечества, но еда, обусловленная природно-экологическими условиями, в которых доминируют те или иные пищевые ресурсы, присущие этносу, выступает и базовым концептом культуры, встраиваемым в национальные идентичности. Культурные, религиозные смыслы «еды/пищи», философия еды, гастрософия становятся знаком, границей «своего» и «чужого» мира.

Национальная кухня в ее региональной вариативности неотделима от культуры народа, поэтому знакомство с ней необходимо на занятиях по русскому языку как иностранному. Лингвострановедческий/лингворегионоведческий подход к указанной тематике позволяет выявить факты языка, в которых наиболее ярко репрезентируется фрагмент национальной лингвокультуры. Такими культурно маркиро-

ванными единицами в иностранной аудитории становятся русские, российские гастрономические номинации.

В Тюменском регионе русский язык выступает в функции межнационального общения, в качестве проводника этнокультуры северных народов – ненцев, селькупов, хантов, манси, поэтому ситуация межкультурной коммуникации становится полилогом, например, обско-угорско-русско-китайским. В изучении межкультурных параметров гастрономического дискурса в его региональном варьировании также задействуются языки коренных жителей Тюменского севера – Заполярья и Приполярья, – поскольку русские гастрономические номинации могут быть связаны с уральскими языками.

Тюменская область хранит не только наследие русской национальной кухни, но и гастрономические традиции ее коренных народов. Иностранцу всегда хочется отведать какое-нибудь экзотическое блюдо, чтобы ближе познакомиться с обычаями народа, его национальной кухней. Наиболее доступный способ – побывать в гастрономических заведениях, ориентированных на этнические традиции. Отметим, что в основе тюменской, сибирской кухни лежит русская традиция, но отличающаяся самобытностью, региональной выразительностью, вобравшей в себя национально-гастрономические ценности северных этносов. Освоение с конца XVII в. нового для русских первопоселенцев пространства Сибири, укоренение на новом месте невозможно без интериоризации «чужого», в том числе гастрономических составляющих культуры народов Тюменского севера.

Тюменский ресторан-музей «Чум» представляет для иностранцев особый интерес. Здесь не только собраны настоящие северные экспонаты: предметы быта, орудия охоты и рыбалки, национальная атрибутика, более поздние артефакты, сопровождавшие жизнь геологов, первооткрывателей тюменских месторождений нефти и газа. Холдинговый журнал компании сообщает, что в этом заведении можно не только отведать настоящие блюда коренных народов Тюменского Севера, но и познакомиться с северной этнокультурой. Пока готовятся блюда, официант проведет для гостей увлекательную экскурсию по ресторану-музею, своеобразному «северному дому», хранящему языческие традиции «холодного мира».

Гастрономические номинации в тексте меню тюменского ресторана-музея «Чум» представляют особый интерес в аспекте «местного лингвострановедения». Изучение гастрономических номинаций северной кухни проводилось в качестве проектной деятельности магистрантами программы «Русский язык и русская литература для иностранцев» Тюменского госуниверситета.

Гастрономические номинации, встречающиеся в меню ресторана-музея «Чум», способствовали развитию лингвострановедческих компетенций у китайских магистрантов, инициировавших переводческую трансформацию: «*Нельма слабой соли*» 咸北鲑; «*Уха из трех северных рыб: муксун, стерлядь, нельма*» 穆松白鲑小体鲟鱼和大北鲑鱼; «*Рыбы разные из рек сибирских*» 来自西伯利亚河流的各种鱼类; «*Уха их благородных рыб*» 富贵鱼; «*Лосятина с перловой кашей*» 驼鹿珍珠大麦粥; «*Сияние севера (мороженое с морошкой)*» 云莓果冰淇淋《北方之光》; «*Лям-нянь (мансийская лепешка из черемуховой муки)*» 林保姆蛋糕 (由稠李面粉制作的曼西饼 芒斯林稠李, 保姆面包; «*Тельин-нянь (мансийская лепешка с кедровым орехом)*» 特林保姆由雪松子制作的曼西饼, 特林曼西松子保姆面包; «*салат «Сагудай» с муксуном слабой соли (сагудай – из самодийских языков, означает «есть сырую рыбу»)*» 萨古伊沙拉搭配弱盐穆松白鲑 (古伊”源自萨莫德语 “吃潮”).

Большой интерес у китайских студентов вызвала информация о «северном сыроедении». Отметим, что сыроедение издавна объединяет арктическую, заполярную кухню ненцев, расселившихся в тундре, и субарктическую, приполярную кухню угров (хантов и манси), проживающих в зоне северной тайги. Кухня народов Севера, формировавшаяся веками, отвечала суровым условиям жизни. Она своеобразна и уходит корнями в древность. Отличало ее сыроедение – широкое использование сырого мяса и рыбы, в котором преобладала строганина: схваченные морозом, но не вымороженные мясо и рыба сохранялись, не утрачивая своего сока [3, с. 176].

Усвоение новой информации при переводе на китайский язык указанных номинаций в рамках межкультурного проекта получил поддержку (через своеобразный тандем-метод) русскоязычных магистрантов этой же группы, изучающих китайский язык. Для российских студентов в этой ситуации новой и лингвокультурно значимой оказалась национально-гастрономическая информация об особой номинации ряда китайских блюд, например, *пельмень* /«*饺子*». Блюдо, которое кажется хорошо знакомым русской аудитории, получает иное истолкование в китайской лингвокультуре, переводится как «полночь», «новогодняя полночь». Встречи культур, таким образом, раздвигают рамки «своего-чужого», способствуя комфортному восприятию «чужого» как «нового».

Важной формой внеучебной работы стали гастрономические экскурсии, в том числе виртуальные. В аспекте обучения РКИ значимыми для студентов стали трэвел-тексты, которые создают дополнительные мотивации в познании и осмыслении нового материала на фоне соб-

ственных впечатлений, нового эмоционального опыта. Подключение литературно-художественных произведений соответствующей тематики усиливает лингвокультурологическую составляющую в плане развития фоновых знаний иностранных учащихся. Так, лакунарное слово *чум* (в названии ресторана-музея) стало наглядно осмысляться в контексте суровой северной природы. С целью развития метафорического мышления иностранных студентов использовались поэтические тексты: «Свой дикий чум среди снегов и льда / Воздвигла Смерть. Над чумом – ночь полгода» (И. А. Бунин, «Полярная звезда», 1904), «Розовато лежат облака / будто нельмовая строганина, с янтарными желтыми жилами жира заката» (Е. А. Евтушенко, «Присяга простору», 1967) и др.

Поиск новых форм работы, включение нестандартного, самобытного материала развивает интерес к лингвострановедческим фактам, что расширяет возможности иностранных студентов изучать русский язык в ситуации межкультурной коммуникации, в контексте окружающей национальной культуры не только русских, но и других народов России.

Литература

1. *Лосев А. Ф.* Философия имени // Самое само: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
2. *Молчанова Г. Г.* Традиции гасистики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013. № 2.
3. *Собянина Л. Д.* Кухня народов Севера // Национальное обозрение: этнографо-методический сборник, вып. II. Тюмень: Вектор Бук, 2006.

С. С. Магдиева

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами
(г. Ташкент, Узбекистан)

Теоретические аспекты исследовательской деятельности обучаемых школы

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются проблемы вовлечения учащихся в исследовательские проекты, творческие занятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : познавательные потребности; учебно-исследовательская деятельность; проект.

В образовательных проектах, принятых в нашем государстве за последние годы, четко обозначен приоритет современного образования – развитие интеллекта и критического мышления обучаемого, т. е.

вовлечение учащихся в исследовательские проекты, творческие занятия, в ходе которых они научатся изобретать, понимать и осваивать новое, выражать собственные мысли, принимать решения. Большими возможностями в этом плане обладает исследовательская деятельность обучаемых школы, отличающаяся продуктивностью, реализацией личных познавательных потребностей, ориентацией на самостоятельный творческий поиск [1].

Чтобы полноценно совершенствоваться на уроках литературы учащийся должен располагать целым рядом умений:

- быстро и правильно ориентироваться в условиях общения;
- аргументировать свою точку зрения, защищать и отстаивать ее, уметь соглашаться и находить общие точки зрения;
- отбирать необходимую информацию, уметь размышлять, задавать развивающие вопросы;
- обеспечить в классе «обратную связь» со своими одноклассниками (А. А. Леонтьев).

Педагогические, психологические и методические основы организации исследовательской деятельности учащихся освещены в трудах: А. В. Леонтовича, И. Я. Лернера, А. Н. Поддякова, С. Л. Рубинштейна, М. Н. Скаткина и др.

О значимости исследовательской деятельности в школьной практике отмечалось и в исследованиях – В. И. Андреева, И. А. Зимней, А. С. Обухова, А. И. Савенкова и др.

Вопросы, связанные с организацией исследовательской деятельности учащихся школ отражены в трудах методистов Узбекистана: С. М. Махмудовой, М. А. Зальдинера, Ф. И. Губиной, З. К. Кудашевой, С. С. Магдиевой, Л. Т. Ахмедовой, Е. А. Лагай, О. В. Кона и др., что позволяет нам отметить значимость данной проблемы в современном образовательном пространстве Узбекистана.

Интересной представляется нам определение А. В. Леонтовича, который под исследовательской деятельностью учащихся понимает такую форму организации учебно-воспитательной работы, которая связана с решением учащимися творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным результатом [3].

В исследованиях Л. Ф. Фоминой, А. С. Обухова, Е. В. Титова и др. термины «учебно-исследовательская деятельность» и «исследовательская деятельность» учащихся рассматриваются как равнозначные. Определяя исследовательскую деятельность учащихся как творческий процесс, осуществляемый в режиме совместной деятельности учителя и учащихся в поиске неизвестного, они акцентируют внимание также на результат исследования, который является основополагающим в формировании мировоззрения обучаемого [2].

А. В. Хуторский, говоря о школьных исследованиях, использует термин «научная деятельность учащихся». В рамках исследовательской деятельности он выделяет такие «признаки учебной деятельности» обучаемого, как индивидуальные способности, мотивы и цели исследования. Перечисленные признаки характеризуют учебную деятельность в плане тождественности к деятельности научной. Отличие между этими двумя формами деятельности обучаемого оказывается значимым только с точки зрения учителя, который ставит цель – развитие у обучаемых соответствующих личностных качеств [5].

Исследования ученых позволили нам сделать следующие выводы: практически все сходятся в понимании цели исследовательской деятельности учащихся, которая видится ими не в аспекте научных открытий (хотя этот вариант вполне допустим), а в процессе развития личностных качеств и приобретения навыков исследования как универсального способа освоения проблемы, поставленной на уроке.

Раскрывая содержание понятия «исследовательская деятельность обучаемого», невозможно обойти вопрос о создании проблемной ситуации как педагогического условия развития исследовательской деятельности. Известный специалист в области развития творческого мышления Э. Боно пишет, что ход решения проблемной ситуации может выглядеть так: человек с высоким уровнем интеллекта может при встрече с проблемной ситуацией ограничиться таким простым алгоритмом как восприятием и оценкой.

Таким образом, исследовательская деятельность – это творческая деятельность и сегодня не существует общих универсальных правил или схем, по которым она развивается. Однако специалисты в области изучения исследовательской деятельности обучаемого разрабатывают алгоритмы действий, позволяющих отыскивать истину. Одну из наиболее удачных разработок такого рода представил известный математик Б. Больцано, который представил 14 приемов эвристической деятельности, определив их «искусством открытия»:

1) точно сформулировать вопрос, ответ на который мы ищем (необходимо строго ограничивать область исследования);

2) оценить, является ли истинный ответ на поставленный вопрос возможным с точки зрения имеющихся знаний;

3) разбить задачу на небольшие и искать ответы на них сначала выведением решения из известных истин или сведением к решению подобных задач;

4) прямо вывести решение из уже имеющихся знаний, если это возможно;

5) выдвинуть гипотезы методом полной или неполной индукции, или аналогии;

- 6) совокупность четвертого и пятого приемов;
- 7) сопоставить полученный результат с известными знаниями;
- 8) проверить точность использования логических приемов;
- 9) проверить правильность всех определений и суждений, используемых в решении;
- 10) выразить все понятия решаемой задачи в «целесообразных» знаках (воспользовавшись символическим языком);
- 11) стремиться к выработке наглядных образов объектов задачи;
- 12) результат решения формулировать логически строго;
- 13) оценить все «за» и «против» полученного результата;
- 14) решать с большим сосредоточением на «поставленную задачу».

На наш взгляд, исследовательская деятельность не может слишком жестко регламентироваться, поскольку в ней должно оставаться место творчеству и импровизации. Однако мы убеждены, что приемы эвристической деятельности, представленные выше, должны присутствовать в любом исследовании обучаемого школы, а их деление на мелкие конкретные шаги может быть различным в зависимости от области и темы исследования, уровня подготовленности к научному исследованию школьников.

Литература

1. *Концепция* развития системы народного образования до 2030 года (от 29 апреля 2019 года); *Образовательный* совместный проект России и Узбекистана «Класс!» октябрь 2020 и др.
2. *Алексеев Н. Г., Леонтович А. В., Обухов А. С., Фомина Л. Ф.* Концепция развития исследовательской деятельности учащихся // *Исследовательская работа школьников*. 2002. № 1.
3. *Леонтович А. В.* Исследовательская деятельность школьников. Методы и приемы качественного исследования. М., 2000.
4. *Качурин М. Г.* Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы. М., 1998.
5. *Хуторский А. В.* Методика личностно-ориентированного обучения. М.: Владос, 2005.

Э. Т. Мирзаева
Технический институт Ёджу (г. Ташкент, Узбекистан)

Роль учебника как средства организации учебного процесса по русскому языку как иностранному в неязыковом вузе

А н н о т а ц и я . В статье излагаются основные методические приемы работы с учебником. Также рассмотрены методы обучения видам речевой деятельности в вузах с национальным компонентом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : качество учебника; средство общения; языковая компетенция; источник информации; процесс обучения; учебная дисциплина; принцип коммуникативности; речевая практика; дополнительная лексика.

Язык является средством общения и мышления людей. С древних времен с развитием разных сообществ постоянно возникала необходимость контакта с соседями, знакомства с чужими культурами, чтобы осуществлять и развивать торгово-экономические, культурные, религиозные и политические связи. Для достижения всех вышеуказанных целей необходимо была коммуникация с другими обществами на языке данных народов. В области преподавания русского языка как иностранного самая актуальная проблема – это решение вопроса обеспечения студентов учебным материалом по русскому языку.

Сегодня чрезвычайно много источников получения информации в любой области знания, но в условиях обучения в вузе по всем дисциплинам, в том числе по русскому языку, если не единственным, то, во всяком случае, основным источником приобретения знаний является и остается учебник. Ему принадлежит первостепенная роль в учебном процессе: с одной стороны, в соответствии с программой учебной дисциплины, он конкретизирует ее содержание, материализует научные основы предмета, определяет практическую учебную деятельность обучающихся, рекомендует виды и способы усвоения учебного материала. Объем знаний учащихся, глубина и степень прочности всецело зависят от качества учебника. Поэтому к учебнику как основному источнику получения знаний предъявляются очень высокие требования.

В Техническом институте Ёджу в городе Ташкент обучение осуществляется на русском, узбекском, английском и корейском языках. У студентов нашего института огромное желание в изучении иностранных языков. Важнейшим средством организации учебного процесса по русскому языку как иностранному большинство методистов и преподавателей считают учебники. Именно в учебнике должны сочетаться раз-

личные «вербальные и невербальные способы и приемы, с помощью которых преподаватель направляет, регулирует и контролирует учебную деятельность учащихся по овладению иноязычными навыками и умениями». В этом огромную роль играет учебник «Русский язык» (для студентов неязыковых вузов), по которому занимаются студенты нашего института (авторы М. А. Бердиева и В. Д. Янченко). Данный учебник для студентов I курса и подготовлен в соответствии с Программой по русскому языку для неязыковых вузов. Хочется отметить, что возрастает роль учебника русского языка в обучении русскому языку как неродному в нерусской аудитории, где, в условиях отсутствия естественной русскоязычной среды, с помощью материалов учебника создается своеобразная (искусственная) русскоязычная речевая мини-среда, приводящая в конечном итоге к практическому овладению нерусскими учащимися русским языком как средством общения.

Именно учебник «Русский язык» (для неязыковых вузов), авторами которого являются М. А. Бердиева и В. Д. Янченко, помогает в хорошем изучении и усвоении русского языка студентами национальных групп нашего института. В учебнике учтены национальные особенности узбекской аудитории. При отборе текстов особое внимание уделено истории, культуре, обычаям и традициям русского и узбекского народов. В связи с этим, тексты и грамматические материалы сопровождаются системой различных заданий. Работая с текстом, студенты учатся извлекать информацию, предъявляемую в разнообразной форме: в виде связного текста, таблицы, схемы, составление планов, работа с различными видами словарей. В учебнике много игровых технологий, кроссвордов, шарад, которые дают возможность студентам с интересом изучать русский язык. Каждая тема сопровождается списком ключевых терминов, подлежащих активному усвоению.

Лексико-грамматический материал организован по функционально-семантическому принципу с учетом тематического принципа. В каждой теме предлагаются минимизированный лексический и грамматические материалы, выражающие определенные значения: способы выражения объектных, временных, пространственных, определительных и других значений.

Обучение русскому языку ставит своей задачей достижение следующих целей – это обучение устной речи в пределах ситуаций, в которых может оказаться студент при общении; обучение навыкам ознакомительного чтения (понимание общего содержания текста) на материале журналов, газет, Интернета, радио и телевидения и др.; обучение устному профессиональному общению при контактах со специалистами разных отраслей; обучение навыкам изучающего чтения (понимание информации) банковской, архитектурной, международного бизнеса.

Методические основы обучения русскому языку делятся на:

- *Принцип коммуникативности в обучении.* Коммуникативность предполагает практическую направленность обучения русскому языку. Это означает соответствие процесса и методов обучения тем намерениям, ради которых студент занимается языком. Принцип коммуникативности отводит изучению грамматики служебную роль. Грамматика изучается для практического пользования речью. Это позволяет не заучивать грамматические правила и соответственно делает невозможным со стороны преподавателя контролировать их теоретическое усвоение студентами.

- *Обучение видам речевой деятельности.* Современная методика рассматривает овладение речевой деятельностью в четырех видах: слушание (аудирование), говорение, чтение и письмо.

- *Говорение и письменная речь* – продуктивные виды речевой деятельности; аудирование и чтение – рецептивные виды. Для овладения видами речевой деятельности необходимо приобрести навыки умения.

Каждому, кто изучает язык, известно, что чтение способствует активизации навыков говорения и слушания, а речевая практика помогает развитию навыков чтения.

Обучение устной речи осуществляется по следующей схеме: презентация (представление) речевого материала в виде диалога; диалоги для наблюдения; грамматические таблицы, которые показывают студентам закономерность языковых явлений и являются инструкциями для конструирования предложений; подстановочные таблицы, которые дают возможность повторения усваиваемого материала; упражнения на восстановление недостающих реплик в диалогах.

Система упражнений по обучению устной речи направлена на формирование навыков диалогической речи, а выполнение вопросно-ответных упражнений формирует навыки монологической речи.

Успех обучения устной речи зависит от непринужденной, доброжелательной обстановки, которую создает преподаватель в группе. Не следует акцентировать внимание на ошибках студентов; необходимо ненавязчиво исправлять их повторением фразы в исправленном варианте.

Преподаватель должен помочь студентам преодолеть боязнь ошибки и своим поведением убедить: лучше сказать с ошибкой, чем ничего не сказать. Педагог не должен показывать негативного отношения к неудовлетворительной речи студента; основным фактором его воздействия должна быть похвала.

Обучение ознакомительному чтению осуществляется по следующей схеме: презентация лексико-синтаксической модели; упражнения на наблюдение синтаксического явления; комбинированные

упражнения – построение на основе элементарных предложений более крупных синтаксических структур; упражнения на определение принадлежности слов к частям речи, на определение формы слова; упражнения для семантизации лексики, которая осуществляется через перевод или на основе догадки по конспекту, по словообразовательным морфемам; упражнения на определение сочетаемости слов; контроль понимания прочитанного; беседа на тему текста.

Вышеперечисленные типы упражнений предусматривают выработку следующих навыков: пользоваться словарем; определять начальную форму слова; различать слова по частям речи, т. е. уметь отнести слово к группе слов, отвечающих на один и тот же вопрос и имеющих общее значение предметности, признака, действия и т. д.; понимать синонимию форм конструкций; усвоить объем лексики, достаточный для чтения статей из журналов и газет, книг, Интернета.

Студенты, изучающие русский язык и которые хотят его знать, эффективно и плодотворно работают, используя вышеописанные методы в аудитории, а слабые студенты увлекаются этой работой, что тоже помогает им в быстром овладении русским языком. Как показывает наш опыт работы, при правильной грамотной организации преподавателем учебного процесса у студентов вырабатывается стиль, который поможет им в формировании профессионального качества.

Литература

1. *Методика преподавания русского языка*. Л., 1990.
2. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.: Просвещение, 1995.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1998.

В. В. Новикова

Центр тестирования Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специфика концепта «берёза» в русском и узбекском обыденном метаязыковом сознании

Аннотация. В данной статье мы описываем обыденное метаязыковое сознание в рамках понимания концепта «берёза» представителями разных языковых культур. В статье рассматривается отражение концепта «берёза» в сознании представителей разных культур: русской и узбекской; отсутствие/наличие разного рода коннотаций в концептах, что является порождением ассоциативной разности.

Ключевые слова: метаязыковое сознание; языковое сознание; метод экспликации, национально-коннотативная специфика семантики; ассоциативный эксперимент.

Исследование вписывается в русло лингвокультурологии, изучающей специфику языковых сознаний представителей разных культур. Цель статьи – описать специфику обыденного метаязыкового сознания через содержание концепта «береза» в русском и узбекском языковом сознании.

В лингвистике тема метаязыкового сознания не нова. По мнению И. А. Бодуэн де Куртенэ метаязыковое сознание является языковым чутьём и появляется на основе «образования ассоциаций и сцепления понятий, относящихся к научному мышлению о предметах из области речи человеческой и из области науки, называемой языковедением» [1, с. 6]. При этом «языковое чутье» характерно не только для ученых, но и для рядовых носителей: «...чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами» [1, с. 50].

Понятия «метаязыковое сознание» и «языковое сознание» необходимо различать, поскольку метаязыковое сознание есть составляющее языкового сознания и одновременно выходящее за его пределы. Метаязыковое сознание, таким образом, та часть сознания, которая содержит в себе знания о языке, правилах употребления языковых элементов, представление об окружающей действительности, связанной с формированием языковых / речевых умений и навыков и пр.

Языковое сознание определяется как «закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящим на данном языке» [2, с. 111]. Действительность воспринимается и отражается в сознании разных народов по-разному и зависит от существующих реалий. Мироощущение народа, понимаемое как «закрепленный в языковых значениях специфический язык» отражается в языке народа [3, с. 24].

Когда работаешь с людьми разных языковых культур, то сталкиваешься с разным восприятием окружающей действительности, с разной интерпретацией этой действительности. Т. К. Цветкова считает, что в рамках изучения иностранного языка в языковом сознании обучающегося объединяются два уровня когнитивный и собственно языковой [4]. Языковым уровнем языкового сознания считается уровень вербализации, а когнитивным уровнем – уровень содержания понятия, иными словами концепт.

Обращение к коннотациям концепта «берёза» является не новым, но всегда интересным. Это дерево для большинства русских является родным, но когда ты начинаешь обучать иностранцев или общаться с иностранной аудиторией, то сталкиваешься с непониманием: приходится растолковывать, если это требует понимание аутентичного тек-

ста, значение концепта «берёза». Известный российский писатель, В. Ерофеев написал: «Сколько помню себя – все в городе живу... безрезку-то вижу от случая к случаю. Но неведомая сила, сокрытая в этом образе, – поднимает душу и наполняет силой. Именно так! С кровью дано. И, как видно, не только мне» [5]. В одном из интервью Александр Мясников сказал, что вернулся в Россию «...только потому, что скучал по берёзкам...» [6]. Эти мысли являются свидетельством того, что для русских берёза – один из символов Родины и объект притяжения к ней.

Работая в Узбекистане мы провели ассоциативный эксперимент, который является, на наш взгляд, основным методом экспликации концептного значения лексемы. Выявить понимание значения концепта «береза» в русском и узбекском языковом сознании нам помог эксперимент с носителями русского и узбекского языков. Для исследования были определены две контрольные группы по 50 человек в возрасте от 18 до 55 лет. Одна группа русскоговорящих студентов, не владеющих узбекским языком; вторая группа узбекских учителей, преподающих русский язык как иностранный в школах Узбекистана. Всем информантам было предложено выполнить задание: написать ассоциации, которые «всплывают» в памяти при восприятии слова «береза».

При обработке данных было выявлено, что некоторые семантические значения концепта «берёза» являются общими: дерево (русские – 36, узбеки – 45), роща (русские – 14, узбеки – 13), девушка (русские – 9, узбеки – 5), баня (русские – 8, узбеки – 6). Обыденное метаязыковое сознание основывается на том, что носит коллективный характер, то есть содержательно существует в сознании общества.

Респонденты отмечают такие коннотации: Есенин, «Белая берёза под моим окном...» (русские – 34, узбеки – 10: стихотворение С. Есенина «Берёза» изучают в начальной школе в России и в среднем звене в Узбекистане). Так на протяжении целых поколений сохраняется традиционный «книжноцентризм» в отношении концепта «берёза» [7, с. 51].

Далее мы увидели больше разности в семантике концепта «берёза»: деревня (русские – 20, узбеки – 4), осень (русские – 4, узбеки – 1), природа (русские – 8, узбеки – 3), весна (русские – 6, узбеки – 1), сок (русские – 14, узбеки – 9). Обыденное языковое сознание «отражает одну и ту же языковую действительность, но отражает по-разному» [8, с. 55].

В опросе русских было выявлено большее разнообразие коннотаций, связанных с концептом «берёза»: дом, природа, свобода, Безруков, запах, гибкая, нежность, высокая, ветер, грибы, богатырь, смерть, школа, 1 сентября, дрова, листья, переходный период, бабушкин дом, птички, Шукшин, женственность, уязвимость, родители, детство, тепло, серёжки, лето, чёрно-белые полосы, стройность. Такое разное

разное семантическое поле понятно: береза распространена по всей России. Национально-коннотативная особенность семантики концепта «берёза» заключается в наличии эмоциональной, экспрессивной составляющей в содержании слова.

Узбеки подходят к концепту «берёза» с прагматической точки зрения: «Береза – материал для строительства, материал для мебели». Так ответило 6 респондентов. Такая реакция в обыденном метаязыковом сознании на концепт «берёза» отсутствует у опрошенных русских студентов.

Анализ полученных результатов показывает, что в узбекском языке слово «береза» в отличие от русского эквивалента береза, кроме общего лексического значения – дерево, роща, – не включает такого большого многообразного семантического поля с его эмоциональными, экспрессивными и оценочными ассоциациями, как у русских студентов. Образ берёзы опoэтизирован в поэзии, прозе, в устном народном творчестве русского народа: «Во поле берёзка стояла, Во поле кудрявая стояла...», «...И Родина щедро Поила меня Березовым соком...». Берёза в сознании русских является символом света, чистоты, женственности, олицетворением русской природы, символом России.

В России любят баню, необходимым элементом которой является берёзовый веник, изгоняющий всю хворь, дающий здоровье. В Узбекистане баня имеет совсем другое содержание, в ней нет привычного для русского человека берёзового веника. Баня в Узбекистане – это место, куда приходят до сих пор не только помыться, но и расслабиться и получить сеанс специального массажа.

Для узбеков берёза – это из главных деревьев России, символ России. Население Узбекистана мало знакомо с этим деревом, либо имеет представление о нём, если в школьной программе изучают русскую литературу, например, стихотворение С. А. Есенина «Белая берёза под моим окном». Поэтому у узбеков концепт «берёза» не наполнен экспрессией, эмоциональностью и не имеет такой многообразной оценки, как у русских. Это является свидетельством того, что береза не является значимым растением для узбеков, и в сознании этого народа не вызывает тех значений и ассоциаций, как у русских. «Разные виды национальной специфики отражены в символическом восприятии мышлении двух народов» [9].

Проведенный нами свободный ассоциативный эксперимент на ассоциативные реакции концепта «берёза» подтверждает мысль о том, что коннотативное наполнение национально обусловлено и это проявляется в особенностях употребления этих лексических единиц и отражается на их семантике.

Специфика значения концепта «береза» проявляется в несовпадении эмоциональных и оценочных сем двух языков. Национально-языковая особенность отражает различия между единицей двух языков. Разные виды национальной специфики отражены в восприятии и мышлении двух народов. Это обусловлено отсутствием/наличием разного рода коннотаций в концептах и порождает ассоциативную лакуарность.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что в широком понимании метаязыковое сознание «сложный и противоречивый феномен, формируемый под воздействием разных детерминант» [10].

Литература

1. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М., 1963. Т. 1.
2. *Управление* познавательной деятельностью учащихся / под ред. П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной. М.: Изд-во МГУ, 1972.
3. Кабанова О. Я. Основные вопросы методики обучения иностранному языку на основе концепции управления усвоением. М.: МГУ, 1976.
4. Цветкова Т. К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. 2001. № 4.
5. *Учитель* словесности. URL: http://uchitelslovesnosti.ru/publ/proba_pera/uchimsja_pisat_ehsse/uchimsja_pisat_ehsse_zadanie_13/101-1-0-2130 (дата обращения: 15.03.2021).
6. Александр Мясников. Судьба человека с Борисом Корчевниковым. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WWzZI-AG-GA> (дата обращения: 19.03.2021).
7. Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика. 2000. № 2.
8. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005.
9. Чжи Пин Хань. Ассоциативные реакции русских и китайцев в аспекте лакуарности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 1 (29).
10. Голев Н. Д. Помехи письменной речи как проблема коммуникативной орфографии русского языка. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v98.html> (дата обращения 10.05.2021).

А. В. Петрова

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Методика обучения русскому языку как иностранному студентов неязыковых факультетов с применением когнитивных стратегий (на примере темы «Путешествие»)

Аннотация. Рассматриваются преимущества использования когнитивных стратегий на занятиях по русскому языку как иностранному. В начале статьи раскрывается понятие когнитивных стратегий и приводится их классификация. Затем автор делает акцент на способности когнитивных стратегий расширять словарный запас и развивать коммуникативную компетенцию. Далее предлагается ряд авторских заданий и методических рекомендаций с указанием когнитивных стратегий, которыми студенты должны руководствоваться при выполнении упражнений. Данные дидактические материалы могут использоваться преподавателями на занятиях по русскому языку как иностранному со студентами 1-го курса неязыковых факультетов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; когнитивные стратегии; коммуникативная компетенция; лексический материал.

Тема «Путешествие» является базовой при обучении русскому языку как иностранному студентов неязыковых факультетов. Для более успешного усвоения данной темы нами рекомендуется пользоваться когнитивными стратегиями, которые считаются эффективным инструментом в обучении ввиду того, что они нацелены на усвоение, хранение и извлечение информации из памяти [1, с. 96]. Таким образом, можно полагать, что когнитивные стратегии являются неотъемлемым компонентом при обучении лексической стороне речи, что, в свою очередь, послужит базой для формирования и развития коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов.

Когнитивные стратегии подразделяются на два крупных блока – стратегии концептуализации (необходимые для понимания понятия) и мнемонические стратегии (использующиеся для запоминания) [2, с. 33]. При разработке дидактических материалов для студентов 1-го курса неязыкового факультета учитывались такие стратегии концептуализации, как догадка по контексту, работа со словарем, критическая оценка, обобщение, корреляция и перевод; в качестве мнемонических стратегий использовались следующие приемы: употребление в контексте, имитация, конспектирование и повторение. Данные стратегии были выбраны, опираясь на языковую подготовку и психолого-педагогические особенности студентов 1-го курса.

Рассмотрим пример упражнения № 1, которое направлено на обогащение словарного запаса студентов посредством коллокаций и идиом.

Упражнение 1 по теме «Путешествие»

Прочитайте предложения ниже и заполните пропуски словами из рамки. Объясните, что означают эти лексические единицы. В рамке одно слово лишнее.

<i>присесть</i>	<i>адресу</i>	<i>небесах</i>	<i>пути</i>	<i>галопом</i>	<i>границы</i>	<i>миру</i>
-----------------	---------------	----------------	-------------	----------------	----------------	-------------

1. Я не люблю осматривать достопримечательности _____ по Европам.

2. У нас перед дальней поездкой принято _____ на дорожку и побыть в тишине.

3. Мы умудряемся с _____ по нитке собрать всё необходимое для кругосветного путешествия.

4. При мысли о предстоящих каникулах я просто парю в _____.

5. Своим безобразным поведением мы перешли все _____ в наших отношениях.

6. Если вы не разделяете моих взглядов, с вами мне совсем не по _____.

Практика. *Работая в парах: решите, какой из вариантов характерен для вас.*

Данное задание имеет двойную цель – пополнить лексическую сторону речи студентов полезными словами и выражениями, а также способствовать развитию умений диалогической речи. Преподаватель предлагает студентам прочитать утверждения на русском языке и вставить в них пропущенные слова из таблицы. Далее преподаватель рекомендует пользоваться словарями, после чего наступает этап проверки, в процессе которой педагог просит студентов объяснить новое слово или дать синоним и объяснить этимологию идиомы. Затем проводится отработка произношения слов/фраз за преподавателем. На следующем этапе студентам предлагается поработать в паре и выразить свое согласие или несогласие по данным утверждениям. Когнитивными стратегиями концептуализации при выполнении данного задания являются контекстуальная догадка, работа с лексикографическими источниками и критическая оценка утверждений. В качестве мнемонических стратегий использовались имитация и конспектирование значения новых слов.

Упражнение 2 включало в себя предложные фразы, знание и употребление которых также способствуют развитию коммуникативной

компетенции студентов и снимают дополнительные трудности при ведении межкультурного диалога.

Упражнение 2 по теме «Путешествие»

Прочтите предложения ниже и обведите правильный предлог. Объясните, что означают получившиеся фразы.

1. Предпочитаете ли вы отдых **у/на лоне природы**? Почему?
2. Как вы относитесь к путешествиям **на/к бегу**?
3. Готовы ли вы отправиться **на/в край света**? Какое самое дальнее путешествие вы совершали?
4. Вам нравится отдых **под/над открытым небом**? Почему?
5. Имеете ли вы привычку покупать что-либо **на/под память** о поездке?

***Практика.** В парах: ответьте на вышеуказанные вопросы.*

Преподаватель выдает пять вопросов на русском языке, в которых просит студентов обратить внимание на предложные фразы и при помощи словарей и (или) своей языковой догадки подчеркнуть правильный предлог. Затем наступает стадия проверки: преподаватель просит объяснить данные фразы на русском языке или дать синоним. После данной проверки студенты объединяются в пары или мини-группы и отвечают на поставленные вопросы. Отрабатываемыми когнитивными стратегиями концептуализации являются контекстуальная догадка, работа со словарями и обобщение. В качестве мнемонических стратегий использовались контекстуализация и конспектирование значения новых фраз.

Для дальнейшей отработки нового лексического материала студентам предлагалось домашнее задание, в котором необходимо было составить список из 10 рекомендаций для начинающих путешественников. В основные требования входили:

- объем всего сообщения: не менее 100 слов.
- использование новой лексики: не менее 5 слов/фраз.

Как было продемонстрировано выше, данные упражнения, составленные с учетом внедрения когнитивных стратегий, способствуют пополнению словарного запаса на иностранном (русском) языке и развитию коммуникативной компетенции для успешного и эффективного ведения кросскультурного диалога.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
2. Щетилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. 033200 «Иностранный язык». М.: Гуманит. изд. центр «ВлаДоС», 2005.

Из опыта обучения функциональным стилям речи в неязыковом вузе

Аннотация. В общем контексте статьи представлен опыт работы по обучению функциональным стилям речи студентов неязыкового вуза, формированию у них умений и навыков по определению и правильному использованию характерных стилевых особенностей и жанров.

Ключевые слова: функциональные стили речи; стилистическая дифференциация; стилевые черты и особенности; жанровые разновидности; языковые средства; обоснованность выбора; речевая культура.

Современная политика Республики Узбекистан в области высшего профессионального образования характеризуется коренными изменениями, вызванными необходимостью приведения его системы к международным стандартам, поворотом к человеку, его интересам и запросам с учетом потребностей общества и государства. От качества подготовки специалистов любого профиля в значительной степени зависят содержание и качество жизни граждан в стране, а высшее образование и успехи в научно-техническом, экономическом и социальном развитии, как свидетельствует современная практика, находятся в прямой зависимости. Вот почему для обеспечения необходимого качества профессиональной подготовленности поставлена задача обеспечения комплекса знаний, умений и навыков, соотносенных с целями, условиями и способами практической деятельности специалиста в современных условиях с учетом долговременной перспективы.

В нашей программе учебной дисциплины «Основы научной и деловой речи специалиста-международника» нашла свое отражение стратегия изучения русского языка студентами групп с узбекским языком обучения в качестве приоритетного компонента формирования профессиональной языковой компетенции. Главной целью обучения является формирование у студентов направлений «Международные отношения», «Мировая политика», «Международное право» и «Мировая экономика и менеджмент», необходимого для межкультурного общения уровня коммуникативной компетентности при одновременном совершенствовании личности, способной к дальнейшему самообразованию в изучении русского языка и к использованию полученных знаний в актуальных для обучаемых сферах его функционирования.

Основное содержание учебной программы составляют функциональные стили речи. С учетом профиля УМЭД определены и реали-

зуются основные способы и приемы отбора и презентации языкового материала, раскрываются особенности каждого функционального стиля речи: научного, официально-делового, публицистического, разговорно-бытового и языка художественной литературы. Наряду с характеристикой функциональных стилей речи и основных жанровых разновидностей текстов, необходимых для учебной и профессиональной деятельности студентов, мы знакомим их с основными понятиями стилистики речевых средств, с уместным использованием языковых единиц с функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной окраской в речи.

Наша основная задача – ознакомить студентов с вопросами стилистической дифференциации языковых средств, дать понятие о речевых стилях, показать наиболее целесообразное использование синонимических вариантов и привить навыки их обоснованного выбора, содействовать повышению речевой культуры как одного из аспектов этнокультурной системы личности. Всё это направлено на формирование у студентов практических навыков и поисково-аналитических умений работы с литературой по специальности, самостоятельной работы, ориентирование их на систематическое совершенствование собственной речи, на поисково-творческую самостоятельную деятельность.

Главное внимание в программе курса уделено вопросам функциональной стилистики как основы научной и деловой речи. Изучение функциональных стилей строится по единой схеме: социально значимая сфера коммуникации → функция стиля → стилевые черты → типичные языковые средства.

Подобная презентация теоретического материала позволяет не только получить представление о том или ином стиле речи, но и имеет четкую практическую направленность: учит, используя языковые средства, создавать текст исходя из конкретной речевой ситуации в строгом соответствии с жанрово-стилевыми особенностями, что позволяет максимально повысить эффективность акта профессиональной коммуникации.

Особую практическую значимость для обучаемых имеет их ознакомление с требованиями по составлению и оформлению соответствующей стилям речи специальной документации (коммерческой, законодательной и дипломатической). Нарботана методика ознакомления студентов с основами научно-исследовательской работы, привития им навыков разработки текстов публичной речи и их произнесения.

На функционально-стилистической основе ведется освоение и закрепление знаний о коммуникативных качествах речи (ее правильность, чистота, богатство, точность, логичность, краткость, ясность, выразительность, уместность). При этом у студентов вырабатываются

навыки стилистического анализа и интерпретации текстов различных функциональных стилей, построения коммуникативно-целесообразных высказываний. Систематическое внимание уделяется ознакомлению обучаемых с основными закономерностями профессиональной монологической речи в ее письменной и устной разновидностях.

При изучении разных стилей речи студенты готовят по ним презентации, выступления-сообщения по речевым темам «Моя будущая специальность», «Современные информационные службы», «Международные организации», «На пути построения правового демократического общества», «Экономические реформы в Узбекистане», «Внутренняя и внешняя политика Республики Узбекистан», «Высокая миссия художественной литературы», «Из истории мировой науки», «Научная мысль Востока», «Наука в современном мире», «Искусство научной полемики» и др.

К примеру, при изучении раздела «Публицистический стиль речи» студенты работают с периодикой (с материалами газет «Правда Востока», «Народное слово», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» и др., выступают с различными аналитическими обзорами (политика, право, экономика, спорт и т. п.) по материалам СМИ, читают разнообразные публицистические тексты и анализируют их на предмет жанровой принадлежности, аргументируя свою точку зрения на основе анализа использованных в них тематических групп лексики (политическая, экономическая, социальная, юридическая, экологическая и др.), самостоятельно готовят оригинальные видеоматериалы с интересными интервью и репортажами.

При изучении «Научного стиля речи» студенты знакомятся с основами научно-исследовательской работы: правилами использования общенаучной и специальной лексики, терминов и аббревиатур, рубрикации, оформления сносок и цитат, составления библиографии, плана, конспекта, тезисов и комментария к научному тексту. Ребята учатся аргументировать собственную точку зрения, вести научную полемику, работают с такими жанрами научного стиля, как конспект, тезисы, научная статья, рецензия, отзыв, аннотация, научный доклад и реферат. Итогом работы по разделу является написание и защита реферата по избранной специальности на русском языке.

С целью закрепления изученного материала о функциональных стилях речи практикуются различные виды заданий:

- опишите одну и ту же ситуацию различными стилями. Докажите, что приведенные вами тексты относятся к тому или иному функциональному стилю речи;
- объясните значения интернациональных словообразовательных элементов, подберите термины, в состав которых они входят (напри-

мер: био-, авто-, аква-, анти-, макро-, -тека, архи-, ауди-, баро-, моно-, библио-, гипер-, гипо- и др.);

- подберите подходящие синонимы из скобок к данным паронимам (например: запасный – запасливый (предусмотрительный, резервный, дополнительный);

- подготовьте публичные выступления: речь по афоризму или на заданную тему, например: 1. Времена не выбирают (размышления о судьбе моего поколения). 2. Милее книги друга в мире нет (Алишер Навои) и др.;

- составьте варианты извинений за случайное опоздание (на занятие – перед преподавателем, на деловую встречу – перед партнером, на встречу – перед другом). Вежливо откажите в просьбе ответить на вопрос, в котором вы некомпетентны;

- составьте предложения с паронимами, за справками обращайтесь к словарям русского языка: Добрый – добротный, дружеский – дружественный, дефектный – дефективный, конструкторский – конструктивный, эффектнй – эффективный, отражать – отображать, опробовать – апробировать, укрывать – скрывать, осудить – обсудить, новшество – новинка, урожай – урожайность, существо – сущность, экономный – экономичный – экономический;

- из газетных и журнальных текстов приведите примеры (со ссылками) языковых средств речевой выразительности и оценки;

- письменно оформите личные деловые бумаги (автобиографию, резюме, заявление, расписку и др.), несколько деловых писем коммерческого, поздравительного, благодарственного, пригласительного характера.

Единицей обучения на занятиях по изучению функциональных стилей речи служит текст, ориентированный на будущую специальность студентов. Для качественного усвоения учебного материала большое значение имеет использование на занятиях современных методов обучения, новых информационно-педагогических технологий, использование оригинальных учебников и учебных пособий, учебно-методических комплексов, созданных педагогами кафедры, а также разнообразных учебно-тренировочных, контрольных заданий, раздаточных и электронных обучающих материалов, соответствующих эффективным педагогическим технологиям.

Применение приемов технологии РКМЧП в процессе изучения учебной темы: «Художественные особенности рассказа И. Бунина „Темные аллеи“»

Аннотация. Статья посвящена перспективам использования технологии РКМЧП в образовательном процессе при изучении творчества И. А. Бунина. Рассмотрено практическое применение приемов данной технологии на материале рассказа «Темные аллеи».

Ключевые слова: технология, критическое мышление, стадия, ПОПС-формула

Технология развития критического мышления на основе чтения и письма (РКМЧП) была разработана в конце XX века в США. Эта технология является системой стратегий и методических приемов, предназначенных для использования в различных предметных областях, видах и формах работы. Как указывает исследователь Л. П. Прокина в своей статье: «Технология развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП) при обучении студентов русскому языку с методикой преподавания» создатели этой технологии модифицировали идеи свободного воспитания (А. Ковальчукова) и творческого саморазвития личности (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Дьюи, Ж. Пиаже, М. Монтессори), деятельностного подхода к обучению (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), принципы личностно-ориентированного образования (Э. Фромм, К. Роджерс, Э. Н. Гусинский, В. В. Сериков, Е. В. Бондаревская), а также идеи эвристического обучения (А. В. Хуторской) и довели их до уровня технологии. Технология РКМЧП является универсальной, «надпредметной» (Л. П. Прокина), «открытой к диалогу с другими педагогическими подходами и технологиями» [1, с. 504] и имеет совершенно четкую структуру, в основе которой развивающие и воспитательные цели. Преимущества использования данной технологии в образовательном процессе состоят, на наш взгляд, в следующем: во-первых, она является основой нравственного и эмоционального воспитания личности, а также развития творческих способностей студентов; во-вторых, она вырабатывает навык самостоятельного знакомства с произведением, а также навыки «умело погрузиться» в творчество писателя, что в свою очередь вырабатывает умение доказывать точку зрения, обобщать, систематизировать материал и, конечно же, потом проецировать все эти знания на собственный жизненный опыт.

Педагогическая технология развития критического мышления через чтение и письмо – это набор приемов и стратегий, применение которых позволяет выстроить образовательный процесс, в котором обеспечивается самостоятельная, сознательная деятельность учащихся по пути к достижению ими же поставленных учебных целей занятия.

Основу технологии представляют три стадии: вызов – осмысление содержания – рефлексия. На стадии вызова формируется познавательный интерес. В процессе реализации стадии осмысления содержания материала происходит систематизация новой информации. На стадии рефлексии происходит закрепление новых знаний, систематизация представлений об изучаемом явлении. Фаза вызова направлена на достижение нескольких целей: пробуждение имеющихся знаний; стимулирование интереса учащихся к новой информации. В данной фазе главное – принимать, не критикуя, любые ответы обучаемых. В результате студенты не будут бояться высказывать свое мнение, пусть даже и не совсем правильное. Фаза осмысления ставит своей целью получение студентами новой информации. Здесь главное – достичь понимания студентами новой информации, сохранить заинтересованность и активность в работе. Фаза рефлексии представляет собой осмысление полученного знания. Основным здесь является прояснение смысла, построение дальнейшего пути обучения. На данном этапе преподавателю необходимо еще раз разъяснить студентам то, что осталось непонятым.

Опыт применения приемов данной технологии на практических занятиях по курсу «История русской литературы» в образовательном процессе в высших образовательных учреждениях показал ее эффективность. Рассмотрим, какие приемы можно использовать на разных стадиях учебного занятия в процессе изучения темы «Художественные особенности рассказа И. Бунина «Темные аллеи»». На стадии вызова – мотивационной и целеполагания – можно использовать прием «Корзина идей». Это прием организации индивидуальной и групповой работы на начальной стадии урока, когда идет актуализация знаний и опыта. На доске прикрепляется значок корзины, в которую условно собирается то, что студенты знают об изучаемой теме. Вначале ставим вопрос: «Что вы знаете о жизни и творчестве И. А. Бунина?».

Далее работа движется по следующему алгоритму:

1. Каждый ученик вспоминает и записывает в тетради всё, что знает по теме (индивидуальная работа продолжается 1–2 минуты).

2. Обмен информацией в парах или группах.

3. Далее каждая группа называет какое-то одно сведение или факт, не повторяя ранее сказанного.

4. Все сведения кратко записываются в «корзине идей» (на доске), даже если они ошибочны.

5. Все ошибки исправляются по мере освоения новой информации или исправляются после обсуждения.

На стадии осмысления будет важным обратиться к таблице «ЗХУ», принципы составления которой, хорошо описаны в методической литературе.

Пример заполнения «ЗХУ» по изучаемой теме

Знаю (вызов)	Хочу узнать (вызов)	Узнал (реализация смысла или рефлексия)
И. Бунин – автор рассказа «Темные аллеи».	Почему рассказ называется «Темные аллеи»?	Заполняется на стадии рефлексии

Далее переходим к заполнению «ПОПС-формулы», которая позволяет обучаемым научиться излагать свои мысли, выражать идеи и стремиться к познанию нового, опираясь на собственный опыт. А педагог, научив студентов правильно пользоваться технологией составления ответа по такой схеме, получает возможность эффективнее использовать время занятия и качественнее проверять уровень знаний.

ПОПС-формула по рассказу И. А. Бунина на тему: «Авторская концепция любви в рассказе»

Элемент формулы	Характеристика
П	Я считаю, что авторское понимание истинной любви в рассказе нашло отражение в образе Надежды.
О	Потому что она сумела пронести через всю свою жизнь память об этом светлом чувстве, не вышла замуж, так как не смогла забыть Николая Алексеевича, но, несмотря на пережитые страдания, сумела сохранить свою любовь к нему и не держит уже зла.
П	Например, она говорит: «Ну да что вспоминать, мертвых с погоста не носят». На его возражение, что нельзя любить всю жизнь, она отвечает: «Молодость у всякого проходит, а любовь – другое дело», «Сколько не проходило времени, все одним жил. Знала, что давно вас нет прежнего, что для вас словно ничего и не было, а вот...» А он ей не верит, потому что сам никогда бескорыстно не любил.
С	Итак, Бунин всегда считал, что любовь трагическое, но светлое чувство, неподвластное разуму и анализу, меняющее судьбу человека. Таким образом, Надежда воплощает все качества свойственные бунинской концепции любви – трагическую судьбу, жертвенность, бескорыстие, умение прощать.

На стадии рефлексии возвращаемся к таблицам «ЗХУ» и попытаемся сформулировать ответ на поставленные ранее вопросы, исходя из изученного материала. Студенты, поработав с текстом, делятся результатами своей работы и, по необходимости, добавляют свои записи «находками». Каждый из них зачитывает свои результаты, по необходимости, их можно корректировать.

Пример заполнения таблицы «ЗХУ»

Знаю (вызов)	Хочу узнать (вызов)	Узнал (реализация смысла или рефлексия)
И. Бунин – автор рассказа «Темные аллеи»	Почему рассказ называется «Темные аллеи»?	Прямое значение: 1. Липовые аллеи дворянских усадеб, темные и прохладные. 2. Символ старой уходящей России с ее укладом жизни. 3. Место тайных свиданий, запретной любви. 4. Темное, интуитивное, инстинктивное в человеке, подсознание, не контролируемое разумом. 5. Любовь и смерть рядом

При использовании приемов данной технологии следует учитывать, что отдельные студенты пытаются выполнять задания по шаблону, отвечать так, как этого традиционно требует преподаватель. Поэтому во многом развитию критического мышления должен способствовать сам педагог, давая возможность высказаться студенту, пытаться понять его точку зрения, стремиться к равноправному диалогу. Задания и вопросы для беседы должны быть четко сформулированы, чтобы избежать двоякого понимания, спонтанности в учебной ситуации.

Литература

1. Прокина Л. П. Технология развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП) при обучении студентов русскому языку с методикой преподавания // Молодой ученый. 2016. № 15.

О. Л. Соколова

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Вещественные существительные в русском и французском языках: история и современность

Аннотация. Проанализированы определение, структурные и семантические свойства вещественных существительных в русской и французской лингвистической традиции. Результаты сопоставительного исследования полисемии вещественных существительных в русском и французском языках.

Ключевые слова: вещественные существительные; семантика; полисемия; сопоставительное языкознание.

Актуальность исследования вещественных существительных (далее – ВС) в сопоставительном аспекте обусловлена, во-первых, все

ускоряющимися темпами научно-технического и промышленного прогресса, новейшими открытиями в физической химии, фармакологии, пищевой и иных отраслях промышленности. В мире постоянно производятся миллионы наименований различных веществ, ученые открывают, промышленность производит новые вещества, о которых человечество не могло и помыслить до недавнего времени: антивещество, наножидкости, новейшие ноотропы и т. д. Каждое новое вещество требует названия, имени, которое потенциально содержало бы информацию о его происхождении, составе, свойствах, действии или принадлежности к классу веществ. Удачное название чрезвычайно важно для продвижения вещества/продукта в специализированных сферах или на потребительском рынке. В некоторых случаях название продукта может порождать неприятные ассоциации у носителей другого языка. Не случайно способам номинации товаров и услуг посвящены многие исследования на стыке лингвистики, социологии и маркетинга.

В собственно языковом, литературном аспекте ВС также представляют значительный интерес, так как они способны создавать оригинальные, самобытные образы и смыслы, несмотря на традиционный взгляд о том, что класс ВС является относительно закрытым, а самим ВС, как правило, не свойственна развитая многозначность.

По мнению Т. Г. Борисовой, вещественные существительные впервые попадают в поле зрения исследователей в середине XVIII века, они впервые упомянуты М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике». Далее, уже в XIX веке, ВС в русском языке исследует Н. И. Греч. Он отмечает некоторые особые падежные формы ВС и отсутствие у них форм множественного числа [1, с. 24–26]. В «Русской грамматике» А. Х. Востокова выделяются так называемые сплошные существительные, такие как земля, мука, масло и т.д., т. е. те, которые называют сплошные, твердые, сыпучие или жидкие вещества. А. Х. Востоков впервые отмечает возможность употребления ВС (сплошных существительных) во множественном числе с целью обозначения различных сортов или, по выражению А. Х. Востокова, «разборов» веществ [1, с. 29].

Идея о том, что множественное число ВС, помимо названий различных сортов и разновидностей веществ, может иметь и другие значения, принадлежит, по всей видимости, В. В. Виноградову. ВС (в терминологии В. В. Виноградова – существительные с вещественным значением), употребленные во множественном числе, могут называть большие количества вещества (воды, жиры), изделия из вещества (бронзы – в значении изделия из бронзы), пространства, занятые веществом (пески, снега). В. В. Виноградов также, по-видимому, впервые отделяет вещественные и собирательные существительные от

конкретно-предметных существительных, употребленных в собирательном значении (зерно, перо) [3, с. 54].

О. Н. Ляшевская, исследуя так называемое нестандартное числовое поведение существительных, связывает формы единственного и множественного числа ВС с метонимическим: процесс – результат (испарения – испарение) и метафорическим переносом значения (нечистоты – нечистота) [4, с. 95–96]. О. Н. Ляшевская также отмечает, что употребление форм единственного и множественного числа у ВС зависит от их семантики и морфологических особенностей. Довольно легко употребляются в единственном и множественном числе ВС, которые называют вещества с широкими возможностями варьирования химического состава (бронзы – сплавы меди с разными металлами), вещества, обозначаемые через принадлежность к классу (витамины) и, наконец, вещества, различающиеся по качеству, цене, часто встречающиеся в быту в ситуации выбора (лаки-краски) [4, с. 104].

Л. А. Брусенская делает вывод о возможности стилистической маркированности одной из форм: слюна – слюни [2, с. 5]. Таким образом, семантика вещественности может опираться на формы единственного и множественного числа, так как у ВС, как и у всех неисчисляемых существительных, номинативный компонент значения числа выражен не отчетливо.

В середине XX века появляются первые попытки объединения ВС в тематические группы. Среди исследователей продолжаются споры о включении собирательных существительных в класс вещественных, а также о количественном составе и номенклатуре тематических групп. О. Л. Соколова выделяет 11 тематических групп ВС: продукты питания, химические элементы, химические составы, лекарственные вещества, группы веществ «живая природа» и «неживая природа» и т. д. [5].

ВС во французском языке в доступной нам научной литературе изучены менее подробно. Обычно авторы лишь упоминают ВС, когда речь идет об особенностях категории числа или об употреблении артиклей с существительными различных разрядов (*espèces des noms, sous-classes des noms*). В классе несчисляемых существительных, как правило, выделяется разряд вещественных существительных (*noms de matière*), перечисляется от трех до семи примеров (жидкость, сыпучее вещество, металл, продукт питания, вещество природного происхождения) [6, р. 578; 7, р. 142].

В нашем исследовании проанализировано 8 моделей лексической метонимии, характерных для ВС: материал – изделие, вещество – действие, географическое название – вещество, целое – часть, растение – вещество, вещество – время/место, вещество – пространство, вещество – символ абстрактного понятия. Модель вещество – действие более

продуктивна в русском языке, а модель географическое название – вещество, в силу особенностей морфологического строя русского языка, чаще реализуется во французском языке. Метафорический перенос значения в классе ВС в русском и французском языках осуществляется, в основном, по следующим моделям: вещество – абстрактное понятие, вещество – человек, вещество – предмет или животное и вещество – вещество. Перенос значения возможен при наличии общих сем, описывающих различные качественные характеристики вещества: его внешний вид, положение в пространстве, физические свойства (мягкость, твердость, консистенция) [5].

Существуют иные варианты развития многозначности, которые можно трактовать как семное варьирование, индивидуально-авторское словоупотребление или как языковую игру. В некоторых случаях скрытые семы актуализируются в прилагательных и глаголах, мотивированных ВС, а также в устойчивых выражениях и сравнениях: пропесочить, намылить шею (сравнить с французским *passer le savon*), шелковый голос, *feutrer* («оборачивать в войлок» в значении «притуплять боль, страдание»), *la voix entre fiel et miel* (голос «между желчью и медом»).

Таким образом, исследование ВС с глубоким проникновением в их семантику, с обнаружением и систематизацией потенциальных сем в их значении в русском и иностранных языках чрезвычайно важно для понимания и адекватного перевода художественных произведений, рекламных, публицистических и иных текстов.

Литература

1. *Борисова Т. Г.* Словообразовательная категория вещественных имен существительных с мутационным словообразовательным значением в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2002.
2. *Брусенская Л. А.* Существительные Pluraliatantum в структуре категории числа современного русского литературного языка // Русский язык в национальной школе. 1990. № 3.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык. М.: Высшая школа, 1986.
4. *Ляшевская О. Н.* Нестандартное числовое поведение русских существительных: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
5. *Соколова О. Л.* Семантические свойства вещественных существительных в русском и французском языках: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2009.
6. *Grevisse M., Goosse A.* Le bon usage. Paris-Gembloux: édition J. Duculot, 2016.
7. *Wagner R. L., Pinchon J.* Grammaire du français classique et moderne. Paris: Hachette, 1991.

И. А. Софронова

Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

К вопросу о методике преподавания языка и литературы

Аннотация. Рассматриваются вопросы преподавания родного языка и литературы в средней школе, которые приобретают все большую значимость в связи со снижением интереса к чтению. Автор подчеркивает необходимость изучения мирового опыта, не отвергая то, что было достигнуто в советской школе, в частности, преподавание второго языка на примере английского в профильных школах.

Ключевые слова: языковая компетенция; литературная компетенция; второй язык.

Роль художественной литературы невозможно переоценить: она расширяет кругозор, развивает творческое мышление, оказывает влияние на развитие личностных характеристик человека, а также память.

Однако с развитием средств массовой информации и, особенно с появлением компьютерных технологий, отношение к книге, чтению значительно изменилось. Согласно последним исследованиям о привычках чтения, молодые люди читают все время, но часто это сообщения в социальных сетях и команды в компьютерных играх. Психологи доказали, что они испытывают трудности при чтении больших объемов из-за нестабильной концентрации.

Долгое время наша страна считалась одной из самых читающих стран мира. Конечно, роль школы в этом процессе нельзя недооценивать. Именно на уроках чтения в начальной школе, а затем и литературы в средней мы изучали произведения русских классиков и писателей союзных республик. Мы сопереживали героям Чингиза Айтматова и смеялись над похождениями Ходжи Насреддина, с которыми нас познакомил русский писатель Л. В. Соловьев.

Кроме того, неотъемлемой частью программы был курс зарубежной литературы. Конечно, мы знакомились с шедеврами мировой литературы в переводе, но какие это были замечательные переводы! По сути, это произведения, созданные нашим замечательными писателями и поэтами.

В советской, а позднее в российской школе, несмотря на все изменения, сохранили два отдельных предмета: русский язык и литературу, хотя в нашем сознании мы воспринимаем их как единое целое [1].

Если мы посмотрим на национальные программы средней школы в англоязычных странах, то вряд ли увидим такой предмет, как «Лите-

ратура», которая является неотъемлемой частью предмета «Английский язык» и изучается в основном для реализации практической цели: дать школьникам представление о том, как устроен настоящий английский язык. Однако это спорный вопрос. Во всех англоязычных странах учебная программа по языку постоянно пересматривается, но статус литературы редко подвергается сомнению, т. е. она имеет высокую культурную ценность и ее следует учить всем учащимся.

Следует разграничивать понятия «изучение литературы» и «использование литературы». При изучении литературы основным содержанием курса является сама художественная литература, а цель курса – развитие у учащихся литературной компетенции. Напротив, если литература используется в качестве ресурса, то цель заключается в развитии языковой компетенции путем чтения различных литературных текстов, которые служат основой для лингвистической деятельности. Но даже в этом случае чтение литературы может способствовать формированию литературной компетенции [2].

Вопрос заключается в том, что считается литературой, особенно с точки зрения национального наследия, и какую часть учебной программы она должна занимать. Характер работы с литературой для преподавателей и их учащихся зависит не только от программы, но и от требований к аттестации того или иного предмета. Примером этому является ситуация в нашей средней школе. Когда литература стала предметом по выбору при сдаче итоговых экзаменов, изменилось отношение к этой дисциплине. Некоторые эксперты говорят, что уже можно сделать вывод: отсутствие необходимости в обязательном порядке сдавать литературу негативно сказалось как на уровне подготовки учителя к урокам по этому предмету, так и на желании учеников его изучать [1].

При решении вопроса о соотношении языка и литературы, на наш взгляд, можно обратиться к опыту школ с преподаванием ряда предметов на иностранном (английском) языке, в программу которых первоначально входили курсы «Английская литература» и «Американская литература» в старших классах. Хотя в таких школах литература преподавалась как один из аспектов языка и служила целью лучшего усвоения языка учащимися, элементы стилистического анализа изучаемых литературных произведений стали важной составной частью занятий по литературе.

Необходимо отметить, что знания, умения и навыки, полученные учащимися на уроках родной литературы, очень помогали при изучении данного предмета. Кроме того, повышалась мотивация изучения и английского, и русского языков. В то время еще не было учебников по данному предмету, и учителя читали лекции, которые иногда напо-

минали диктанты, что способствовала совершенствованию нашей орфографии. Очень много приходилось заучивать наизусть: лекции, отрывки произведений, монологи и стихотворения. Можно даже отметить прикладной характер последнего. Однажды на Кипре мне пришлось переводить экскурсию по пивоваренному заводу. Чтобы я делала, если бы в свое время не выучила балладу Р. Бернса «Джон – ячменное зерно» и на английском, и в переводе С. Я. Маршака?!

Конечно, читать книги в оригинале школьники не могли. На уроках изучались и обсуждались только отрывки, отдельные главы, сцены, но прочитать все произведение на русском языке дома было неукоснительным требованием. Сравнение и анализ выступали здесь на первый план. Учащимся нравилось, например, как звучит вступление к «Песне о Гайавате» Г. Уодсворта Лонгфелло по-английски, но не менее чарующими были строки И. А. Бунина. Все вышесказанное вдохновляло отдельных ребят пробовать свои сил в художественном переводе.

Можно с уверенностью утверждать, что современный язык, будь то русский или английский, сформирован именно художественной литературой своей страны, но при этом нельзя забывать о влиянии мировой литературы на этот процесс. Из этого можно сделать вывод, что нельзя изучать язык, не обращаясь к художественной литературе в том или ином объеме. Последнее обстоятельство зависит от сложившихся предпочтений в методике преподавания разных стран [3, с. 10]. Необходимо изучать и учитывать данный опыт как для корректировки программы по родному языку и литературе, так и при разработке программ по второму языку и, возможно, создавать интегрированные проекты.

Литература

1. Орлова Е. Русский язык и литература: две половинки единого целого / ЧС инфо. URL: <https://4s-info.ru/2019/10/23/russkij-yazyk-i-literatura-dve-polovinki-odnogo-tselogo>.
2. Goodwyn A. The status of literature: English teaching and the condition of literature teaching in schools // English in education. 2012. Vol. 46.
3. Popova M. E. How English language literature is taught in the Norwegian upper secondary School. URL: <http://hdl.handle.net/11250/132308>.

Н. Таирова, Н. А. Алматова

Казахская Национальная академия искусств им. Т. К. Жургенова
(г. Алматы, Республика Казахстан)

Учебная дискуссия как один из способов развития речи студентов неязыковых вузов на уроках русского языка

Аннотация. В статье рассматривается проблема повышения мотивации при обучении русскому языку в неязыковом вузе. Авторы отмечают, что важную роль играет мотивация языковой подготовки специалистов в групповой работе. Одним из таких способов повышения мотивации предлагается использование учебной дискуссии, которую отличает повышенная вовлеченность обучающихся.

Ключевые слова: русский язык; мотивация; учебная дискуссия.

Русский язык играет большую роль в подготовке современного специалиста. Содержание курса русского языка в неязыковом вузе можно определить такими факторами, как предмет обучения (современный русский литературный язык в его реальном функционировании в различных этно- и социолингвистических условиях) и цели обучения (научить свободной речевой деятельности и формирование лингвистической компетенции). Это обуславливает содержание курса русского языка: включая те языковые факты, законы и правила, усвоение которых обеспечивает формирование умений и навыков, необходимых для того, чтобы правильно и хорошо говорить, слушать, читать и писать на русском языке.

Сказанное определяет основные задачи обучения русскому языку:

- «формирование лингвистической компетенции, которая включает необходимые знания по лингвистике;
- формирование языковой компетенции, включающей в себя знание самого языка, владение языковыми нормами, в том числе орфографическими и пунктуационными;
- формирование коммуникативной компетенции, предполагающей овладение всеми видами речевой деятельности и культурой речи» [1].

В структуре коммуникативной компетенции в качестве составляющих рассматриваются следующие виды компетенции: лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная, социокультурная, социальная, стратегическая [2].

Модернизация системы современного казахстанского образования направлена на повышение способности студентов к самостоятельному решению проблем в различных сферах жизнедеятельности, что является одним из важнейших результатов и показателей нового качества образования, отражающих современные международные тенденции в об-

ласти профессионального образования. Это обуславливает актуальность проблемы поиска эффективных и доступных для массовой практики педагогических технологий, позволяющих обеспечить новое качество образования, преодолеть отставание от уровня мировых стандартов, реализовать принцип личностно-ориентированной направленности, в том числе и профессионального образования.

Одной из возможных реализаций подобного подхода в процессе преподавания русского языка / профессионального русского языка являются современные формы группового обучения. Групповая работа – это форма организации учебно-познавательной деятельности на уроке, предполагающая функционирование разных малых групп, работающих как над общими, так и над специфическими заданиями педагога, стимулирует согласованное взаимодействие между студентами, отношения взаимной ответственности и сотрудничества.

Среди разнообразных приемов и методов групповой работы, применяемых на занятиях по языку, особое место занимает учебная дискуссия, которая повышает эффективность учебного процесса за счет включения студентов в коллективный поиск истины и развития рефлексивного мышления. Особенность данного метода заключается в следующем [5]:

1. Учебная дискуссия является одной из форм, приближающихся к естественным условиям общения. Речевые действия обучающихся похожи на те, которые имеют место в реальных условиях коммуникации. Речевой стимул в учебной дискуссии всегда остается естественным.

2. Учебная дискуссия позволяет вырабатывать у студентов «умение актуализировать в момент говорения языковые средства, необходимые для адекватного выражения мыслей; умение решать различные мыслительные задачи: защищать свою точку зрения, критически относиться к чужому мнению; умение строить развернутое высказывание на неродном языке» [3].

3. Учебная дискуссия позволяет отбирать интересный материал, учитывающий запросы обучающихся.

Остановимся на двух основных вопросах, возникающих при использовании этого метода: построение (структура) дискуссии и подготовка дискуссии.

Построение учебной дискуссии. Методисты в структуре учебной дискуссии различают тему, экспозицию, речевой стимул, направляющие вопросы, речевую реакцию говорящего, ключевые слова. Данная структура является подсказкой преподавателю при методическом построении дискуссии как упражнения.

Тематика дискуссий может быть разнообразной. Особый интерес вызывают темы общекультурного, социологического характера и связанные с профессиональной направленностью обучаемых. Например, «Спорт и здоровье», «Современная музыка», «Кино-искусство», «Современное искусство Казахстана», «История возникновения операторского искусства», «Социальные проблемы современного общества» и др. Темы должны быть согласованы со студентами для ознакомления их с материалом по данному направлению, который может быть найден ими как самостоятельно, так и по рекомендации преподавателя.

Как правило, различают три экспозиции [5]:

- 1) преподаватель сам конкретизирует материал и намечает проблематику;
- 2) предлагаемая проблематика дается без опоры на конкретный материал (определенные статьи и художественные произведения), т.е. происходит знакомство студентов только с проблематикой;
- 3) студенты должны сами на основе материала (определенных статей и художественных произведений) сформулировать проблематику, т.е. не называется предмет для обсуждения.

Поскольку учебная дискуссия преследует учебно-познавательные цели, преподаватель должен с помощью подготовленных заранее вопросов направлять внимание студентов в нужное русло, чтобы одновременно и «провоцировать» дискуссию и управлять процессом. Часто студентам даются опережающие задания на определенную проблему.

Среди методистов существует мнение, что при проведении дискуссии может оказаться полезным умело составленный список ключевых слов и выражений. Являясь подсказкой, они помогают студентам оформлять свои мысли на неродном языке [4], т.е. проведению дискуссии должна предшествовать глубокая работа над языковым материалом, чтобы после студент мог сосредоточить свое внимание на содержательной стороне дискуссии.

Подготовка дискуссии. Проведению дискуссии должна предшествовать подготовительная работа, которая включает следующее:

1. Подготовка содержательной стороны дискуссии.
2. Отработка лексико-грамматического материала, связанного с темой дискуссии.
3. Развитие речевых навыков и умений, необходимых для ведения дискуссии.

Текстовый материал при подготовке к дискуссии должен отвечать определенным требованиям:

- 1) быть информативным;
- 2) следовать запросам студентов (заинтересовать их);
- 3) быть понятным с точки зрения изложения.

Для стимулирования работы преподаватель должен предлагать студентам различные приемы изложения текстов и имеющейся в них информации: извлечь информацию определенного характера, вычленив главное, сформулировать проблематику текста (части, отрывка текста), озаглавить текст с учетом позиции автора, составить вопросный план, придумать новый прием изложения информации и т. д.

С началом объявленного ЧП в стране из-за пандемии на помощь в проведении занятий поспешил Интернет и стал особенно популярен формат онлайн. Практика показала, что онлайн занятия ничем не уступают офлайн и проходят так же эффективно, динамично и информативно. При проведении онлайн дискуссии преподавателю важны три момента: цель, время, итог.

В качестве примера представляется проблемная ситуация на занятии русского языка с темой «Социальные проблемы современной молодежи», которая была проведена на платформе Zoom.

Началась дискуссия с опережающего задания. Студентами был проведен социальный опрос в виде интервью на платформе Instagram. Вопросы касались всех областей социальных проблем: наркомания, алкоголизм, бедность, безработица, экологические проблемы, коррупция, нездоровое поколение и т. д. Каждый интервьюируемый выдвинул свою позицию в качестве решения проблемы.

После демонстрации социального опроса, каждый студент высказал свою точку зрения на определенные проблемы, представив себя в качестве министра культуры и спорта, министра здравоохранения, министра социальной защиты населения и труда, министра образования и науки и т. д., ответив на вопрос «А что бы я сделал, будучи министром?». Ответы были разнообразными, и, порой, очень критичными.

Таким образом, дискуссия (дебаты) предоставляют участнику возможность получить разнообразную информацию от собеседников, продемонстрировать и повысить свою компетентность, применить имеющиеся знания в процессе совместного решения учебных, воспитательных задач.

Также в процессе учебной дискуссии развивается способность к анализу информации и аргументированному, логически выстроенному доказательству своих идей и взглядов, с повышением коммуникативной активности.

В завершение можно сказать, что учебная дискуссия – трудный, но интересный и эффективный метод развития неподготовленной речи, прием, требующий от педагога тщательной подготовки, умения всячески стимулировать и поддерживать речь обучающихся. Интерес студентов неязыковых вузов к русскому языку, их мотивация во многом определяются учебным материалом, предлагаемым преподавателем.

лем во время занятий. При изучении данной дисциплины необходимо учитывать специфику профильной направленности, поэтому перед преподавателем ставится серьезная задача – поддерживать заинтересованность обучающихся неязыкового вуза к предмету, используя многообразие методов и приемов обучения русскому или профессиональному русскому языку.

Литература

1. *Быстрова Е. А.* Коммуникативная методика в преподавании русского языка // Русский язык и литература. 2000. № 1.
2. *Мурина Л. А.* Проблема формирования коммуникативной компетенции // Русский язык и литература. 2001. № 1.
3. *Базарова А. А.* Особенности применения метода учебной дискуссии на занятиях по иностранному языку в вузе // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. СПб.: Реноме, 2012. Т. 2.
4. *Смирнова С. А.* Формирование способности к устной коммуникации как первостепенная задача обучения иностранному языку в вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 11 (42), ч. 4.
5. *Фёдорова Л. И.* Учебная дискуссия – один из эффективных методов развития неподготовленной речи в обучении РКН // Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе: материалы IX Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020.

Э. У. Ураева, Л. В. Шим, И. С. Львова
Государственный центр тестирования
при Кабинете Министров Республики Узбекистан
(г. Ташкент, Узбекистан)

Принципы формирования тестовой системы оценки уровня знания русского языка и литературы

Аннотация. В статье рассматривается проблема поэтапного внедрения тестовой системы оценки знаний по русскому языку и литературе. Особое внимание уделено вновь внедряемым процедурным моментам национальной тестовой системы и формату тестовых заданий.

Ключевые слова: оценка знаний; сертификация; национальная система; надежность; валидность; дистракторы; репрезентативность теста (банка или базы тестов).

«Важнейшим условием повышения качества общего образования являются систематический контроль и анализ объективных данных о качестве обучения и подготовленности обучающихся. Процесс управления качеством образования может быть эффективным только при наличии постоянной обратной связи, обеспечивающей субъектов

образования надежной валидной информацией о качестве всей системы образования и ее составляющих» [7].

В аспекте поставленных задач и с целью реализации ПП-5953 от 2 марта 2020 года было принято Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 646 от 12 октября 2020 года «О внедрении национальной тестовой системы оценки уровня знаний общеобразовательных предметов» в комплексе наук, соответствующих тестированию для поступления на направления бакалавриата.

«Тест – это инструмент, состоящий из квалиметрически выверенной системы тестовых заданий, стандартизированной процедуры проведения и заранее спроектированной технологии обработки и анализа результатов, предназначенный для измерения качеств и свойств личности, изменение которых возможно в процессе систематического обучения» [2]. Это определение достаточно кратко и вместе с тем полно отражает состав теста и его целевое назначение. Следует отметить, что классическим в педагогике считают определение К. Ингекампа: «Тестирование – это метод педагогической диагностики, с помощью которого выбор поведения, презентующего предпосылки или результаты учебного процесса, должен максимально отвечать принципам сопоставления, объективности, надежности и валидности измерений. Он должен пройти обработку и интерпретацию и быть приемлемым для применения в педагогической практике» [5].

Формат тестовых заданий, разработанный Министерством народного образования и Инспекцией по надзору за качеством образования, направлен на проверку когнитивных уровней в доменах «Русский язык и литература». Каждый вариант содержит 50 тестовых заданий и два задания, предусматривающих выполнение письменных работ, определяющих умение создавать целостный текст, соответствующий заданной теме (деловое письмо или официальный документ и эссе).

Одной из важных составляющих создания тестовых заданий является валидность. Валидность – это важнейшая характеристика теста, без указания которой, его нельзя считать измерительным инструментом, «валидность определяет, насколько тест отражает то, что он должен оценивать» [6]. «Следует отметить, что нельзя говорить о валидности теста, не указав условий его применения» [3].

«Важнейшей характеристикой теста является его надежность, определяющая воспроизводимость результатов тестирования, их точность» [4].

Только апробация и анкетирование учащихся может определить надежность и валидность теста.

Для тестовых испытаний на получение сертификата по русскому языку и литературе в рамках национальной тестовой системы по обще-

образовательным предметам была проведена апробация в выпускных 11-х классах специализированных школ Министерства народного образования Республики Узбекистан, а также на выпускных курсах академических лицеев города Ташкента.

Статистический анализ результатов тестовых испытаний был проведен Научно-методическим отделом Государственного центра тестирования на основе использования классических методов теории тестологии.

С помощью специальной программы, предназначенной для статистических исследований, были определены основные характеристики педагогических тестов: средние значения, построение гистограмм, расчет таких показателей, как мода и медиана, а также общая дисперсия (стандартная дисперсия) результатов тестов. Среднее арифметическое баллов за тесты определяется в разрезе разделов. Этот показатель обобщает различия между результатами тестов, выявляет характерную для них направленность, закономерности. На основании результатов тестовых испытаний строится гистограмма. Близость гистограммы к нормальному распределению подтверждает хорошее качество теста. Распределение результатов теста симметрично, когда среднее арифметическое, мода и медиана равны между собой. Чем больше эти статистические показатели отличаются друг от друга, тем больше распределение баллов отличается от нормального.

Исходя из статистического анализа коэффициент надежности варианта (коэффициент альфа Кронбаха) равен 0,799, что в целом свидетельствует о «хорошей» надежности тестового варианта.

Анализ дистракторов тестовых заданий показал, что в ряде вопросов альтернативные ответы выбрало менее 5 % учащихся. Это подтверждает, что некоторые дистракторы не выполнили свою основную функцию с точки зрения их совершенствования и близости к верному ответу.

Следует отметить, что отдельные тестовые задания из разделов «Чтение и понимание» и «Литература», использованные в процессе тестирования частично соответствуют психологической роли применения дистрактора, которая заключается в создании интерферентной среды тестирования, развивающей «рефлексивное мышление» [1]. Это, по нашему мнению, связано с тем, что вопросы по разделу «Чтение и понимание» и часть вопросов по разделу «Литература» связаны с общим пониманием текста и интерпретацией его отдельных деталей. В ряде случаев при составлении тестовых заданий учитывались события и факты, непосредственно отраженные в текстах. Поэтому в отдельных случаях составлялись «относительно правдоподобные» дистракторы. Статистический анализ помог исправить данный недостаток и учесть его при разработке последующих вариантов тестовых заданий.

Тестовые задания по русскому языку составлены на основе всех уровней современного русского литературного языка, отраженных в прозаических и поэтических текстах, что позволит избежать указанных недостатков и подбирать активно работающие дистракторы.

Таким образом, на основании проведенного статистического анализа выявлено, что коэффициент надежности (коэффициент Кронбаха альфа) тестовых заданий равен 0,799, исходя из критериев, заложенных для коэффициента надежности.

Установлено, что внутренняя стабильность тестовых заданий находится на «хорошем» уровне.

Мы надеемся, что данный формат тестовых заданий позволит выявить наиболее одаренных претендентов и послужит совершенствованию знаний и умений по русскому языку и литературе, а также будет способствовать повышению объективности оценки степени владения родным языком и литературой.

Литература

1. *Аванесов В. С.* Дистракторный анализ // Педагогические измерения. 2013. № 1.
2. *Аванесов В. С.* Композиция тестовых заданий: учеб. кн. для преподавателей вузов, учителей школ, студ. и аспирантов пед. вузов. 2-е изд. М.: Адепт, 1998.
3. *Аванесов В. С.* Тесты: история и теория // Управление школой. 1999. № 12.
4. *Звонников В. И., Чельщикова М. Б.* Контроль качества обучения при аттестации: компетентностный подход. М.: Университетская книга, Логос, 2009.
5. *Ингенкамп К.* Педагогическая диагностика. М.: Педагогика, 1991.

Л. И. Фёдорова

Международная исламская академия Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

Об изучении антонимии в рамках преподавания РКИ

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются некоторые аспекты употребления лексических антонимов в русском языке, дается их краткая характеристика, приводятся особенности изучения данных единиц в рамках преподавания РКИ.

К л ю ч е в ы е с л о в а : обучение РКИ; антонимия в русском языке; типы лексических антонимов; особенности изучения антонимов.

Практический курс русского языка (в рамках обучения русскому как неродному) предполагает ознакомление учащихся с огромным пластом новой лексики. Обучение языку специальности также включает в себя обязательное изучение терминов и выражений, используемых

в контексте определенной сферы деятельности [4]. Преобладающее количество терминов имеют в своем составе, так называемые междunarодные словообразовательные элементы греческого или латинского происхождения: *-аква-, -аэро-, -био-, -гео-, -фон-, транс-, интер-, -лог-, моно-, макро-, -эко-, поли-* и другие, или суффиксы *-изм-, -ци(я)* (типа: *социализм, конституция*), которые не вызывают особых затруднений в процессе восприятия и изучения. Однако в русском языке в большинстве случаев новый смысл слово приобретает с добавлением (или изменением) русского словообразовательного элемента (как правило, приставки или суффикса), поэтому необходимо знать то значение, которое несет в себе добавленный элемент. Например, значение абстрактного понятия, явления, действия, процесса (*географическая широта, долгота* или *краткость гласных, сущность, качество, воздействие, влияние, распространение, появление*), значение изменения действия, его начала или завершения (*переписать, записать, списать, написать, выписать*) и т. п. Часто среди словообразовательных элементов встречаются такие, которые придают значение противоположности исходному слову [2]: *военный – антивоенный, революционный – контрреволюционный, воля – неволя* и *воля – безволие, логичный – алогичный, информация – дезинформация, фрагментация – дефрагментация, конструктивный – деструктивный, монолог – полилог, прогресс – регресс, содействовать – противодействовать, односторонний – разносторонний и многосторонний, равнозначный – разнозначный, раннехристианский – позднехристианский (период), первостепенный – второстепенный* и др. Антонимы служат для сопоставления, сравнения контрастных понятий, поэтому часто используются в разговорной речи, в публицистике, в политическом дискурсе, в художественных произведениях. Использование слов и словосочетаний с противоположным значением для выражения каких-либо определений или понятий обычное явление и в языке науки. Поэтому ознакомление с антонимичными конструкциями, их образованием и применением является необходимым в ходе изучения любого неродного языка.

Как известно, антонимы (от др.-греч. *анти* – приставка со значением противоположности + *оним* – «имя») – это слова одной части речи, различные по звучанию и написанию, имеющие прямо противоположные лексические значения [1], например: *радость – горе, больной – здоровый, хорошо – плохо, говорить – молчать*. Антонимы могут быть у таких слов, значения которых заключают в себе противоположные качественные оттенки, в основе значений всегда лежит общий признак (характер, вес, рост, чувство, время суток и т. д.): *позитивный – негативный, день – ночь, любовь – ненависть*. У имен собственных, числительных и местоимений антонимов нет. В лексической системе языка

противопоставлены могут быть только слова, принадлежащие к одной грамматической или стилистической категории. Языковыми антонимами не могут стать слова, относящиеся к разным частям речи или лексическим уровням. Несмотря на то, что большинство слов языка не содержит признака, способного к противопоставлению (следовательно, антонимические отношения для них невозможны), однако в переносном значении они могут обрести антоним, тогда эти пары слов несут эмфатическую нагрузку и выполняют особую стилистическую функцию. Это часто используется авторами для придания большей выразительности и образности, а возможно и некоей исключительности, эффектности описываемым событиям или характеристике героев, явлений. Что может вызвать недопонимание со стороны изучающих русский как неродной, так как культурные коды и представления о мироустройстве не всегда совпадают.

Среди антонимов различают [2]: *контрадикторные корреляты* – такие противоположности, которые взаимно дополняют друг друга до целого, без переходных звеньев; они находятся в отношении привативной оппозиции (*плохой – хороший, ложь – истина, живой – мертвый*); *контрарные корреляты* – антонимы, выражающие полярные противоположности внутри одной сущности при наличии переходных звеньев – внутренней градации; они находятся в отношении градуальной оппозиции (*старый (- пожилой – среднего возраста -) молодой*); *векторные корреляты* – антонимы, выражающие разную направленность действий, признаков, общественных явлений и т. д. (*война – мир*); *конверсивы* (лат. *conversio* – изменение) – слова, выражающие отношение противоположности в исходном (прямом) и измененном (обратном) высказывании, описывающие одну и ту же ситуацию с точки зрения разных участников (*купить – продать, муж – жена*); *слова с энантиосемией* (гр. *enantios* – противоположный + *sema* – знак) – наличием в структуре слова противоположных значений, так называемой внутрисловной антонимией – антонимией значений многозначных слов (*одолжить кому-то денег – одолжить у кого-то денег, обнести чаем – угостить и не угостить, отходить – приходить в обычное состояние, чувствовать себя лучше или умирать, прощаться с жизнью, разбить сад и разбить вазу*); *прагматические* (прагматика – «действие») – слова, которые регулярно противопоставляются в практике их употребления, в контекстах (*душа – тело, ум – сердце, земля – небо*). Последние два типа вызывают больше всего вопросов при объяснении, так как имеют связь с культурным аспектом изучаемого языка и не всегда можно найти параллели в родном языке обучаемых. Энантиосемия вообще часто становится причиной неверного толкования высказываний. Здесь на помощь приходит контекст, так как формальным выражением

нужного значения являются не корневые или аффиксальные морфемы, а само употребление слова в его полярных значениях.

По структуре антонимы бывают [2]: разнокорневые (*вперед* – *назад*); однокорневые – образуются с помощью приставок, противоположных по смыслу (*входить* – *выходить*, *прилетать* – *улетать*), или с помощью приставки, прибавляемой к исходному слову (*монополюный* – *антимополюный*, *вкусный* – *безвкусный*, *революционный* – *контрреволюционный*, *логичный* – *алогичный*, *нормальный* – *ненормальный*), либо с помощью другого словообразовательного элемента, добавляемого к исходному корню (*первостепенный* – *второстепенный*, *однообразие* – *многообразие* / *однообразие* – *разнообразие*). Такого рода антонимы, как правило, не вызывают особых затруднений при объяснении материала, так как имеют характерный структурный компонент, наглядно демонстрирующий это изменение значения. Тем более, что в узбекском языке имеются свои структурные аналоги: *to'g'ri* – *noto'g'ri* (верный – неверный), *maza* – *bemaza* (вкусный – невкусный), *rangli* – *gangsiz* (цветной – бесцветный) и др.

С точки зрения языка и речи антонимы разделяют на [2]: языковые (узуальные) – антонимы, существующие в системе языка (*богатый* – *бедный*) и контекстные (контекстуальные, речевые, окказиональные) – антонимы, возникающие в определенном контексте, чтобы проверить наличие данного типа, надо свести их к языковой паре – «*Капля в море*» (*Dengizdan bir tomchi*) = «мало и много». Они часто встречаются в пословицах и поговорках, во фразеологизмах: *Кто ищет, тот найдет* (*Axtargantopar*); *Готов идти и в огонь, и в воду* ('*Ozini 'otga, suvgaurmoq*); *Быть как небо и земля* (*Osmonbilanyerchafarqibor*); *Не на жизнь, а на смерть* (*Jon olib, jon bermoq*) [5]. Приведенные примеры демонстрируют имеющиеся лексические параллели в узбекском языке, но большинство указанных выражений русского языка не могут быть переведены дословно, так как их смысловая составляющая подразумевает другие аналоги в узбекском. Этот аспект основывается на более глубоком знании языка, имеющемся представлении о культурных особенностях, что обычно вызывает огромный интерес у обучаемых и требует отдельного, более тщательного и глубокого рассмотрения данных форм с учетом страноведческого характера, которое не вписывается в рамки типовой учебной программы.

Практически не вызывают вопросов в ходе усвоения антонимы, обусловленные использованием их точки зрения действия [2]: соразмерные – действие и противодействие (*богатеть* – *беднеть*, *ломать* – *строить*) и несоизмерные – действие и отсутствие действия (в широком смысле): *говорить* – *молчать*, *зажечь* – *погасить*.

Особую выразительность и привлекательность в плане изучения имеет оксюморон (оксиморон) – стилистическая фигура, представляющая собой сочетание несовместимых, противоположных по значению слов, образно раскрывающих смысл высказывания [2, с. 25–26]: *молодая старость, деловой бездельник*. Такое яркое средство художественной выразительности используется в речи многих народов. Этим часто пользуются авторы, чтобы привлечь внимание к названию произведений: «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Толстый и тонкий» А. П. Чехова, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Конец вечности» А. Азимова, «Назад в будущее» (англ. Back to the Future) Роберта Земекиса, «Красноречивое молчание» Сандры Браун. Оксюморон используется для описания понятий, реалий, совмещающих противоположные качества, причем эти неожиданные словосочетания сегодня используются практически везде: *мужественная женщина, женственный мальчик, заклятый друг, загробная жизнь, жидкие гвозди, страшно красивый, звенящая тишина, виртуальная реальность*. Встречается такое сочетание и в названии праздника – *Старый Новый год*, – требующее соответствующего разъяснения на основе культурных и исторических фактов.

Изучение антонимов и понимание полярных конструкций помогают почувствовать всю глубину и богатство русской речи, правильно трактовать большинство определений и понятий в ходе изучения языка специальности, а также грамотно и выразительно писать по-русски.

Литература

1. *Антоним* // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.
2. *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка. Более 2 000 антоним. пар / под ред. Л. А. Новикова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1988.
3. *Русский* орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2013.
4. *Фёдорова Л. И.* Учебное пособие по русскому языку. Ташкент: Изд-во ТИТЛП, 2020.
5. *Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Аликулов Т.* 700 фразеологических оборотов русского языка: словарь. Ташкент: Укитувчи, 1990. 112 с.
6. *Ким В. С.* Тестирование учебных достижений. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007.
7. *Черепанов В. С., Шихов Ю. А.* Квалиметрический мониторинг качества образования. Ижевск: ИГТУ, 2008.

Ш. Т. Чориева, С. А. Авазова

Денауский институт предпринимательства и педагогики
(г. Денау, Узбекистан)

Использование графических органайзеров в процессе обучения русскому языку и литературе

Аннотация. В данной статье предлагаем вашему вниманию использование графических органайзеров в процессе обучения литературе, которые помогают формировать коммуникативную компетенцию учащихся.

Ключевые слова: методы; средства; формы обучения; графические органайзеры.

В современном мире с глобальным развитием бурно развивается и система образования, внедряются новейшие технологии. Важным становится компетентность специалиста. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев отметил: «Если говорить в целом, то решающую роль в прогрессе любого общества играет здоровое и гармоничное развитие молодого поколения, от которого зависит будущее этого общества. Именно поэтому в вопросах расширения и дальнейшего повышения эффективности наших реформ своей опорой мы считаем нашу энергичную, инициативную, всесторонне развитую, владеющую современными знаниями и навыками молодежь». Он подчеркнул, что для формирования фундамента нового Ренессанса в стране необходимо создать среду и условия для воспитания новых Хорезми, Беруни, Ибн Сино, Улутбеков, Навои и Бабуров (26.12.2021).

В создании среды и условия обучения и воспитания важен правильный выбор какой-либо технологии, метода и средства обучения. Часто учителя путают методы, средства и формы обучения, хотя очень хорошо их применяют. Например, при вопросе, чем является кластер, отвечают методом. Но это является не методом, а средством обучения. Именно поэтому мы в статье делаем акцент на графических органайзерах, на эффективных средствах усвоения материала при формировании коммуникативной компетенции учащихся.

Рассматривая таблицу, мы выделяем методы четырех уровней.

I. Ученический уровень. Обучающий сообщает большой объем учебной информации за минимальное время. Обучающиеся воспринимают и безошибочно, но не всегда осознанно, воспроизводят.

II. Алгоритмический уровень. Обучающий организует деятельность обучающихся по сознательному усвоению и закреплению знаний, а учащиеся по готовому образцу выполняют практические задания.

Методы		Формы		Средства	
Лекция Рассказ Объяснение Инструктирование Демонстрация Иллюстрирование Видеометод	I – Ученический (деятельностный по узнаванию)	Лекция Семинар Практическое заня- тие Лабораторное заня- тие Самостоятельная работа	Способ организации обучения	Диaproектор Графопроектор Доска-блокнот Доска-стенд Флип-чат Видеофильмы Учебная доска и др.	Технические средства обучения
Работа с книгой Лабораторный ме- тод Упражнение Практические зада- ния	II – Алгоритмический (действия по образцу, по аналогии)	Очное Дистанционное Заочное Дневное Вечернее	Способ его существования: порядок и режим	Модели, муляжи. Графические орга- найзеры, диаграм- мы, таблицы, чер- тежи. Образцы. Рисунки, схемы и др.	Вспомогательные образовательные средства
Беседа Дискуссия Мозговой штурм Обучающая игра Пинборд Инсерт Метод проблемных задач и ситуаций	III – Эвристический (выбор действия)	Фронтальная Коллективная Групповая Индивидуальная	Формы организации учебной деятельности участников	Рабочий листок Памятка Контрольный лист, Учебное задание Тексты и др.	Учебно-методические материалы
Метод проектов Кейс-стади	IV – Творческий (поиск действий)				

III. Эвристический уровень. Организуется разнообразные проблемные ситуации. Обучающиеся самостоятельно сравнивают, обобщают, делают выводы, оценивают и анализируют, разрешают проблемы.

IV. Творческий уровень. Обучающий оказывает содействие обучающимся в формулировке проблемы, управляет процессом работы, учащиеся самостоятельно добывают знания в процессе разрешения новых для них проблем, сами определяют пути и средства достижения запланированных результатов.

Средства обучения технические, вспомогательные и учебно-методические. Мы остановимся на вспомогательных средствах, точнее графических организерах. Потому что влияние методов, форм и средств обучения на усвоение учебной информации значительно. Согласно Г. Майеру, через 72 часа после получения сведений в памяти слушателя остается при аудиовосприятии, примерно, 10 % информа-

ции; при визуальном – 20 %; при аудиовизуальном – 50 %; при аудиовизуальном восприятии и обсуждении – 70 %; при аудиовизуальном восприятии, обсуждении и при наличии возможности практического приложения – 90 %. И поэтому правильное и уместное использование графических органайзеров повышает овладение информацией.

При выборе и применении средств обучения необходимо принимать во внимание многие дидактические факторы: цель обучения, педагогические задачи, результаты учебной деятельности.

Графические органайзеры – информация на листе бумаги, доске (или экране технических средств), которые используются для улучшения запоминания, усвоения, анализа или применения усвоенного.

Технология внедрения графических органайзеров

Этап	Содержание
1. Инструктаж (правила составления)	Обучающий объясняет сущность органайзера, объявляет цели, задачи, правила и способы осуществления определенных учебных действий, последовательности операций, результаты и критерии оценки учебной деятельности. Знакомит с особенностями и ходом проведения учебного занятия, четко сформировав задание. Указания на время и форму работы, ожидаемый результат, форму представления результата, критерии его оценки
2. Обратная связь	Проводит актуализацию знаний с помощью вопросно-ответной беседы, с целью выяснения понимания задания
3. Процесс работы	В данном случае заполнение графического органайзера в парах, группах либо индивидуально
4. Контроль	Обучающий наблюдает за ходом работы и направляет обучающихся. Контролирует успешность выполнения задания, культуру общения
5. Презентация результатов работы	Спикеры групп или вся группа проводят презентацию. Защита своей работы и выводы
6. Анализ и оценка	Проводит анализ и оценку групповых результатов, определяет команду-победителя. Итоговая оценка группы включает, как общий балл, так и индивидуальные баллы за самостоятельную работу
7. Выводы	Подводятся итоги

Авторы учебно-методического пособия «Способы и средства организации самостоятельной учебной деятельности студентов» Б. Ю. Ходиев и Л. В. Голиш классифицируют графические органайзеры по трем критериям.

1. *По способам и средствам структурирования информации, установления связей и взаимосвязей между изучаемыми понятиями:* Кластер, Ментальные карты, таблица «Инсерт», Категориальная и концептуальная таблицы, Денотатный граф.

2. *По способам и средствам анализа, сравнения информации:* схема «Т», Диаграмма Венна.

3. По способам и средствам выявления, анализа и решения проблем: схемы «Почему?», «Рыбий скелет», «Цветок лотоса», иерархическая диаграмма «Как?», SWOT-анализ.

Составление диаграммы, вопросно-ответная беседа преподавателя с обучающимися, несомненно, дает возможность высказать свое мнение и тем самым способствует формированию у них коммуникативной компетентности.

Концептуальная таблица обеспечивает сравнение изучаемых явлений, понятий, взглядов, тем и пр. по двум и более аспектам и развивает системное мышление, умения структурировать, систематизировать информацию [2, с. 74].

Главный герой	Какой герой?	По характеру	Взгляд	Отношение к старшим	Черты характера	Отношение к окружающим	Отношение к жизни
Ларра	Отрицательный	Злой	«...холодный, как у царя птиц»	Высокомерие	Алчность, агрессия	Эгоист	Пессимист
Данко	Положительный	Добрый, великодушный	«...бросил весёлый взгляд»	Уважение	Гуманность, альтруист, верность, жизнерадостный	Гуманист, альтруист	Оптимист

Диаграмма Венна используется для сравнения или сопоставления или противопоставления двух-трех аспектов и показа их общих черт, развивает системное мышление, умение сравнивать, сопоставлять, проводить анализ и синтез [2, с. 75].

Т-схема – универсальный графический органайзер для записи двойных (да/нет, за/против) или сравнения двух аспектов одной концепции/ информации. Это сравнительная таблица развивает навыки критического мышления [2, с. 75].

Положительные качества	Отрицательные качества
Красивый Сильный Смелый Нравится девушкам	Злой Беспощадный Агрессивный Высокомерный Недооценивает человеческую любовь и доброту Эгоист

Схема «Почему?» – это цепочка рассуждений по выявлению исходной причины проблемы. Развивает и активизирует системное, творческое, аналитическое мышление [2, с. 76].

Схема «Почему?» – Выявление причин поступков главных героев рассказа М. Горького «Старуха Изергиль»

Схема раскрывает причину возникновения проблемы и важно после заполнения, читая с конца в условном наклонении, получить решение проблемы. Если бы Ларра вырос в человеческом обществе, он бы мог оценить доброту и любовь. Если герой ценил бы доброту и любовь, он бы любил и других. Если Ларра не был бы эгоистом, он признавал бы старейшин. Если он уважал бы старших, они бы его не осудили. Если не был бы осуждён, девушка, может быть, не оттолкнула бы героя, и он бы не убил ее. И, может быть, они бы были счастливы.

Выводы. Графические способы представление информации позволяет подойти к изучению русского языка и литературы с творческой стороны. Они активизируют системное и аналитическое мышление обучающего, а также способствуют развитию подхода к информации с критическим ведением.

Литература

1. Архарова Д. И., Долинина Т. А. Играем-учимся. Учимся играя: сборник коммуникативных игр и речевых упражнений. Екатеринбург, 1998.
2. Голиш Л. В. Проектирование и планирование педагогических технологий: учеб.-метод. пособие для тренинга. 3-е изд., испр. Ташкент: ТГЭУ, 2012.
3. Каримова Б. Т. Об использовании графических organizers на уроках. Павлодар: АО «Национальный центр повышения квалификации «Өрлеу» ИПК филиал по Павлодарской области», 2017.
4. Нурманов А. Т. Подготовка студентов к технологии и технике эффективного общения на внеаудиторных занятиях по «Искусству общения». Программа и методические рекомендации. Джизак: Сангзор, 2009.

Н. Г. Чаронова

Методический отдел центра тестирования
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Ш. Р. Машарипова

Хорезмский областной институт переподготовки и повышения квалификации
работников народного образования (г. Ургенч, Узбекистан)

Проблемы подготовки педагогических кадров для школ и вузов Узбекистана

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются такие вопросы, связанные с повышением качества обучения в учреждениях профессионального образования, результаты тестирования учителей русского языка как иностранного, совершенствование подготовки кадров общеобразовательных школ, мотивации профессионального обучения педагогов русского языка как иностранного, профориентационная работа с учащимися старших классов, а также профессионально-значимые качества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : профессиональная мотивация; учебно-профессиональные мотивы; профессиональная подготовка; русский язык как иностранный.

В принятой Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы в сфере образования и подготовки кадров Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев подчеркивал, что перед страной сейчас стоит приоритетная задача соответствовать уровню развитых государств. Это можно реализовать, проводя ускоренные реформы, опираясь на науку, просвещение и инновации. Первостепенной задачей становится необходимость воспитывать кадры новой формации, которые в дальнейшем смогут выступать инициаторами серьезных преобразований. Нами было проведено тестирование учителей русского языка в рамках проекта «Класс!» (Зўр!) в 2021 году на уровень владения русским языком C1 и его результаты таковы: успешно сдали 49 % педагогов от общего числа всех тестируемых в 13 регионах Узбекистана [1]. Следовательно, мы можем говорить, что половина преподавателей от всего числа тестируемых соответствует третьему сертификационному уровню – возможность говорить в быстром темпе, не испытывая затруднений с подбором слов и выражений, эффективно использовать языковые навыки в своей профессиональной и повседневной деятельности [4].

Действующие педагоги русского языка как иностранного в образовательных учреждениях Хорезмской области нуждаются в постоянном повышении квалификации. С целью совершенствования подготовки кадров Республики Узбекистан и повышения охвата населения высшим образованием увеличены квоты по направлениям бакалавриата и магистратуры, открыты заочная и вечерняя формы обучения [7].

К сожалению, практика профориентационной работы в общеобразовательных учреждениях не всегда опирается на современные представления о формировании мотивации к будущей профессии. Например, Н. Г. Чаронова, анализируя мотивацию деятельности сотрудников, обращает внимание на перечень возможных мотивов: мотив, связанный с подражанием идеалу (семейная традиция, романтическая мечта); содержательный аспект деятельности (разнообразие, возможность общения); нравственный мотив, социально-экономический фактор, личностный мотив и возможность их трансформации и динамики в процессе профессионализации [8].

Основным направлением исследования мотивации профессионального обучения педагогов русского языка как иностранного должно быть изучение индивидуально-психологических характеристик студентов вузов, а также возможно исследование изменения мотивации во время обучения в вузе.

Мы согласны с тем, что при подготовке учителей русского языка как иностранного для школ и вузов Узбекистана, профессионально важным является постоянно демонстрировать своим ученикам любовь к русской речи, педагог должен показывать, почему он любит русский язык.

Вербально-коммуникативное взаимодействие с педагогами русского языка как иностранного выявили проблемы, которые существенно снижают качество преподавания русского языка в Узбекистане. Одна из них – это недостаточное количество учебных часов, отводимых на изучение дисциплины «Русский язык» в базовом учебном плане общеобразовательных школ.

Особое внимание должно быть уделено диагностическому инструментарию, так как в настоящее время в работе исследователей, используются методики, не прошедшие адаптацию. Это очень важно, так как получаемые результаты оказывают существенное влияние на принятие решений и разработку адекватных методов в профориентационной работе с учащимися и студентами Узбекистана.

Литература

1. *Александров Г. В.* Промежуточные итоги проекта «Класс!» в 2021 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6rPy0hmeYmk> (дата обращения: 11.05.2021).
2. *Джамалова М. М.* Подготовка педагогических кадров для сельской школы Узбекистана в условиях перехода ко всеобщему среднему образованию: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Ташкент, 1984.
3. *Школа добрых слов.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XArRi3I7ay0> (дата обращения: 11.05.2021).

4. Проект «Класс!» URL: https://www.instagram.com/class_zur (дата обращения: 11.05.2021).

5. Республика Узбекистан. Законы. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг. URL: <https://lex.uz/docs/3107042> (дата обращения: 11.05.2021).

6. Чаронова Н. Г. Мотивация служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы психологического обеспечения в уголовно-исполнительной системе: сб. материалов. М., 2005.

7. Юн С. Модернизация высшего образования в Узбекистане: возможности для российско-узбекского сотрудничества. — URL: <http://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/sergei-iun-modernizatsiia-vysshego-obrazovaniia-v-uzbekistane-vozmozhnosti-dlia-rossiisko-uzbekskogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 11.05.2021).

8. Аксенова Г. И., Самофалова О. В. Проблема развития профессиональной мотивации курсантов-психологов вузов ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1.

И. В. Шугайло

Центр тестирования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Когда практика живет без теории: опыт забывания русского языка

Аннотация. Статья посвящена необходимости изменения методики в практике изучения русского языка на постсоветском пространстве. В связи с реалиями уменьшения русскоязычного населения созрела необходимость введения методики изучения русского языка как иностранного, подготовки иной учебной литературы. Автор пользуется полевыми исследованиями в рамках проекта «Класс» в Узбекистане.

Ключевые слова: РКИ; русский как иностранный; коммуникативная методика; Узбекистан; страноведение; неродной язык.

Современный этап образования на постсоветском пространстве во многом переживает кризис методологических установок в изучении русского языка. Если за годы существования СССР русский язык изучался во всех республиках как неродной, но официальный, то после 1990 года, когда русский язык перестал быть государственным в суверенных государствах, исчезли русскоговорящие граждане, кризис начала испытывать вся система образования.

Практически все учебники, написанные на русском языке, брались и до сих пор берутся за основу национальных учебников. Поскольку многие семьи говорили по-русски и слышали регулярно русскую речь, методика изучения русского языка, относящегося совсем к другой язы-

ковой группе, была такой же, как преподавание русского языка для русских. При таком подходе и при наличии ряда интенсивных методик обучения русскому языку, не возникало проблем у молодых людей ни с общением, ни с обучением в России. С исчезновением большого числа русских, русских программ, русских книг и прессы, число знающих русский язык на высоком уровне постоянно уменьшается. Так как после 90-х готов сильно сократилось количество часов, выделяемых на русский язык и литературу (1–3 часа в неделю), все специальные предметы в национальных школах стали преподаваться на национальных языках, уровень знания русского языка сократился до начального в средних и старших классах.

Конкурирующими иностранными языками становятся английский (на первом месте), французский, немецкий, корейский, китайский. В зависимости от выбора языка количество часов на этот язык в Узбекистане колеблется от 3 до 5 в неделю, что уже несравненно больше, чем выделяется на русский язык. Правда, появилась возможность получать дополнительное языковое образование в частных языковых школах, с репетитором, в телевизионных школах on-line. Несмотря на то, что русский стремительно превращается в иностранный и неродной язык – как следствие приобретения самостоятельности и становления на путь становления самостоятельного государства – методика его преподавания остается прежней. Знания детей, изучающих русский язык, зачастую не отличаются с 5-го по 11-й классы, а выбор изучаемых тем практически повторяется из класса в класс, что не способствует повышению мотивации изучения русского языка. При невозможности за два часа в неделю освоить самый сложный язык, при отсутствии как учебной, так и художественной литературы в продаже, ученик может освоить русский язык только на курсах или видеокурсах в ютубе. На практике, стиль жизни ребенка, например, в узбекском кишлаке, не позволяет это сделать.

При сложившейся ситуации русский язык целесообразно изучать по методике изучения русского языка как иностранного. Необходимо менять учебники и программу, принятые под методику преподавания русского как второго (родного) языка. При этом основным принципом изучения языка остается системное обучение. Оно включает в себя задачи формирования у учащихся речи, изучения русской культуры, а не национальной на русском языке, и ставит перед учителем воспитательные задачи, направленные на формирование межнационального понимания.

Изначально методика обучения русскому языку была преимущественно коммуникативной, так как целью изучения было научить общаться на русском языке и не испытывать коммуникативных неудач.

Поэтому в курсе изучения русского языка и литературы сведения о России подавались в большом объеме. В учебниках русского языка, по которым занимаются на современном этапе, например, в Узбекистане, страноведческий материал распределен в соотношении 80 % к 20 % в пользу национального [2]. При этом материал о современной истории и культуре практически не представлен. Тем самым, нарушаются базовые принципы учебников по изучению иностранного языка, а изучение культуры подменяется изучением родной культуры на русском языке.

Знание психологии народа изучаемого языка, его традиций, обычаев, праздников, национальных героев и особенностей языковых личностей – все это необходимо для того, чтобы стать полноценной языковой личностью, способной войти в ту или иную культуру. Без познания «текстов» иной культуры в подлиннике это невозможно. Назрела необходимость изучать творчество Е. Водолазкина, Э. Лимонова, З. Прилепина, Л. Улицкой, Т. Кибирова, В. Сосноры, О. Чуховцева, С. Генделевского и многих других авторов. Надо отметить, что проблема осмысления постсоветского этапа развития литературы практически не освещена и в русской литературной традиции. Наиболее объемным трудом пока остается книга Д. Быкова [1]. Необходимы и хрестоматии для внеклассного и дополнительного чтения, откуда бы учащиеся могли знакомиться не только с новой лексикой, но и с новыми течениями и тенденциями развития русской литературы. Язык меняется каждые пять лет, а слова и понятия переживают существенную трансформацию, о чем говорят создатели современных словарей [3]. Для познания невербального языка, жестовой культуры, языка тела и распознавания мимики обучающимся необходимо изучение аудио-, фото- и видеоматериалов [4, с. 145–148].

При должном соотношении обязательных текстов (среди них учебные, адаптированные, аутентичные) предпочтение отдается учебным, т. е. упрощенным, преимущественно направленным на решение грамматических задач. При низком уровне знаний учителя и ученика уровень адаптированных текстов остается перманентно на базовом уровне, вследствие чего выпускник школы и даже учитель может рассуждать о серьезных глобальных проблемах на уровне необразованной бабушки, используя клише и отвечая кратко на поставленный вопрос (что доказывает массовое тестирование в Узбекистане на современном этапе). При этом чувствуется, что в языковом багаже учащихся нет текстов, по которым проводятся языковые игры, дискуссии, они не знают проблем, обсуждаемых мировой общественностью, не владеют информацией, цифрами, не умеет грамотно построить монолог, не используют сложных риторических фигур в речи. Аутентич-

ные тексты, которые изначально заимствуются из живой разговорной практики, практически не присутствуют в программах, учебных пособиях и даже материалах конкурсов (автор состоял в жюри двух конкурсов по русской культуре в Бухаре и Узбекистане в апреле 2021 года). Соответственно, трудная речь, жаргонизмы, неологизмы, фразеологизмы – все это остается за пределами языковой подготовки учеников. Раздел аудирования вообще не представлен в ряде имеющихся учебников для среднего образования. Соответственно, начало и окончание курса русского языка на уровне средних специальных заведений даже и не планируется закончить уровнем В1, что требуется для обучения в вузах.

Имеющийся подход, таким образом, не вписывается в современные направления: ни лингвокультурологического подхода, где процесс обучения идет от изучения культуры к языку, ни лингвострановедческого подхода, где процесс направлен от языка к культуре. Изучение культуры предполагает и инновационные технологии в учебном процессе, типа игровых, которые очень продуктивны среди детей младшей и средней школы, для развития мышления и расширения лексического багажа и в старших классах. На этом же этапе полезно проведение мастер-классов, посещение экскурсий и организация театральных представлений, проведения праздников. Организованная проектом «Зум (класс)» в Узбекистане акция «Тотальный диктант» призвана активизировать процессы вовлечения населения в активное изучение языков. Именно игра, действие, а не пассивное чтение с презентаций, дает возможность осваивать язык продуктивно. В средней и старшей школе возможно применение проблемных технологий. Для этого учителя должны создавать хрестоматии и раздаточные материалы, пользуясь современными учебниками РКИ (русского как иностранного), осваивать медиатехнологии, изучать процессы интеграции культур.

Литература

1. *Быков Д.* 100 лекций о русской литературе XX века. М.: Эксмо, 2019.
2. *Новиков Вл.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2019.
3. *Русский язык: учебник для учащихся групп с нерус. яз. обуч. акад. лицеев и проф. колледжей.* 6-е изд. Ташкент: Sharq, 2015.
4. *Шугайло И. В.* Работа с фотографиями на уроках иностранного языка // Научный альманах. Сб. № 1–2 (51). Тамбов, 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

Семнадцатые Виноградовские чтения в Республике Узбекистан

Приветственное слово модератора XVII Виноградовских чтений, профессора Н. М. Миркурбанова	4
Приветственное слово чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Республике Узбекистан О. С. Мальгинова	5
Приветственное слово исполняющего обязанности руководителя Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы Е. Б. Дридзе	6
Приветственное слово первого заместителя директора Московского дома соотечественников, государственного советника Российской Федерации II класса Ю. И. Каплуна	7
Приветственное слово ректора Узбекского государственного университета мировых языков У. Б. Азизова	8
Приветственное слово ректора Денауского института предпринимательства и педагогики Г. Х. Рахимова	9
Приветственное слово ректора Уральского государственного экономического университета Я. П. Силина.....	10
Приветственное слово председателя Русского культурного центра Узбекистана С. А. Миронова	12

Пленарное заседание

Хамраева Е. А. Система новых учебных материалов для Республики Узбекистан: поиск и решения	14
Макарова Е. Н. Возможности международного научно-образовательного сотрудничества в продвижении русского языка и культуры	19
Макшанцева Н. В. Преподавание русского языка в контексте ценностно-смысловой парадигмы.....	22
Степанова Н. С. Русская литература в социокультурной ситуации новейшего времени: реалии и тенденции.....	26
Ильин Н. Д. Русскоязычная литература Узбекистана на современном этапе	32

Секция I

Проблемы современного языкознания.

Баркибаева Р. Р., Кайраткызы Д. Интеграция языковых дисциплин через культурный компонент	37
Баркибаева Р. Р., Кайраткызы Д. Полифоничный мир диалога культур	40
Доронина С. В., Чориев Ж. Г. Нерешенные вопросы русской грамматики: грамматическое согласование в конструкциях с однородными членами.....	43
Гагарина Н. М. Какая это сила – русский язык, или Почему его нужно изучать	48
Джамбинова Н. С., Есенова Т. С. Функционирование глаголов в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова).....	52
Зайнутдинова М. Б. Морфонема и основные понятия морфонологии	55
Зикратов В. В., Zubaydullaev И. А. Типичные ошибки в узбекской аудитории, изучающей русский язык: логопедический подход.....	60
Золотарева Н. В. Современное состояние русского языка (на примере заимствований).....	64
Ивукина Е. С. Языковая политика как политика культурно-языковой толерантности	67
Им С. Б. Структура морфонологической единицы	69
Кулматов Д. С., Чупонов О. О. Методы сравнительного изучения текстов столбцовых листов и посольских книг по связям России с Хивой XVII в.	73
Маджидова Р. У. Аксиологическая окрашенность явлений действительности в сознании носителей языка	76
Матенов Р. Б. Об особенностях отбора языкового материала при обучении русскому языку студентов-юристов	80
Никифорова М. В. О контаминации как способе образования «коронавирусных» неологизмов в русском языке.....	83
Носирова М. О. Экспрессивно-стилистические свойства вставных конструкций в произведении Л. Н. Толстого «Война и мир».....	86
Очилова Х. Ф. Роль языка в организации сотрудничества университетов стран СНГ	90
Первухина И. В. Русский язык и трудовая миграция.....	93
Пирожкова И. С. Языковое обучение иностранных студентов в российском вузе (взгляд студентов УрГЭУ).....	96
Раджобова З. Ч. О рождении некоторых неологизмов за время пандемии в Республике Узбекистан.....	99
Рогозинникова Н. Г. Виды ономастических полисемантов в медийном дискурсе	103
Саъдуллаев Д. С. Актуальные проблемы языковых контактов	106
Скворцова И. А. Меняется мир – меняется русский язык.....	108
Хегай В. М. Медиаобразование как педагогическая технология	112
Узбеков Т. С. «Русский язык» и лингвистическая игра в тюркоязычной аудитории	115

Умиров И. Э. Синонимия парафразов	118
Хайитмуродова М. Ф. Синонимия в пределах простых и сложноподчиненных предложений с различными видами придаточных	122
Холматова Ш. Т. Биполярность оценки человека в антропоцентрических пословицах	126
Чергинская И. А. Словосочетание и простое предложение как средства выражения условных отношений в современном русском языке	129
Халина Н. В. Языковая вселенная Алишера Навои с позиций теории поэтического языка В. В. Виноградова	133
Шереметьева А. Г. Академик В. В. Виноградов как исследователь истории русского литературного языка	138
Шакурбанова Н. Э. Особенности полипредикативных речевых построений женских социальных ролей	140
Хошу Э. Н., Ганиева Н. К., Мухамедназарова И. В. Приемы контаминации и компаративации в творчестве А. Вознесенского	144
Ыскакова А. Т. Семантика и роль антропонимов в формировании культурно-национальной специфики (на материале казахского языка)	149
Юлдашев Ф. К. Средства выразительности языка	153
Эгамбердиева Н. Х. Стилистическая характеристика фразеологических единиц в художественном тексте	157

Секция II

Актуальные вопросы современного литературоведения

Балтабаева А. М. Идентификация жанра повести в русском и узбекском литературоведении	161
Балич Д. А. Интертекстуальная парадигма в ироническом дискурсе повести Артуро Переса-Реверте «Тень орла»	166
Бурханов Э. Р. Семантические трансформации образа дьявола в русской и татарской литературах	170
Гибралтарская О. Н. Работы В. Виноградова в контексте деятельности русской формальной школы	174
Гизатуллина С. Р. К вопросу становления и развития русской сатиры	177
Дадаханов А. Сатирическая повесть Н. Лескова «Заячий ремиз»	180
Екабсонс А. В. Концепт «дом» в ремейк-пьесе Михаила Угарова «Облом Off»	183
Имамова Х. Э. Творчество А. Ф. Писемского как сатирика XIX века	187
Кучинский А. Ю. Произведения Г. Л. Олди как «восточная симфония»: многообразие ориентальных образов	190
Камилова С. Э. Жанровая трансформация современного русского и узбекского рассказа	195
Каминская Е. М. Мифологический код в структуре ранней прозы Ф. Достоевского	200
Лиходзиевский А. С. Традиционные комические фигуры в американском сатирическом романе XX века	203

Локтева Н. М. Роман «Женский портрет» Г. Джеймса: к вопросу раскрытия психологии характера.....	207
Миркурбанов Н. М. Тема памяти в рассказе В. Тена «Прощание»	212
Матенова Ю. У. Современная модификация образа Дон Жуана в пьесе французского писателя и драматурга Э.-Э. Шмитта	215
Низамова М. Н. Творчество Йена Макьюэна в зеркале литературной критики	219
Осипова А. В. К вопросу «условного» авторского начала в художественном тексте.....	223
Орлова Е. А., Родина И. В. Этнографические мотивы в повести Е. Ган «Утбалла»	227
Петрухина Н. М. «Этика отчаяния» Ф. М. Достоевского в прозе XX века ...	231
Скопкарева С. Л. Стиль как автопортрет писателя.....	234
Уралова С. В. Тип «русской леди» в повести «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова.....	238
Хегай О. Ч. Корейский текст в русском культурном пространстве	242
Юлдашева О. Б. Формирование русскоязычной литературы	246

Секция III

Методика преподавания русского языка и литературы

Ахмедова Л. Т. Технология организации внеаудиторной работы по русскому языку и литературе в вузе	249
Ашуров А. А. Информационно-коммуникационные технологии в образовании.....	253
Батырова М. А. Подготовка будущих специалистов на новом этапе развития Узбекистана	257
Бердиева М. А. Использование терминов по специальности в образовательном процессе.....	261
Елькин Д. Ю., Шим Л. В., Львова И. С. Использование инновационных технологий в обучении русскому языку.....	266
Закирова Н. Н., Чиговская-Назарова Я. А. Художественное своеобразие «глазовского цикла В. Г. Короленко	269
Кузнецова И. Н. Проявление глобализации в педагогическом дискурсе.....	274
Калабина А. В. Вторичная языковая личность гражданина Узбекистана, изучающего русский язык для необразовательных целей	281
Кельдыев Т. Т. Молодежный сленг и культура речи.....	285
Лагай Е. А. О некоторых особенностях дистанционного обучения	289
Лабунец Н. В., Эртнер Е. Н. Национально-гастрономические ценности в межкультурной коммуникации: лингвострановедческий подход	292
Магдиева С. С. Теоретические аспекты исследовательской деятельности обучаемых школы.....	296
Мирзаева Э. Т. Роль учебника как средства организации учебного процесса по русскому языку как иностранному в неязыковом вузе	300

Новикова В. В. Специфика концепта «берёза» в русском и узбекском обыденном метаязыковом сознании	303
Петрова А. В. Методика обучения русскому языку как иностранному сту- дентов неязыковых факультетов с применением когнитивных стра- тегий (на примере темы «Путешествие»).....	308
Рахматуллаева Г. М. Из опыта обучения функциональным стилям речи в неязыковом вузе.....	311
Родина И. В. Применение приемов технологии РКМЧП в процессе изуче- ния учебной темы: «Художественные особенности рассказа И. Бу- нина „Темные аллеи“»	315
Соколова О. Л. Вещественные существительные в русском и француз- ском языках: история и современность	318
Софронова И. А. К вопросу о методике преподавания языка и литературы ..	322
Таирова Н., Алматова Н. А. Учебная дискуссия как один из способов раз- вития речи студентов неязыковых вузов на уроках русского языка.....	325
Ураева Э. У., Шим Л. В., Львова И. С. Принципы формирования тество- вой системы оценки уровня знания русского языка и литературы	329
Фёдорова Л. И. Об изучении антонимии в рамках преподавания РКИ.....	332
Чориева Ш. Т., Авазова С. А. Использование графических органайзеров в процессе обучения русскому языку и литературе	337
Чаронова Н. Г., Машарипова Ш. Р. Проблемы подготовки педагогиче- ских кадров для школ и вузов Узбекистана	342
Шугайло И. В. Когда практика живет без теории: опыт забывания русско- го языка	344

Научное издание

XVII ВІНОГРАДОВСКІЕ ЧТЕНІЯ

Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции

(Ташкент, 21 мая 2021 г.)

*Ответственность за оригинальность и достоверность сведений
представленных материалов несут авторы*

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка *М. Ю. Ворониной*

Поз. 41. Подписано в печать 07.07.2021.

Формат 60 × 84/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 20,3. Усл. печ. л. 20,7. Печ. л. 22,3. Заказ 327. Тираж 11 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

